

Золотой
СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Валерий
ПЕРЕДЕШИН

Три Родины

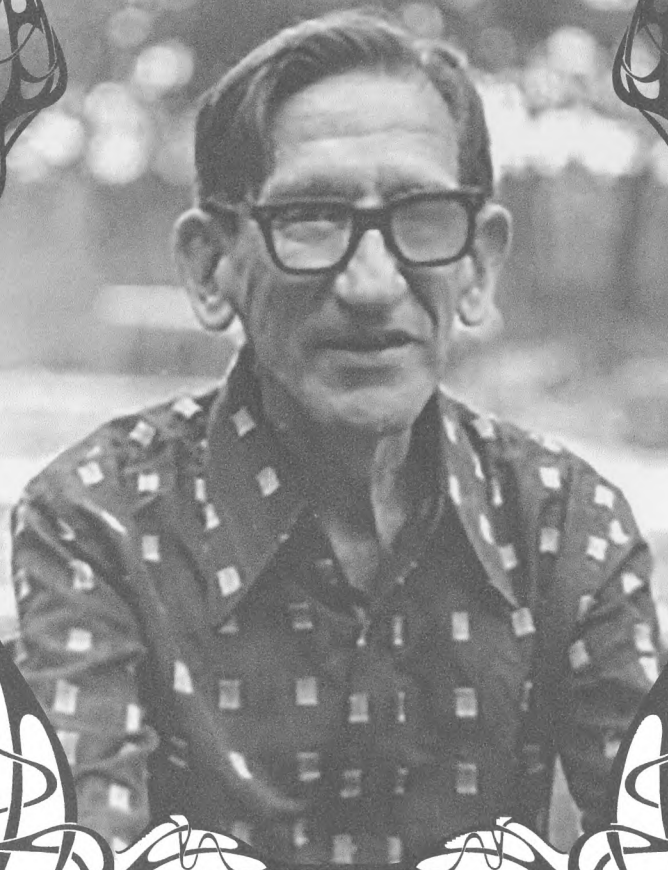

Валерий ПЕРЕДЕШИН

Три Родины

Золотой
СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Собрание сочинений
в трех томах

Золотой
СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Валерий
ПЕРЕДЕШИН

Три Родины

Том I

Престиж Бук
Москва

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Артур Артенян
Евгений Витковский (председатель)
Виктор Кудрявцев
Роман Тименчик
Лев Турчинский

УДК 821.131.1
ББК 84(2Рос=Рус)
П27

Перелешин В.

П27 Три родины: Стихотворения и поэмы. Том 1 – М.: Престиж Бук, 2018. – 608 с. – (Серия «Золотой Серебряный век»).

ISBN 978-5-371-00633-2 (общий)
ISBN 978-5-371-00634-9 (том 1)

Валерий Перелешин (1913, Иркутск – 1992, Рио-де-Жанейро) – псевдоним Валерия Францевича Салатко-Петрище. Увезенный матерью в Харбин в 1920 году, он с 1929 года по конец 1940-х печатался в русских изданиях Китая и Европы, став, наряду с Арсением Несмеловым, крупнейшим русским поэтом русского дальневосточного зарубежья. В 1951 году он выехал в Бразилию, где провел оставшуюся жизнь, продолжая печататься в Европе и Северной Америке; в литературоведении его именуют «лучшим русским поэтом Южного полушария». В 1937–1988 годы им было издано 13 сборников стихотворений, которые и составили данный том. Книга дополнена исследованием проф. Ли Мэн (Чикаго) о китайском периоде его творчества.

Произведения Валерия Перелешина впервые выходят в России книжным изданием, притом практически в полном объеме. Издание снабжено обширным комментарием.

УДК 82.131.1
ББК 84(2Рос=Рус)

© ООО «Престиж Бук», 2018
© Перелешин В., наследники, 2018
ISBN 978-5-371-00633-2 (общий) © Резвый В., составление, комментарии, 2018
ISBN 978-5-371-00634-9 (том 1) © Ли Мэн, статья, 2018

Первое собрание сочинений Валерия Перелешина одновременно является первым отдельным изданием оригинальных произведений поэта на его «первой» родине. Свою основную задачу составитель видел в том, чтобы с максимально возможной полнотой представить главное в творческом наследии Перелешина – поэтические произведения на русском языке, поэтому решено было отказаться от включения в собрание произведений, написанных по-английски и по-португальски, переводов с разных языков (возможно, они будут изданы дополнительным томом), а также статей и писем. В первый том вошли авторские поэтические сборники; завершается том статьей Ли Мэн о китайском периоде творчества Перелешина. Две книги второго тома полностью отведены под стихотворения, не включенные в сборники; в небольшой раздел выделены шуточные стихотворения, посвящения и эпиграммы; том завершается мемуарным очерком Евгения Витковского. В третьем томе будут представлены две малые поэмы, драматическая поэма «Царь Саул», большая автобиографическая «Поэма без предмета» и органично дополняющие ее мемуары «Два полустанка»; том будет сопровождаться очерком Яна Паула Хинрихса о его взаимоотношениях с поэтом.

Владислав Резвый

В ПУТИ
1932–1937
(Харбин, 1937)

Моей матери
Евгении Александровне
Сентяниной

ВЕЧНЫЙ РИМ

I

Хмурые ли шайтаны
 Бросили свой Байкал,
 Трольды ли сняли станы
 С финских гранитных скал?

Или — в дохе медвежьей —
 Вздыбилась, как медведь,
 Волжского побережья
 Темная кереметь?

Нежить метельным бегом
 Рыщет среди полей,
 Злостью плеща и снегом
 В окна пустых церквей.

Вновь прорастают корни
 Вещих дубов, и вновь
 В чаши перунов черных
 Жрец возливает кровь.

О назаретский Плотник,
 Что ж Ты не шлешь своих
 Множество сил бесплотных
 Против пришельцев сих?

II

В эту зиму несли караулы
 Белозубые волчьи полки,
 Да неладные всадники — скулы
 Укрывали под воротники.

О Россия, не имя ли Божье
 Отошло от растленной Москвы,
 Отошло от тебя в бездорожье
 По сугробам полей снеговых?

И бесовским прославили хором
Завыванья ботнических пург
Без Исакиевского собора
Богоборческий Петербург.

III

Третий Рим — изначала невечен:
Только Первый не склонится Рим,
Всемогущею волей отмечен,
Девятнадцать веков нерушим.

И доселе, от века предызбран
Быть хранителем Божьей земли,
Он глядит на излучины Тибра,
На латинские сосны вдали.

И при готах и гуннах и галлах,
И под игом романских секир
Божья милость отсюда дышала
Благодатью на Город и Мир.

И безумных людских океанов
Да утихнет шальная игра
Перед мраморами Ватикана
У подножья престола Петра!

1932–1933

КОМЕДИЯ ЛЮБВИ

Распластавшиеся на небе
Облака сегодня грустят,
Что к венцу королевну-Лебедь
Поведеет мещанин Гульдстад.

Что отныне никто не властен
Опечалить бездны зрачков

И в ее многолетнем счастье
Не появится облаков.

Что по тихим старинным селам
Не летать соколам зарниц,
Скандинавским громам веселым
Не прокатывать колесниц;

Что заботливый бледный ангел
Отведет от нее печаль, —
Что в глаза синеглазой Свангильд
Никогда не заглянет Фальк.

8.II.1933

На перекрестках у витрин,
Где взгляды женщин откровенней,
Призывнее глаза мужчин,
Среди касаний и движений,
Заигрывая, подтолкнуть
Понравившуюся соседку,
Под шляпку зорко заглянуть
И добродушно или едко
Словечко меткое ввернуть.

И не увидеть, проходя,
Что мальчик сумрачный и хилый
Прижался к лестничным перилам
И смотрит, глаз не отводя.

Что еле слышный, словно шорох,
Домой придет он — и тогда,
Еще дрожа от этих взоров,
Полуобъятий, разговоров,
Проплачет долго от стыда.

16.XI.1933

Мы согреваемся огнем
Неутихающей обиды,
Но не показываем вида,
Что не забыли ни о чем, —
Встречаемся по-деловому
И расстаемся с ледяной
Улыбкой то в домах знакомых,
То в сутолоке площадной.
Среди приятельского круга,
Сочувствующего всегда,
Враг про врага (не друг про друга)
Не повествуем никогда,
Разыгрывая безразличность,
И — гордый, выстраданный жест —
На прошлой дружбе ставим крест.

А в то же время — где логичность? —
Самим себе наперерез
Зачитываемся ночами
Я — книгой Ваших повестей,
А Вы — знакомыми стихами
С несносной подписью моей
Внизу...

15.I.1934

Заботы о насущном хлебе —
Печальная земная быль,
И вечный ветер, в вечном небе
Клубящий лессовую пыль,
И замкнутость полусиротства
(Везде — один, всегда — один),
И преждевременных морщин
Невыносимое уродство...

А ты? И ты почти мертва,
 Ушедшая на край планеты:
 изнашиваются слова,
 выветриваются обеты,
 И всё бледнее и бледнее
 Твои черты, и в беге дней
 Другое кажется нужнее,
 Другие кажутся нежней.

И я пишу тебе всё реже,
 И я не верю иногда,
 Что оба мы — одни и те же,
 Сроднившиеся навсегда,
 Что взмахом палочки счастливой
 Всё будет преображено,
 Едва раздастся торопливый
 Знакомый стук в мое окно.

25. I. 1934

Блаженны, кто стареют понемногу,
 Не сетуя и жизни не кляня,
 Кто, собираясь в дальнюю дорогу,
 Ощупают подковы у коня.

Предусмотрительных минует плен,
 Несчастья с осторожными не будет.
 И мудры, кто в предвденьи измен
 Задолго кровь ревнивую остудят.

Тебе же звезды золота не шлют
 И теплыми не шелестят лучами,
 Твою любовь и мирный твой уют
 Ревнивое испепеляет пламя —

И в ночь одну страдание легло
Глубокими и вещими чертами
На дерзновенно-ясное чело.

7.V.1934

СИРЕНЬ

Преображение: пять-шесть
Веселых веточек сирени
Вошли в мой дом, как свет, как пенье
Или евангельская весть.

И кто ясней не улыбнется
Так по-ребячьи, впопыхах,
Жуя счастливого уродца —
Цветочек о пяти лучах?

2.V.1934

ПРОЗРЕНИЕ

Неумолимо распухают веки,
В слезах темнеет и дробится свет.
Не так же ли страдал в минувшем веке
Семидесятилетний старец Фет?
Так радости предшествует томленье.
Корнями в землю так скребется дуб.
Так поцелуй, пока дойдет до губ,
Рождает боль и головокруженье.
Так у ребенка прорастает зуб.
Не так же ли мучительно прозренье?

22.V.1934

Едва поднявшийся с постели,
С ленивой смотришь ты тоской,
Сердясь, что стрелки еле-еле
В зенит восходят часовой.

И — снова ночь. И ты, бессонный,
Что крылорукий нетопырь,
До света прокружишь, влюбленный
В свой миру недоступный мир.

Да, где-то вне своей планеты
Ты в измерениях иных
Блаженно сосчитаешь светы
Звезд полунощных и дневных.

И будет ветер сладковатый
Стихией ангелов — огнем,
И музы яркой и крылатой
Ты шествие увидишь в нем...

А после мудрости и муки
Тем неизбежней упадешь
В дремотные озера скуки
И обывательскую ложь.

20. V. 1934

ЛЕТО

Земля безветренной жарой
Весеннюю простуду лечит,
И солнце, в ступе золотой
Стремящееся ей навстречу,
Висит над самой головой,
Над выжженными облаками,
И тает твердь за их крылами,

Лазурный плавится базальт...
Внизу под теми же лучами
Дымится стоптанный асфальт,
Внизу по площади соборной
Ты — с кожей темной на плечах
И на руках почти что черной,
Под зонтиком огнеупорным
В пунцово-выцветших цветах
Проходишь зорко и задорно,
И нежится в твоих глазах
Июльский зной изнеможенный
И так колышется, плененный
В безостановочных шелках,
И каждое твое движенье
И каждый мимолетный жест
Так помнят о грехопаденьи,
Что даже голуби в смущеньи
Взлетают на соборный крест.

12. VI.1934

В ТЕАТРЕ

Как тянет зрительскую злую
И неприязненную тьму
Ворваться в эту золотую
Блестательную кутерьму,
Чтоб каждый смиренный человек
Дерзал, не будучи собой,
Обнять Офелию за плечи
И мчаться в пляске круговой,
Как демон, плакать над Тамарой,
Хитро перехитрить Кармен,
Волшебною своей гитарой
Ей навязать счастливый плен
Или, ощерясь верной шпагой,
Виновников ее измен
Смутить неслыханной отвагой...

И точно — кажется порой,
 Что два непримиримых міра
 Готовы к встрече колдовской,
 Но — символическая лира,
 Висящая над головой,
 Их разделяет, как секира,
 На мір живой — и неживой.

VII.1934

К ЛЮСЬЕНУ ЛЕТИНУА

У мальчиков смуглей бывает кожа,
 У бронзовых гаменов деревенских,
 А Вы скорей на девушку похожи,
 Печальницу вечерних чаш арденнских,
 Избранницу друидов и теней.

А пальцы рук! И Вы умели ими
 Надавливать на рукоятку плуга —
 Такими вот руками золотыми,
 Достойными восторга и недуга,
 Молитв и слез, проклятий и перстней!

Вы помните колокола Ретеля,
 Учителя, как фавн или силен,
 Косматого? Вы помните, Люсьен,
 Как Вы пред ним смущались и робели
 У ног его — у царственных колен?

Вы помните?.. Но, если не истлели
 Вы до конца, то незачем стараться
 Напоминать: надменно искривятся
 Безусые уста немим презреньем
 К суду людей оглядчивого міра,
 Не знающих, что нечему меняться
 С тех пор, когда божественная лира

Отмучилась рыданиями над Вами
И отошла в торжественность молчанья.

Ведь искорки заразного дыханья
Ловил у Вас и втягивал губами
Священными и грешными — Верлен,
Чтоб из его гортани, будто горном
Раздутое, оно гремело — Ваше
Предсмертное — глухим обвалом горным,
А догремев, и Вам звенело краше,
Победнее и чистой, и греховной
Земной любви, как ветер баснословный
Среди листвы задумчивых Арденн.

4.IX.1934

МЕД

Пчелой трудолюбивой,
Рабочею пчелой
Летай негорделиво
Над жизненной межой.

С тычинки своей пылинку,
Припрячь листок с лозы,
Из вороха — соринку,
Солинку — из слезы.

Запрятывай, как в соты,
В большую грудь свою
Земные все заботы,
Любовь земную всю.

Для дней неурожая
— Настанет их черед —
Копи, не уставая,
Копи прозрачный мед.

Не для худого тельца,
 Не для досужих зим:
 Для бедного пришельца
 Твой улей полон им.

Чтоб путник запыленный
 (Не олимпиец ли?)
 В амфоре узкодонной
 Унес его с земли.

16.XII.1934

ПЕРВЫЙ ЛЮБОВНИК

О эти млеющие взоры,
 О эти в зрительской тени
 Подслушанные разговоры,
 Когда потушены огни!

На авансцене — черно-синий
 Твой властвует широкий плащ;
 Как на закланье, героиня
 Выходит из кулисных чаш.

В сумбурности и дерзких блестках
 Диалогических красот
 На разукрашенных подмостках
 Несбыточная жизнь цветет.

А ниже — ровными рядами
 Мерцают дамы в полутьме
 И пьют влюбленными глазами
 Блистательного jeune-premier.

И ты уже готов ответно
 Одной из них мигнуть тайком,
 Взмахнуть рукой... Но тщетно, тщетно:
 Недаром левым уголком

Трепещет занавес, ревнуя:
Из-за мистических кулис
К тебе прикованы вплотную
Глаза трагических актрис!

VII.1934

Под шляпы — от света,
В подушки — от шума,
От ветра и ночи —
Под воротники.

Уходим, как в Лету,
Уходим угрюмо,
Чудим и бормочем
И пишем стихи.

1.XI.1934

СЕРДЦА

На поле битвенном, как два бойца,
Встречаются неравные сердца.

Через края одно из них бурлит,
Другое голубем к нему летит.

Но, отвергаемое вновь и вновь,
На снег по капле источает кровь,

Последней кровью обжигает прах, —
Как свечи бледные в дневных лучах.

О, алый голубь мой, распластан ты
Близ полнокровной этой тесноты:

До краю полная, она бурлит
И не раскроется, не приютит

Тебя в чудеснейший на свете плен
Аорты душевной и багряных вен.

8. VIII.1935

ГАЛЛИПОЛИЙЦЫ

По трапу медленно всходили,
Последний завершая путь,
И горсточку заветной пыли
Украдкой прятали на грудь.

Ни пестрых бантиков в петлицах,
Ни белизны прощальных роз.
Ведь те, кто плачут на границах, —
Те плачут кровью вместо слез.

Платочки не благоухают
Провинциальным цветником,
Такие слезы вытирают
Армейским грязным рукавом

И, отвернувшись без оглядки
И обратясь лицом на юг,
Галлиполийской лихорадки
Дыханье ощущают вдруг.

С тех пор сердца бесславно тлеют
По всем краям чужой земли,
С тех пор униженно дряхлеют
В Бизерте наши корабли.

С тех пор натуги и усилья
И жалкие цветы наград,

А мы, как мельничные крылья,
Всё возвращаемся назад —

К далеким дням борьбы и страха,
И слышим дым пороховой,
Склонясь над горсточкою праха
Уже седою головой.

24. III. 1935

САНДРИЛЬОНА

Е. А. Генкель

Каждый раз стгоряча
И отчаиваясь напоследок,
Примеряет твой принц
Льстивым девушкам твой башмачок.

Но враждою ткачих,
Ворожкой поварих и соседок
Вся ты обнесена,
Как стеной из могильных досок.

Ты поешь и грустишь,
Золотая моя Сандрильона,
Выгребая золу
И золой обжигаясь опять.

Ты тайком от сестер
Польхаетшь тряпьем запыленным,
На щербатом полу
Воскрешая паркетную гладь.

Хоть кукушка кричит,
Умолкая на сроке недалнем,
Погибающий пусть
Из последних надеется сил.

Неудачливый принц,
 Башмачком наигравшись хрустальным,
 Хрупкий твой башмачок
 О паркетное море разбил.

28. VIII. 1935

Мудрею. Старею. И даже во сне не летаю,
 А тихо, на ощупь, вперед пробираюсь впотьмах.
 Мечтаю всё реже. Но если и вправду мечтаю,
 То больше уже не об ангелах и кораблях.

Мечтаю, но больше уже не о счастье и чуде:
 У девушек, знаю, не вырастут крылья сирен.
 Но как вы мне дороги, милые, грязные люди
 С наивною преданностью и печалью измен!

Не надо ни счастья, ни славы, ни феи чудесной,
 Найти — не найдешь, только крылья себе опалишь.
 Прошу не любви — только дружбы прохладной
 и пресной
 Да, может быть, радости — маленькой
 радости лишь.

Глаза закрываю и вижу сквозь темные веки,
 Как чудо — не чудо, как солнце — не солнце встает,
 Как в новом, почти незнакомом еще человеке
 Ответное сердце навстречу растет и растет.

25. II. 1935

Ars Longa*

Брезгливая отдернется рука,
Когда, уют нарушив паутинный,
Ты в хронике невозмутимо-чинной
На книжного наткнешься червяка.

Как будто бы намек издалека,
Поймешь и ты, что, верно, век свой длинный
Ты проведешь над мудростью старинной,
Запрятанной в минувшие века.

Поникнешь ты в раздумьи, неподвижный,
И вновь червяк за свой возьмется труд,
Отложенный на несколько минут.

Без гордости, о завсегда-тай книжный,
Взгляни в глаза смешной своей судьбе:
Столетия довольно ли тебе?

30.XI.1935

Живешь среди страны чернильной,
Записок, выписок из книг
И дышишь летописью пыльной
Забывших лавров и квадриг.

Ты в этот мир бежишь от мира
Суровых стихотворных нег,
Так от прохладного зефира
Подснежник кутается в снег —

Чтоб вдруг из-под снегов латыни,
Подтаивающих весной,

* Искусство вечно (лат.).

Вдохнуть внезапно воздух синий,
Веселый, легкий и сквозной.

Чтоб после двух ночей бессонных
Среди тысячетлетних строк —
Вдруг разглядеть вверху бездонный
Сквозной и синий потолок...

И грудь ты открываешь жадно
Ритмическим ветрам родным,
Ветрам веселым и отрадным,
Парнасским бурям ледяным.

И мнится: ямбом пятистопным
Гремит военная труба,
Анапестом нерасторопным
Вдоль окон тащится арба...

20. V.1935

СТРЕКОЗЫ

Склонясь к широкоплечей даме,
В эстраду пальцем ткнет толстяк,
Эстрада изойдет огнями,
Насторожится полумрак.

И, в море раздробясь паркетном,
В зрачках и винном хрустале,
Взойдут над миром кабарежным
Стрекозы, верные земле.

И, взвешивая тельца эти —
Сквозь винное стекло подчас, —
Раскинет гибельные сети
Голодный мир зеркал и глаз.

Но вот в сияньи лиловатом
Внезапно опадут крыла,
Займутся стройным акробатом
Зрачки, хрусталь и зеркала.

И для плясуний миг свершенья
Наступит: весь цветник живой
Слетит покорно с возвышенья
В зал пристальный и роковой.

А к утру, сглатывая слезы, —
Того ли каждая ждала? —
Все легкокрылые стрекозы
Сломают легкие крыла.

И день, поднявшийся без спроса,
Застигнет в верхних этажах
Печаль поверженных причесок
И стертой краски на губах.

18.X.1935

РОК

Всё рассчитано, взвешено, сжато:
Неусыпно тебя берегут
Календарные верные даты,
Расписанья часов и минут.

Пароходиком, втиснутым в шлюзы,
Ты вдоль жизни судьбою несом,
Но под голос то ветра, то музыки
Ты тоскуешь совсем об ином.

Ах, ты жаждешь концы перепутать,
Обмануть календарную власть,
Отступить, ошибиться в минутах,
Опоздать, оступиться, упасть.

Чтоб тотчас же совсем по-иному
Закружил в опрокинутый век
На планете, еще не знакомой,
Не знакомый себе человек.

Нет, забудь об обрывах и скалах!
Ведь уж издавна так повелось:
У таких безупречных вожатых
Не летят поезда под откос.

Грохотал ли ты, выл ли под голос
Обезумевших выюг или муз,
Изнывала душа иль боролась —
Всё равно, запирается шлюз.

Исходи же бессмысленным плачем:
Все мы движемся, как поезда,
И ни с кем не бывало иначе
И не будет ни с кем никогда.

Прошагаешь и ты, как бывало,
В ту страну, где поглотят твой век
Малолюдные белые залы
Академий и библиотек,

Где холодные мертвые славы,
Расселившись в просторных углах,
Добродетельно и величаво
В металлических стынут венках.

Ах, от мысли, что всё неуклонно —
Мы как пленники, мир как тюрьма, —
Короли оставляли короны
И Кассандра сходила с ума!

31.X.1935

НОЧНОЕ

Ты Сам же мне поведал, Боже,
Что не для всех Твой путь открыт,
Что всё вместить не всякий может
И лишь могущий да вместит.

Так не зови же к невозможным
Пределам: Твой неверный раб
Привержен к мудрствованиям ложным,
Бессилен телом, духом слаб.

И для того ль, подобно узам,
Ты на него низринул Сам
Мучительную нежность к музам
И запыленным письмам?

Пускай же он со дна колодца
Не видит света Твоего,
Пускай живет он, как живется
Счастливым сверстникам его.

Пускай его среди бессонниц
Волнуют только страсть и грусть,
Призывы же церквей и звонниц
Его не искушают пусть.

Позволь, позволь ему в любовном
Жару изникнуть — и опять
Неутоленным, полнокровным
И нерастраченным восстать!

Ей, Боже, к терниям и чаше
Сих нерадивых не зови:
Пускай они шумят и пляшут
И сонно бредят о любви.

Но нет: затем ли столько знаков
И столько знамений в судьбе
Моей, чтоб ночью, как Иаков,
Я воспротивился Тебе?

Нет! Стань же эта ночь залогом
И будь свидетелем рассвет,
Что блудный сын, боримый Богом,
Приемлет ангельский обет.

14.XI.1936

АРАХНЕЯ

Рабочий день прерви на миг,
Вина отведай или хлеба!
Но нет: затем ли послан с неба
Напоминая крестовик?

Нам осенью, поверь, не внове
На раме видеть паука;
Пусть полотно твоя рука
Погладит, полная любви.

О, как ты ткешь его хитро!
Челнок твой — словно змей крылатый!
Как щедро скупщик бородатый
Тебе отвесит серебро.

И ты мечтаешь. Ждут полотна,
Но ты не чуда ль ждешь сама,
Не славу ль видишь сквозь дома
И веки, сомкнутые плотно?

Ткачиха, грезить перестань!
Но правда, как бы золотело
Египтянки веселой тело,
В твою разубранное ткань!

Так берегись богини гневной:
Смутили светлое чело
Твое земное ремесло
И вдохновенный труд вседневный.

О Арахнея, как хрупка
Земная радость, сон летучий
Или непрочный холст паучий,
Бессонный труд крестовика!

И вот ты гибнешь, Арахнея,
Ты погибаешь, как поэт,
Рассудок твой впадает в бред,
В паучьем теле жить не смея.

21.IX.1936

СОБЛАЗН

Ты внемлешь голосу: «Восстанови
Минувший лад двоящегося духа!
Доверься солнцу, покорись любви,
Не отвращай от сладких песен слуха.

Ужель тебе еще не тяжело
Клясть этот мир, как гибельную небыль,
Клясть эту плоть, как демонское зло,
И хмуρο отворачиваться к небу?

Взгляни, благослови и замолчи,
Склонись к земле доверчиво и смело;
Коснись: как эти губы горячи
И как нежно возлюбленное тело».

Но ты стоишь, рассеян и утрюм,
И поражаешь древним заклинаньем
Сей темный голос, первозданный шум,
Непобежденной плоти волхованье.

Возлюбленной ты скажешь: Отойди! —
 Она уйдет, но кто не отгадает,
 Что сердца нет в пустой твоей груди,
 Что пепел в ней могильный дотлевет?

И кто, скажи, не узрит в этот миг,
 Что сумрака ты данник, а не света,
 Что, юноша, ты страшен, как старик,
 Уже не раз дышавший пеной Леты?

16.VIII.1936

Дайрен

РАССВЕТ

Ночь становилась всё слабей,
 Изнемогая от бессилья,
 И хлопали вдогонку ей
 Уже проснувшиеся крылья.

Так дневный и ночной язык —
 Безмолвие и птичьи крики —
 Встречались на короткий миг
 В час предрассветный и двуликий.

Обманное звено плелось:
 Срастись мучительно хотело
 То, что еще не родилось,
 С тем, что еще не перетлело.

Мы скоро поняли, что нет
 Меж нас и этой цепи ложной,
 Затем что призрачный рассвет
 Сковал нас дружбой невозможной.

Затем что этот час был глух,
Как безучастное пространство,
Как тот, при ком я бредил вслух
О сладких узах постоянства.

8.III.1936

РАЗГОВОР

— «Прекрасная, где Вы, там гаснет Время:
Не потому ль, почти ребенок, я
Уже могу принять на сердце бремя
Недетского восторга и огня?»

— «Итак, я хороша была когда-то,
И мне не лгут поклонники мои?
Но не у дядюшки ли вы аббата
Учились красноречию любви?»

— «Нет, дядюшка весь в требнике истертом
И Цицероне, — разве сладишь с ним?
За жаром сердца я спускаюсь к мертвым,
Чтоб женщинам дарить его живым».

— «За дерзость нынче дядя вас накажет,
Хоть вы достойны всяческих наград».
Нинон смеется, — ах, она всё та же,
Как десять лет, как двадцать лет назад.

А в кресле вычурном, в сутане серой
Священник улыбается светло
На этот щебет отрока Вольтера
У ног стареющей Нинон Ланкло.

29.IX.1936

«ЗАЩИТА ЛУЖИНА»

С каждым днем тебя всё туже, туже
 Обступают битые поля,
 Но еще ты борешься, как Лужин,
 Белого спасая короля.

Пусть еще роскошествует лето
 И цветут пленительные сны, —
 Но тебя к диагонали Леты
 Оттесняют черные слоны.

Голубое защитит ли платье?
 Ах, едва ль! Всё ближе дно реки:
 Нынче не язвительный Турати
 Тесные подстроил тупики, —

Разве у него в резерве старость
 И усталость, чтоб не помогли
 Ни любовь, ни запоздалый парус
 Преданной и гибнущей ладьи?

Пешки облепили, как пиявки,
 Как шмели, коню язвят бока,
 И последние сметает ставки
 Вражья ненасытная рука.

Женщина с ладьей утонут вместе,
 И тогда, в отместку и назло,
 Наверху, над улицей предместья
 Зазвенит разбитое стекло.

4. VIII.1936
 Дайрен

ЭЛЕГИЯ

Ветер торопит на юг; высыхают прощальные слезы,
Миг — и подымет матрос якорь тяжелый со дна.
Снятся уже парусам золотые морские просторы,
Волны уже о корму пенные чешут хребты.
Будешь ты слушать теперь nereид
и веселых тритонов,
Будешь следить, как вдали тонет в волнах Фаэтон.
Кто же, о, кто же другой повторит вас,
античные ритмы,
Снежным седым небесам милой суровой страны?

11.1.1936

ИЗБРАНИЕ

Последний раз нечитанным уснет
Старинный том о подвигах Франциска
Ассизского: святой Охотник близко,
Не избежишь и ты его тенет!

Забудет паж весенней крови гнет,
В печи сгорит любовная записка,
Оттолкнута, проплачет одалиска,
Ненужная три ночи напролет.

И между снов рукой благоуханной
К тебе Ловец протянет крест нежданный,
Чтоб кипарис, вонзившись острием,

Застрял в ребре надломленном твоём
И чтобы ты, святого пленник новый,
С улыбкою надел венец терновый.

9.1.1936

НАСТАВЛЕНИЕ

Это начало, поверь мне! Если
 Нежные руки — пара рук
 Снилась тебе, то еще чудесней
 Станут соблазны твои, мой друг!

Черные, мы побеждаем время,
 Смиренные, вечность узрим мы;
 Мальчик, расстанься же с ними — с теми,
 Кто посещает тебя из тьмы.

С торной дороги без размышленья
 Прочь — и узкой взыщи межи,
 Затем что любовь — начало тленья,
 И голос плоти — голос лжи.

Наша торжественная стая
 Дружно помолится за тебя,
 Чтобы не пала душа простая
 И целомудренная твоя.

Так от земной во имя небесной
 Любви мы станем тебя беречь
 В этой лазурности бестелесной,
 С детской немужественностью плеч.

Да, но какие еще виденья,
 Какие зовы! Узнаешь ты
 Сладостнейшие прикосновенья
 Чьи-то и вздохи из темноты.

И если — мы ведь помним и сами
 Тяжесть в беснующейся крови —
 И ты темнеющими глазами
 Помолишься женщине о любви, —

Горе тебе тогда! Вовеки
Будет огонь и только огонь,
И будет жечь глаза сквозь веки
Когда-то приснившаяся ладонь!

31.X.1936

У СЛУЧАЙНОГО БЕРЕГА

Мы тихой нежностью окружены,
Над нами Синих Птиц кружится стая,
Но всё нас мучат путанные сны,
Посланники несбыточного рая.

И вот среди волшебного кольца
За голосами чуждыми мы рвемся;
От нежного, любимого лица,
Настанет день, мы сухо отвернемся.

Не перечтем излюбленных страниц
И лютью простодушную не тронем;
Своих неспрадных, неярких птиц
Когда-нибудь, безумные, прогоним.

Тотчас, разрушив счастья сонный плен,
Мы бросимся в круговорот блужданий
Для многих отвращений и измен
И мужественных разочарований.

Но где-нибудь, за тридевять земель,
Настигнутые пресыщением ранним,
На полдороге мы разлюбим цель
И к берегу случайному пристанем.

Ах, кто тогда не вспомнит древний дом,
Где некогда возрастали наши крылья?
Кто не заплачет, не вздохнет тайком
О сладком и доверчивом бессильи?

И кто не вспомнит увлажненных глаз
 И рук, которые благословляли
 И, нежные, оплакивали нас,
 Уже дышавших свежим ветром далей?

20.VIII.1936

Дайрен

Ты совсем как на сцене, когда подступает развязка
 И поспешно смолкают и кашель, и шепот в райке,
 И приходит она, театральная хрупкая маска,
 Обнаженное сердце разыгрывать на сквозняке.

Ты права, ты права! Этот молод, и чист, и достоин
 Быть навеки твоим: на земле, на звезде и в аду.
 Так зачем же другой остается и груб и спокоен
 И лениво бросает вослед: «Я тебя подожду»?

Нет, ведь он не дождется? Любовь не восстанет
из пепла,

А тебя опьянит эта юная буря, как хмель.
 Ты права, ты права! Ты уходишь, ты волей окрепла,
 Ты назад не пойдешь безлюбовно качать колыбель.

Да, но всё же ты вспомнишь во время желанной
разлуки

Неприветливый дом, где ты плакала вдруг, ни с чего;
 Ты, наверное, вспомнишь и чьи-то могучие руки,
 И мужскую беспомощность, и безутешность его.

Ты припомнила всё, так пускай же ласкавший
бесплотно

И любивший в тебе только сны золотые свои
 Благодушно страдает, поет и грустит беззаботно
 И лелеет в глуши нерасцветшую розу любви.

15.II.1936

Говоришь им, лишенным слуха
И не видящим ничего,
О торжественном царстве духа,
О нетленном свете его.

Сокрушаясь о мире праздном,
Указуешь им горний дом,
Называешь счастье соблазном
И большое горе — грехом.

Но никто без любви не будет,
И каждый найдет ее,
И на счастье каждый осудит
И на муку сердце свое.

15.IV.1936

СОВЕРШЕНСТВО

На крыльях наших возмужалых,
Уверенные, мы летим
Среди миров, горошин малых,
Одни под шаром золотым.

С земли, где так по-детски лгали
Беспомощные зовы лир
И бедные земные дали,
Каким казался тайным мир!

Зато теперь сквозь тонкий ветер
Всё стало видимым для нас:
Исчислил всё, что есть на свете,
Орлиный равнодушный глаз.

Одни пространства голубые,
Огромный коридор пустой,

Да нашей мудрости стихия,
Да солнца берег золотой!

Здесь царство разума и смысла,
Но кто взойдет в него — вперед
Дэдаловы проверит числа
И повторит его полет.

Медлительное совершенство!
Но не отрадней ли всего
Нам это мудрое блаженство,
Рассчитанное торжество?

Здесь и сердца поют иначе,
Чем древле пели на земле,
Здесь музы строгие не плачут
Ни об изменах, ни о зле.

Здесь мы гордимся и не верим,
Что силой жребиев земных
Ты горьким обречен потерям,
Титан на крыльях восковых!

Растают крылья — и мгновенно
Ты, жалкий, упадешь домой,
Во мрак бессмысленно-блаженной
И лживой музыки земной.

Она захватит и низринет,
Она подымет и качнет,
Закружит голову — и кинет
В ритмический водоворот.

Рассудок, якорь твой воспетый,
Колебля, волны оборвут,
И звуки Хаоса и Леты
Твои уста произнесут.

29.XII.1936

ВЕЩИ

О, ежедневное: «Как в мире пусто!»
И вот, судьбе
Назло, торжественно сияет люстра
Самой себе.

Запрятавшись в углы, немые вещи
Трусливо ждут,
Следя, как в тишине, уже зловещей,
Часы идут.

Один револьвер на ковре мохнатом, —
Он друг, не вор.
Он взглянет вновь кому-нибудь, как брату,
В глаза, в упор.

«Она прочтет и всё равно не вспомнит», —
Да, это так.
Ну, что ж, мой друг, из одиноких комнат
Лети во мрак!

Когда ж тебя настигнут из передней
Возня и стук,
Твое да примет сердце груз последний
Скращенных рук.

19.IV.1936

ПЕРЕД ЛЮБОВЬЮ

О, для чего ты так улыбнулась, —
Разве улыбок нет других?
Слабое сердце еще не проснулось,
Милая, спящего побереги!

Милая, пусть никогда друг другу
Мы не протянем зовущих рук,

Только бы в эту не падать вьюгу,
В это безумье, мой грозный друг!

Ты не забыла, что много в ночи
Сломано было прекрасных крыл?
Слышишь, как женщины хохочут,
Бредят о том, кто изменил?

Вслушайся, друг мой: на скалах снежных,
Где застывают слезы в лед,
Столько безумцев, жадных и нежных,
Губы обманчивые клянет!

Не улыбайся же так! Да станет
В синих зрачках у тебя темно!
Нет, несговорчивыми устами
Ты улыбаешься: всё равно.

Страшно мне, страшно! Ты снегом веешь,
О, не зови меня, не зови...
Нет, ты ведь тоже щадить не смеешь,
Пленница требовательной любви!

3.VII.1936

У ПОРОГА

Лирный напев забыт —
Ныне на зов иной
Сердце твое спешит:
Сердцу пора домой.

Пусть же в пылу любви
Столько других сердец
Молит: «Останови
Свой перелет, беглец!»

Всё ж ты уходишь, друг,
Прочь от венков и роз,
Между простертых рук,
Мимо предсмертных слез.

Ты говоришь: «Нигде
В мире не отдохну,
Только в святом труде,
В том восковом плену.

В годы, когда я пел
И ликовал в грехах,
Там обо мне скорбел
В келье своей монах.

И когда по меже
Худшего зла я шел,
Ждали меня уже
В улье печальных пчел».

Ну, так входи, входи:
Здесь, прилетев домой,
Сердце умрет в груди
И оживет — пчелой!

13.X.1936

ГЕКЗАМЕТРЫ

Вот ты легла на скале, наклонившейся
к самому морю,
Дикую песню без слов напеваешь,
как ветер, который,
Вдруг настигая волну, похищает летучую пену
И устремляет ее на твои обнаженные ноги.
Как ты похожа сейчас на большую
приморскую птицу!

Я же, укрывшись за выступ щербатого
влажного камня,
 Долго смотрю на прекрасное смуглое тело и эти
 Тысячелетние скалы и тысячелетнее море,
 Всё нарастает прибой и всё выше
взвиваются брызги:
 Скоро подымешься ты и, соленой омытая пеной,
 Мимо меня, не взглянув, удалишься,
богине подобна.

23. VIII. 1936

Пляж Фукэшо близ Дайрена

НЕЗАБУДКА

Ты любишь клятвы, милый друг,
 Ты вновь твердишь о постоянстве
 Хотя б ценою крестных мук,
 Сквозь гул вражды и рокот странствий.

Что ж... ты клялась простить грехи, —
 Прости ж и маленькую шутку:
 Я напишу тебе стихи
 И нарисую незабудку.

Пусть миозотисом зовут
 Ее поэты-иноверцы, —
 Она смиренна, как уют,
 Как долго помнящее сердце.

Когда ж любви порвется сеть,
 Что сами мы порвать не можем,
 Как часто будешь ты смотреть
 Вслед оглянувшимся прохожим;

Ах, как ты долго будешь ждать
 Меня назад, а временами

Как горько будешь ты роптать
На небо, что играет нами!

Но время, полное измен,
Летит неуловимой серной,
И ты забудешь давний плен
И станешь ясной и неверной.

Я тоже, — якоря с собой
Не надо мне, как Одиссею:
Я посмеялся бы с другой
Над бедной верностью твоею!

Так не клянись же мне в пустом;
Ведь ты не станешь вероломней,
Найдя девический альбом
И вовсе ничего не вспомя.

И тщетно будет пред тобой,
Глядящей в прошлое нечутко,
Цвесь миозотис голубой —
Голубенькая незабудка!

12. I. 1937

ИНОКУ

О, нет, ты не станешь в напрасном
Раскаяньи плакать потом —
О времени плакать прекрасном,
Об имени плакать мирском;

Но будешь ты, в ладанном дыме
Являясь, как сквозь облака,
Любить нарочитое имя,
Дарованное свысока.

Затем, что под звон колокольный
 Не стала ль душа голубой?
 Иль золушкой богомольной,
 Веселой рабочей пчелой?

И ныне — как жизнь величава! —
 К твоим не придут воротам
 Ни счастье, ни гулкая слава,
 Уже нежеланные там.

Но так же ль запрету послушны
 Те губы, что лгать не могли,
 Что вежливо и равнодушно
 Твой приговор произнесли?

2.III.1937

ОТПОВЕДЬ

Итак, Вам жаль, что я не стал вполне,
 Как верный пес, счастливым в будке тесной,
 Откуда вместо неба были б мне
 То ласки рук, то голос Ваш чудесный?

Нет, мне не жить без муз и без письмен;
 За милый рай полуденной природы,
 За ваш пленительнейший в мире плен
 Я не отдам страдальческой свободы.

Мой путь тернист, и тесные врата
 В конце его; но муза всё же рада,
 Что с нами ангельская красота
 Молитвенного эллинского лада,

Что издавна обоим дорога...
 И вот — залог блаженного союза —
 Поет псалом, по-новому строга,
 Еще вчера языческая муза.

6.VI.1937

НА СКЛОНЕ

Нам далеко еще до седины,
Но нет уже недумающей веры:
Холодные, бредем, как кондотьеры:
И стяги все, и правды нам равны.

Не снятся нам пророческие сны,
А призраки безобразны и серы,
И в пропасти, где нет ни дна, ни меры,
Не спустятся посланцы вышины!

Не потому ль, таясь по кабинетам,
Под бременем тяжеловесных книг,
Как тайные носители вериг,

Мы рвемся в плен к раздумчивым сонетам,
Моля у муз, как нищие рабы,
В займы то флейт и бубнов, то трубы?

23. VI. 1937

ДОБРЫЙ УЛЕЙ

Вторая книга стихотворений
(Харбин, 1939)

МЫ

Нас миллионы — вездесущих,
Бездомных всюду и везде,
То изнывающих, то ждущих,
То приучившихся к беде.
Земные ветхие границы
Мы исподволь пересекли;
Мы прежние свои столицы
В столицу мира отнесли.

Во всех республиках и царствах,
В чужие вторгшись города,
Мы — государство в государствах,
Сплотившееся навсегда.
Разбросанные по чужбинам,
Встречаемые здесь и там,
По всем краям и украинам,
По широтам и долготам,
Все звезды повидав чужие
И этих звезд не возлюбя, —
Мы обрели тебя, Россия,
Мы обрели самих себя!

На мерзлых полюсах планеты,
Под тропиками там и тут
Какие к нам слетают светлы,
Какие яблони цветут?
Не мы ли — белый мозг арийства —
За белизну и красоту
Терпели голод, и убийства,
И ненависть, и клевету?

Мы стали русскими впервые
(О, если бы скостить века!),
На звезды поглядев чужие,
На неродные облака.
И вот, на древние разброды,

На все разлады несмотря,
Мы знаем — русского восхода
Лишь занимается заря.

Пусть мы бедны и несчастливы
И выбиваемся едва,
Но мы выносливы и живы,
И в нашем образе жива —
Пусть звезды холодны чужие —
Отрубленная голова
Неумирающей России.

10.II.1934

Не плакать о сердце своем,
Не плакать о горе чужом,
И над неприкрытыми ранами,
И даже над целыми странами,
Что гибнут во зле мировом, —
Не плакать уже ни о чем.

1.IV.1935

ДВОЙНИК

Я римлянин, и мой отчетлив шаг,
А ты норманн, мечтаешь о Валгалле,
Но каждому мерещилось едва ли,
Что не врагом навстречу выйдет враг.

И кто судил, румяный мой варяг,
Чтоб люди нас за братьев принимали
И чтоб очей твоих морские дали
Ласкали глаз моих стигийский мрак?

Я, изменив громам латыни трубным,
Слух уступил беснующимся бубнам,
Твои гудки и флейты возлюбя.

Речь севера теперь звенит латынью,
И темные глаза сияют синью,
Когда гляжусь, как в зеркало, в тебя!

30.I.1936

ПРОЩАНИЕ С МУЗОЙ

Владеет мной не демон своеволий,
Не Асмодей, не баснословный змий:
Бесам ли замирать от сладкой боли
Под рокот византийских литургий?

Итак, не плачь, обманутая муза,
Язычица прекрасная моя,
Что для иного, горнего союза
Тебе впервые изменяю я.

Ты хочешь следовать за мной — служанкой,
Не повелительницей, не сестрой?
Тебя за мной не пустят, чужестранку
В плаще и с непокрытой головой.

Итак, вздохнем о нерожденной книге
И распростимся у парнасских чащ,
Чтоб одному носить свои вериги,
Другой же — древний простодушный плащ.

Не плачь же! Если снова нрав лукавый
Тебя сведет со мной — на краткий миг,
Быть может, вновь земной забредит славой
Великолепный ангельский язык.

Конец мая 1937

БЕССМЕРТИЕ

Ты помнишь, как случилось это:
Замедленно вздохнула грудь,
И вдруг застыла, перегрета,
Неусыпающая ртуть.

Еще ты помнишь вихорь темный,
Когда, утратив счет и вес,
Ты разом выпал в мир огромный
Фламарионовых чудес.

Над мертвым молится игумен,
Покой и жизнь сулит ему,
Но только мне премудрый Lumen
Раскроет тайну одному.

Ты оживешь свечой трехглавой
На черных скалах, в теплой мгле,
Уже без сладостной отравы
Страстей, забытых на земле.

Там будут существа другие
Дышать и видеть сны вокруг —
Не о душе, не о России,
Не о любви земных подруг.

Нет, где-нибудь на Орионе
Вновь возвращенный бытию,
Ты в густолиственной короне
Узнаешь голову свою.

Ах, знаю: благосклонным древом
Среди безветренных полей
Там будешь ты к деревьям-девам
Тянуться дланями ветвей.

Но, может быть, вдогонку свету
 Склоня вечерние цветы,
 Ты вспомнишь бедную планету,
 Где человеком плакал ты.

19. IX. 1937

ДВЕ РУКИ

Твоя десница — мудрая рука —
 Любимых книг еще не разлюбила
 И так же правит сердцем музыки милой,
 Торжественна, надменна и легка.

Она еще в объятии не слабеет,
 Она еще любовью не сыта,
 И осязаемая красота
 Ее томить и радовать умеет.

А для пожатий дружеских она
 По-старому надежна и сильна.

Но кто ж захлопывает переплеты,
 Хранилища великолепной лжи?
 Чьи тайные враждебные заботы
 Тебя влекут на узкие межи?

Кто гасит, мрамор расколов иль глину,
 Накопленный для Галатеи жар?
 Кто приготовленный для друга дар
 Прохожему дарит самарянину?

О, этот враг, что мстит исподтишка,
 Должно быть, левая твоя рука!

24. VIII. 1937

ДОБРЫЙ УЛЕЙ

Да, тот мудрец, кто разлюбил свободу,
Крутясь среди измен и перемен,
Но к сотам возвратившийся и к меду,
В свой добрый улей, ты стократ блажен.

Здесь тишина, и благовест, и пчелы —
Так много золотых веселых пчел.
Но пред тобою замкнут сад веселый,
А ты к нему издалека пришел.

Тебя пошлет к покинутым соблазнам
Хозяин сада, светел и суров, —
Ко всем печальным, суетным и праздным,
За человеками, на Божий лов.

В тот дом, где в мире трое или двое,
Не заходи! Добыча же твоя —
Отверженники, пленники, изгои,
Что спят, главу на камень приклоня.

Пойди к понесшим кораблекрушенье, —
Да ведают, что их издалека
Настигнет наших уст благословенье,
Простертая благословит рука.

18.X.1937

НАД ЕВРЕЙСКОЙ БИБЛИЕЙ

«В начале сотворил Господь...» — и вновь
Квадратные мне буквы повествуют
О том, как безначальная Любовь
Любви ответной жалобно взыскует.

Любите Бога, — плакал Моисей, —
 Как Он вас любит, вечно Одинокий!
 Всей крепостью, всей нежностью и всей
 Душой любите, — вторили пророки.

Не для того ль и птицы, и цветы,
 И зелень шорохливая травная,
 И гордые орлиные мечты,
 И даже горькая любовь земная?

Ах, это всё напоминанье нам,
 Что мы предызбраны в начале века,
 Что больно даже ангельским глазам
 Смотреть с высот на славу человека!

23.XI.1937

ЗИМНЯЯ ПЕСЕНКА

Яростные звезды новолуныя
 Рассыпают сны.
 Пой же, пой же, девочка-горбуныя,
 О цветах весны.

– Вот взойдут подснежники, синяя;
 Опадет сугроб:
 Маленькая-маленькая фея
 Прорастет сквозь гроб.

Посмотреть на солнце выйдут звери
 Из парных берлог.
 Всем обиженным вернув потери,
 Улыбнется Бог. —

Разлетелся тихий голос скорби,
 И колдует мгла,
 Чтоб раскрылся ненавистный горбик
 В два больших крыла.

Чтоб веселый юноша прохожий,
Как в минувший раз,
Не отвел от девушки пригожей
Пристыженных глаз.

14.XII.1937

БЕГЛЕЦ

Бежали вы, оставив монастырь,
Где, верно, плачут о заблудшем сыне.
Но вот тебя покинул поводырь —

Хитрец, слепца в безветренной долине
Он обманул и в город на горе
Унес всё то, что ты скопил доныне.

Нет ничего в пустом твоём ларе!
И, опершись о камень сыроватый,
Ты горько плачешь о поводеyre.

Ах, если б ветер, дух многокрылатый,
Домчал к тебе базаров пестрый шум,
Их сочный запах, щедрый и богатый, —

Ты мог бы двигаться не наобум,
Влекомый запахом, ведомый звуком:
Взыграй же, буря, разразись, самум!

Но ангел бури, отягченный луком,
Сложил его. И снова в горький путь,
Старик, ты пустишься навстречу мукам.

И солнце жожет, и еле дышит грудь,
А к вечеру усталость и тревога
Швырнут тебя на камень отдохнуть.

Но если б ты прошел еще немного,
Твои стопы и чуткий посох твой
Открыли бы тебе, что здесь дорога.

Да, здесь недавно, смочены росой,
Стремилась мул и бедная повозка.
А выше, выше, прямо над тобой,

На той скале, что вытянулась плоско, —
Твой монастырь, откуда ты ушел,
Обитель звонов, ладана и воска.

Жилище черных простодушных пчел!
Зачем ты преступил его ворота
И вышел в мир превратностей и зол?

Забудь же снова зов водоворота,
Вернись сюда, где были для тебя
Почтенье младших и вождей забота!

Ты спишь, старик, едва не погубя
Блуждающую душу, ты безумен,
Свободы жалкий призрак возлюбя.

Но хор монахов, приглушенно-шумен,
Уже тебя заметил, и спешит
Тебе навстречу тихий твой игумен.

И вот ты снова в добрый улей влит;
Но ты молчишь, смущенный и суровый,
И только взор незрячий говорит

О том, что ты созрел для жизни новой.

14. XII. 1937

НАД ГРОБОМ

У архангела смерти легки стопы,
Он — как бич, как ночь, как судьба,
И опять жужожанье чужой толпы
Вкруг обтянутых щек и лба.

И опять на новых похоронах
Извивается скользкий змей:
Несказанный страх, баснословный страх
Разъедает сердца людей.

И псалом течет, и растет испуг —
Чернотой на каждом лице.
Столько юных тел, столько белых рук
Возвратится в землю в конце!

Столько быстрых ног, столько зорких глаз,
Нежных губ и высоких плеч...
Говорят, что тех, кто ушел от нас,
Принял благостный ангел встреч.

И утешил их милосердный Бог
В беспечальных Своих местах,
Где они пребывают как пар, как вздох, —
Уверяет старик-монах.

Оттого у монаха везде кресты
И скелет посреди жилья,
И под ним:
«Не забудь, что я был как ты —
И ты будешь таким, как я».

25. V.1938

ПРИЗВАНИЕ

В день, когда я пошел к вершине
По камням, по ущельям тесным, —
Я увидел свет невечерний.

Он остался со мной поныне,
Он сияет над древом крестным
И над бедным венком из терний.

Будто белые оперенья
Или пчелы огромным роем —
Не фаворский ли свет блаженный?

И ликуя из отдаленья
Трубным говором, струнным строем
Долетает призыв нетленный:

«Только голосу правды следуй,
Клевету и хвалы людские
Равнодушьем встречай геройским!

Одинаково проповедуй
Повелителям Самарии
И простым пастухам фекойским...»

22.VI.1938

КОНЕЦ СТРАНСТВИЯ

Слава тебе, уходящему юным из мира! —
Колокола возвещают и славят исход.
Смуглой язычнице-музе с разлюбленной лирой
Еле отыщется место у самых ворот.

Вот и предел переходов, дорог и тропинок:
Узкий, пленительный путь человеку открыт!

Но бородатый, косматый и сумрачный инок,
Божий привратник, сурово ему говорит:

«Вот я встречаю пришельца с кувшином еля,
Душу твою возвеличу в небесных шатрах, —
Если сюда не оглядываясь, не жалея
Шел ты из мира и с ног отрясал его прах;

Если ты проклял и песни, и лживые книги,
Где Асмодея и демонов тешит порок;
Если на разум, на сердце надел ты вериги
Слезной молитвы и святоотеческих строк;

Если забыл ты и те первозданные руки,
Что подымали к веселому солнцу тебя,
Что ограждали от голода, смерти и скуки,
Обогревали тебя и качали, любя, —

Если и сны твои с прежними снами не схожи,
С легкими снами, кружившимися над тобой, —
Что же, входи, занимай свое жалкое ложе —
Жалкое, правда? — молитвенник и аналой».

27.IV.1938

ЛОВЕЦ

Блажен ты будешь в час вечерний,
Когда в молитве, наконец,
Увидишь над венком из терний
Другой, нечаянный венец.

Благословенная награда!
Ты до могилы будешь рад
Цветам из ангельского сада
Взамен и санов, и наград.

Но нет: как мудрые, как дети,
 Быть может, помнящие рай,
 Всё ценное, что есть на свете,
 Ты за бесценное отдай!

Пророка жребий величавый
 Тебе не дорог: ты спешишь
 Сменить трагическую славу
 На имя ловческое лишь.

При море жизненном ты ходишь
 Близ омутов страстей, измен
 И в незнакомый мир возводишь
 Сердца, уловленные в плен.

И вот, опрастывая мрежи,
 Ты улыбнешься, как дитя,
 На голых скалах побережий
 Живую душу обрета.

5.IV.1938

СМЕРТЬ ПОЭТА

«Как никогда зима не станет летом, —
 Мои друзья мне часто говорят, —
 Так и поэт останется поэтом,
 И маскарадом — бедный маскарад».

Да, мир таков, что никакому чуду
 Там места нет, где правят вес и счет,
 Но всё ж я прежним никогда не буду,
 И я не тот, совсем уже не тот!

Где меткость глаза — разве возвратится?
 И слуху не хватает остроты.
 На ветках прозаические птицы,
 В садах — простые поздние цветы.

Всё ясно здесь: начало и развязка,
Небесная механика одна.
Так с мира романтическая маска
Уничжительно совлечена.

Порой — сквозь сон — живой и животворный
Сияет день, круглятся облака,
Но наяву в рукав одежды черной,
Как в цепь, закована моя рука.

О, этот мир без грома лир, без грустной
Истомы флейт, — простой, как колыбель!
И, робкий псалмопевец неискусный,
Берусь и я за чуждую свирель.

14. VIII.1938

МУДРОСТЬ

Давно ли мы с волнением и любовью
Променивали мудрых за красивых
И, томному отдавшись суесловью,
Отрады ждали от истоков лживых?

А нынче ведаем и смело учим,
И шлем, как весть, с учеником и сыном:
Идите все за старчески-могучим
Тысячелетним голосом орлиным!

Да, станьте все как мы, что пили часто
Из древнего отравленного кубка,
Куда отжата скорбь Екклесиаста,
Как горечью напитанная губка.

«Во многой мудрости печали много,
Кто копит знания — скорбью богатеет».
Но все-таки мы мудрости у Бога
Просили — той, которая не греет,

Которая до срока дышит тленьем
 На чуть раскрывшийся цветок, на тело
 Чуть возмужавшее, шуршит забвеньем
 Над славою — и вечностью замшелой.

Ты право, сердце: мудрость ядовита;
 Но отнят кубок, — ты опять не радо!
 Ты жадно пьешь, — и вот тебе открыто,
 Что только в скорби верная отрада.

4. VII.1938

УТЕШЕНИЕ

Мы тщетно ищем покоя
 Иль бьемся — те, кто бесстрашней —
 И правим в край незнакомый,
 Сокрытый Морем Измены.

О море, море мирское,
 Ты плещешь в гордые башни,
 И в наши бедные дома,
 И в монастырские стены.

Тебя опять обманули:
 Сомкни ж усталые вежды —
 И вдруг померкнут заботы
 О мире горя и тленья.

Лишь сердце дышит, как улей,
 В котором пчёлы надежды,
 Лишь сердце млеет, как соты,
 Где свежий мед утешенья.

Тогда улягутся бури,
 И лодку к молу причалит
 Высокий Спутник заблудших
 И сущих в море далече.

Беглец разгневанных фурий,
Кого и гонят, и жалят,
Уснет в обителях лучших
И раны, раны залечит.

6.XII.1938

ИЗ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Стихотворение поэта Гай Цзя-юнь

О, прогоните иволгу скорей,
Чтоб не кричала посреди ветвей:
Крича, она распугивает сны
Крылатые тоскующей жены.

Переведено 18.XI.1936

ПРЕДЧУВСТВИЯ

Мы настоящее зовем привычным, —
Всё жаждем знать: что скажет день грядущий?
Так снова за ответом двуязычным
Мы посетим пророческие кущи.

Грозит Стрелец огнем войны последней,
Грозят потопом Рыбы Зодиака, —
А мы не забываем сладких бредней,
Зловещего не замечаем знака.

Миродержавных длани серафимов
Вселенские весы уже качнули, —
А мы всё там же, подле рук любимых,
В свой тесный прячемся и бедный улей.

Нет, и теперь, как в год рожденья Солнца,
Рожденья Сына Божьего, — вчерашней

И вечной были, — знаю, вавилонцы
Не спят в своей семиэтажной башне.

Пускай слепорожденные народы
Покоятся, — они прозреют скоро!
Уже Гаспар бледнеет безбородый,
И смотрит Валтасар на Мельхиора...

Что значит это: звезды все погасли!
Теперь звезда, как благосклонный демон,
Не склонит луч в пастушеские ясли,
Не станет над пещерой Вифлеема.

Но сыплются воинственные громы,
Но огненные движутся квадриги,
Но рядом с Победителем Едома —
Многokrылатые архистратиги...

23.XII.1938

ВТОРАЯ СКОРБЬ

*Alio dolore dolebam dolorem.**

Св. Августин

Мы слезы льем над свежую могилу
Или когда подмытый ливнем дом
Бьет молния и сотрясает гром,
Ниспосланный карающею силой.

Или когда, один на свете милый,
Наш друг уйдет и сблизится с врагом,
Иль, как Самсон, мы сетуем тайком
Над ветреной, пленительной Далилой.

Но вдумчивы и зорки мы, когда
Под окриком внезапного стыда
Не рады мы безболу и безгорбю.

* Еще другой болу болел я в боли <моей> (лат.).

В такие дни мы смотрим на себя,
И, бранные удачи разлюбя,
Над скорбью мы скорбим второю скорбью!

18.I.1939

РАЗДУМЬЕ

Глядит Господь на взявшихся за плуг
И пашущих беспечно и с оглядкой,
На моряков, скользя по рее шаткой,
Пленившихся увиденным вокруг.

Он не сойдет и не поддержит рук,
Помедливших над брошенной перчаткой;
Смеющихся, зевающих украдкой,
Похвалит ли тиун ленивых слуг?

Зачем же ты среди своей дороги
Задумался — и вовсе не о Боге?
Ответственный за множество сердец,

Ты поднят ли воистину над нами —
Друг мудрости, над томными стихами
Тоскующий, как влюбчивый юнец?

1.V.1939

БЕСЕДА В ДОРОГЕ

Лидии Хаандровой

Где чудотворцем, где нищим, где хитрым рапсодом
Так и брожу я по свету в облезлом плаще,
Так и скитаюсь по долгим земным переходам...
Что ты сказал? Да, конечно, скитаюсь вотще!

Она созиждется в неодолимой силе —
И меткою Твоей отмечена со дна.

Ты заключишь в нее то благовоний зерна,
То свитки древние пророков и псалмов:
Всё сбережет она — прочна, огнеупорна
И радостью полна до блещущих краев!

9.V.1939

ЗВЕЗДА НАД МОРЕМ

Третья книга стихотворений
(Харбин, 1941)

ОТЧАЯНИЕ

Взметнулись крылья — две руки креста, —
И вот я поднят, кажется, над миром
Туда, где слух иной — но глухота,
Но равнодушие к непрочным лирам.

Всё ж даже ангелы — таков рассказ —
Сходили и, нарушив волю Божью,
Учили женщин волшебству прикрас
И тайному владычеству над ложью.

Вот так же все мы первенцам Твоим
Подобны, Господи, в измене долгу, —
Ах, нашим, нашим ли крылам смешным
В стране заоблачной гостить подолгу!

Мы знаем: скуден наш удел и пуст,
И горек воздух временных наследий.
Но милый лепет обманувших уст, —
И где призывы к радостной победе?

О, счастье непростительное встреч,
Прикосновений, взглядов, междометий!
Я вышел, чтоб других предостеречь,
И первым впал в губительные сети.

Так легче ветреных эфемерид
Мы гибнем по рассеянности, просто.
К чему ж учиться не хранить обид
И ждать от духа мужества и роста?

24. VIII.1938

ОСЕНЬЮ

Сегодня даль осенняя бедна
И воздух изумительно прозрачен,
И мыслями, вскипевшими со дна
Реки забвенья, снова я охвачен.

Вот так же было в древние года:
Мир населяли дети-исполины,
Земля ж была — как нежная звезда
В своей бесхитростности голубиной.

Никто не думал — что у ней внутри,
И что вверху, и что под ней, в надире,
И почему за ночью — свет зари:
Всё было проще в первозданном мире.

Да, было небо синею дырой,
Запас деревьев назывался лесом,
И просто камнем камень был простой:
Всё различалось цветом или весом.

Таков был мир, когда не знали слов
Для нежности, для грусти об обманах,
Для томных глаз и ускользнувших снов,
Для призраков и радостей неожиданных.

Когда ж Денница с неба пал, тогда
Явилась ложь. А если верить басне,
То, божье семя сохранив, вода
Явила миру деву всех прекрасней.

И с той поры томлением страстей
Дикарь влеком по радостным кривизнам.
Иль вправду, может быть, лукавый змей
Учил его пленительным софизмам?

Быть может, так. Но только с этих пор
 Восходят романтические луны,
 Любовный бред и весь волшебный вздор,
 Который в голове роится юной.

И стало море зеркалом небес,
 А горы — житницами кротких ланей,
 Веселым раем встреч назвался лес,
 Глаза — сокровищницей обещаний.

И вот в блаженных звуках — лживых всё ж —
 Уста раскрылись — и явилось пенье...
 Ах, первому придумавшему ложь
 Поэта позднего благословенье!

7.IX.1938

МОЯ МЕЧТА

Вчера я промечтал почти до света
 О том, чтоб день, когда житейский груз
 Падет навек с блаженных плеч поэта,
 Напомнил день паденья Сиракуз.

Вступает в город грозный победитель,
 Квадригу кони яростные мчат;
 Бегут за ней и равнодушный житель,
 И изменивший знамени солдат.

Рукоплеща, все рвутся за квадригой,
 И только с милой музою вдвоем
 Поэт над недописанною книгой
 Дрожит, как Архимед над чертежом.

Уж ангел смерти, варвар простодушный,
 Разбивший много нежных арф и лир,
 Обоих нас, Пославшему послушный,
 Торопит в свой гиперборейский мир.

Дорогу приходящему на смену!
И вот мечта молниеносный взлет, —
И мужественных рук удар мгновенный
Жизнь увенчает — песню оборвет.

18.XI.1938

НАДЕЖДА

Все говорили: нас не свяжете,
Мы всё равно уйдем туда,
Где золотые Божьи пажити
И чудотворная вода.

Все бредили чужими странами
И проклинали север свой,
И уходили караванами,
Не приходящими домой.

Всё громче пели, всё победнее
Они о солнце юных стран,
И вот остались мы, последние,
Не принятые в караван.

Ну, что ж! Кто до конца останется
У древних ледовитых вод,
Тому застенчивая странница,
Как пери, радость принесет.

21.X.1939
Пекин

СКУПОЕ СЕРДЦЕ

Мир смятенья и боязни
 Огневицею палим:
 Все египетские казни
 Совершаются над ним.

Ты десницей благосклонной
 Не излечишь бед и нужд;
 Высоко превознесенный,
 Оставайся нем и чужд!

Тщетно жалуется лира
 И хлопочет суета,
 Но твои печатью мира
 Запечатаны уста.

И скупое сердце радо
 И ликует оттого,
 Что любить ему не надо
 Ничего и никого.

29.Х.1939
 Пекин

СЛОВА

Из Эллы В. Вилькокс

Зло, нищета, недуг! Слова могучи —
 Будь осторожен, их произнося,
 Чтоб от тобой же навлеченной тучи
 Судьба твоя не омрачилась вся.

Когда ж любви и радости готовы
 Мы имена назвать во всякий час, —
 Они, как эхо, отвечают зову
 И селятся, желанные, у нас.

Твердя о зле, мы привиденьям сонным
Даруем силу превратиться в явь.
Итак, словам, от уст твоих рожденным,
Надежды крылья мудро предоставь!

7.XI.1939

Пекин

НЕПОБЕЖДЕННЫЙ

Из Эллы В. Вилькокс

Пусть ты, мой враг, и опытен, и смел,
Пусть ненависть твоя неумолима,
И верный лук, что поднят на прицел,
Отравленной стрелы не пустит мимо

Мишени бедной сердца моего.
Но всё ж я правлю собственной судьбою:
Возьми любовь, друзей и торжество, —
Всё ж главное сокровище со мною!

Моя душа не упадет во прах,
Твои набегι отшумят напрасно;
Все силы мiра взвесив на весах,
Я ведаю, что лишь одно опасно,
Одно, что погубить меня б могло:
Ответить злом на сделанное зло!

6.II.1940

Пекин

СЧАСТЬЕ

Взамен побед, и бурь, и сладострастья,
И мужественной битвы до конца
Ты, Боже, дал мне маленькое счастье,
Какому не завидуют сердца.

Дар памяти! Ни громоносной славы,
 Ни жгучих сновидений не влача,
 Я только ветры, вечера и травы,
 Пускаясь в путь, подъемлю на плеча.

Прощальный день, обманчиво спокойный,
 Задумчивое небо сентября,
 И сумерки, и жесткий ветер хвойный
 В мой южный дом возьму с собою я.

И память мне не раз покажет снова
 Кладбищенский многоречивый сад,
 И на скамейке томик Гумилева,
 И темных глаз обрадованный взгляд.

24.IX.1940
 Мукден

К ПОЛЬШЕ

О Польша! Ты голубь живой
 Меж молотом и наковальней —
 Не внук ли поведает твой
 Об этом нежней и печальней?

Прекрасная предков страна,
 Ты стала страной несчастной,
 Но мне издалеча видна
 Ты прежнею Польшей Прекрасной.

Пусть плачут твои старики,
 Что кубок страданий не допит,
 Но, стискивая кулаки,
 Пусть юноши мужество копят.

Твои отомстят сыновья —
 Так пусть воспитается гневом

Великая братьев семья,
Единым рожденная чревом!

Как сон, как докучная ложь,
Пусть нечисть рассеется вскоре:
Ты снова своим назовешь
Родное Балтийское море.

Очищены горем стократ,
Пред Богом невинны и правы,
Твои сыновья совершат
Деянья немеркнувшей славы.

Не внуку участвовать в том,
Но внук не устанет молиться,
Чтоб с русским сдружилась орлом
Свободная польская птица!

22.II.1940

Пекин

ГОМУНКУЛ

О, если бы не страстен и не горд
Родился я, не в замкнутых оковах,
А вышел бы из трубок и реторт,
Алхимиков дитя средневековых!

Мои творцы мне дали бы в удел
Блаженство молнийного постиженья
Законов чисел, притяженья тел,
Полета их, покоя и движенья.

Внутри себя я слушал бы порой
Струенье крови, правильно нагретой,
Но быть владычицею над собой
Я б не позволил красной влаге этой!

Ни наваждений, ни полудремот
 Не знал бы я, ни похоти, ни боли —
 И ум, и тело для дневных работ
 Включал бы я свободной вспышкой воли.

О, как тогда мне были бы смешны
 Вы, черви в загнивающем болоте,
 Чья жизнь жалка, но дерзновенны сны,
 Чей дух крылат, но всё ж не выше плоти!

Пусть эти ветреные существа,
 Рожденные от вожделий душных,
 Кричали бы, что жизнь моя мертва,
 Что я — сцепленье атомов бездушных;

Что я — лишь слепок юношей земных
 И даже праха их ноги не стою, —
 Во сколько раз я был бы выше их
 С моим всеведеньем и чистотою!

17.VII.1940

Пекин

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Неподатлива, грубовата,
 Некрасива твоя рука.
 Сердца много, ума палата,
 Жизнь — тревожна и коротка.

Правда, в наши дурные годы
 Кем ты станешь — на краткий срок?
 — «Стану летчиком! Путь свободы
 Мне дороже земных дорог.

Буду гордо летать кругами,
 Как орел — молодой орел, —

Над зажженными городами,
Над кострами горящих сел.

Сладок юному сердцу жребий
На нетронутые снега
Побежденного в черном небе
Сбить заносчивого врага!»

Даже ранней своей могилы
Не боишься, счастливец, ты!
Так лети же, орленок милый,
На орлиный призыв мечты.

Новый, новый над миром старым
Мир откроется впереди
Тем, кто рад умереть Икаром
С сердцем мужественным в груди!

22.X.1940
Пекин

ПОЕЗДКА В ДУНЛИН

К востоку поднимаются курганы,
Как две белоголовые горы.
Похороненные под ними ханы
Во сне сраженья видят и пиры.

В твоих глазах — безоблачные дали,
Синеет жилка нежная на лбу...
Здесь юноши о девушках вздыхали
И лютни жаловались на судьбу.

Таятся в соснах шорохи столетий,
Здесь приютившиеся навсегда.
Мы ту же самую — дурные дети —
Тревогу томную несем сюда.

Рисунками, стихами, именами
Испещрена горбатая стена.
Мы высекаем острыми камнями
И наши варварские имена.

14.X.1940

Дунлин, близ Мукдена

БЕССМЕРТИЕ

Памяти иеромонаха Мефодия Иогеля

О бессмертии нам никогда и никто не расскажет,
Изменяет язык тайнозрителям и мудрецам:
Разве наше убогое слово поднимет и свяжет
Непосильную правду, такую нетрудную там?

О бессмертии мы никогда ничего не узнаем,
До последнего дня понапрасну промучимся лишь.
Но послушного сына Христос не обманывал раем,
Обещая с Собою увести в несравненную тишь.

Может быть, это раем Он сад называет веселый,
Где синеют цветы, распустившиеся навсегда,
Где летают над ними святые и мудрые пчелы,
Для которых Садовник, смеясь, отменил холода?

Не такой ли пчелой, созидающей дом нерушимый,
Ты живешь, вознесенный, в пленительной голубизне,
Где, как с пчелами ветер, играют с тобой серафимы
И качают, и нежат тебя на воздушной волне?

Или, может быть, ты на холмы неземной Палестины
Златорунных выводил и кротких Господних овец,
И потом, на закате, при медленном спуске в долины,
У последней овечки позванивает бубенец...

В беспечальных полях никогда не вздыхают,
не плачут,
Ты не станешь на небе грустить о земле и борьбе.
Ну, а мы... ничего наши тщетные слезы не значат —
Нам позволено плакать, вздыхать и грустить о тебе.

10. VIII. 1940

Пекин

МУКДЕНСКИЙ СОБОР

Из дверей открытых
Пенья льется ровно;
Во дворе на плитах
Бархатистый мох.

Мимо скал и мелей
Правь корабль церковный:
Ave maris stella* —
Как вечерний вздох.

В полумрак базилик,
Где бессильны шквалы,
Где недолги штили,
Убежим навек!

Felix coeli porta!**
Дверь овцам усталым
Ты рукой простертой
Отвори в ковчег.

Solve vincla reis!
Дева, к нашим путам
Снизойди скорее,
Путы разреши!

* Славься, звезда морей (лат.).

** Блаженные небесные врата! (лат.)

Путь открой нам ясный —
 Iter para tutum, —
 Стань звездой прекрасной
 Гибнущей души!

14.X.1940
 Мукден

РАСПЛАТА

В лабиринте глухом, где мечусь я,
 как пойманный в сети,
 Тянет гибельным ветром от стен земляных и камней,
 И безвременно чахнут, как туберкулезные дети,
 Слабогрудые замыслы, хилые всходы страстей.

Солнце трижды великое, царь всеблагодой
 и преславный,
 Хоть единым лучом укрепи меня против врага!
 Но в назначенный день прошумит
 поединок неравный —
 Сердце мне остановят железные бычьи рога.

Ариадна моя! Для чего у зловещего входа
 Я с пути не сошел и приветом твоим пренебрег!
 Ты сияла, как луч, как победа в бою, как свобода,
 Прижимая ко груди спасительный пряжи клубок.

Как невеста, копьё боевое ты мне подносила,
 Ты, как мать, покрывала меня освященным щитом,
 Но так сладко мне лгали и слава, и юность, и сила,
 Так манили идти не оглядываясь, напролом...

Ты осталась сверху — безутешна, светла и крылата,
 Домовитого счастья клубок покотился из рук...
 Ариадна моя! Не за это ли ныне расплата
 Паутиной своей оплетает меня, как паука?

4.XII.1940

ПТИЦЫ

Мой весел труд, и сон мой мирен,
И дом мой светел, — целый год
Серебряноголосый Сирина
На крыше радостно поет.

Земной ли страстью я измучен
Иль сильными тесним в бою —
Он верен мне, он безотлучен
И песней жизнь хранит мою.

Но в эту ночь, когда, любимый,
Любовью я еще не сыт,
Как глупый аист, недвижимый,
Сидит мой Сирина — и молчит.

И труд становится соблазном,
И зыблемым — мой добрый дом,
И целый мир — многообразным,
Но непростительным грехом.

И книги мудрые, и счастье —
Всё рассыпается во прах;
Лишь сонное гнетет бесстрастье
Да черный вырастает страх...

И вижу за чертой погоста
Бессмертие в чужой стране —
И скорбный голос Алконоста
О покаяньи стонет мне.

11.1.1941
Пекин

КАРТИНА

Марии Павловне Коростовец

Есть у меня картина: между скал
Простерто небо всех небес лучистей.
Китайский мастер их нарисовал
Легчайшею и совершенной кистью.

Внизу, в долине, зелень, как ковер,
Стада приходят на призыв свирели.
Так безобидный высказан укор
Всем возлюбившим маленькие цели.

А выше есть тропинка по хребту,
И будет награжден по ней идущий
Вишневыми деревьями в цвету,
Прохладою уединенных кущей.

Здесь мудрецы, сдав сыновьям дела
И замуж внучку младшую пристроив,
Вздыхнул о том, как молодость цвела
Надменной роз и радостней левкоев.

А скалы те, что в небо уперлись,
Обнажены, как варварские пики, —
Немногие полюбят эту высь,
Где только ястребы да камень дикий.

Но там над пропастью взвилась сосна,
Торжественно, спокойно, равнодушно,
И там царит такая тишина,
Что сердце ей доверится послушно.

Лишь только смерть, легка и хороша,
Меня нагонит поступью нескорой,
Я знаю, наяву моя душа
Придет бродить на вычурные горы.

15.1.1941

Пекин

СТРАШНЫЙ СУД

Не в облаках, не в пламени и дыме
Я вижу образ Страшного Суда,
Но твердо знаю: буквами большими
Всё тайное напишется тогда.

В тот день во всеувиđenje явиться,
Греметь во всеуслышанье должно
Всё то, что свершено без очевидца,
Что только сердцем произнесено.

Тогда и вас, душа моя и тело,
Лучами зоркими пронзят насквозь,
Чтоб видеть, чем ты, ветренная, пела,
К чему, бессмысленное, ты влеклось.

Да, каждый раз, как бурей запрещенной
В моей крови кипел девятый вал,
Иль сердце я, счастливый и бессонный,
Наитью чар незваных отдавал,

Иль вздох из недр моих вздымался тяжкий,
Иль радость побеждала боль и страх, —
Стучали равнодушные костяшки
На счетах ангельских, на небесах.

И вот, когда сойдутся все итоги
И расточителей введут туда, —
Нагому приговор прочтут мне строгий
И пламенеющему от стыда.

*11.I.1941
Пекин*

ТОМЛЕНИЕ

Вернись ко мне от чистых и смиренных,
Здоровые не требуют врача.
И пусть в огне бессонниц вдохновенных
Моя тоска сгорает, как свеча!

Но в эту ночь молитва некрылата,
И вместо звезд — глухие облака.
Послушней женщины, вернее брата
Неисцелимая со мной тоска.

Зачем же мне звезда Твоя блеснула
И столько дней вела меня, как мать?
Душе отверженной, душе Саула
Верни потерянную благодать!

9.1.1941

Пекин

ДИКАЯ ЯБЛОНЯ

Плененный музыкой и тишиной,
Я направлять привык мой путь восточный
К моей подруге — яблоне лесной,
Еще незнающей и непорочной.

Я ей рассказывал, что вижу сны
Недолжные и слышу смех лукавый,
Что шествие победное весны
Томит меня и жжет подземной лавой.

И деревце внимало, наклоня
На плечи мне своих ветвей ладони,
И утешало, чуткое, меня
Теплом своих весенних благовоний.

Теперь же я всё реже там брожу,
Почти забыв разлюбленное имя,
Но яблоню влюбленной нахожу,
Отравленной признаньями моими.

Что этих сосен равнодушный круг
С их зеленью бессмертной и холодной
Ей, разметавшей столько жадных рук,
Непоправимо чистой и бесплодной?

22. II. 1941

Пекин

УЧИТЕЛЬ

Иной страны благословенный житель,
Что превозмог давно и тлен, и прах,
Дарованный от Господа учитель
Хранит меня, как мальчика в горах.

Меж нами восемь пролегло столетий,
Но лик его я вижу сквозь века,
И снов моих таинственные сети
Плетет его любовная рука.

Он входит то со знаком, то с ответом,
Порою слышим, но всегда незрим.
Он был молитвенником и аскетом
И книжником суровым и благим.

Еще я знаю по речам старинным,
По их скупой библейской простоте,
Что некогда прославленным раввином
Прошел он путь к возвышенной мете.

Но, возвратясь к обещанному устью,
Уже утешенный и неземной,

Оттуда он с неизрекоемой грустью,
С великой нежностью следит за мной.

И, преданный дурному своеволью,
Бредя во тьме, но тьму уже кляня,
Я чувствую, с какой безмерной болью
Приходит он наказывать меня!

20. VI. 1940

Пекин

МОЙ ГОРОСКОП

Вещает мне язык небесных литер,
Что в этот мир пришел я в час, когда
На небо мудрый восходил Юпитер,
Достойная и щедрая звезда.

На западе, в двуликом знаке Рака,
Стояли рядом Солнце и Нептун,
Глашатаи возвышенного брака
Двух жребиев и двух созвучных струн.

И там же стал расчетливый Меркурий,
Лукавый враг и Марсу, и Луне:
Все черные бессонницы, все бури
За их вражду судьба судила мне.

На каждый день — укол, порез и рана:
Куда, куда бежать от лезвия?
Зато стихи — Венеры и Урана
Совместный дар — не радость ли моя?

Звезда любви и тут же тень Сатурна!
Едва любовь забрезжит наяву,
Как блеск и гром, и рифмопад — и урна
Всего того, что счастьем я зову.

Отнимет Марс и разум, и желанья,
Луна добро развеет по ветрам, —
На пустыре, взамен жилого зданья,
Воздвигнется нерукотворный храм.

Унижены, осмеяны герои,
Всё отнято, всё сожжено дотла,
И жизнь лежит развалинами Трои,
Но дух растет и ширятся крыла.

22. VI.1941

Пекин

ЖЕРТВА

Четвертая книга стихотворений
(Харбин, 1944)

*Нет, не торжественной осанной
Перед величьем бытия, —
Смиренной, но благоуханной
Да станет жертвой жизнь моя!*

РАДОНЕЖСКАЯ СКАЗКА

Над рекой пели русые молодки:
«Где ты, матушка, сестрицы родные?»
А русалки опрокидывали лодки,
Да проказничали водяные.

Лесовик сторожил свои деревья,
Домовые с шатрами кочевали;
Ой, широкие скифские кочевья,
Печенежские, куманские дали!

Но однажды все ведьмы и черти
Собрались у стародавнего дуба
Побеседовать о том, что бессмертье
Никому из них больше не любо.

И томятся, и горюют, и стонут.
Помолчат да как завоют, как охнут!
Отчего в воде русалки не тонут,
Домовые не чахнут, не сохнут?

Ах, не бить теперь, не бить домовому
Кочергою подростков или скалкой;
Синеглазый богатырь в черный омут
Не пойдет за голосистой русалкой!

Оттого и настали эти страхи,
Невеселые дни нечистой силе,
Что пришли византийские монахи
И крестами всю страну закрестили.

И повсюду зажженные лампы,
От которых хоть в трубу, хоть в подполье,
Да посты, да псалмы, да росный ладан,
Или сборы на Афон на богомолье...

И заплакали бесы всем советом
От напастей таких несказанных:
Знать, приходится расстаться со светом,
С милым лесом, где грибы на полянах...

Но пришел к безутешным и хмурым,
Словно вестник наступившего рая,
Величавый медведь темно-бурый
Из далекого северного края.

Он сказал им: «Хоть черны вы и серы,
Но совсем дураки вы, соседи!
Я теперь расскажу, для примера,
Вам о радонежском медведе...

В той стране выпал год недородный,
И, нарушив медвежий обычай,
Из берлоги мой сородич голодный
Вышел в лес — и пошел за добычей.

А в лесу — один валежник да ельник,
Даже духу не бывало съестного!
Но, по счастью, поселился отшельник
Возле этого места глухого.

И, три дня проблуждав спозаранку,
С обмороженной лапой, в курную
Заявился мой сородич землянку
И — протягивает лапу больную.

И отшельник, обматывая тряпкой,
В назиданье лесному многоснежью,
Преогромную лапищу — лапкой
Называет, — лапищу медвежью!

Он с медведем делится хлебом,
И мешок косолапому послан...
И поверили звери, что Небом
Тот отшельник — или с неба — ниспослан.

Так и вы послушайте совета
 Не вредить, порожденье чернорожье,
 И никто не сживет вас со света,
 Потому что вы тоже стали — Божьи».

25.VII.1938

ОТПЛАТА

И тишина, и листьев кружева,
 И их в озерах кротких отраженья, —
 Всё было сном твоим — для торжества
 Над силами земного притяженья.

Твой сон — лишь явь для множества людей,
 Наскучившая им непостижимо:
 Всех этих водорослей и камней,
 Не оглянувшись, всяк прошел бы мимо.

Простые, безуханные цветы
 Они потопчут, даже не заметя
 Того, во что сквозь сон влюбился ты
 И в чьи попал бесхитростные сети.

Ты в этом мире выбрал не покой
 И не тепло налаженного дома,
 А жесткую постель, да аналой,
 Да древние, прославленные томы.

Но в скудости украденных минут —
 Украденных из своего же рая —
 В твоём воображении цветут
 Бесплотные цветы, не увядая.

Сплетай о них отрадные слова
 И возврати цветами вдохновенья
 И тишину, и листьев кружева
 Тому, кто посылает сновиденья!

6.X.1939

Пекин

ВСХОДЫ

Из Эллы В. Вилькокс

Как лучник слепой, подымая лук,
Наугад пускает стрелу,
Не видя ее, — так и слово твое
Послужит добру или злу.
Сердце друга, быть может, пронзит оно
И вколет яд иль бальзам,
Или вовсе чужим, наступит им,
Принесет привет или срам.

Как пахарь в землю бросает зерно,
И зерно потом возрастет,
Так поступок твой — и благой, и злой —
Принесет многократный плод.
В большое древо зерно добра
Возрастит Христов чернозем,
И в жаркий день пораскинет тень
Над усталым оно жнецом.

И мысли твои принесут любовь
Или злобу с теченьем дней;
Их бег крылат, и они летят
Голубей почтовых быстрей.
От сродного — сродное рождено,
Таков мировой завет.
Они унесут — и к тебе вернут
Твои же и мрак, и свет.

6. II. 1940

Пекин

ВДОХНОВЕНИЕ

Из Эллы В. Вилькокс

Я вдохновенье вижу не ловцом,
Не юношей, чьи дерзновенны взгляды,
А девушкой с застенчивым лицом,
Что никому не сдастся без осады.

Раз или много раз твоей души
Улыбкою она вздувала горны, —
Чуть отвернется, ты за ней спеши,
Ее преследуй, нежный и упорный.

И если даже, увернувшись, ввысь
Она взлетит, как птица, над тобою,
В пыли без сил простертым, — ты стремись
Летать за ней дорогой голубою.

И гордая оценит твой порыв;
За муки счастьем и за слезы — данью
Обильною улыбок наградив,
Тебя утешит музыкой признанья.

Но чуть остынут поцелуи — вновь
Она бежит, и с ней бегут напевы,
И вновь ты ищешь, как вернуть любовь
Надменной и непостоянной девы.

*5.II.1940**Пекин*

НИОБЕЯ

Помолись из глубин, Ниобея, не поздно смириться!
И, опять возведенный, опустится мстительный лук,
И седьмая стрела, смертоносная вещая птица,
У тебя не отнимет последнего счастья из рук.

Помолись же скорее! зачем ты нема и надменна? —
Одинока, царица, останешься ты и жалка!
Вот готова стрела, и, ты знаешь, домчится мгновенно
Злая вестница бога, разящего издалека.

Как моряк, погибающий в ненасытимой пучине,
Помолись! Воззови, как взнесенный на гребне волны!
Отрекись от несчастной и богопротивной гордыни —
Шесть твоих дочерей за безумье твое казнены.

Хоть одну пожалей ради песен ее и улыбок!
Но умрет и она у твоих несогнувшихся ног,
И виновна всё ты же — ведь боги не знают ошибок,
Их державная воля разит, как безжалостный рок.

А потом, не сдаваясь и сердцем ничуть не слабя,
Но сильней ненавидя пощады не знавшую власть,
Ты научишься плакать украдкой, моя Ниобея,
И себя же за тщетные слезы невольные клясть.

Так уходят в глухое отчаянье гордые души,
Как орлы, что свободны в темницах и цепи влача, —
Словно карточный домик, непрочное счастье разрушив,
Не участвуя в жизни и медленно кровотока.

И когда, потеряв драгоценнейшие сновиденья,
Наше сердце слезами и кровью в глуши изойдет,
Сокровенные мы обретем для себя вдохновенья
И расскажем про наш безрассудный орлиный полет.

20.XII.1941

Пекин

ПРЕДЕЛ

Так много раз сближались наши руки,
Глаза с глазами стали так дружны,
Что нам уже ни сроки, ни разлуки,
Ни глаз чужих обеты не страшны.

Мы ласковы и в нежности похожи,
Но все-таки не сохранить любви
Нам, не тождественным по цвету кожи,
По тяжести наследственной в крови.

Мы ловим ветерок благоуханный,
Приветствуем вечернюю росу,
Но я — цветок болезненный и странный
И — дикая ты яблоня в лесу.

Смолою почек пахнет прелый воздух,
Белеет поздний парус вдалеке,
Но не сумею рассказать о звездах
Я на твоём чудесном языке.

А ты когда гуляешь по аллее
С таким же юношей твоей страны,
То у тебя лицо еще смуглее
И бездны глаз особенно темны.

21.II.1941

Пекин

ИСКУШЕНИЕ

Нынче хозяину подъяремный,
Несший покорно свои труды,
Некий осел поклонился земно
И попросил у него воды.

Мало ли раз обновлялись луны
И затмевалась вверху луна?
Но провещали в ответ перуны,
Что высока у воды цена.

Разве в пустыне миражей мало,
В море туманов, в мире — снов,
Чтобы еще наяву отсталых,
Нерасторопных поить ослов?

Лучше оставь-ка свои рулады,
Будь помирнее, возы таща.
Станешь просить для себя награды,
Верно, попробуешь и бича!

Х.1941
Пекин

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Покинув нерадушные края,
К вам прихожу, тишайшие озера,
Как блудный сын изверившийся, я
Для утешенья, а не для укора.

Недолго были мы разлучены,
Но, скоро захмелевший от свободы
И разлюбивший ветреные сны,
Я месяцы почувствовал за годы.

Здесь, как у кроткого духовника,
Прощения прошу и крыльев новых,
Чтоб стала вновь уверенной рука
И сердце не страшилось бурь суровых.

Ущедрите пустое сердце мне,
Возьмите в плен мой ум неукротимый,
И я клянусь, что возвращу вдвойне
Ваш дар — как любящий и как любимый!

А груз, который так давно клян —
 Земную ношу боли и позора —
 Во всепрощающую глубину
 Повергну я, тишайшие озера!

9.XII.1941
 Пекин

МАЙЯ

День, до свиданья! Я вновь до тебя доживу ли?
 И возвратишься ли ты, кружевной, голубой?
 Был ты чудеснее всех, что сходили в июле
 Лотосами любоваться и сонной водой...

И облака, эти нежные хрупкие дымы,
 Ангелов плечи и крылья, крутые ладьи,
 Спящие аисты неба — вы тоже любимы,
 Неисцелимо больные вы сестры мои.

Может быть, мир — это Божья игрушка простая,
 Призрачный мир, что течет, как вода, как река,
 И отплывают навек журавлиная стая,
 Братья и сестры, и лотосы, и облака...

Воды текут в неизвестное море, Мария!
 К горлу подступят, и тоже мы пустимся вплавь...
 Это не сон ли, что, жалкие дети большие,
 Простосердечные, мы принимаем за явь?

Звездами смотрится Майя, бездушная тайна,
 В бездне пустой зажигает закатов костры,
 Белые дымы в узор заплетает случайный,
 В мертвые очи глядится глазами сестры.

31.VII.1942
 Пекин

ВЫБОР

Однажды, чуть начав мою борьбу,
Я призван был благими небесами,
И ангел, назначающий судьбу,
Введя, меня поставил пред весами.

В одну из чаш он много разных благ
Вложил рукою, свыше вдохновенной,
И целый ворох дарственных бумаг
На то, что величаво и нетленно.

В другую чашу, с этикеткой «зло»,
Он бросил всяческие извороты,
И детский смех, и женское тепло,
И мелкие колючие заботы.

Не долго я стоял у тех весов,
Чтоб выбрать жребий самый благородный:
Поменьше дел, поменьше и грехов,
И ясный путь, почтенный и свободный.

И ангел возвратил меня домой,
Но дом мой сделал площадью открытой,
Где в сутолоке стал я жить людской,
Для всех равно чужой, но знаменитый.

И дети нежные на много зим
За мысленной ко мне слетались пищей,
Чтоб после отойти путем своим,
Не оглянувшись на мое жилище.

И вот я жду последнего суда,
Но, кажется, мне ничего не надо:
Всё разлюбив, что выбрано тогда,
Ужель просить отвергнутой награды?

20. I. 1942
Пекин

УТРО

Славно имя Твое раздается,
По вселенной победно звенит:
Ты воздвиг на путях мореходца
Столько звезд, и луну, и зенит.

Отчего ж я Тобою заброшен,
Как изгнанник блаженной страны,
На одну из малейших горошин,
В эти странные, темные сны?

Вот я выйду в привольное поле
В час, когда просыпаешься Ты,
И спрошу о назначенной доле
Утешенья, любви, красоты.

Чем, замыслив еще до Денницы,
Чем верстал Твоего Ты раба?
Не моя ли торжественной птицей
Поднимается в небо судьба?

Или нет, — наделенный смиреньем,
Не бойцом, не царем, не орлом,
Был я создан печальным растеньем
Через камни расти напролом;

Паутиной, унылой и черной,
Или бархатной зеленью мха,
Что тянулась бы к свету упорно
Из могильного мрака греха...

Я рассвет предваряю гаданьем,
Я ответа и знаменья жду.
О, пошли мне Своим указаньем
Птицу, бабочку или звезду!

4.XI.1942
Пекин

ПРОПАСТЬ

Мой добрый мир и прост, и ясен —
Как день и ночь, как дважды два,
И каждый трепет в нем прекрасен,
Как зов и песня торжества.

Я обнесен стеной любовной,
Вещами верными храним
Для жизни радостной и ровной,
Где я люблю и где любим.

Но иногда отходят вещи
И раздвигается стена, —
И вдруг я вижу мрак зловещий,
Мрак без предела и без дна.

Тогда, невольный соглядатай,
Я плачу — так мне мира жаль,
Что я готов от тьмы косматой,
От этой вечности разъятой
Закрыться стулом, как Паскаль!

16.X.1942

Пекин

К ТОЙ, ЧТО КРЫЛАТА

Влекомые гостеприимным лоном
И зовом творческим увлечены,
Веселые, приходят мужи к женам,
Адама окрыленные сыны.

И то зерно, посеянное в землю, —
В мечтах уже предвидя рождество,
Послушно Ева кроткая приемлет,
Чтоб выкормить и вырастить его.

Но в мире мысли свершена расплата —
 Иной закон там положил Господь:
 Чтоб только женщина была крылата,
 Мужчина же имел уделом плоть.

Обманут осязаемым покровом,
 С бездушной стихией прочно слит,
 Адам владеет звуком или словом,
 Но не Адам их в песню претворит!

В пределах той возвышенной державы,
 Где тело муж дарит, а дух жена,
 Возшла Лаура выше всякой славы,
 А Беатриче в рай возведена.

Так благодать свою иль вдохновенье, —
 То семя духа как ни назови, —
 И ты, моя звезда, мое спасенье,
 Пошли мне в душу пламенем любви!

16.Х.1942

Пекин

УЧЕНИКУ

Пусть мать твоя осиротеет
 И друга пусть лишится друг:
 Все руки, что тебя лелеют
 (А их немало, этих рук),

Пусть испытают боль разлуки —
 Оставшиеся без тебя
 Все человеческие руки,
 К тебе простерты, любя.

А ты смеясь пойдешь за мною
 Во мрак и в бурю напролом

И явишься перед толпою
Возлюбленным учеником.

И, может быть, союзом нашим
Быль древняя воскрешена,
И оба мы приступим к чашам,
Чтоб горечь их испить до дна.

Но та же будет ли отплата
Мне за любовь и благодать?
Скажи, учителя и брата
Врагам ты сможешь ли предать?

25.XI.1942
Пекин

КИТАЙ

Это небо — как синий киворий,
Осентявший утерянный рай,
Это милое желтое море —
Золотой и голодный Китай.

Я люблю разноцветные стены
И за ними пруды и цветы.
Ах, не всем же, не всем же измены:
Сердце, верным останься хоть ты!

Сердце мудрое, где ни случится,
Как святыню ты станешь беречь
Этих девушек кроткие лица,
Этих юношей мирную речь.

И родные озера, озера!
Словно на материнскую грудь,
К ним я, данник беды и позора,
Приходил тишины зачерпнуть.

Словно дом после долгих блужданий,
 В этом странном и шумном раю
 Через несколько существований,
 Мой Китай, я тебя узнаю!

11.XII.1942
Пекин

25 НОЯБРЯ 1942 ГОДА

За этот месяц я не стал слабей —
 В пылу сражений возрастает воин.
 Так в дни скорбей, неслыханных скорбей
 Я так же духом ясен и спокоен.

И, новую приветствуя зарю,
 Я знаю, что, когда настанут сроки,
 За жизнь я Бога поблагодарю —
 Особенно за трудные уроки.

24.XI.1942
Пекин

ЭЛЕГИЯ

Я полюбил тебя весною ранней,
 Я наблюдал твой радостный расцвет.
 Мне с каждым годом был твой рот желанней
 И с каждым днем мучительней запрет.

Поверь, что большей не бывало боли:
 В твоих глазах угадывать вопрос,
 Но сковывать себя цепями воли, —
 И слов признаний я не произнес.

Я стал твоею книгою открытой,
И, жертвенной любовью возлюбя,
Всею нежностью, всею мыслью плодovитой
Я создавал и вращивал тебя.

И вот теперь, когда богато древо
Цvетами несравненной красоты,
Я отхожу без слова и без гнева,
Чтоб для других цвели твои цветы.

И снова жизнь пустынна и безбурна,
И дни светлы, и ночи хороши.
Но тело без души — пустая урна.
Вот так теперь — я тело без души.

л.ХП.1942

Пекин

СЛЕЗЫ

Станем плакать, любимая! Те, кто больны,
Кто по-детски беспомощны, слабы и слепы
И зачем-то в недобрую жизнь влюблены,
Снизойдем в покаянье, как в черные склепы.

Слез не надо страшиться: они как потоп,
Как бурлящее море, как воды седые,
Унесут, чтоб спасти и возвысить — и чтоб
Над могилами мертвых росли молодые.

Обреченное счастье оплачем вдвоем,
Пусть оно ослабевает, утонет, истает,
Пусть печальным и мужественным кораблем
Наше сердце на темные волны взлетает.

Будет некогда берег, где наших цветов,
И озер, и деревьев найти мы не сможем,

Но усталого ангела примем под кров,
Незатейливый ужин разделим с прохожим.

Эти слезы у нас словно посох в пути
Или кони, что в гору влекут колесницы.
Мы восходим, чтоб новые крылья найти
И взлететь над слезами, как мудрые птицы.

16.X.1942

Пекин

ЖЕРТВА

Боже! Я всех у Тебя бедней,
Всех нерадивее, всех превратней:
Я только двух принес голубей,
Не улетевших из голубятни.

Ты переломишь ли шею им
И неискусные эти крылья,
Чтобы навеки стезям Твоим
Стали послушными — от бессилья?

Шею Господь у них преломил
И, под крыло их головы пряча,
Тельца на жертвенник возложил,
От всесожжений еще горячий.

Как непохожи на голубей
Мертвые голуби на решетке!
Мертвая птица в руке Твоей,
Я непорочный, простой и кроткий.

19.I.1942

Пекин

ИНОЙ ПУТЬ

Иным путем, чем шли Твои святые, —
Без искушений, взлетов и скорбей
Проник и я под своды золотые
Обитатели чистейших голубей.

Одно мгновенье боли нестерпимой,
Когда мне руки острый меч отсек, —
И вот я тоже Божий сын любимый,
Свободный дух и чистый человек.

Порадуйтесь о чистом человеке:
Я через кровь вознесся выше всех.
Что для меня, бессильного калеки,
Непоправимо недоступный грех?

Пусть венчиком заманчиво прекрасным
Цветет весной волнующее зло —
Железо целованием бесстрастным
Меня освободило и спасло.

О, как легко идти без колебаний
Тому, кто сжег мосты и корабли!
Что прежний меч для отсеченных дланей?
Колдуйте же, цветы чужой земли!

7. II. 1943
Пекин

НЕБО

В мире, где боль насыщает нас вместо хлеба
(Всякий, кто хлеба вкусил, умирает тот),
Только одно навсегда полюбил я — небо,
Божью палатку среди мировых пустот.

По осиянным полотнам его лазури
 Гордое шествует Солнце — могучий лев,
 Медлит тяжелый Юпитер, кружит Меркурий,
 Сонная бродит Луна, от весны сомлев.

Там, — возвещают Твои неземные книги, —
 Дома для кротких и плачущих Ты воздвиг,
 Дома для любящих терния и вериги,
 Дышащих бредом Твоих несравненных книг.

Господи, знаю, в Твоей голубой отчизне
 Места унынью не сыщется, ни слезам.
 Вот почему в нашей маленькой, бедной жизни
 Небо Твое голубое — святой бальзам.

7. II. 1943
 Пекин

АЛХИМИЯ

Я, как алхимик, много лет не сплю,
 В удел избрав пленительную муку,
 И в целом мире лишь одно люблю —
 Свою великолепную науку.

Вдали от пестрых, суетливых толп
 Нас двое — я и муза-подмастерье,
 Мы смешиваем в недрах странных колб
 Меркурий веры с серою неверья.

Соль горьковатую — большую боль —
 Давно перегоняем мы в реторте,
 И муза всё подмешивает соль, —
 Смотри, смотри, работы не испорти!

Но непослушный подмастерье тверд —
 Дерзит и поступает своевольно.
 Уж соли хватит на десять реторт, —
 Мне больно, подмастерье, право, больно!

Куда еще ты требуешь скорбей?
Полна твоя реторта выше краю!
Ты всё бодрее, я же всё слабей,
Ты крыльями шумишь, я — умираю.

Я гибну, гибну, плача и скорбя,
Но строгий голос музыки настагает:
«Отдай еще улыбку, что тебя,
Однажды ранив, вечно утешает».

Последнее, что оставалось мне —
Всех мук моих святей и незабвенней...
Но слышу голос: «Вон, на самом дне, —
Не золото ль чистейших вдохновений?»

14. III. 1943
Пекин

ЛИЛИТ

В ночь, когда луна бледней и выше
Желто-синих черепичных крыш,
Я отчаливаю с плоской крыши
В синюю безоблачную тишь.

Говорят, что прячет этот полог
Страницу незримую — Лилит,
Двух миров столкнувшихся осколок,
Черный маленький метеорит.

Или — если верить богословам —
Был Адам еще горяч и юн
И любил следить над миром новым
Восхождение двух огромных лун.

И, жалея юношу до боли,
Как жена, прекрасная луна
Посещала сны его, доколе
Ева не была сотворена.

А потом властительница ночи
 Изгнана для женщины живой
 И в ночи, колдуя и пророча,
 Словно ястреб, кружит над землей.

И в года, когда мы всё бесславней —
 Немощны тела, и дух болит, —
 Знаю, мстит сынам за выбор давний
 Царственная мачеха — Лилит.

24.V.1943

Пекин

БЕЗДНА

Чуть опадает в бессмысленном сердце хмель,
 Вновь на крылах покаянья могу летать я.
 Грех, ты моя удивительная качель,
 Благословенье мое и мое проклятье!

Бездны твои отражают Эдем святой,
 И у тебя в низинах полусумрак мира.
 Падая в пропасть, захлестнут я высотой —
 Выше могучих орлов и снегов Памира.

Там, оторвавшись от душевных твоих цветов,
 Слышу застенчивый запах фиалок рая
 И воскресаю, и — сердцем широк и нов —
 Небо вбираю в себя без конца и края!

Так возврати же меня к голубым шатрам,
 От ядовитых болот и смолы гоморрской
 Перенеси меня в белоколонный храм,
 В невозмутимое утро страны приморской!

15.III.1943

Пекин

НЕ ГРУСТИ

Друг, не грусти, что вечен только ум,
Что только мысль нетленному причастна:
Ум, как бессмертник, жёсток и угрюм,
Мысль, как гробница, лжива и бесстрашна.

Нет, лишь одно не гибнет на земле,
Бессмертное и вправду неземное,
Прекрасное в святые и во зле —
Чело Елены, тело Антиноя.

От мрамора не станет ни куска,
От полотна не уцелеет пыли,
Но память их перешагнет века
И летописцев бережные были.

И, глядя на любимые цветы,
Что по весне из праха возродятся,
Еще сквозь слезы, но готова ты
Утешиться и снова улыбаться.

Так лучше верь пленительной мечте,
Что не в морозах вечного покоя
Вернешься ты, а в хрупкой красоте
Нарцисса или нежного левкоя!

24.V.1943

Пекин

НА СЕРЕДИНЕ МОСТА

Есть мостики горбатые в Китае:
До середины медленно, с трудом,
А дальше, вниз — легко, почти слетая...
А наша жизнь — не век, и мост — не дом.

Я медленно взошел до середины,
 Я шел оглядываясь, не спеша,
 Чтоб нынче, в день тридцатой годовщины,
 Понять, что жизнь безмерно хороша.

Но дальше вниз — легко, почти паденье...
 Стой, путник, и движенья не ускорь:
 Не упусти весеннего цветенья,
 Закатов царственных и звонких зорь!

Как часто ты, услышав гул погони,
 Оплачешь плен у ладана и книг.
 Учись, учись же на возвратном склоне
 Благословить за ломкость каждый миг!

27.VII.1943
 Пекин

LE MAL INVINCIBLE*

Бела и красива была у меня рука —
 У грешников руки бывают всегда красивы.
 Но слово Твое я услышал издалика:
 «Не будьте ленивы, медлительны и трусливы!»

Последователям Своим говорил Ты сам
 Об участи ока, что видимостью пленилось:
 «Бестрепетно вырви его и повергни псам —
 И руку, что заповедь Божью творить ленилась».

Я верю, что слово Твое пребывает ввек:
 Рука моя, Боже, меня соблазняла с детства,
 И руку свою я, не дрогнув, мечом отсек,
 Чтоб сердцем свободным искать Твоего наследства.

* Непобедимое зло (фр.).

Я жалкий калека, но чист я теперь и прост,
И пламенной солнца дневного я вижу свет:
Свободный, я сжег за собою последний мост
И к вечному Солнцу лечу, как Твои планеты.

Но часто с тех пор, как пришел Ты тогда ко мне
И голосом тихим позвал меня и усталым,
За тонкой и чуткой рукой я слежу во сне,
И к нежному горлу крадется она с кинжалом.

«Бестрепетно вырви то око...» Но чем, ответь,
Убить сновиденье пленительное и злое,
Чтоб снова, как утренняя заря, розоветь, —
Как, Боже, исторгнуть мне око мое ночное?

15.III.1943
Пекин

ЧЖУНХАЙ

Всё лето будут лотосы цвести
И озеро притихнет, зеленея,
И все отдам я странные пути
За твой изгиб, прибрежная аллея.

Отсюда так прекрасны вдалеке
Минувших лет немые очевидцы —
И сонный павильон на островке,
И древняя ладья императрицы.

И лотосы! Из-за ветвей сосны
Смотрю, с холма спускаясь по тропинке:
Как розовые звезды, зажжены
В воде широколистые кувшинки...

Из всех садов я полюбил Чжунхай
За синие расширенные дали:
Не это ли Господень тихий рай
Для тех, что белых риз не запятнали?

Те прожили, не ведая о зле —
 Иль, ведая, противились паденью...
 Здесь кажется и мне, что по земле
 Легко пройти невоплощенной тенью.

И эта кружевная тишина —
 Моя обетованная награда,
 Затем что лучше я не видел сна,
 Чем лотосы среди большого сада.

15.VII.1943

Пекин

СЕРДЦЕ

Словно голоса жду из тумана,
 Но спасенью не рад своему:
 Сердце, глупый осел Буридана,
 Ничего я в тебе не пойму!

То зовешь в несуразной отваге
 На скалу, где светло и вольно,
 То в болота ведешь и овраги
 На зеленое мшистое дно.

От тебя и молитвы, и лавры,
 Но тебе же зачем-то нужны
 Улюлюкающие кентавры —
 Вожделений моих табуны.

Сердце, выше! Мне крылья бы надо!
 Или, хочешь, вернемся в овраг,
 Где грибы, земляника, прохлада...
 Но не век же раздумывать так!

Мне дороже крутые уступы,
 Но тебя я покинуть не смог,
 Чтобы здесь по-ослиному глупо
 Умереть на скрещеньи дорог.

24.V.1943

НОСТАЛЬГИЯ

Я сердца на дольки, на ломтики не разделю,
Россия, Россия, отчизна моя золотая!
Все страны вселенной я сердцем широким люблю,
Но только, Россия, одну тебя больше Китая.

У мачехи ласковой — в желтой я вырос стране,
И желтые кроткие люди мне братьями стали:
Здесь неповторимые сказки мерещились мне
И летние звезды в ночи для меня расцветали.

Лишь осенью поздней, в начальные дни октября,
Как северный ветер заплачет — родной и щемящий, —
Когда на закате костром полыхает заря,
На север смотрю я — всё дольше и чаще, и чаще.

Оттуда — из этой родной и забытой земли —
Забытой, как сон, но во веки веков незабвенной —
Ни звука, ни слова — лишь медленные журавли
На крыльях усталых приносят привет драгоценный.

И вдруг опадают, как сложенные веера,
Улыбки, и сосны, и арки... Россия, Россия!
В прохладные эти, задумчивые вечера
Печальной звездой восходит моя ностальгия.

19.IX.1943
Пекин

ВЕТЕР

Посланник памятного края,
Холодный ветер, ты спешишь,
Как черный демон, пробегая
По склонам черепичных крыш.

Но мне твои ожоги любви,
И дух мой весел на ветру:
Родные, северные губы
Ласкал ты нынче поутру!

26. VIII.1943

Пекин

ХУЦИНЬ

Чтоб накопить истому грустную,
Я выхожу в ночную синь,
Вдали слышу неискусную
И безутешную хуцинь.

Простая скрипка деревянная
И варварский ее смычок, —
Но это боль почти желанная,
Свисток разлуки и дымок.

И больше: грусть начальной осени,
Сверчки и кудри хризантем,
И листопад, и в смутной просини
Холма сиреневатый шлем.

Кто дальний, на плечо округлое
Хуцинь послушную склоня,
Рукою хрупкою и смуглою
Волнует скрипку — и меня?

Так сердце легкое изменится:
Я слез невидимых напьюсь
И с музой, благодарной пленницей,
Чужой печалью поделюсь.

10. VIII.1943

Пекин

ВИД НА ПЕКИН ИЗ БИ-ЮНЬ-СЫ

Стою, как путник давний и бездомный,
У мраморного белого столба,
И город подо мной лежит огромный,
Как целый мир, как море, как судьба.

Так высоко стою, так величаво
Вознесся храм Лазурных Облаков,
Так высоко, что умолкает слава
И только ветра слышен вечный зов.

О, если бы, прервав полет невольный,
Сюда прийти, как голубь в свой ковчег,
Впервые под сосною белоствольной
Вздохнуть и упокоиться навек!

Да, если бы, как трепетная птица,
Здесь обрести прибежище в грозу,
Так спрятаться, врасти и притаиться,
Чтоб смерть забыла — и прошла внизу!

Я тих, но быть могу еще неслышной.
Я дело сделал. Я ненужный мавр.
О, как я рад, как счастлив я, Всевышний,
Что нет хоть здесь ни лавров, ни литавр!

27. VII. 1943

Пекин

ВЕСНА

Золотое, древнее
Колдовство в крови:
Все слова напевнее —
Будто о любви.

Пахнет ветер южную
Нежною весной,

Радостью ненужною,
Поздней и шальной.

Радость небывалая
Слишком тяжела —
Не подымут малые,
Тщетные крыла!

Только сердце плачется,
Только ночь без сна,
Оттого что прячется
За окном весна.

24.IX.1943

Пекин

В ШАНЬХАЙГУАНЕ

Поднявшись на стены у «Первой Заставы Вселенной»,
Оттуда смотреть на прекрасные дымные горы,
На город, умолкший внизу, на поселок застенный,
На эти раздвинутые далеко кругозоры!

Зубчатые стены побиты в бесчисленных войнах,
Тяжелые своды осели, близки к разрушенью.
Но осликов кротких отрада — меж вязов спокойных
В полуденный зной отдыхать под зубчатую тенью.

На западном небе резка Барабанная Башня,
Где мудрый Вэньчан восседает под сумрачной аркой.
Студент, чтобы стать на экзамене

трудном бесстрашней,

Там свечи приносит душистые жертвой неяркой.

А вечером, в уединенном углу ресторана,
Сквозь приторный голос ловить

отдаленную скрипку,

И снова в безумие падать, и жаждать обмана,
И гордое счастье свое отдавать за улыбку.

Я как собиратель камней дорогих и жемчужин,
Что прячет их нежно в резные ларцы и шкатулки:
И каждый прохожий мне дорог,
и каждый мне нужен,
И память хранит вечера, города, переулки.

О жадное сердце, о неутолимое море,
Несытая бездна, — ужель тебе мало и света,
И счастья, и знания, и зла, и бесценного горя, —
О, что ты ответишь и чем ты заплатишь за это?

23. VIII.1943

Шаньхайгуань

В ПОЛНОЛУНИЕ

В ночи радостные полнолуний
Я взволнован, и весел, и нов:
Это синие ночи колдуний,
Ворожбы и пророческих снов.

О луна, бредовая наяда,
Устремившаяся в вышину,
Из всего светоносного стада
Я люблю тебя только одну.

Я Меркурия чту и Сатурна,
И Венера берет меня в плен,
Но одна ты — как древняя урна
С благородной загадкой письмен.

Как морские тяжелые волны,
И во мне подымается вал,
И, восторгом бессмысленным полный,
Я б охотно лунатиком стал.

Мы глядим и от страха не дышим,
 Чтоб его в высоте не спугнуть, —
 Как проворно по кручам и крышам
 Он находит неведомый путь!

Усыпи же меня, окрыли же,
 Сделай легким соперником птиц,
 Чтобы выше взошел я и ближе,
 Не встревожив нигде черепиц!

Чтоб испуганный голос любимый
 Разбудил равнодушную твердь
 И, влюбленному в лунные дымы,
 Мне принес лучезарную смерть!

14.X.1943
 Пекин

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СТИХОВ ГУМИЛЕВА

Адриану Адриановичу Ламбле

Запахом возлюбленного юга
 Опьяненный, томен я и нов:
 Я сегодня получил от друга
 Книгу «Романтических Цветов».

Слово всемогуще и крылато,
 В этом каждый писарь убежден,
 Но какая в вечности расплата
 Для того, кто слишком стал силен?

Гордого кудесника и мага,
 Господи, простишь ли Ты его?
 Оживала под пером бумага,
 Он творил, как Ты, из ничего.

Нынче я не наслаждался вдосталь
Книгой — завтра к ней вернусь опять:
Эту книгу надо, как Апостол,
Маленькими главками читать!

И за это грешникам беспутным
Многие отпустятся грехи
И приснятся караваном смутным
Недочитанные днем стихи.

8.X.1943
Пекин

МРАМОР

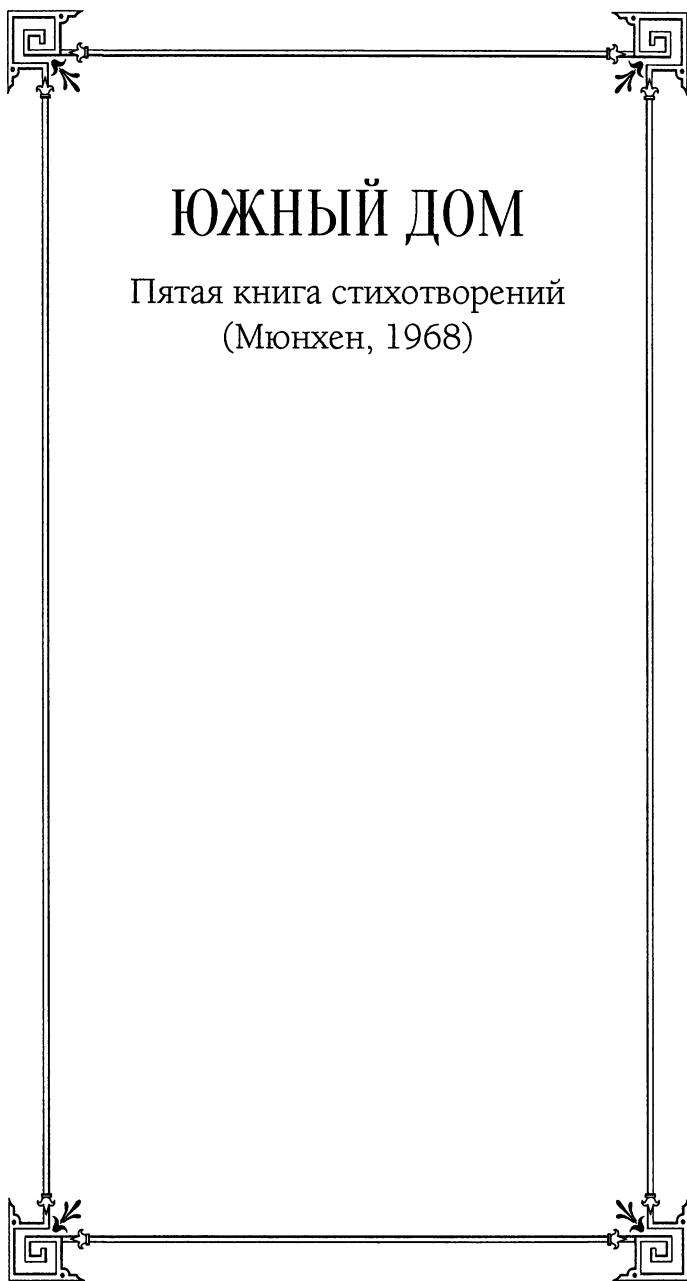
Я вижу твой образ чудесней,
Чем прежние все вдохновенья, —
В ущербные лунные бденья
Давно я замыслил его.

Не слово, как некогда в песне, —
Я мрамор смиряю, как зодчий:
Когда я любовней и кротче,
Всесильно мое колдовство.

Я мертвую глыбу тревожу,
Шепчу ей нежнейшие сказки:
Ответь же мне лаской на ласки,
Сойди с бестелесных высот!

Я чувствую теплую кожу
И сердце грядущего бога —
Еще так немного, немного,
И мрамор смеясь оживет!

16.III.1943
Пекин

ЮЖНЫЙ ДОМ

Пятая книга стихотворений
(Мюнхен, 1968)

ПОЭТ

Нелюбимые дети
 Спят, придавлены тьмой,
 Лишь меня на рассвете
 Ночь отпустит домой,
 В час двойкий и странный,
 В час усталый, когда
 Тонкорунных туманов
 Исчезают стада.
 В час, когда, слабосильных,
 Будят вас петухи —
 После горнов плавильных
 Остывают стихи...

Но за то, что со светом
 Он встречает рассвет,
 Нет пощады поэтам:
 — Как он смеет, поэт,
 Раньше утренних звонниц
 Петь осанну лучам? —

Не прощают бессонниц
 Те, кто спят по ночам.

19.XI.1944
Шанхай

ВЕСНА

Весна летит, как бурный шквал,
 И трепетные сгустки снега
 Уже предчувствуют финал
 Ее веселого набега.

Она штурмует их теплом,
 И ей не жаль снежинок милых,

Устало млеющих тайком
На водостоках, на перилах.

И, как они, обречены
Судьбы безжалостной причуде,
И мы, мечтатели, должны
Уйти, чтоб жили просто-люди.

Мы, мертвые, еще живем —
Поэты Божьи и снежинки,
Но что мы скажем, чем блеснем
На столь неравном поединке?

Весна придет навеселе,
Как подгулявшая девица, —
Придет и ляжет на земле,
А мы должны посторониться!

Растает снег и я умру,
Чтоб в полдень будущего лета
Плясали мальвы на ветру,
Трубили громкие поэты.

Мы станем пищей и водой,
И разве кто-нибудь в июле
Припомнит, проклиная зной,
Что самой белой белизной
Когда-то в мире мы сверкнули?

1947

Шанхай

СОЧЕЛЬНИК

Так по закону выходит причин и последствий:
Стал я безродным, какое же мне Рождество?
Но почему-то в сочельник, как некогда в детстве,
Сердце взлетает и ждет неизвестно чего.

Думал, что вот, равнодушный и томно-усталый,
 Жизнь искалечу, эффектно, расчетливо комкая.
 Вышло иное: узлы, и свистки, и вокзалы —
 Жизнь, как у всех — небольшая, незлая, негромкая.

Если бы снова в страну продолжительной ночи,
 Ту, где сейчас, пред рождением короткого дня,
 Может быть, смотрят твои дальнороркие очи,
 На фотографии видя живого меня!

Я подойду и скажу тебе ласково: — Мама,
 Хочешь, со мной поделись предрассветною скукою.
 Или, позволь мне, я «Тристями» Мандельштама,
 Глухо скандируя, сердце твое убаюкаю?

Многие ночи не спишь ты от серой тревоги
 И повторяешь, вседневно, всенощно скорбя:
 Как я могла не окликнуть, не стать на пороге,
 Как я могла оторваться сама от себя?

Я подойду и скажу тебе... Ночь не услышит,
 Ночь поседела, состарилась, скоро скончается.
 Кто же услышит? За окнами ветер колышет
 Вечнозеленые ветки, и ветки качаются.

14.XII.1945

Шанхай

УГОВОР

Я сегодня с ласковым упреком
 Подойду к тебе, моя душа:
 То витаешь в небе ты высоком,
 То к земле склоняешься, греша.

То послушна ты и богомольна,
 То пьянит тебя весенний хмель:

Ах, легка и слишком своевольна,
Слишком высока твоя качель!

Днем ты дремлешь, словно на ступени
Кружевного полубытия,
Ночью ты во власти наваждений,
Одержимая душа моя!

Но тебя я вылечу от сплина,
От капризов, взлетов и причуд:
Нам поможет только дисциплина,
Дисциплина, выдержка и труд.

Подражая всем великим людям,
Станем жизнь мы ровную вести:
По утрам стихи писать мы будем
Каждый день, с восьми до десяти.

Не ловя нездешнего мгновенья,
Не раскаливаясь добела,
Вынимать мы будем вдохновенье,
Как перо, из ящика стола.

1945
Шанхай

ВОЗМЕЗДИЕ

Ты, в роковой своей гордыне
Земную разлюбив юдоль,
Всё отдаешь за купол синий,
За радость тонкую и боль.

Но, женщина, страшись возмездий,
Избранничества не проси
И в мир сверкающих созвездий
Своей мечты не возноси.

Пусть величавой литургией
 Просветлены твои черты:
 За то, что здесь была Марией,
 На небе Марфой станешь ты!

7.X.1944

Шанхай

ОБ ОДНОМ СЕРДЦЕ

То слова мы судим, то поступки,
 Крутимся, кусаемся, пока
 Нас в жерло гигантской мясорубки
 Не швырнет поспешная рука.

Солоно нам было или сладко,
 Нравился чеснок или жасмин, —
 Тех и тех размелет без остатка
 Ненасытнейшая из машин.

Повара спешат — и оттого ли,
 Что безмерен труд и краток срок,
 Но порою может при размоле
 Неразмолотым пройти кусок.

Так прошел, случайно неразмолот,
 Тот кусок, что сердцем стал моим, —
 Оттого-то скука в нем и холод,
 Малокровная дремота зим.

Столько раз весна к нему взывала,
 Сердце отвечало: перестань!
 И дышать, и чувствовать устала
 Вялая изношенная ткань.

Словно чьи-то ласковые руки,
 Греет солнце — сердцу всё равно.

И напрасно вкрадчивые звуки
Скрипки поднимаются в окно.

Ни тоской, ни жалостью к отчизне
В этом сердце кровь не закипит:
Сердце хочет отдохнуть от жизни,
Сердце затворяется и спит.

1945

Шанхай

ЗЕВОТА

Зевают над книгой, над словом, над нотой,
Под вялое счастье, под позднюю славу,
Как старый профессор над лекцией сотой
По римскому праву.

И кажется, будто бы ангел ленивый
Давно тяготеет бесцельной работой
И смертью зевает над миром — сонливой,
Огромной зевотой...

24.V.1945

Шанхай

МУРАВЕЙНИК

Хлопочет город муравьиный,
Юлит, волнуется, пыхтит:
Песчинками, соломой, глиной
Свою республику крепит.

Он суетится оголтело
И помнит только об одном:
Копить — сегодняшнее дело,
А жить — когда-нибудь потом.

Так день идет за днем, и годы
Из этих вырастают дней,
Но не скучает без свободы
Трудолюбивый муравей.

Просить досуга он не будет,
Ему могила не тесна,
Его не взвихрит, не разбудит
Вдруг налетевшая весна.

На солнце — так он занят, бедный —
Ему и некогда взглянуть,
А солнце вольно и победно
Свой вечный совершает путь.

Так, чуждый всем цепям и верам
И суетливости кликуш,
Поэт проходит Гулливером
Над миром карликовых душ.

26.III.1947

Шанхай

ПОСЛЕДНИЙ ЛОТОС

В начале сентября,
От зноя отдыхая,
Вечерняя заря
Горит в садах Бэйхая.

Прозрачны и чисты
Сиреневые дали.
Надменные цветы,
Цветы уже увяли.

Торжественная тишь
Над мертвыми стеблями.

Последний лотос лишь
Один воздет, как знамя.

Стой. И не бойся ран.
Стой, гордый и отвесный,
Как древний великан,
Держащий круг небесный!

Так некогда и мы, —
Но побеждали зимы,
И на ветру зимы
Мы таяли, как дымы.

Мы были как орлы
И в синеву любили
Бежать от сонной мглы,
От пешеходной пыли.

Быстрее южных льдин
Проголубели годы,
И я стою один,
Последний бард свободы.

10. IX. 1943
Пекин

РОССИЯ

Живу тревогами своими
О бедном сердце, о семье,
А ты, Россия, только имя,
Придуманное бытие.

Шесть букв, не вовсе позабытых,
И почему бы не забыть
Ту из Америк неоткрытых,
Куда не мне, не мне доплыть?

О, да, ты — заспанное слово,
 А столько слов нужней, звончей:
 Как звуки языка чужого,
 Как скрипки ветреных ночей.

Зачем же смутною любовью
 Я создаю тебя? Вот-вот
 Вскипят сухие буквы кровью,
 И давний призрак оживет.

Ужели в красоте раскосой,
 В обетованьях смуглых тел
 Голубоглазой, светлокосой
 Одной России я хотел?

19.XI.1944
 Шанхай

ОЗЕРО

Есть озеро: вода его светла
 И кажется невозмутимо сонной,
 Но вслушайся: из пропасти бездонной
 Подводные гудят колокола.

Есть, говорят, такие зеркала:
 Прекрасный лик, случайно отраженный,
 Они хранят, чтоб маг или влюбленный
 Нашел его в прозрачности стекла.

Я озеро, которому, как Китеж,
 Твоя судьба навек обручена.
 Я зеркало, но и дойдя до дна,

Ты жадности безумной не насытишь.
 Отныне, знай: жить будешь ты вдвойне
 И наяву, и в этой глубине.

20.I.1952
 Тяньцзин

В РАЗЛУКЕ

Хочу не крыльев снежно-белых,
Недостижимых наяву,
А человеческих, несмелых,
Не заносщих в синеву, —

Умчаться из страны разлуки
На север ветренный — и пусть
Развеют любящие руки
Простую, маленькую грусть!

12.I.1945

Шанхай

ИЗДАЛИ

Плачет за окном, изнывает скрипка,
Но цветет и светится из окна
Ваших губ незначащая улыбка,
Ваших глаз раскосая тишина.

Сердце так признательно, просто — радо
Милости без жертвы, без высоты,
Что ему совсем ничего не надо:
Ни рукопожатий, ни быть на «ты».

Впрочем, и на «ты» называть вас можно
Ласковым шептаньем почти не вслух:
Даже и дышать надо осторожно,
Чтобы луч улыбчивый не потух.

Имени у счастья никто не спросит,
Сам изобретет вороха имен.
Каждое по-разному произносит
Тот, кто им утешен и озарен.

Счастье? вдруг иллюзия, вдруг ошибка?
 Но ведь и рассвет, но ведь и весна...
 Так цветы, обманчивая улыбка,
 Лги, недолговечная тишина!

13.IV.1945
 Шанхай

ЮЖНЫЙ ВЕТЕР

Сегодня дует ветер с юга
 И начинается весна,
 И, смуглая моя подруга,
 Ты мне сегодня не верна.

Ты неподвижными глазами
 Глядишь за здешнюю черту —
 На деревушку за холмами,
 Где абрикос давно в цвету.

А дальше, у речного мыса,
 Где ты ловила черепах,
 Взлелеянные всходы риса
 Сверкают в утренних лучах.

Ты видишь: юноша веселый,
 Теплу ласкающему рад,
 Выходит, скинув долгополый
 Перезаплатанный халат.

Он, твой жених от колыбели,
 Шагает бодро по меже,
 И щеки чуть порозовели
 От солнца, знойного уже.

Он песенку поет, и звуки
 Так властны над судьбой твоей,

Что ты наперекор разлуке
Всем сердцем отвечаешь ей...

Но я далек от укоризны:
О, разве ты виновна в том,
Что не заменят нам отчизны
Ни ласка, ни радушный дом?

Ну, что ж, откинем занавески,
И пусть, подосланный судьбой,
Зовущий ветер, злой и резкий,
Свободно реет над тобой!

24.1.1948
Шанхай

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ АРГОНАВТ

Мне в подарок приносит время
Столько книг, и мыслей, и встреч,
Но еще легковесно бремя
Для моих неуставших плеч.

Я широк, как морское лоно:
Всё объемя и всё любя,
Все заветы и все знамена,
Целый мир вбираю в себя.

Но, когда бы ведать, что с детства
Я Китаю был обручен,
Что для этого и наследства,
И семьи, и дома лишен, —

Я б родился в городе южном —
В Баошане или Чэнду —
В именитом, степенном, дружном,
Многодетном старом роду.

Мне мой дед, бакалавр ученый,
Дал бы имя «Свирель Луны»,
Или строже: «Утес Дракона»,
Или тише: «Луч Тишины».

Под горячим солнцем смуглея,
Потемнело б мое лицо,
И серебряное на шее
Всё рельефней было б кольцо.

И, как рыбки в узких бассейнах
Под шатрами ярких кустов,
Я бы вырос в сетях затейных
Иероглифов и стихов.

Лет пятнадцати, вероятно,
По священной воле отца,
Я б женился на неопрятной,
Но богатой дочке купца.

Так, не зная, что мир мой тесен,
Я старел бы, важен и сыт,
Без раздумчивых русских песен,
От которых сердце горит.

А теперь, словно голос долга,
Голос дома поет во мне,
Если вольное слово «Волга»
На эфирной плывет волне.

Оттого что, при всей нагрузке
Вер, девизов, стягов и правд,
Я — до костного мозга русский
Заблудившийся аргонавт.

29. VI. 1947
Шанхай

НОЧЬ НА СИХУ

Под облаком глухим и молчаливым
Особенная дремлет тишина.
К нему — с холма — готическим порывом
Игольчатая Башня взнесена.

Так Моисей на высоту Синая
Всходил один и говорил за всех...
Но, размысленье резко обрывая,
Из лодки снизу раздается смех —

И я, турист, бросаю утомленно
Свой привозной, заморский реквизит:
Пусть этой ночью над водой сонной
Сквозь вымыслы мне правда засквозит.

Шестнадцатого — каждый месяц лунный, —
Как говорят, «окно полно луной».
Луна везде! И я, отныне юный,
Впадаю в мир уже почти родной.

Печаль, с которой сердце не сживется,
Поверг Цюй Юань в речную быстрину.
Седой Ли Бо нашел на дне колодца
Похмельную и низкую луну...

Старинный город так учтиво замер,
Что я мечтаю в полузабытьи,
А девушка с послушными глазами
Напрасно ждет признания в любви.

3.VII.1946
Шанхай

НЕИЗБЕЖНОЕ

Наш поцелуй стремителен и жарок,
 Как будто в нем нисходит благодать.
 Но знаю: свадебный тебе подарок
 Когда-нибудь я буду выбирать.

Пусть рушатся подрубленные троны,
 Горят леса и гибнут города,
 Но грозные железные законы
 Раз установлены — и навсегда.

Я перерос давно перегородки,
 Язык, и кровь, и расу перерос,
 И все другие древние решетки,
 Какими человек свой дом обнес.

И мне тот день заране ненавистен,
 Когда ты тихо скажешь: — Дорогой!
 Как ни прекрасна временная пристань,
 Но кораблю пора идти домой.

Мое, — ты скажешь, — ясно назначенье:
 Я только дверь, и собрались за ней
 Пришедшие родиться поколенья
 Раскосых, желтых, маленьких людей. —

И ты уйдешь за те глухие стены,
 Которых тщетно я не признаю, —
 В холодный мир измены без измены
 И в правоту жестокою свою.

Ни рас, ни каст, ни вер... Широко как море,
 Как море я останусь одиноко —
 Устало отражать чужие зори,
 Роптать и порываться на восток.

Свобода, одиночество... ну, что же:
Сказать по правде, я вполне готов,
Как никому не ведомый прохожий,
Последним греться у чужих костров.

1947

Шанхай

МУЗЫКА

Закипают волнами фаготы, кларнеты, тромбоны,
Это ропот желанья растет в ураганную страсть,
И в потоке погибнут и слезы, и просьбы, и стоны,
И твои заклинанья, бессильные бурю заклясть.

Скрипка выше взлетает, но гонятся следом фаготы,
Ты от яростной своры не спрячешься, бедная лань.
Никуда не уйдешь ты от этой жестокой охоты,
Лучше сдайся на милость, противиться
мне перестань!

Ты беспомощна, скрипка, ты гибнешь
в разнузданном гуле,
Я люблю тебя, трепетный лотос Востока, Юйсэ!
В этом ветре — послушай — рассыпались
и потонули
Все твои увещанья, и боги, и ангелы все!

Ты возносишься вверх, в голубой
целомудренный холод,
Как волшебным щитом, закрываясь
своей чистотой,
Но непрочен твой щит — он надтреснут,
надломлен, расколот
И летит в пустоту, в обманувший мираж голубой.

Ты моя, своенравная лань! для чего ты боролась?
 Для чего ты бежала от рук неизбежных моих?
 Упади же, vox angelica, в человеческий голос,
 Как усталая скрипка в настигнувший гул духовых!

15.XII.1947

Шанхай

КРАСНЫЕ ЛИСТЬЯ ПОД ИНЕЕМ

«Красные листья под инеем» — странное имя:
 Сколько в Китае затейных и умных имен!
 Часто бывал я пленен и обрадован ими,
 В странное имя сегодня я снова влюблен.

Иней на листьях кленовых? Но вы же — весенний
 Яркий и юный цветок! — и ответили вы:
 — Много весною и красок, и снов, и цветений,
 Осень скупее, и осенью меньше листвы.

Осень чиста и прозрачна, грустна и свободна.
 Осень усталая — к жизни ее не зови.
 Осенью иней на листьях, как панцирь холодный,
 Гордая осень от вас не захочет любви. —

Да, но и осенью в полдень сильней пригревает
 Бледное солнце и светит в кленовом саду.
 Будет минута: неласковый иней растает,
 Красные листья и губы под ним я найду!

12.V.1947

Шанхай

ДРУГУ

Лю Тянь-шэну

Те дни, когда приходишь ты ко мне,
Я отмечаю в книжке календарной
И в памяти, навеки благодарной:
Пускай живут, отражены вдвойне
В бумажной и сердечной глубине!

Мы Мэйсфильда читаем, и пред нами
Проходят, приплывая издали,
Испания, корсары, корабли
С причудливо-родными именами
И манят нас волнующими снами.

Тогда не остается и следа
Печальных дум и давних меланхолий:
Мы дышим югом, дышим ветром воли,
И чудится обоим иногда
Веселый привкус горьковатой соли.

О, нам бы плыть неведомо куда,
В какое бездорожье голубое,
Под дальний гул растущего прибоя, —
Но только так бы плыть, чтобы всегда
И в море нас, и в мире было двое!

*17.IX.1946
Шанхай*

УСТАЛЫМ

«Умереть, не оставив наследника, —
Непростительный, худший позор», —
И в глазах моего собеседника
Я жестокий прочел приговор.

«Ваши Мальтусы, ваши фантазии —
Это гибели лживый язык.

Что ж, бездумные жители Азии
Населят и второй материк.

Вы бездетными в землю поляжете,
А Европу оставите нам:
Пригодятся заводы и пажити
Нашим желтым и жадным сынам!»

Я, запомнив слова горделивые,
Часто думал над ними потом:
Неужели мы вправду счастливые
Тем одним, что на свете живем?

Нам велели плодиться и множиться
В самой первой главе Бытия:
Отчего же никак не уложится
В эту заповедь воля моя?

Но откуда же слезы, и жалобы,
И смятенье, и жалость, и страх?
И к чему же так скоро устала бы
Наша кровь повторяться в веках?

Если всё это — лишь неврастения,
Значит, надо ее побороть
И любить не стихи, не растения,
А живую горячую плоть.

Надо ринуть науку, евгенику,
Медицину в атаку на сплин,
Дозу счастья вколоть неврастенику,
Изобрести порошок «оптимин».

Меланхолики станут мормонами,
В Дон-Жуаны пойдет Агасфер,
И земля преисполнится звонами,
Благодарственной музыкой сфер!

14.III.1949
Шанхай

ХУСИНЬТИН

Глядит в озерную равнину
Равнина бóльшая вверху.
Мы подплываем к Хусиньтину,
Где сердце озера Сиху.

Горячий ветер неприятен,
Нет тени от сквозной листвы.
И веет сухостью от пятен
Слегка желтеющей травы.

Заходим в храм пустой и скромный,
Чтоб с тишиною помолчать.
Здесь даже полдень неумный
Бессилен сумерки прогнать.

Сюда, приветливо взирая,
Вся золоченая, Гуаньинь
Сошла для нас от кущей рая
И строгой мудрости пустынь.

Сюда пришел еще безвестным
Чжи Хуа, художник и монах:
Картины языком чудесным
Поют победно на стенах.

Ах, эти лотосы не вянут,
Листва не падает под дождь,
Святые эти не устанут
Сидеть в тени сосновых рощ.

Бессмертно будут петь о лете
Сегодня, завтра — как вчера
Своими иволгами эти
Несложенные веера!

Когда же, выйдя неохотно,
Мы жизнь увидим из дверей,

На зыбкие ее полотна
Посмотрим мы уже добрей:

Ведь тоже могут стать нетленны
Камыш и бабочки в цвету,
Лишь кисть, легка и совершенна,
Их остановит на лету!

26.XII.1951

Тяньцзин

СЕВЕР

Ласточка на север улетает,
Где бездонно синяя вода,
Где весною долго снег не тает,
А сердца не тают никогда.

Запоздалой ласточкой из клетки
Я давно умчался бы домой,
Но платан протягивает ветки,
Говорит: «Ты мой, навеки мой!»

Здесь на ласковом, на теплом юге
Ты среди друзей, среди подруг,
Но и я, и все мои подруги
Слишком слабы для полярных вьюг».

Нежные опутывают цепи,
Опадает воля, как волна:
Яркий юг цветных великолепий
Убаюкивает допьяна,

Вкрадчиво распахивает веер,
Перекачивает жемчуга...
Ласточка, лети себе на север:
Мне моя неволя дорога!

1945

Шанхай

СИГАРЕТА

На крыльце с моим восточным другом
Курим на весеннем ветерке,
И горит зигзагом, а не кругом
Сигарета у него в руке.

Я сказал: «У русских есть примета:
Если косо примется подчас
Или станет гаснуть сигарета,
Значит, кто-то думает о нас».

Улыбнулся друг слегка надменно:
«Правда? отчего же, объясни,
Так со мной бывает неизменно
Даже и в безветренные дни?»

И со вздохом, лицемерно-тяжким,
Вдруг добавил: «Я, должно быть, злой,
Если нежным девушкам, бедняжкам,
Отравляю утренний покой.

Ну, а ты?» — И вздрогнул я с испугом,
Поскорей отвел в сторонку взгляд:
Как по циркулю, точнейшим кругом
Сигареты у меня горят!

Сигареты у меня не гаснут,
Девушка не сохнет ни одна,
И поэтому совсем напрасно
Ветром забавляется весна.

1949
Шанхай

СЯНТАНЬЧЭН

В Сянтаньчэн рано — на рассвете —
Отдыхать ходят облака.
В Сянтаньчэн улетает ветер,
В Сянтаньчэн тянется река.

Сянтаньчэн — за холмом прохладным:
Днем туда голуби летят,
А потом фениксом нарядным
В Сянтаньчэн прячется закат.

В Сянтаньчэн просятся улыбки,
В Сянтаньчэн сходятся мечты.
Про него всхлипывают скрипки,
На него молятся цветы.

А когда бархатное знамя
Тишины ляжет на холмы,
Я спешу, окрыленный снами,
В Сянтаньчэн из моей тюрьмы.

По одной, радостной дороге —
В Сянтаньчэн, в мир и тишину!
К моему счастью-недотроге,
Верно, путь не заказан сну?

А когда возвращаюсь рано
В мой глухой ежедневный плен,
Вновь ползут встречные туманы
Отдыхать — снова в Сянтаньчэн.

п.Х.1948
Шанхай

ИЗ СЛЫШАННОГО

Стихотворение Лу Синя

Фонарики цветные освещают
распахнутую дверь в банкетный зал.
Красивая, нарядная служанка
подносит гостю яшмовый бокал.
Вдруг, вспомня, что безвременно в могилу
сошли все те, кто были ей близки,
она, чтоб скрыть рубцы от слез, притворно
рассматривает тонкие чулки.

Дата перевода утрачена

ИЗДАЛЕКА

Это будет простое, туманное утро в Китае.
Прокричат петухи. Загрохочет далекий трамвай.
Как вчера и как завтра. Но птица отстанет от стаи,
Чтоб уже никогда не увидеть летящих стай.

Босоное солнце, зачем-то вскочившее рано,
Побежит на неряшливый берег и на острова,
И откинута прочь длинноносые девы тумана,
Над рекою брезгливо подняв свои рукава.

Ты проснешься и встанешь.

И, моясь холодной водою,
Недосмотренный сон отряхнешь с полусонных
ресниц.
И пойдешь переулком, не видя, что над головою
Распласталась прилетная стая усталых птиц.

Это сердце мое возвращается к милым пределам,
Чтобы там умереть, где так жадно любило оно,
Где умело оно быть свободным, и чистым, и смелым,
Где пылало оно... И сгорело давным-давно.

Но живет и сгоревшее — в серой золе или пепле.
 Так я жил эти годы, не вспыхивая, не дыша.
 Я, должно быть, оглох, и глаза мои рано ослепли,
 Или это оглохла, ослепла моя душа?

Ты пойдешь переулками до кривобокого моста,
 Где мы часто прощались до завтра. Навеки прощай,
 Невозвратное счастье! Я знаю спокойно и просто:
 В день, когда я умру, непременно вернусь в Китай.

19. V.1953

ДВА СОЮЗА

Когда мне в детстве говорили
 В былые дни больших удач:
 «Вот, выбирай что хочешь: или
 Волчок веселый, или мяч.

Какая вещь тебе милее?»
 Я — о, святая простота! —
 Чуть улыбался всей затее
 И отвечал: «И та, и та».

А в юности мне предложили
 На вольный выбор: приобрести
 Обыденное счастье — или
 Учености большую честь.

Удел невежества не светел,
 Но и без счастья жизнь — ничто,
 И, поразмыслив, я ответил
 По-прежнему: «И то, и то».

В часы душевного разлада
 Не раз твердил я: «Выбирай
 Миг радости ценою ада
 Или ценою скорби — рай».

Но жадного равно манили
И рай и радости земли,
И отвергал я слово «или»
Во имя радостного «и»!

19.III.1946
Шанхай

КОШКА

Под кровлею игольчатого храма
Или дворца была ты рождена
И в снежный край теперь занесена
Из знойного, беспечного Сиама.

Потом тебя туристу продал лама,
И ты с тех пор то льстива и нежна,
Как пленная восточная княжна,
То мстительна, капризна и упряма.

Тогда мечты блуждают, далеки,
И светятся зеленые зрачки,
И в них — тоска, томленье, ностальгия.

В дождливые, бессолнечные дни
И у меня глаза почти такие,
И видят лишь далекое они.

4.IX.1944
Шанхай

УТЕШЕНИЕ

Мне говорят: «Софист обманчивый,
Всегда бывавший всех правее,
Ненужной песни не заканчивай,
Посторонись, да поживее!

Умри, как жил: цветком беспочвенным,
 Крайним, больным и странным,
 Напрасной страстью притороченным
 К болотным лунам и туманам.

Тебя, кувшинку бледнолицую,
 Не приласкают, не оценят:
 Тебя осанистой пшеницею,
 Овсом питательным заменят.

Уместно ли стихам лирическим
 Звучать, больным и бесполезным,
 В тысячелетии металлическом,
 В столетии угольно-железном?

Ты ненавидишь муравьеньшей,
 И муравьев, и Муравейник, —
 Умри же, догматы затронувший
 Изгой, чужак, несовременник!

Ни сына от тебя, ни дочери,
 Ни песни воинской, ни клича:
 Так в первую погибни очередь,
 Забвенья верная добыча!»

Но в день, когда весь мир низринется
 В безумие войны последней,
 Утешится душа-пустынница,
 Заулыбается победней:

Отрадно быть ни с кем не связанной,
 Ни перед кем не виноватой
 В час, ею же самой предсказанный, —
 На красном празднике Гекаты!

Ей будет некого и нечего
 Терять в смерчах атомной бомбы:
 Ни фунта мяса человеческого
 Поэт не внес для гекатомбы!

1948
 Шанхай

ИСКАТЕЛЬ

Даль распахнулась широко,
Мутнеют очертанья мыса.
Плыви, плыви же, мой Арго,
Во тьму, на запад от Фарсиса!

Свобода, будь моей наградою,
Веди в туман мои стопы:
Я, некрылатый, первым падаю
За Геркулесовы Столпы.

Друзья роптали: «Что? куда?
В объятья гибели бесцельной?
Ты не вернешься никогда
Из этой ночи запредельной!

От века знаки нам положены,
И сказано устами Бога,
Что дни и лета всем умножены,
Не преступающим порога».

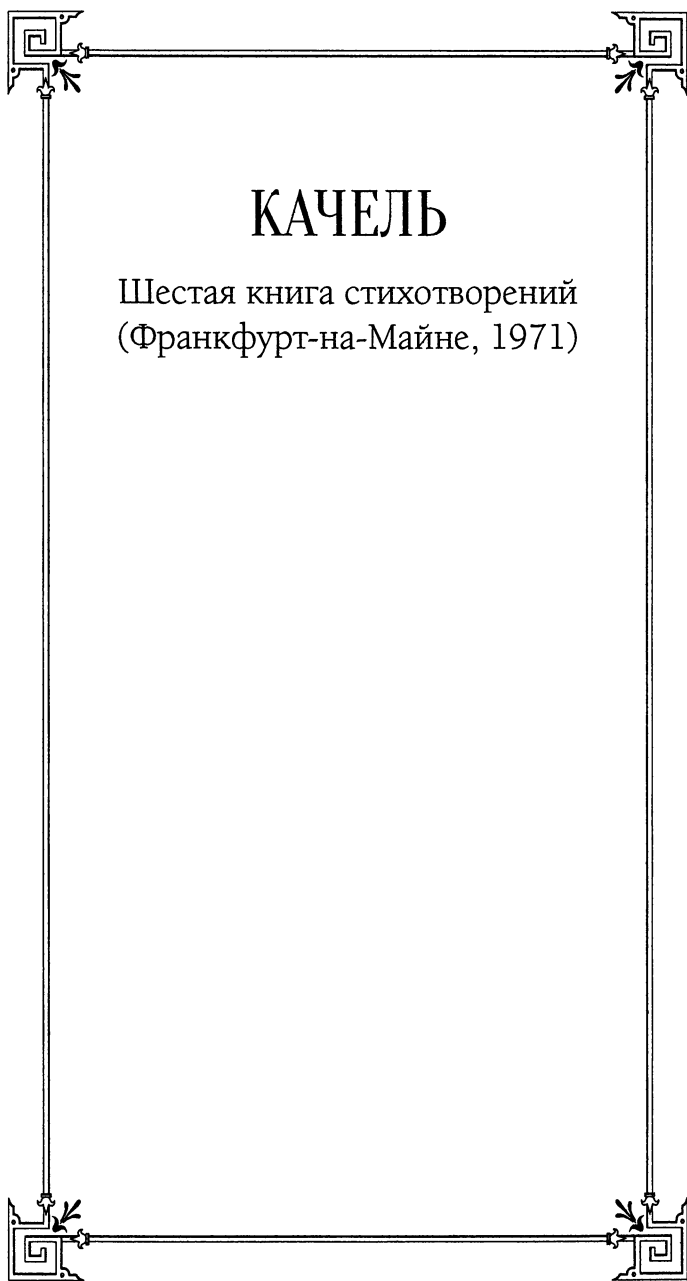
Но я без мудрых якорей
Пустился в этот мир чудесный
Всё обреченней, всё быстрее
По линии почти отвесной.

Уже не просто отраженные
Вечерне-синие эмали, —
Здесь море — бездны наклоненные,
Вниз увлекающие дали.

Уж волны тянутся ко мне
Голодной дланью, жадным взором,
Но всё же рад я крутизне,
Пьян дерзновеньем, горд позором.

Так пусть равно необоримые
Закатный ветер или вес
Меня с моей свободой мнимой
Низринут в пустоту небес!

5.XI.1944

КАЧЕЛЬ

Шестая книга стихотворений
(Франкфурт-на-Майне, 1971)

РАСКАЯНИЕ

Отвергнутым — отверженным,
 Напрасно не возвышенным,
 Пожатьям недодержанным,
 Приветам недослышанным —

Нет ни числа, ни меры...
 Но — чудом амнезии —
 Умею жить без веры,
 Без дружбы, без России:
 Мгновение, мгновение...

Но Божья где амнистия,
 А не мое забвение? —
 Чтоб небо — золотистее,
 Чтоб ночь — благословеннее,
 Чтоб зеленее — листья...

30.1.1970

ПИРАМИДА

Марии Александровне Сапелкиной

Я — пирамида. Я вершиной —
 Одним окном — гляжу в лазурь,
 Любуюсь солнцем над равниной,
 Разбегом молний, пляской бурь.

А ниже — сумрачные залы
 Всегда прохладны и темны.
 А глубже — тайники, подвалы
 В песках полупогребены.

Мне дорого святое око,
 Что к небесам обращено,

Но тело грузное жестоко
Землей дремотной пленено.

Оно гнетет меня и тянет,
Она злорадствует и ждет,
Когда незрячим око станет
И в нем последний луч умрет.

О Дух, парящий над пустыней,
Великий чудотворный Дух:
Вели, чтоб на моей вершине
Свет изнемогший не потух!

Иль лучше пирамиду эту
Переверни на острие:
Открой полуденному свету
И ветру вольному ее!

Пусть всем широким основанием
Она глядит в Твои глаза,
Пусть ходит в ней Твоим дыханьем
Животворящая гроза.

И только то окно, что люком
Единственным глядит в тоске, —
Закрой его лучам и звукам,
Похорони его в песке.

Мне было б лучшею судьбою,
Тебя не зная, не любя,
Настолько полным быть Тобою,
Чтоб чувствовать собой Тебя!

24.II.1955

КАРНАВАЛ

Знаю, нынче мою ладью
 Опрокинут ночные реки:
 Едва ли поймут мою
 Молитву святые греки.

Расшалившийся лунный диск
 В карнавальный пустился танец,
 И вспомнил святой Франциск
 О юности (итальянец!).

Не задетый лунной мечтой,
 Не встревоженный южной музыкой,
 Сойди же ко мне, святой
 С душою и речью русской!

Чтоб луна, ворожа весной,
 Не разбухла рожей бесовской,
 Побудь до утра со мной,
 Святой Серафим Саровский!

Ты, полуночный серафим,
 Образ ревности и вниманья,
 Сна не дал очам твоим,
 Ни веждам твоим дреманья.

8.XII.1969

ПУСТЫНЯ

От июльского солнца плохими деревьями
 Худосочного парка укрытый слегка,
 В небе облачными я люблюсь кочевьями —
 Широко, как верблюды, бегут облака.

Мне в дремоте даруется легкость желанная
Изменять сыроватой тяжелой земле
И в былое дорогою плыть караванною
На горбатом баюкающем корабле.

О, пустыня священная сорокадневная,
Где постился Христос и взалкал наконец,
Ты же грозная, сорокалетняя, гневная,
Испытанье и казнь маловерных сердец!

В сером городе — чувства и мысли растеряны,
Заклученная в камень, томится душа.
Я к тебе ухожу — и качаюсь размеренно,
Этим зноем и ветром песчаным дыша.

Купина Моисеева неопалимая —
Чудный дар твой, пустыня! пошли мне его —
Я ведь тоже к тебе, золотая, любимая,
Прихожу, убежав от себя самого.

Помоги человеку смирить искуителя:
Ты когда-то уже помогла Одному —
И прекрасные ангелы белых обителей
Прилетали, и звери служили Ему.

8.VII.1944
Шанхай

МОЗАИКА

Среди младенческих мозаик
Всех ярче помню я одну:
Условную траву лужаек
И пастбищ горных желтизну.

В тунике легкой и короткой
Полуязыческий Христос

С улыбкой знающей и кроткой
Обходит гибельный утес.

И на плечах спокойно дремлет
Отысканная им овца,
И заревой свирели внемлют,
Чуть наклонившись, деревца.

Овца, отставшая от стада,
И я иду не за толпой,
Иду туда, куда не надо,
Туда, где волчий водопой.

Что ж, Пастырь Добрый, разве ныне
Тех девяноста девяти
Уже не бросишь ты в пустыне,
Чтоб одного приобрести?

1945
Шанхай

РАДУГА

То черные волны недуга,
То скорби, насевшие скопом.
Лети же к святой Терезе,
Голубка моя!
Меж тем — глазами хирурга —
Научно, под микроскопом,
— в разрезе —
Себя самого проверю.
Увижу ли, как за дверью
Протянется над потоком
Прощенному малoverью
В полнеба первая радуга?

2.V.1969

ЛОВЦЫ

Лучше не заводи
Бесполезного невода:
Не нужны невода!
Хоть крапива — не заводи,
А песок — не вода,
Без сетей, и на отмели
Мы у стольких, смотри,
Не свободу ли отняли?
Столько рыбы! Не сотня ли,
Да полсотни, да три?

1.X.1969

ДОЖДЬ

Сам на голой доске, голова на камне.
Взяв разбег по верхам исхудалых рош,
Сквозь решетку стучится весенний дождь.
Для чего, незванный, пришел ко мне?

Иисусе Христе — всполошились краски —
Сыне Божий — кругом поползли ростки.
Это ноги — помилуй — в разгульной пляске,
Это почки, набухшие, как соски.

На доске, на камне томится инок:
Настигает узкий стальной клинок.
Приюти в захлестнутый свой венок
Опаданье яблоневых снежинок!

...Утихает буря, и от дождя
Остается шелест возни несмелой.
Дождь ошибся окном. Теперь, уйдя,
Он в другое окно стучит, кадя
Остропахнувшей цвелью и пеной белой.

24.III.1969

ФЕНИКС

Птицей пушистой и хрупкою,
Сердце, казалось ты мне:
Маленькой, глупой голубкою,
Пойманной в сеть на окне.

Странно, что руки любовные
Грозный вершат приговор,
Страшно, что свечи церковные
Разбушевались в костер.

Сердце, сожженное заживо,
Ты не поверило в зло:
Нежного голоса вражьего
Ты ли бояться могло?

Вдруг островерхою башнею
Пламя взлетит в купола —
Неголубины, страшные
Вдруг распахнутся крыла.

Сердце, смиренная пленница,
Жертва неслыханных мук,
Переродится, изменится,
Светом пронижется вдруг.

Гибну, но верю, но ведаю,
Знанья уже не тая:
Звонкоголосой победою
Смерть обернется моя.

Вместо дороги условленной
Алчущее высоты,
Сердце, мой феникс несловленный,
Вправду бессмертное ты!

3.IX.1944
Шанхай

ТРИОЛЕТ

Хлеб мой насущный дай мне днесь —
Провалы в бездну и мечты,
Стихи и маленькую спесь...
Хлеб мой насущный дай мне днесь.
Потерпим вместе эту смесь
Болот и зовов чистоты.
Хлеб мой насущный дай мне днесь —
Провалы в бездну и мечты.

7.I.1969

QUINTA DA BOA VISTA

Чинно, ладно, не слишком жарко:
Пальмы, озеро, синева...
Вдруг — как в документе помарка —
Неуместная клетка льва.

Неужели лев зоопарка —
Тоже символ святого Марка?

24.I.1969

АНГЕЛЫ

Бывало, смутный дух, колдуя,
Меня томил и волновал,
И сердца розу молодую
Пред ним я жадно раскрывал.

Но образ милый был осмеян,
Как отроческая любовь:
Мой ангел превратился в змея
И ангелом не станет вновь.

Потом нетленная икона
Мой взор послушный увлекла,
И я влюблялся неуклонно
В Архистратиговы крыла.

Чего б не отдал я за эту
Порывистую быстроту,
За это устремленье к свету,
За меч, разящий на лету!

Но стала кровь холодноватой,
Не сбывшись, отшумели сны:
Ни архаические латы,
Ни битвы больше не нужны.

Теперь дорогою обратной
Меня ведет в жилища дня
Невидный ангел и незнатный,
Но неотступный от меня.

О легкой ноше, добром иге
Не вспомню ли перед концом,
Когда слова блаженной Книги
Он шепчет за моим плечом?

12. VIII.1944

Шанхай

МОЛИТВЫ

*Мнемонические стихи, содержащие все
восемь вариантов четырехстопного ямба
в том порядке, в каком они даны у Шенгели*
(«Техника стиха». Москва, 1940. Стр. 59).

Когда зовет на поле битвы
Из-за стены меня война,
В защитницы беру молитвы:
Приходит с ними тишина,
И незамысловатой дани
В вознаграждение даны
Сокровища обетований
И перераспределены.

10.XI.1970

УТРОМ

Просыпаться рано не хочется,
Отвечаю часам: о, нет!
Будет долго еще ворочаться
Неготовый к возне поэт.

Хлещет солнце вдоль подоконника,
Зной вливается из окна.
К жизни будит меня иконка
Иоанна Дамаскина.

23.I.1969

БЕСЕДА С БОГОМ

Ты ко мне приходил, как податель скорбей,
 В полумраке Твоих обезлюдевших скиний,
 Но тишайшее солнце улыбки Твоей
 Растопило скорбей настывающий иней.

Я поверил Тебе. Я Тебя полюбил,
 Побежал по следам обманувшего света —
 Для того ли, чтоб выбиться скоро из сил
 Человека и мага, жреца и поэта?

Но, как равный, Тебе говорю я теперь,
 Что перуны и стрелы Твои — бесполезны,
 Что теперь я сумею, как загнанный зверь,
 Перепрыгнуть Твои ненасытные бездны.

И бывает, что путник, Тобой одержим,
 За маршрутом приходит и за назиданьем.
 Знаешь, чем я теперь отвечаю? Одним
 Безучастно-участливым, добрым молчаньем!

Знай, уже никого я к Тебе не толкну,
 Знай, Тебя я на плечи ничьи не обрушу
 И не брошу в глухую Твою глубину
 Человечью больную и нищую душу!

Без ответа оставлю заветный вопрос:
 Отвечать бесполезно и трижды жестоко.
 Пусть живет человек без мистических роз
 И беспечно поет — до могильного срока.

Для чего нам Твое неземное Добро,
 Если можем мы счастьем согреться минутным,
 И порою жар-птица уронит перо —
 Легкокрылая гостя в дому неуютном?

13.XI.1947
 Шанхай

ОЗЕРО ЛЮБВИ

Древнее озеро, скрытое в горном провале,
Даже герои пробиться к тебе не могли!
Мне же, избраннику, бездны твои колдовали
Лучше и слаще озер мелководных земли.

С каждым приходом доверчивей, ближе и ближе
Я поддаюсь обаянью твоей западни.
Томный, шепчу, как во сне: утоли, утоми же!
И отзываешься ты: утони, утони!

Чудно, что ты отвечаешь так нежно и скоро,
Страшно, что алчешь, — но тайна еще не ясна,
Что непохоже ты вовсе на наши озера:
Не погибает лишь тот, кто доходит до дна.

19.V.1945

Шанхай

БОРЬБА

Во дни, когда в борьбе вечерней
Крест и Дракон соплетены,
Зовут меня к венку из терний
Мои настойчивые сны.

Забудь покой, и дом, и ложе,
Пророком Божьим стань в глуши! —
И послан я Тобою, Боже,
В глушь собственной моей души.

И я теперь не для того ли,
Чтоб волю выполнить Твою,
Пред яростным драконом воли
Святым Георгием стою?

Но, зверем буду ли раздавлен
Иль крест победно подниму, —
Не буду ли равно прославлен
За верность зову Твоему?

5.XI.1944
Шанхай

МОЛИТВА

Пожалей меня, пощади:
На трибуне или на площади,
На амвоне или на паперти,
Лишь бы только не взаперти!

Разбрелись облака-ягнята,
Целина тумана не поднята,
А дорога никем не смята...
Оступиться, ступив на сходни,
Поскользнуться не запрети!

22.VIII.1969

ХИМЕРА

Чтоб написать Химеру, мудрый мастер
Блуждал среди цветов земного зла,
Ища даров от похоти и страсти,
Как некая злорадная пчела.

Кошачью лень, коварство леопарда,
Шакалью трусость, вкрадчивость гиен —
Всё сочетал великий Леонардо
Для странной росписи церковных стен.

И, по сказанью летописи старой,
Отпрянул он и был бежать готов
От этой гнусности и злобы ярой,
Что из ужасных глянули зрачков.

Рога и клювы, гривы и чешуи
Вобрал и я — и, как на полотне,
Всю ложь и низость, некогда чужую,
Я нахожу ожившими во мне.

У глаз моих зрачки чужие, волчьи,
В моих движеньях — обозленный слон.
Но знаю: вдалеке проходишь молча
Ты, некогда изгнавший легион...

21.IV.1944

Шанхай

ЗВЕЗДЫ

Нынче Марс опять заржавленный,
И, конечно, оттого
Злые мстители расставлены
Возле дома моего.

Это Марс лучами яркими
Шевелит — и с вышины
Лезвиями и пожарами
Возмущает наши сны.

По заданью от Меркурия
Рядом пишется донос,
А Венера — просто фурия
В маске томности и грез.

И над тучами осенними,
Укрываясь за туман,

Роковыми потрясениями
Угрожает нам Уран.

Силой вражьей, силой скрытную
Смято всё и отнято:
Волчью стаю ненасытную
Приручить сумеет кто?

Слишком дорого обходится
Этот звездный производ.
Помогай нам, Богородица,
Защити от стольких зол!

5.XI.1943
Шанхай

БОЛЬ

Как рассеченное насквозь, колено,
И каждый шаг — по лезвию ножа...
Где преступленье, грех или измена,
Достойные такого правежа?

Но я молюсь, и мой недуг телесный
И душу, что тоскует и болит,
Во сне святой Игнатий исцелит
Прикосновением руки чудесной:

Ведь некогда и он, еще земной,
Со мною болью мучился одной!

28.II.1934

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

Сколько хочешь, гимны насвистывай,
Голод, сон и жажду гоня,
Но, страстотерпец неистовый,
Пожалей хоть коня.

Скоро, скоро нимб обозначится
Вкруг твоей святой головы,
А загнанный конь наплачется
Без тебя, без травы.

Пожалей его. Хоть до времени
Отпусти немного ремни
И не натягивай стремени —
В мире повремени.

1.X.1969

СОВЕСТЬ

Выключаю вечерний разум,
И в неосвещенном окне
Божьим голосом, Божьим глазом
Оживает что-то во мне.

А наутро при каждой встрече
У других того же алмаза
Я ищу, — но поджаты речи,
И в глаза не смотрят глаза.

6.IV.1969

УЧИТЕЛЮ

Со мною ты бывал суров
И разрушал сады иллюзий,
Но из поверженных цветов
Сплетал венки печальной музе.

Как ветер северных морей,
Ты разгонял туманы марев,
Но утешал — и тем щедрей,
Чем больше отнимал, ударив.

Да, было много, много слез
Обид, разлук, недоумений,
Но в каждой той слезинке рос
Росток грядущих вдохновений.

Так по труднейшему пути
Я круто шел и одиноко
И прозревал в себе почти
Сверхчеловека и пророка.

Как Бёме, знал я торжество:
Аврора Божья мне блеснула,
Но вдруг в пустыне одного
Меня ты бросил, как Саула.

С тех пор я в мире стал своим:
Как все, и жаден я, и страстен.
Земной любовью я любим,
Земному счастью я причастен.

Кручусь, как белка в колесе,
Пляшу всеобщий танец дикий,
Уже бескрылый — и, как все,
Слепой, глухой и безъязыкий!

Я и во сне теперь не рвусь
К, бывало, брезжившему раю,
Зато по-волчьи выть учусь
И понемногу забываю, —

Что ничего трагичней нет,
Чем усыхающее море,
Чем замолкающий поэт,
Чем забываемое горе.

23.IX.1947

Шанхай

БОГОРОДИЦА СКОРБЕЙ

Каждый раз, когда я загляну
В глубь незримой глубины моей,
В тишине увижу я одну
Богородицу Семи Скорбей.

Предает ли Сына ученик,
С клятвой отрекается ль другой —
Не поникнет осиянный лик,
Не померкнет взор безмолвный Твой.

Пусть оплеван Твой тишайший Сын,
Пусть изъязвлена бичами плоть —
Богородица Семи Кручин,
Эту боль Ты сможешь побороть!

Сын несет Свой крест, как Исаак,
Сын Твой пригвождается к кресту
И в девятый час идет во мрак,
В преисподнейшую пустоту.

Эти лезвия грозят Тебе,
Богородица Семи Скорбей,

Но, еще не плача о судьбе,
Ты у древа стой и не слабей.

Беспощадный меч не упадет,
Никогда не долетит копьё,
Если им навстречу не пойдет
Сердце, Богородица, Твое!

Если ж сердце разрастется вдруг,
Вскинется на копьё и мечи, —
О, тогда, Семи Великих Мук
Богородица, рыдай в ночи!

15.XII.1944

Шанхай

ИМЯ

По-здешнему — Сэвэрину,
По-нашему — Северин:
В том имени к аспирину
Хитро подмешан стрихнин.

Но вовсе не одурманен
Латынью, дик и суров,
Он — истинный северянин,
Питомец верный лесов.

Одним таким Северином
Ведомый, автомобиль,
С разбегу, прыжком звериным
Меня опрокинул в пыль.

Подарком от папы Пия
Святого, тенью креста
Остались мне диплопия
И легкая хромота.

12.II.1970

ОПРАВДАНИЕ

Я — веселый из самых веселых,
И ко мне не касается зло:
Я пишу о деревьях и пчелах,
Прославляю Господне тепло.

Но, о чем бы ни начал беседу,
Неприменно сорвусь, упаду:
Говорю про венок и победу,
Проговариваюсь про беду.

Я читаю ненужные книги,
Я волнуюсь, томлюсь и грешу,
Но излюбленную, как вериги,
Как стигматы, я муку ношу.

Ты желанна мне, боль, и приятна,
Как пустынноку ветер пустынь.
О, звезда моя, будь незакатна
И меня никогда не покинь!

Я люблю тебя, тайное пламя,
Умудренная добрая боль:
Для меня ты — высокое знамя
И у райского входа пароль.

22. II. 1941

Пекин

СЛЕПОРОЖДЕННЫЙ

Почему, немый и всклокочен, —
Вопрошают ученики, —
Вдоль дорожных идет обочин,
Вместо зренья — ошупь клюки?

Это сам он — поведай — или
Согрешили предки его,

Что ему, кроме мух и пыли,
Не дано узнать ничего?

Верно, он костенел в пороках
И родился с бременем зла?
Или, заражена в истоках,
Только яд река разнесла?

Мир прекрасен и слишком светел
Для грехом омраченных глаз?..
Но Учитель, вздохнув, ответил:
— О, как мало веры у вас!

Ни при чем ни мрак преисподних,
Ни родительская постель,
Но бывает в делах Господних,
Что причиной станет цель.

23.VI.1970

И. Т. Орловой

Я знаю все ее приметы:
Всегда одну, всегда одну
Сквозь обморочные просветы
Я вижу райскую страну.

Но прячу тайны созерцанья,
Как будто разум мой слабел,
Как будто в повести сознанья
И вправду может быть пробел.

Там запахи и краски пели,
Так несказанно хороши,
Что знаю: жизнь в тяжелом теле —
Лишь долгий обморок души.

16.I.1946
Шанхай

В НАЧАЛЕ

Отличим ли цель от причины? —
Их смешал вселенский обман.
Распознаем ли сквозь личины,
Где Ормузд и где Ариман?

Разве цель — спаленная пальма
Или щели выжженных глаз?
Разве цель — облака напалма
Или едкий горчичный газ?

Цель — чтоб не было ни бездомных,
Ни больничных скучных смертей
На игралищах бомб атомных,
Грибовидных черных смерчей?

Цель — победа?

А я приемлю

Этот мир святым и благим
Оттого, что небо и землю
Bereishit barah Elohim.*

18.II.1970

Нам солнце заслоняют крыши,
Долины принижают дух,
Но высота возносит выше
И ветер очищает слух.

Мы в буре чуем голос Бога,
Упрек — в полете птичьих стай,
И каждая гора немного
Похожа на святой Синай.

* В начале сотворил Бог (ивр.).

Сюда, где царственные громы,
Где солнце, горы и орлы,
Принес я, путник незнакомый,
Из города болотной мглы

Всё то, что долго сердце мучит,
Сомненья, жалобы и страх...
Что скажет мне, чему научит
Волшебный город на горах?

Высокой вере иль неверью?..
Или, дразня покоем лишь,
Расчетливому лицемерью
Разбросанных по кручам крыш?

1. VII.1953

РАНЕННЫЙ КОРОЛЬ

Снова братья в церкви ждут меня,
Ждет Грааль, сухою кровью полный,
Но опять гееннского огня
В жалком сердце пробегают волны.

Как я, Боже, в храм Твой подымусь?
Introibo ad altare Dei...
Как к святейшей Чаше прикоснусь
Пальцами презренного злодея?

Qui laetificat... Позволь, позволь
Мне бежать и вновь не возвращаться,
Чтоб святыни рыцарский король
Не грязнил рукою святотатца!

Боже, Боже, пощади того,
Кто жестокой ранен красотою, —
Отними и власть, и старшинство,
Приобщи печали и покою!

Только бы не эта бездна мук,
Не огонь, струящийся по жилам!
Королевский меч и добрый лук
Раненому больше не по силам...

Sursum corda! Кундри, это ты?
Как змеей, тобою я укушен.
В темный рай по зову красоты
Я пошел, и Божий свет мне душен...

Как мне вырвать жадных уст копье,
Стрелы глаз ее, волос безумье?
Прогоните, рыцари, ее,
Выбросьте за двери без раздумья!

Gratias agamus... Разве так
Прежде мне слова Твои звучали?
Боже, отпусти меня во мрак
Каяться и плакать о Граале!

4.III.1946
Шанхай

FONS SALUTIS*

Пряди потных волос,
Ран увядшие маки.
Тише! пленный Христос
Почивает во мраке.

Мы Его бережем,
Разделяя несмело
Самым чутким ножом
Драгоценное тело.

* Источник спасения (*лат.*).

Плоть нежна и чиста,
 Как усталые льдинки...
 Каждый день у Христа
 Мы берем по кровинке.

Но в темнотах сердец
 Всё растут опасенья:
 Вдруг наступит конец
 Водоему спасенья?

18.XI.1944
Шанхай

ПОДВИГ

Серафимом из пламени
 Призраков замени,
 Присягни его знамени,
 Древний рай помяни.

Верным дастся по мере:
 Стань в невидной двери,
 Всем далеким по вере
 Об отворенной двери
 Пой, рыдай, говори!

22.VIII.1969

НОВОГОДНЕЕ

Из Иманта Зиедониса

Новогодней сутолокой знакомой
 Наполняется дом. А я один
 Поздним вечером просто бегу из дома:
 Мне, наверное, встретится Божий Сын.

Сколько их — и многих я даже знаю —
Человеческих маленьких сыновей,
Но не нож для них, а сердце скрываю
Я для Божьего Сына в суме моей.

Пожеланья и тосты... Но чем отвечу?
Ведь всего довольно (почти всего...).
Поздним вечером выйду и, знаю, встречу
Сына Божьего где-нибудь — одного.

5.II.1970

МОЛИТВА ВЕРНЫХ

Зовет меня мир на дороги другие,
В овраг, в полумрак, на дно.
Но, сердце, вещаниям литургии
Останься верно!

Кто мог бы не плакать всё чаще и чаще,
Так много крестов неся,
Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще
О всѣхъ и за вся?

Всю боль и томленья, все призраки наши,
Темноты, тесноты, мглы
Прими, как вино в этой малой чаше,
Как жертву хвалы!

Дай жаждущим пить осиянное небо
И алчущих утоли —
За бедные эти частички хлеба,
Что мы принесли!

20.V.1945

Шанхай

КОЛОКОЛ

Когда несмелая забрезжит
 Над сонным городом заря,
 Редеющую мглу прорежет
 Далекий зов монастыря.

Моя душа — как дно колодца,
 Но в самой черной глубине
 Тотчас проснется и качнется
 Ответный колокол во мне.

Как тяжела вода тупая!
 О, если бы прорваться прочь
 Туда, где тает, отступая,
 Уже слабеющая ночь!

Пьянея солнечною славой,
 О, если бы хоть раз вздохнуть —
 Последней песней меди ржавой
 Благословить кого-нибудь!

Но в жизнь из плена водяного
 Не возвращался ни один,
 И держат властно и сурово
 Прозрачные персты ундин.

Какой прохожий отгадает,
 Что в час предутренний тайком
 Неслышный колокол рыдает
 Глухим бессонным языком?

Что ж! голос дальнего собрата,
 Живую грудь пройди, как нож,
 И всё созвучное когда-то
 Переверни и растревожь!

л. VIII.1944
Шанхай

ПОСЛЕ ЗАКАТА

Вечереет. Шальные краски
Переходят в полутона.
Снова пустит кактус ростки
Одного и того же сна —
Одного и того же стона.

Чем сумею отгородиться?
Голубей, моя бирюза,
Посиди со мною, Тереза,
Разверни покров, Богородица!
Чистота? улыбка? слеза?

9.IV.1969

EXTASIS

Жгучими щупальцами неотрывными
Ты захватил и замучил меня:
Росами, грозами, звездными ливнями
В сердце низвергся — разливом огня.

Страшно и сладко, хоть гибель влекла меня,
Сердце — колодец, колодец — в огне:
В сердце — Атлантика жидкого пламени
Льется — бушует, клокочет во мне!

Плоть разлетелась броней непрочною,
Ребер застава давно снесена:
Пламя тончайшее, пренепорочное
Пляшет и плещет до самого дна.

Ты без предтечи ли и без предвестницы,
Ошеломля захлестнутый ум,
Прямо с небес, без обещанной лестницы,
В сердца смиреннейший Капернаум?

Это бурление безмерное, дикое
 Как успокоить, себя не сгубя?
 Разве я море — и равновеликое,
 Чтоб, отразив, убаюкать Тебя?

Сердце безбережное и бесстенное
 Всё распахнулось в размах широты.
 Вечностью полный, чреватый вселенною,
 Кто это, Господи? Я — или Ты?

29. XII. 1944

Шанхай

УТРО СМЕРТИ

Перед самым рассветом я шапку надел невидимку,
 Наклонился над телом: обтянутый кожей скелет!
 Слишком долго, — подумал, — с тобой мы гуляли
в обнимку,
 Неотвязный попутчик, товарищ бессолнечных лет.

За собою водил ты меня (не товарищ — хозяин)
 По дорогам, таскал по оврагам, тянул под мосты,
 Самых темных ища закоулков, задворков, окраин,
 Убегал и от горного ветра, и от широты.

Ты свободен теперь, наконец-то, зарыться, забиться
 В черный сумрак уюта, в нору, под лопух и бурьян.
 Со святыми тебя. Ну, а я — не на крыльях сновидца
 Полечу в золотой и баюкающий океан.

Будет дальний полет беспечален, отраден и светел,
 Выше ржавых цепей и уже невесомых оков,
 Выше тюрем, и башен игрушечных, и облаков...
 Как по-новому я это утро весеннее встретил!

1. V. 1957

ТИШИНА

Когда уже не радуют стихи
Цветами запоздалых вдохновений,
В душе как будто ласковые тени
Склоняются на бархатные мхи.

И взлеты забываем мы, и сети,
И упиваемся блаженным сном,
И притихает целый мир, как дом,
В котором тяжело болеют дети.

Мы далеко от прежних чудаков,
Которым звезды по-иному блещут,
Которым даже бури рукоплещут
И вторит море хором голосов!

Не прав ли тот, кто променяет беды
За тишину — за счастье тишины?
Не знающим падений не нужны
И лавры олимпийские победы!

Где ангелы стоят настороже,
Земные не взволнуют сердца битвы.
Снисходят в душу тихие молитвы,
Когда стихи не радуют уже.

9. IX. 1939
Пекин

КОРКОВАДО

Я на вершине Корковадо
У статуи Христа, один.
Лишь облака сюда, как стадо,
Из-за других идут вершин.

Тускнеют в предвечерних далях
Дома, и пляжи, и авто.
О радостях и о печалях
Здесь не напомнит мне ничто.

Здесь так легко почти без боли
Страстей наскучившую нить
Прервать одним порывом воли
И в дольний город уронить.

Летите вниз, бывшие бури,
Прочь отпади, моя тоска!
Один средь меркнувшей лазури
Я буду чист, как облака.

Следя, как падающим диском
Уходит солнце за черту,
О мире маленьком и низком
Я, близкий, помолюсь Христу.

1.VII.1953

ПЕЛИКАН

Не на кресте, не в лучах фаворских,
Я — Пеликан на камнях приморских:
Кроткое тело свое терзаю,
Белое мясо свое делю.

Трудно мне с плоским бессильным клювом,
Всё же я мясо мое даю вам:
Дайте я сердцем вас напитаю,
Дайте я кровью вас утолю!

Нищих зовите, сирот утешьте,
Кровь мою пейте, плоть мою ешьте:
Снеди достанет на всех с избытком,
Видите, сколько зияет ран!

Сам ослабею — вы не жалеите,
Плоть мою режьте, кровь мою лейте:
Всех угощаю живым напитком
Я, умирающий Пеликан.

3.VIII.1945

Шанхай

ЗАУПОКОЙНЫЙ КАНОН*

I

Погнавшись, погиб фараон...
Израиль, прошедший по суху,
Ликует над бездной морскойю.

Хвалы всемогущему Духу
И мы, приобщившись покою,
Слагаем, как некогда он.

III

Ты, Боже, преславен и свят.
Десницей Твоей всепобедной
Ты поднял народ обреченный.

Недавно теснимый и бедный,
Теперь торжествует, спасенный:
Ведь ноги на камне стоят!

IV

«Христос моя сила, Христос!» —
Красуется Церковь честная,
Всё громче поет и победней,

В едином Тебе обретая
Последний ответ на последний,
Тобой разрешенный вопрос.

V

К Тебе прихожу до зари
С прошеньем сердечным о свете,
Любви и молитвенном даре.

Ответь на моления эти
И, снизясь в полуденном жаре,
Греховную ночь озари.

* Отклики на темы ирмосов канона, выпеваемого при погребении мирян.
Второй песни не существует.

VI

От тихих Твоих пристаней
Гляжу на житейское море,
Подъятое бурей напастей.

К Тебе, превозмогшему горе,
Взываю, избегнув несчастий:
— Стань солнцем над жизнью моей!

VII

Вот, верных подростков храня,
Спускается ангел росой
И печь раскаленную студит.

Когда соберутся толпою
И наши халдеи — да будет
Нам вера щитом от огня.

VIII

Водой обернется огонь,
Огнем разбушуется влага,
Послушные воле Господней.

Сгорят мотыльковые блага,
А нас от огня преисподней
Твоя да укроет ладонь!

IX

Кто смеет взирать на Тебя,
Сидящего на херувимах
Меж молний палящего гнева?

Но нас, изначально любимых,
Возводит Пречистая Дева
На небо, молясь и любя.

17.XI.1970

ВАЛААМ

Саранча, саранча — эти полчища в доме Моава,
 Что раскинули стан у подножья священной горы.
 Царь Валак оробел: посрамленьем заменится слава,
 Если славой сиять островерхие будут шатры!

Трижды царь посылает послов к Валааму с мольбою
 На Евфрат полноводный, в неизвестный поселок Пефор.
 И пришел Валаам, но не смеет поспорить с судьбою
 И в раздумьи глядит с каменистых Вааловых гор.

И ведет Валак Валаама
 В Кириаф-Хуцоф,
 И приносит жертву без храма,
 Без толпы жрецов.

Трижды семь быков закаляет,
 Трижды семь волов,
 И печально костер пылает
 Из больших стволов.

Валаам восходит на сходни:
 К одному ему
 Прилетают слова Господни
 В смоляном дыму.

Валаам стоит на вершине
 И глядит с горы:
 Шире моря — пески пустыни,
 Выше волн — шатры.

Высоко воздета десница:
 Вещий Валаам
 С крутизны послушно грозитя
 Голубым шатрам:

Будьте прокляты вы, прощельги, бродяги!
 Двери наших твердынь вам ли мы отопрем?

Не повергнутся в пыль моавитские стяги,
А над вами безбожник да будет царем!

Оскудеют вожди достоинством
Израильские, а вы —
Побежденным падете воинством
На сухие стебли травы.

Чтоб не кроткие руки Авеля,
А железные — Тувалкайна,
Беспощадные, вами правили,
И от трупов гнила долина!

Чтобы вам дорогами ровными
Никогда не ходить, проклятые,
Чтоб на ваших судах виновными
Выходили невиноватые!

Чтобы юношей ваших всех
На щитах уносили из битвы,
Чтобы в тяжкий вменялись грех
Воздержанье вам и молитвы!

Пусть найдут шакалы голодные
В горах вороха костей:
Станут женами девы безродные
Моавитских сыновей!

Пусть вашим бездомным вдовам
Будет горек удел вдовства.
Пусть в погоне за мужем новым
С чужеземцем блудит вдова!

И пусть у ваших сирот
И стадо, и хлеб, и мед,
И дом, и двор до ворот
Займодавец возьмет!

Пусть грязнятся дороги проказою
Шелушащихся ваших тел!
Между Тиром, Сидоном, Газою
Да поделится ваш удел!

Но вижу: к реке многоводной
Сходят на водопой
Овцы. Меж ними бесплодной
Нет ни одной.

Вижу: пути безопасны,
Ни хищника, ни змеи.
Израиль, прекрасны
Жилища твои!

Вижу: кругом водворился
Ненарушимый мир,
Едом тебе покорился,
Смирился Сеир!

Но, Боже, затем ли
Сюда я пришел,
Чтоб на эти земли
Не накликать зол?

Забуть о ехиднах,
Змей не натравить?
В безобидных словах — обидных —
Прокля — благословить?

Прокля — словить,
Благо — проклясть,
Заговорить
Львиную пасть?

Благо — проклясть,
Прокля — словить:
Каждому пасть!
Каждому жить!

Силою всей
С разных сторон...
Но Моисей,
Но Аарон...

Дом не чужой —
Бог не солгал:
Дальней межой
Станет Галгал!

Высшим судьей
Будет кинжал!
Дружной семьей —
Бог указал...

В вечной любви
Их сохрани,
Благослови —
Нет, прокляни!

От западни!
Нож притупи!
Искорени!
Нет: укрепи!

И воссел Валаам на ослицу и отбыл к Пефору.
И повержен Валак. И в песках затерялся Моав.
И сегодня турист, восходя на безводную гору,
Не найдет ничего, кроме ветра и выжженных трав.

От Галгала и Гефа, от Тира, Сидона, Сеира
Уцелели одни благозвучные их имена,
Но, как в те времена, за обманчивым призраком мира
По горам и долинам угрюмая бродит война.

8.VIII.1970

ПОЭМА О МИРОЗДАНИИ

Неслучайный среди случайных
Изменяющихся теней,
Странный мир, сокровенный в тайнах,
Никогда не ставших ясней,

Мир исконных противоречий,
Где добро пополам со злом, —
Страшным грузом ты лег на плечи,
Придавил угластым ребром.

Я искал последней разгадки
В пыльных свитках древних письмен,
Но ответы, робки и шатки,
Только призраков брали в плен.

Я свой дух облакал в вериги,
Отдавал свой разум под плеть,
Я молился, оставив книги,
Я старался зреть и узреть.

Но в ночи киммерийской духа
Не сверкнул мне луч ни один,
Никогда не коснулся слуха
Благодатный голос глубин.

Шел потерянным в мире смутном
И без голоса Твоего,
Без луча на пути беспутном
Я не ждал уже ничего.

Боже! Боже! Как беспросветен
Бедный мячик Твоей земли,
Изболевшийся от отметин,
Что Твои бичи нанесли.

Боже, Боже! Где же защита
У земли от ударов тех,
Если весь ее путь — орбита
Мимо тех же и тех же вех?

А на шарике обреченном
Плоть живая обречена
Беспощадным Твоим законом
Чашу боли выпить до дна.

В неизбывном мраке глубоком
Я бродил, забыв о пути,
И была молитва уроком,
Что к Тебе не мог привести.

Никогда, я думал, отсюда
Не увижу дальних небес,
Так не стоит и верить в чудо,
Ибо нет на свете чудес.

Если вечно кружит дорога,
Думал я, грехи не грехи,
Милосердия нет у Бога,
Нет у человека души.

Не бродил я — лежал, бессильный,
Неподвижный, на дне морском,
И вода, мой сторож могильный,
Заносила меня песком.

Но и там, от Бога бежавший,
Как Иона в дальний Фарсис,
Был я узан: меня узнавший
Бог спустился за мною вниз.

И в прозрачной дымке виденья
Или в длительном вещем сне
Весь торжественный ход творенья
Был открыт и показан мне.

Слово Божье — как клекот орлий
Или шум семи колесниц:
Херувимы крыла простерли,
Не открыв несказанных лиц.

И, внимая Его глаголу,
Откровенью первых основ,
Как тростник, преклонились долу
Семь сотруddников и творцов.

Вышний молвил: «Когда в начале
Словом создал Я вещество,
Распахнулись черные дали
И вместили в себя его.

Но, чтоб шире могла явиться
И щедрее милость Моя,
Беспредельность да раздробится,
Станет искрами бытия.

Вот, архангелы, вам задание —
Мера благости и уму:
Расточите свои создання
В бесконечном Моем дому.

Каждый пусть из вас на свободе
Сотворит по воле своей
То, что ближе его природе
И достойно Моих очей».

1. Рафаил

Рафаил — живой и проворный,
Вечно движущаяся ртуть:
Это он по пустыне черной
Всех быстрее совершает путь.

Он расчетливый, точный, верный, —
Он замыслил и завертел

Мир двухмерный и мир трехмерный
Угловатых фигур и тел.

Симметрический и условный,
Этот космос жил и не жил,
По орбите четкой и ровной
Каждый двигался и кружил.

Треугольники и квадраты
В простоте первичной своей,
Пентагоны — замысловаты,
Гептагоны — еще хитрей.

Величавы, легки, негрубы,
Будто созданы для игры,
Были конусы там и кубы,
Эллипсоиды и шары.

И стеснились ангелы туже
И взирали на ладный строй:
Этих ромбов и полукружий
Любовались мудрой игрой.

Но, казалось, игрушки праздны
И не рады затее всей,
Безнадёжно, однообразно
Обращаясь вокруг осей.

II. Самаил

Не одно столетье проплыло
Над мирком затейным, пока
Не явился мир Самаила,
Словно пламень издалека.

Самаил, могучий и ярый,
Ты, кровавый вестник войны,
Сводишь бедствия и пожары
На поля и нивы страны.

Но тогда, послушный желанью
Господина Семи планет,
Ты сначала прекрасной дланью
Сотворил благодатный свет.

Ты зажег золотые светы
Многооких огней в ночи,
Ты рассыпал во тьме кометы,
Переплел и рознял лучи.

Ты и молниям царь, и грому:
Всё веленьям внемлет твоим,
Если ты по небу ночному
Пробежишь огнем грозovým.

Но созданья твои жестоки,
Не хранят, а губят они:
Вот огни разлились в потоки,
В океаны слились огни.

Без границы пожар, без меры:
Вот горят зенит и надир,
Вот пылают кубы и сферы,
Рафаилов непрочный мир...

III. Кассиил

«Дух недобрый, дух разрушитель!» —
Закричал тогда Рафаил,
Но уже Кассиил-гаситель
В поединок с огнем вступил.

Небывалой стужей ударив,
Это пламя он сжал тесней,
Из мозаик стынущих зарев
Создавая глыбы камней.

Он воздал за горечь обиды
И — спасающий исполин —

Из пылающей пирамиды
Сотворил прекрасный рубин.

Он извлек из огня топазы
Красноватые, чуть в дыму...
Застывающие алмазы
Полюбились еще ему.

Разноцветными веерами
Краски ринулись в пустоту:
Веществом набухало пламя,
Охлажденное на лету.

И сказал архангел холодный:
«Всеблагой, премудрый Отец,
Я не хищник и не бесплодный
На чужое жадный скопец. —

Эти камни созданы мною —
Их сапфирами я зову:
Море будущее — земное —
Да воспримет их синеву.

Вот прозрачные аметисты
И ласкающий хризолит,
Где как будто с зеленью чистой
Луч полдневного солнца слит.

Сердце, сердце, шире излейся,
Расточи без счету дары:
Вот огромные глыбы гнейса
И граниты земной коры.

О, скупое сердце Сатурна,
Непочатая глубина,
Опрокинься теперь, как урна,
Обнажись до самого дна!»

IV. Гавриил

Гавриил, на седых утесах
Ты, как лунный луч на песке,
Для чего промелькнул — и посох
Для чего у тебя в руке?

Вот разбил ты гранит тяжелый,
И из темной утробы скал,
Извиваясь, поток веселый
Ключевой воды засверкал.

И на каменных ложах скоро,
Как на самом мягком меху,
Возлегли моря и озера —
Далайнор, Байкал и Тайху.

Ты из этой плоской стихии
Создал взмахом нежной руки
Водопадов мосты сквозные
И ползучие ледники.

И смотрели духи с вершины,
Как на сцену с высоких хор:
Вон в сиреневые ложбины
Заползают туманы гор.

Розовея, смуглея, тая,
Облака на юг потекли —
На заре румяная стая,
В яркий полдень — как журавли.

Кто за пестрое чудо радуг
Всех даров своих не отдаст?
Эти дуги тоньше загадок,
Что измыслил Екклесиаст.

Эти дуги — как поцелуи
Или грез ночные сады,

Смутно видимые сквозь струи
Полусонной серой воды.

Или словно вычурный иней
По утрам на стеклах зимы —
Кружевное сплетенье линий,
Сновидений тонкие тьмы.

V. Анаил

Самый тихий и кроткий ангел,
Самый любящий — Анаил.
Ах, таким ли биться на фланге
Наступающих Божьих сил?

Есть ли в мире подобный ратник?
Так задумчив и нежен лик.
Разве это лучник и латник,
Разве это архистратиг?

Анаил, чье светлое имя
Слаще меда и струн звончей,
Ты пришел с цветами иными —
Не с цветами снов и ночей.

Ты созданьям дышащим роздал
Краски прежних мертвых чудес,
Ты зеленое море создал
Меж морями вод и небес.

Ты — носитель бессмертной славы,
Только твой животворен труд:
Проросли роскошные травы,
Засверкали, как изумруд.

По лицу земли обновленной
Разрослись сплошною стеной,
Как столпы стихии зеленой —
Плющ и папоротник резной.

А внизу, где журчали реки
Или сонный ручей сверкал,
Королевич-нарцисс навеки
Загляделся в бездну зеркал.

Черный ирис лесных опушек,
Гиацинт и хрупкий левкой
Ты низвел, чтоб земные души
Красотой томить и тоской.

Нет, однажды, вестник крылатый,
Снизойдет полузримый свет.
Прилетит нежданный глашатай
К тихой девушке в Назарет.

И, склонив опахала крылий,
Ей отдаст твой брат Гавриил
Ту из лучших небесных лилий,
Что в раю ты нежно растил.

А в награду от Гавриила
Взяв зерно благовонных рос,
Для Терезы, розы Кармила,
Ты взлелеешь множество роз.

Розы, розы — сполохи света,
Вихревые всплески тепла,
Чтоб святая Елизавета
Хлебы в них превратить могла.

А в прудах и затонах тинных,
Знаю, лотосы ты создашь:
На стеблях негибких и длинных
Столько хрупких розовых чаш.

Пусть, открыв сердца славословью,
Ослепленный чудом Восток
Вмиг полюбит острой любовью
Этот гордый, умный цветок.

В нем оценит мечтатель смуглый,
Что растет он — будто царит:
Даже лист — огромный, округлый —
Держит он, как рыцарский щит.

Запоем и мы благодарней
О земле, похожей на сад:
Словно запах от мироварни,
Зазвенит ее аромат.

Но зачем же, странный садовник,
Ты украдкой, как злодей,
Взрастил железный терновник,
Чьи шипы острее гвоздей?

VI. Варахиил

На сады, на лесные дали,
Анаила мирный удел,
В изумленьи духи взирали,
И в глазах восторг пламенел.

И запел собор восхищенный
В честь героя звучный псалом,
Так что сам Анаил смущенный
От похвал закрылся крылом.

Ах, в подобной славе потонут
Остальных сиянья светил!
Лишь один восторгом не тронут,
Равнодушен Варахиил.

Он сказал: «Красивы деревья,
Но в судьбе своей не вольны,
Мы же, духи, любим кочевья
По лугам небесной страны.

Так любовно мы бы глядели,
Их стремленьем взор веселя,

На летающий дождь камелий,
На бегущие тополя!

По морям, где только туманы,
Наклонясь, влачат рукава,
Заиграют левиафаны,
Как плавучие острова.

По пескам пустыни бесплодной,
По стеблям засохшей травы
Пусть резвятся, сильны, свободны,
Золотые гордые львы.

Пусть, моей послушные длани,
Быстрый бег любя и простор,
Побегут веселые лани
По уступам северных гор.

Вот тяжелый, накрепко сбитый
И медлительный бегемот:
В час жары он уходит, сытый,
Отдыхать в прохладе болот.

Вот и слон: склоняются ивы,
Расступаются тростники:
Это князь могучий, красивый,
Не спеша он пьет из реки.

Но еще вольней и бесстрашней
Взыщет конь воинственных встреч:
Устремленной, ожившей башней
Пусть летит на поднятый меч.

И — прообраз высшего мира,
Что сойдет к долине тревог, —
Как нетающий снег Памира,
Белый, белый единорог.

Пусть в холмах песчаных гнездится
Несмышленный страус пустынь,
А простые певчие птицы
Веселят небесную синь».

VII. Михаил

Лишь закончил дело и слово
Величавый ангел зверей,
Как послышался голос новый
Звонче бурь и громче морей.

Это начал свои ответы,
У престола Бога склонясь,
Михаил преславный, всепетый,
Шестикрылых воинов князь.

Он сказал: «У ног Властелина
Я смиренно целую прах:
Оттого, что как пыль, как глина
Наша слава в Божьих глазах.

Но, чтоб знала светлая стая,
Что и пыль достойна забот,
Станет плотью глина простая
И сосудом Божьих щедрот.

Этот жалкий остов бездушный,
Неподвижен, темен и пуст,
Будет петь и дышать, послушный
Дуновенью Господних уст.

Он осмысленным взором глянет
На сияющий день кругом:
Он орлом дерзновенным станет,
Легкой серной, сильным слоном.

Так ничтожной, последней пыли
Целый мир во власть я предам,

Чтобы всем, что мы сотворили,
Управлял разумный Адам».

И тогда во мгновение ока
Всё грядущее Михаил,
Словно книжный свиток пророка,
Потрясенным братьям открыл.

Слишком скоро, ах, обесславлен
Человек и свергнут с высот:
Вот уже серафим приставлен
Охранять заповедный вход.

О бессмертьи, напрасном даре,
Загрустила светлая рать,
Но помочь не умела твари,
Так хотевшей не умирать.

Вот рыдает грешная Ева,
Всемогущим осуждена
Чашу гнева, Божьего гнева
Осушить до самого дна.

Вот, ища пустынь и окраин,
Каин прячется в глушь и тишь.
От людей ты спрячешься, Каин,
Но от смерти не убежишь!

С каждым годом хуже и хуже,
С каждым часом множится грех:
Вот и юношу, вот и мужа
Убивает гордый Ламех.

Вот из тверди хмурой и гневной
На прекрасные города
Непрерывной, сорокадневной
Полилась рекою вода.

Но приносит голубь маслину
И дарит пророчески Ной
Иафету, лучшему сыну,
Обсыхающий шар земной.

Вновь растут и ширятся беды,
И вожди и герои вновь
Для непрочных лавров победы
Проливают братскую кровь.

Утопают земные недра
В человеческой святой крови.
Михаил преславный, всецелый,
Неразумных останови!

Ах, и ты заклинал напрасно,
И мольба расползлась, как дым...
Видишь вечер зябкий и ясный
И притихший Иерусалим?

Видишь камни, бичи и трости
И сплетенных терний шипы?
Сколько злости, бесовской злости
В разъяренных криках толпы!

Петушиное слышишь пенье?
Бьет в набат крылами петух.
И под грохот землетрясения
Обесславленный день потух.

Но открылись дворцы на небе
И тенистые пальмы — нам,
Об одежде метавшим жребий,
Подносившим уксус к губам.

Целый мир подходил с приветом,
Предавал, целуя в уста,
Но над всеми легчайшим светом
Засияла слава Креста.

Заключение

Божье слово — как клекот орлий
Или шум семи колесниц:
Херувимы крыла простерли,
Серафимы упали ниц.

Но оттуда, с престола света,
Милосердый ответил Бог,
Словно в полдень знойного лета
Свежий ветер, тишайший вздох:

«С высоты Моей всеблаженной
Я следил течение веков,
Как следят за волшебной сменой
Вечереющих облаков.

Все вы, духи, равно достойны
Благодарности и наград
За торжественный мир и стройный,
За его величавый лад.

Словно струны арфы единой,
Так несходны вы и дружны:
Ваши гимны — камни и льдины,
Ваши песни — розы и сны.

Только песню творят не струны:
Безглагольны они, пока
В них томленья и воли юной
Не вдохнет живая рука.

Так узнайте: в мудрости Нашей
Всё дремало, заключено,
Словно дремлет в прохладной чаше
Неотведенное вино.

Это замысел Наш старинный,
Предначертанный веществу:

Пусть восходит дорогой длинной
К очищению и торжеству.

И когда, прилетев на зовы,
Вы взяли за дело свое,
Были гвозди уже готовы,
Было выковано копьё.

Но и с ними, созданный Нами,
Бесконечно прекрасен мир:
Он поет и пахнет цветами,
Как воскресный ангельский пир.

Он звенит, как ваша осанна:
Как небес высокая синь,
Безгранична и осиянна».
И сказали духи:

— Аминь.

П-V.1944
Шанхай

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

Венок сонетов

I

Пилат грешит колеблющимся словом,
 А Ты идешь под плети и на смех:
 Вот первая из незабвенных вех
 Того пути, что вечным будет зовом.

А мне с чего о шествии крестовом
 Начать рассказ? Где тот начальный грех,
 Источник бед и отречений всех,
 Что стал моим погонщиком суровым?

Ты, правый, был как солнце над толпой,
 А я, гордец, не падал пред Тобой.
 Творец, судим Ты тварью был ничтожной.

Я пред Творцом стоял и вновь стою,
 Расчетливый, лукавый, осторожный,
 Неверьем боль усугубив Твою.

II

Неверьем боль усугубив Твою,
 Я, как Пилат — вернее, как Иуда,
 Твой ученик, не раз свидетель чуда,
 Тебя на казнь с улыбкой предаю.

Я мог бы быть с Тобой в Твоем раю:
 Недаром ведь во снах ко мне оттуда
 Святой Рэйсбрук приходит и Гертруда,
 И я от них все тайны узнаю.

Пророк писал, что проклят всяк распятый,
 И все-таки два сильных палача
 Навьючили на узкие плеча

Тяжелый крест — огромный, угловатый.
Я от людей тревогу скрыл мою,
Но от Тебя — и я не утаю!

III

Но от Тебя и я не утаю,
Владыка мой, страстей многообразных:
Запутавшись в софизмах и соблазнах,
Над пропастью живу я, на краю.

И в глубине то черную змею,
То, иногда, химер я вижу разных:
Они ползут в прорывы снов бессвязных,
Как только я от бдений устаю.

Ты ослабел под тяжелой ношей крестной,
Ты в пыль упал, но снова палачи,
Хлеща бичом, как твари бессловесной,

Велят идти, и звякают мечи.
А я стою беспечным празднословом:
Какой во мне пример Пилатам новым!

IV

Какой во мне пример Пилатам новым,
Я показал от самых юных лет:
Я загашал Тобой зажженный свет,
Но сам себя венчал венком лавровым.

Каким шутком я был тогда дешевым,
С младенчества предызбранный поэт,
Когда бежал от знаков и примет,
Прельстясь игрой и счастьем мотыльковым!

Да и теперь всё только о себе
Я говорю, когда уж Кальварии
Видны холмы, и громкий плач Марии

Разносится с упреками судьбе,
 Чтоб, наконец, во мраке рудниковом
 Я над венком расплакался терновым.

V

Я над венком расплакался терновым,
 Как над собой я плакал столько раз,
 Когда в очах надежды луч погас
 И ночь пришла драконом трехголовым.

Отрадою Ты был печальным вдовам,
 Ты, как ягнят, сирот невинных пас,
 Но не за них душа болит у нас
 И на земле, и под небесным кровом.

Плач матери. И Симон Кириной
 Не вспомнил ли о матери своей?
 Подходит он и просит позволенья

Крест понести — в пример крестоношенья.
 С тех пор себя я в грудь вседневно бью,
 Над язвами Твоими слезы лью.

VI

Над язвами Твоими слезы лью,
 А надо бы рыдать почти до крика:
 Ведь каждый гвоздь, и терния, и пика —
 Моя вина, я это сознаю.

Да, подражать должны бы житию
 Мы твоему, святая Вероника,
 Своим платком с истерзанного лика
 Отершая кровавую струю.

И засиял на полотне убруса
 Ужасный взор, где мука и любовь,
 А красками служили пот и кровь.

Как часто я пред образ Иисуса,
Отчаяньем влекомый, предстаю,
Но в жертву я так мало отдаю!

VII

«Но в жертву я так мало отдаю», —
Я говорю всё чаще, всё суровой.
Не поздно ли других просить условий,
Когда потоп, и ветер бьет ладью?

Я жизнь любить почти перестаю:
Нет радости от временных любовей.
А сеть морщин уже вокруг надбровий
Легла — и лишь о смерти я пою.

Измученный дорогой каменистой,
Ты вновь упал, поранив лик пречистый,
Ты изнемог под бременем креста.

А я согбен горбом многопудовым:
Коснись его касанием перста,
Чтобы помочь упасть моим оковам.

VIII

Чтобы помочь упасть моим оковам,
Пошли меня, как Вечного Жида:
Пусть буду я бездомным навсегда
В блуждании хотя бы столетием.

В чужих морях Козьмой Индикопловом
Пусть плаваю бесцельно до суда,
Но пощади и допусти туда,
Где те, кого Ты спас чудесным ловом.

Вот женщины, мелькавшие вдали
Тишайшие голубки, подошли,
Но, робкие, не смеют утешений

Произнести. Да буду я храним
 Молитвой их, и дальше средь падений
 Веди меня крутым путем Своим!

IX

Веди меня крутым путем Своим,
 Который всех дорог земных печальней:
 Меж молотом и крепкой наковальней
 Разбей меня, развей, как легкий дым.

Позволь пройти томлением святым,
 Чистейшею Твоей исповедальней,
 Чтоб родины небесной голос дальний
 Заблудшему был зовом заревым.

Ты третий раз упал вблизи Голгофы,
 Но уж идти не надо: Ты дошел,
 А мне еще смирить так много зол,

Так много лжи смести — до катастрофы.
 Но лишь один мне знак необходим —
 Чтоб не был я ни счастлив, ни любим.

X

Чтоб не был я ни счастлив, ни любим,
 Всё отними: единственные очи,
 Сиявшие, как вещей сон пророчий,
 И маяком служившие благим;

Всё то тепло, которым холод зим
 Я побеждал в душе моей, — короче,
 Всё до конца, чтоб возлетел из ночи
 В чистилище рожденный серафим.

Вот, из одежд бесстыдно извлеченный,
 Ты у креста, и плоть обнажена,
 И плоть страшна, чтоб понял обреченный:

Одежда лжи и знания не нужна.
Освободив от лжеименных знаний,
Доверь и мне сокровище страданий.

XI

Доверь и мне сокровище страданий:
Я пронесу, как нес однажды Ты,
Всесильный Бог, сошедший с высоты,
Пророческих свершенья предвещаний.

Час настает от века жданных браней
Решающих. Последней пустоты
Час настает, и вознесут кресты
Наследники Твоих же обещаний.

Разведены святые руки врозь,
Ладони их проторгнуты насквозь.
О, если бы, казнящий и чудесный,

Стигматов дар — подарок золотой
Я получил, как Твой залог небесный,
Когда-нибудь, счастливый и больной!

XII

Когда-нибудь, счастливый и больной,
Я разлюблю ненужный дом непрочный
И выступлю на подвиг одиночный,
На праведный, на неизбежный бой!

Храни меня в той битве роковой
Десницею Своей пренепорочной
И защиты от гибели полночной,
И от копья, и от стрелы дневной!

Прекрасное истерзанное тело
Вознесено в забаву для рабов,
Но этот крест — я утверждаю смело —

Spes unica*, надежда и покров:
К нему лечу, как на крылах желаний,
Воздев свои податливые длани.

XIII

Воздев Свои податливые длани,
Мучителей благословил Христос.
«Исполнилось!» — Он, плача, произнес
И отошел в извечный мир сияний.

Там нет ни слез, ни боли, ни рыданий,
А здесь, увы, прольется море слез
Над прядями разметанных волос,
Над ранами, над пыткой расставаний.

Таившийся среди мудреных книг,
Из тьмы на свет выходит ученик,
С ним Иоанн и Mater Dolorosa.

И с ними я, не узнан их толпой,
И я шепчу: «Мне не страшна угроза:
На черный крест и я взойду с Тобой!»

XIV

На черный крест и я взойду с Тобой,
С Тобой сойду и в холод преисподней,
С Тобою же, блаженней и свободней,
Воскресну вновь, разбуженный трубой.

Ты погребен в пещере гробовой,
Чтоб я, сосуд, какого нет негодней,
По милости, по кротости Господней,
Наполнился живительной водой.

Четырнадцать Ты сделал остановок;
Четырнадцать, беспомощен, неловок,
Я песен спел, волнуясь от стыда.

* Единственная надежда (лат.).

Оправдан ли поэт венком готовым?
Что, если вновь сегодня, как тогда,
Пилат грешит колеблющимся словом?

Магистрал

Пилат грешит колеблющимся словом,
Неверьем боль усугубив Твою,
Но от Тебя и я не утаю,
Какой во мне пример Пилатам новым.

Я над венком расплакался терновым,
Над язвами Твоими слезы лью,
Но в жертву я так мало отдаю,
Чтобы помочь упасть моим оковам.

Веди меня крутым путем Своим,
Чтоб не был я ни счастлив, ни любим:
Доверь и мне сокровище страданий.

Когда-нибудь, счастливый и больной,
Воздев свои податливые длани,
На черный крест и я взойду с Тобой!

XI.1945 — 16.II.1946

Шанхай

ЗАПОВЕДНИК

Седьмая книга стихотворений
(Франкфурт-на-Майне, 1972)

ЗАПОВЕДНИК

Стали все врагами грез последних,
кружевных, пленительных обманов.
Лишь у нас устроен заповедник
для больных и раненых туманов.

Им, ненужным, хилым и заблудшим,
опоздавшим века на четыре,
есть ли место в этом наилучшем,
в этом улыбающемся мире?

Разрослись у нас большие сосны,
панцирь их почти непроницаем.
Понапрасну к нам стучатся весны:
мы чужим ворот не открываем!

Наши сосны вырядились в иней,
выпал снег по закоулкам сада.
Мы пасем в прохладе бело-синей
нежное взволнованное стадо.

И напрасно жадным и горячим
стало солнце — не добьется толку!
Всё равно ведь мы овечек спрячем
и дорогу загородим волку.

20.XI.1944

Шанхай

БРАЗИЛЬСКАЯ ВЕСНА

Бразилия не знает весен:
спадет холодная волна,
и сразу зной — тягуч, несносен,
а по календарю — весна.

Таким уж вырос я уродом,
что в самой солнечной стране
припрятываю год за годом
мой сон о северной весне.

Ручьи... Но нет ручьев проворных
в моем тропическом саду:
я даже на вершинах горных
снежинок-смертниц не найду!

Поля — зеленые атласы
и бархат неба голубой...
Налю себе стакан «кашасы»
и, чокнувшись с самим собой,

я выпью, загадав желанье,
за неосуществимый год,
за старое правописание,
подснежники и ледоход!

10. V. 1971

ПЕРСТЕНЬ

Друг, меня осчастливьте,
примите перстень с гербом:
в поле червонной финифти
пушка с упрямым лбом.

Не гроыхает армата
вторые полсотни лет.
Ни у меня, ни у брата
сына — нет.

27.VII.1969

МОЛЬ

В силок, под стрелы световые,
под абажур, в янтарный круг
попали книжки записные
и недосужий мой досуг.

Я сам еще не знал, чем вышью
лист, ослепленный добела,
когда наперерез двустисью
ночная моль переползла.

Союзнаца! Я рад затишью:
моль улигнула со стола,
и я юркну проворной мышью
туда же, в непроглядь угла.

Ведь там, где сумраки ночные
и в бархат кутается звук,
нас не найдут персты тупые
итоги подводящих рук!

14.II.1971

АНГЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Алексису Ранниту

Песок. Плитняк. За перекат пологий
Заносится холодная волна:
Вздывается и падает она
Гекзамером старинных антологий.

Ее напев медлительный и строгий —
Небесный бред, мерцанье полусна,
Когда в луну высокая сосна
Вонзается, как вензель остророгий.

Погибнет ли мелодия вдали,
Купальница* затоптанной земли,
Привыкнут ли и правнуки к потере?

Иль воздана сторицей боль утрат,
И ангелы на пламенной Венере
Дифтонгами эстонцев говорят?

7.II.1972

ВЕРХОВЬЯ

Ночь. В расселину снов
шелестит пианино
томной музыкой слов:
clandestino — destino,

подвесной — и весной,
неревнивой — и нивой,
показной — и казной,
несчастливой — и сливой.

* Купальница — kullerkupp — Trollius Europaеus — национальный цветок Эстонии.

Это — робкий почин,
вдохновений верховья,
раньше синих глубин,
широты, многословья.

Это — ошупь реки,
обходящей откосы,
камни и островки,
камышовые косы.

Дальше зыбкая нить
чуть намеченной фразы
будет нежно гранить
самородки-алмазы.

28.V.1970

ПЕВЕЦ

Певец поет, но зал глухонемой
Услышит ли призыв его ненужный?
Или слепой над россыпью жемчужной
Пленится ли сверкающей игрой?

Я — как цветок, влюбленную мечтой
Стремящийся за солнцем в полдень южный;
Как тень твоя, всегда с тобою дружный,
Мечусь, пляшу, гоняясь за тобой.

Но голос ли пленит тебя? Напрасно
Гелиотроп за солнцем рвется страстно
Свершить его великолепный круг.

Напрасно тень изнемогла от пляски,
И жемчуг ли дождется беглой ласки
От маленьких, неторопливых рук?

19.V.1953

ВОЗДУХ

Стихи рождались каждый час
без осязаемых усилий,
пока жила в груди у нас
хоть капля воздуха России.

Не капельку, а целый мех
мы вынесли на человека:
хватило воздуха на всех,
на все края, на все полвека.

Осталось на один прием:
исчерпан воздух забайкальский,
и нынче я со словарем
пишу стихи по-португальски.

21.IV.1971

ТОЧИЛЬЩИК

Вот, наконец, и убрана,
бесследно снесена
последняя зазубрина,
дурная косина.

Настойчивый, оглядчивый,
спасай добро мое,
старательно оттачивай
стальное лезвие.

Не с той же ли оглядкою
ремесленник-поэт
воюет с рифмой шаткою,
просящейся в сонет?

Выравнивай, обтачивай
 углы черновика,
 сто раз переиначивай,
 чтоб резала строка,

чтоб дева большелобая,
 одна из умных муз,
 клинок хвалила, пробуя
 на ошупь и на вкус!

26.XII.1971

ПРОЩАНИЕ

Что наша жизнь? Лишь облаков паренье.
 Что наша встреча? Мнимый их союз.
 Нас разлучит короткое мгновенье,
 причуда бури, несогласье муз.

Не для меня насущные заботы
 и хороводы сумеречных вьюг —
 меня влекут большие перелеты
 и журавли, летящие на юг.

Я полечу уверенно, как птица,
 но ты себе удачи не пророчь:
 у славы гостя ты, а не жилица —
 как бабочка, ты возвратишься в ночь.

11.VIII.1944

Шанхай

РАСКАЯНИЕ

Любимый лик. Знакомый голос ровный
Учителен, суров, невозмутим:
— «Опять иду Я на распятье в Рим,
А ты куда спешишь, первоверховный?» —

О, жгучий бич, грядущий гнев церковный!
Пронзительным раскаяньем палим,
Пошел и я за Господом моим,
Чтоб договор возобновить любовный.

Я снова здесь, вернувшийся злодей,
Но кесарь спит, и дома нет судей,
Ни стражи нет, ни ликторов крикливых.

Владыка мой, схвати меня, распни,
Прими в число прощенных и счастливых,
Или, Или! лама савахфани!

21.II.1972

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Невидным огоньком — короче,
чем спички выкрик и скачок,
через пустую пушу ночи
перелетает светлячок.

Бессонные зывают совы,
зловеще шепчут пустыри...
Лгут бесполезные засовы
на выходной моей двери.

С волнами мрака нам не слиться,
миг — и должны мы выпасть прочь:
без нас придя, без нас продлится
всё та же медленная ночь.

18.VII.1970

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН ИЗ РОССИИ

К вещаниям радиостанций
про замыслы и про дела
я глух, но любят чужестранцы,
когда поют колокола.

Когда чистейший, безнадломный
над смутной ходит головой
Россия — колокол огромный,
набатный или вечевой.

Счастливой добровольной данью
в ответ я жадно предаю
навстречу твоему взыванью
грудь беззащитную мою.

Запретный и самодовольный,
бесчувственный к моей любви,
Звенигород мой колокольный,
завейся звоном и зови!

и. V.1970

ПАРУСА

Упоенно и безмятежно
над цветами вьется оса.
Я смотрю со скалы прибрежной
на далекие паруса.

Это зависть? Сердце очистив,
огляжусь. Небосвод высок.
Изумруды травы и листьев.
Под ногой — золотой песок.

Я не нищий. Так пусть в далеком
обаянии широты
пробегают робким упреком
чьи-то мачты. Мои мечты.

28.X.1968

КОЛЬЦА

Одно кольцо мне подарила леди,
как двух сердец нетленное звено,
но скрыл кольцо ларец из красной меди,
а леди дремлет в памяти давно.

У ювелира я купил другое —
с эмблемой счастья, иероглифом «фу»,
но счастья в мире нет, и нет покоя,
так пусть кольцо спокойно спит в шкафу.

Я слишком сух и строг для наважденья,
бессильно, кольца, ваше колдовство,
но как незначущее украшение
я тоже не ношу вас — оттого,

что больно мне, небывшее тревожа,
будить невоплощенную мечту,
и два кольца хранят одно и то же:
разочарованность и пустоту.

7.IV.1944
Шанхай

УСТРИЦА

С песчинкою в теле устрица —
жемчужница поневоле —
беззвучно на дно опустится:
не всем же кричать от боли.

Так я от горя огромного —
с пробитой броней моллюск —
на бархат забвенья темного
ползу, ускоряя спуск.

17.I.1971

НАИТЬЕ

Перехватит дыханье спазма:
возникнет следом за ней
первый замысел — протоплазма
раньше листьев и корней.

Дальше — злые водовороты,
мистраль, сирокко, самум:
звуки, слоги, гаммы и ноты,
жар и холод, гул и шум.

Где предел чужому раздолью?
Но под слоем тины густой
уж сверкает прощенной болью
устоявшийся отстой.

3.XII.1969

НИКОЛИН ДЕНЬ

Изначальный наш календарь
опрокинут словесной смутой:
обрядился *сѣчень* в январь,
февралем обернулся *лютый*,

мартом — ветреный *брезозол*,
тот, что вечером дергал ставень;
травень мой в апрель перешел,
травянистый преющий *травень*.

Были: *цвѣтень* — цветочный май,
червень — пышный июнь червонный,
липень — липовый мед снимай,
серпень — серп неси заостренный.

Верткий *вересень* веретен
сентябрем называть не надо!
Жолтень — листья желтей, чем лен,
до ноябрьского *листопада*.

И, когда в Россию пишу,
зной декабрьский бразильских будней
осмотрительно приглушу
снежной датой: шестого *грудня*.

5.VIII.1969

ЭНТОМОЛОГ

Он любит жуков, и ос,
и гусениц терпеливых,
и бабочек, и стрекоз
беспечных и шаловливых.

В их зелень и синеву
влюбленный, в задоре бойком
шагает, топча траву,
по муравьиным постройкам.

И в мягкий альпийский час,
живым умиленным миром,
впадает в томный экстаз.
А пальцы пахнут эфиром.

12.XI.1970

ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Последний ушел собеседник,
надвинулась ночь, как ледник.
Я в мой ухожу заповедник —
в гарем непрочитанных книг.

Сиамский престолонаследник,
кого изберу, окружен,
из тысячи девственных жен?

29.I.1969

ЗЕРКАЛО

Твое лицо недвижно, словно слепок,
но по зрачкам, где искорки огня,
я угадал, как искренне, как слепо,
как безраздельно веришь ты в меня.

Да, это мне, насмешливому богу,
за тонкую и вкрадчивую ложь
всю чистоту души, по-детски строгой,
как лилию, ты кротко отдаешь.

Но я не рад моей добыче свежей:
ни твой горящий восхищеньем взгляд,
ни твой зевок — из подражанья мне же —
меня совсем, совсем не веселят.

Кровь сонную одним тщеславьем грея,
смогу ли скуку выгнать из нее?
А ты — прекрасней Дориана Грея,
но всё же только зеркало мое!

4.VIII.1944

Шанхай

БРАЗИЛИЯ

Дожди скуповатые
становятся летними,
а травни лохматые
пахучими цветнями.

Звана запевалами —
пичужками мальми,
вся разноголосица
ворвется — не спросится.

Бразилия звонкая,
свирель первозданная,
жалейка ты тонкая,
возня барабанная.

Дай Бог тебе здравия,
страна моя Травия,
на тысячелетия,
земля моя Цветия!

7.I.1972

БОЛЬ

Боль переплеснет за черту,
но смерть от того не ускорится:
так стой часовым на посту,
раздумница и стихотворица!

Я сердцем тебя обниму,
и кровь никуда не запросится:
в больницу сойдет и тюрьму
серебряная дароносица.

25.XII.1971

АЛЕЙЖАДИНЬО

Жил в сердце продавца реликвий
престольный праздник, — а пока
он радовался каждой тыкве,
солдату проданной с лотка.

Лазурь, деревьями плантаций
изорванная на клочки,
шла на закате обмываться
прохладой меркнувшей реки.

Потом, раздвинув покрывала
двух субтропических стихий,
деревня мирно почивала
на белом лоне литаний.

Пока судачили трещотки —
насельницы монастыря,
лучом перебирала четки
за них вечерняя заря.

Здесь, брошенный в поселок сонный,
казался пришлым и чужим
мулат, ваятель прокаженный:
виденьем страшным одержим,

мір ссадин и кровоподтеков,
мір осьминогов и акул
он втискивал в черты пророков,
в нагроможденье жил и скул,

кощунством непростенной муки,
безличным холодом судьбы
сводил заломленные руки,
насупливал крутые лбы.

27.III.1970

УЧЕНИК

Потрясал непугавшей тростью:
не чуди, не зевай, не мешкай!
Взять хотел то притворной злостью,
то незлой, посильной насмешкой.

И ушел, потеряв терпенье:
предал юношу своеволью
в раскаленном котле, в кипеньи,
в той свободе, что стала болью.

А теперь — крылатый, готовый,
для чего-то ждет не дождется
ученик — и сам седобровый, —
что умерший к нему вернется.

22.III.1969

ВТОРОЕ ЗРЕНИЕ

Как Пифагор, я верил внятными числам,
 разумным крыльям верил, как Дэдал,
 и, зачарован ясностью и смыслом,
 свой разум возвращивал и утверждал.

Мой безупречный мир и строг, и ладен,
 я в нем царю, я властвую легко.
 Но знаю: будет скипетр мой украден
 и за морем затерян далеко.

В такие дни, как этот... Сердце сжато,
 чуть бьется, пленное в руке врага.
 В такие дни глаза мои куда-то
 косят за зрительные берега.

Врываются в подвал второго зренья,
 ломая строй заботливых вещей,
 почти невидимые привиденья
 унылых многоножек и мышей.

Весна и ветер, нервы не в порядке,
 глаза болят — перемену очки.
 А всё же в зеркале играют в прятки
 стрекозы и сквозные пауки.

*1.IV.1944
 Шанхай*

МУХА

Несвоевременные, как всегда,
 осенние настали холода.

Сиротка-муха, жалобно звеня,
 весь вечер увивалась вокруг меня,

на освещенной плоскости стола
не сахару искала, а тепла;

свой — не по адресу — твердя вопрос,
садилась на руку, на лоб, на нос.

Неумолим и наш мушиный свет, —
в таком же мире мечется поэт:

не лебедем и даже не сверчком
предсмертно плачет тонким голоском.

А мир, закутавшийся в мех и пух,
ворча, отмахивается от мух.

Так, не узнав первопричины зла,
упала муха — или заползла —

в почетнейшую из земных могил:
чернильницу с остатками чернил.

24.IV.1971

НА БАШНЕ

Когда-то, прячась от толпы,
ее волнения и страхи
обменивали на столпы
уже прозревшие монахи.

Вот так и я стою спиной
ко всем Россиям и Европам,
к эпохе шумной и шальной —
отшельником и мизантропом.

Я заперся на семь замков,
чтобы следить невозмутимо

за перебежкой облаков
над головой, но мимо, мимо...

Я, право, счастлив без гостей,
без пересудов общежитий,
без запоздалых новостей
и бесконечных чаепитий.

7.VI.1970

ПОЖАР

Загорелось чье-то жилье, —
чепуха, пустые слова!
Ведь больше болит свое:
ухо, зуб, десна, голова.

Утонул в колодце Ли Бо, —
но ведь это было давно,
а нынче племя ибó
разве нами истреблено?

И согнали совсем не мы
постояльцев большой тюрьмы
на льды реки Колымы
в заповедник вечной зимы.

Догорел пожар и погас, —
неурочный второй закат!
Но, к счастью, каждый из нас
глуховат и подслеповат.

15.III.1970

МАСКОТТЫ

Елисавет Георгиевне фон-Ульрих

Петух и Конь, Кабан и Заяц,
Тигр и Змея, Овца и Пес —
по четким рубрикам китаец
течение годов разнес,

чтоб каждому своей маскотты
черты достались навсегда:
одним — работа без охоты,
другим — успехи без труда.

Одним — отвага, необычность,
другим — измятые бока.
А я живу, скрывая бычность,
хотя родился в год Быка.

Я быть бы должен быковатым,
коровистой — сестра-близнец.
Людей расставив по квадратам,
уж не ошибся ли мудрец?

12.II.1970

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Когда он пел, бездумный Дионис,
О даре лоз и витъеватом хмеле,
Главы дубов приветливо шумели,
И лжи своей стыдился кипарис.

Когда же он предстал в сияньи риз
Нежней снегов, как агнец от купели,
Латинские органы загремели,
Зовя во мрак, в таинственнейший низ.

Столетиям забвенным современник,
 Вечерний жрец, авгур, первосвященник,
 Он поступью — міродержавный Зевс,

С той высоты, где свет одно со мраком,
 Глаголющий величественным знаком,
 Вневременный, последний василевс.

19.XII.1971

ГОРОДА

Тийне Раннит

Застыл в аду ледовитом
 потерянный ветра стон:
 бегут по дальним орбитам
 Нептун, Уран и Плутон.

Последним полоскам света
 упасть и на них дано:
 тоска безысходна эта,
 а Солнце только одно.

Стокгольм, Лиссабон, София,
 земные все города —
 изгнанье, периферия,
 граница духа и льда.

Но к их изломанным аркам,
 к их базиликам нагим
 доходит с небес подарком
 бессмертное солнце — Рим.

6.II.1972

НАПОМИНАНИЕ

Только одно мгновение:
будтодохнул шеол.
Чье-то прикосновение.
Судороги. Укол.

«Воля Твоя Господня!»
И старичок опять
дальше бежит: сегодня
кассу закроют в пять.

Вечер облезло-мутный,
тусклое серебро.
Лазарь полуминутный
пенсии ждет в бюро.

2.IV.1971

МЫ ПЛЕТЕМ КРУЖЕВА

Моей матери

Мы плетем кружева
из вечерних мечтаний —
нам покорны слова,
прирученные лани.

То блуждают в садах,
то взбираются в горы:
золотые узоры
возникают впотьмах.

В заколдованном гроте
мы вдвоем погрустим,
а потом улетим
на ковре-самолете.

Или, может быть, ты
синеглазой ундине

заревые цветы
отвезешь на дельфине?

Станет легкая ложь
нашей сказкой послушной;
этот мир нерадушный —
слишком он нехорош!

Ничего нам не надо,
лишь бы только даны
были сердцу в награду
кружева тишины.

3.IX.1944
Шанхай

ХОЛОДНАЯ НОЧЬ

Весь вечер дрожу от ветра
(волчком, чуть выше стола),
в сугробах ритма и метра,
на глетчерах ремесла.

Нездешние их восторги
шелками не испестрят:
вот так покойники в морге
покорно ложатся в ряд.

Попозже я тоже лягу,
но на белизне бюро
оставлю дрожать бумагу —
моей нищеты добро:

ах, если бы за ночь вышил
узоры на ней мороз
и между нарциссов вышел
кружок распаленных роз!

12.VII.1970

ОРХИДЕЯ

Юрию Иваску

На ветру уже не завертится,
как, бывало, в речной долине,
орхидея — томная смертница
в узкогорлом старом кувшине.

Орхидея — лживо-тигровая,
лепестки — подделка сиреней,
а по ним — насечка багровая,
крап и опийный дым курений.

Магдалина еще не кается:
в темноте встает орхидея,
и, нагая, плясать пускается
бесноватая Саломея.

К утру — смерть ли ее, свобода ли
от опеки надбитой глины,
но трофеей Саломеин отдали
руки никлые Магдалины.

24.I.1971

ИДИЛЛИЯ

Из волокон облачных лепятся
башни, фениксы, поезда:
то сцепляются, то расцепятся,
то рассеются в никуда.

Но в низины сойдем пологие:
там подходит море ползком
и обломки — уже немногие —
золотым заносит песком.

Проплывает морская лилия
за прибрежной белой каймой:
здесь когда-то была Бразилия, —
я недаром рвался домой.

Здесь когда-то, успехом хвастая,
пели звонкие голоса:
разлетались вдали глазастые
птицы, мельницы, паруса.

Но пойдём...

Никого!

Кому же я
свой бросаю поздний призыв?
Побережий полуокружия
искалечил атомный взрыв.

Я пришел из шеола нижнего
изживать пережитки зол,
но ни дальнего я, ни ближнего
на земле своей не нашел.

Буду долго бродить в агонии,
звать во мраке, искать во мгле,
чтобы вымолвить без иронии:
— «Двадцать первый век на земле!

Облака одни — не беседую,
пантомимой увлечены».
...Это будет — года не ведаю —
после третьей большой войны.

25.VII.1969

«РАВНИНА»

Анатолию Передреву

Обложка в манихейском стиле:
мрак изначальный, но и в нем
одна из чудотворных лилий
зарделась духом и огнем.

А дальше — юноша красивый
из-под копны шальных волос
кидает миру взор пытливый
и чуть насмешливый вопрос.

Мир подлецов и лицедеев
хрипеть на миг перестает,
и Анатолий Передреев
проходит исподволь вперед.

Пусть ночь над пропастью колодца
накренена глухой стеной,
но Муза пушкинская вьется
над юношей — и надо мной:

ведь оба мы к единой вере
влекомы жребием одним,
и на неукротимом «пере»
мы через ночь перелетим.

5.IV.1972

ШАХМАТЫ

Эммануилу Штейну

Блики сводят с ума,
в зеркале тени проносятся:
чехарда, кутерьма,
шалая чересполосица.

А с горы — свысока
хвалятся математики,
что потеха занята,
что совсем не на пятна
делится, а на квадратики
шахматная доска.

30.XI.1969

ВЕТРЕНАЯ НОЧЬ

Тихий голос русской Марии
обескрылен бразильской Мартой,
и по долгим полям России —
над ее неуместной картой —

разогретый, шальной, счастливый,
многолиственный ветер ходит,
весь табун свободолюбивый
в оголтелый набег выводит.

Кони ржут, могучи, упрямы:
всё растопчем, смирим, поборем;
задрожат оконные рамы
над Балтийским и Белым морем!

Весь откроюсь наскакам лета,
нежным копьям и жарким дулам,
просижу с огнем до рассвета
и, глухой, оглушенный гулом,

срежу Волгу наполовину —
тоже путь к ненужной Голгофе —
и, смеясь, на Двину надвину
ароматную чашку кофе.

21.VIII.1969

ДОМ

Сердце жадно рвалось домой
из темницы, давно несносной,
в удивительный город мой,
в тишину, под вещие сосны.

Возвестив свободу мою,
наконец, засов отодвинут:
в золотом буддийском раю
пусть волненья мои остынут!

— «Ты не хочешь остаться, нет?» —
И глаза, и в глазах тревога.
Но решителен мой ответ:
— «Счастье — север, счастье — дорога.
Там у нас живут журавли:
улетят, а весной — вернуться».

Но глаза иное прочли,
но глаза и губы смеются.
Сердце, сердце! Рвалось, и вдруг
в ненавистном размякло зное.
Даже плен и немилый юг
полюбило оно, ручное!

Или счастье — и ключ, и дом,
и любовь насущнее хлеба?
И прохладно стало кругом,
как под соснами в Храме Неба.

29.VI.1944
Шанхай

ХАЛАТ

Я вечеру рад, как другу,
но больше, чем другу, рад
безмолвию и досугу:
свет, покой, халат.

Мой замкнутый мир безгрешный
под лампой на столе
из ночи вырван кромешной,
тонущей во зле.

Кичится моя постройка:
расхвастался маяк,
что печь у него и койка,
кофе и коньяк.

Но запер ли я калитку?
Ведь ураган крылат,
и шит на живую нитку
теплый мой халат.

29. V.1970

ЗОЛУШКА

О зеркалах золоченых мечтаю,
ты не о те ушибалась углы,
Золушка, зорька моя золотая,
загнанная замарашка золы!

Сестрам-ворчуньям и мачехе гневной
завистью ли озадачить судьбу?
Золушка станет заправской царевной —
солнце на сердце и месяц во лбу!

Завтра за светлой невестой примчится
на скакуне благородный жених.
Мачеха, сестры... Но скучно царице
будет ступать по паркету без них.

Будут вверху сокола, изумруды,
трубы герольдов, кареты, гербы.
Снизу — всё те же сметенные в груды
пыльные тряпки, пеленки судьбы.

Пыльные тряпки, лохмотья неволи —
тайный рычаг чудотворной мечты.
Боль подостынет. Но разве без боли
в счастье поверить сумела бы ты?

26.V.1970

ЦЕСАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ

Бьет барабан... Дождемся ли конца
сражениям, разъездам, непосредству?
Давно претит суровый нрав отца
отечеству, союзникам, соседству.

О, если бы скорей настал предел
и моему несовершеннолетью, —
почила бы земля от ратных дел,
от виселиц, от понуканья плетью!

Я поскорей вернулся бы домой —
в Москву, чтобы дышать ее святыней:
молился бы, как дед и прадед мой,
с лебедушкой, российской Афросиньей.

Мы стрижены, мы бриты догола...
Меж тем престол пустует патриарший,
и барабан, глуша колокола,
трескучие выстукивает марши.

25.XII.1969

НА ДАЛЕКОЙ ПАРАЛЛЕЛИ

Лидии Хаиндровой

Весь день (хотел бы их повесить)
чужие дети голосят,
и так не год, не два, не десять,
а более чем пятьдесят.

Я ставлю маленькие цели,
лелею призрачный уют,
*«но на далекой параллели
по-русски плачут и поют».*

И, с міром не сживаясь узким,
порой, других не зная слов,
забористым словечком русским
осаживаю крикунов.

И, снова став бесшумной тенью
и двери плотно притворя,
себя готовлю к завершенью
напрасной Жизни за царя.

15.XI.1970

КАМЕЯ

Я в чувствах не теряю головы:
оглядчивый, колеблюсь у порога,
и говорят, что все мы таковы,
рожденные под знаком Козерога.

И я не живописец, чей мольберт —
калейдоскоп, а резчик хладнокровный,
гравер прилежный — в сочетаньях черт
приоткрываю замысел условный.

Лазурь и киноварь измучат взор —
сумбурные, взъерошенные пятна:
не лучше ли отчетливый узор,
где цель ясна, гармония приятна?

Мои стихи — не дерзкий ураган,
не вздорные круги водоворота,
а мастером заверенный чекан:
изрядная, отменная работа!

...Единственной, которую люблю,
но имени произнести не смею,
я не эмаль крикливую пошлю,
а строгую, тончайшую камею.

4. VIII.1944

Шанхай

ТУМАН

По утрам белесоватые туманы
и в тумане, словно айсберги, дома,
и безликие химеры и обманы,
равнодушием сводящие с ума.

Лучше б огненное зарево позора,
где, как мученик, на крест я вознесен,
чем слепые волокнистые озера,
завлекающие в тусклый полусон!

Но, когда уже мы радости не ждали,
вдруг, покорны мановенью с высоты,
расцветали изумительные дали,
голубели небывалые цветы.

И когда изнемогали мы под гнетом
невесомых и кочующих морей,

вырастали за нежданным поворотом
осиянные пролеты галерей.

И в просветы заколдованного круга
ты с собой меня на небо позвала:
побежим туда, посмотрим друг на друга
в переполненные солнцем зеркала!

5.XII.1943

Шанхай

ЭВОЛЮЦИЯ

Тому назад чуть больше века
поэтам критик мял бока:
— В пример берите дровосека,
и ямщика, и денщика.

Смиренно кланяйтесь героям:
зима, а нет у них пальто!
Мы наш, мы новый мир построим...
Не важно как, а важно — что́.

Прошло едва ли полтораста
стремительных, кипучих лет,
и новый дятел часто-часто
выстукивает свой завет:

— К чему нелепые вопросы?
День — денежки, батук, табак,
турусы, росы, босы, русы...
Не важно что́, а важно — как.

17.I.1971

ОЗЕРО

Уткам не надо вёсел:
озеро — слаще рая.
Мальчик пришел и бросил
камень в него, играя.

Озеро взволновалось
только на миг единый,
зыбью поулыбалось
и затянулось тиной.

25.VII.1970

ПОДОРОЖНИК

М. С. Рокотову

Пробегающие автомобили
поднимают самумы на дороге,
и плетутся, шлепая по пыли,
ноги грязные, усталые ноги.

На одних заскорузлые мозоли,
волдыри размером с глаз воловий,
а другие скорчились от боли,
а на третьих — росинки крови.

Ни поэт не заметил, ни художник,
что целительным ласковым ложем
расстилается подле подорожник,
жадно мечется под ноги проходим.

9.VI.1968

S. O. S.

Долинные певцы не безголосы,
 Приемники расставлены в лесу:
 Звенит оса, зовущая осу,
 И вместе с ней другие плачут осы.

Коростели свистят: идут покосы,
 И больше им не бегать по овсу,
 Кричит орел, застывший на весу,
 Хрипит кабан, что свиньи супоросы.

Растащена по ключьям тишина:
 Везде с волной сшибается волна,
 Катясь, растут лавины звуковые.

А мы одни. Иноязычен лес,
 Презрительно немотствует Россия
 И нашего не слышит "S. O. S."

17.I.1972

ВИТРАЖ

Взмахнет крылом надломленным не скоро
 Тень грузная от пыльного креста:
 И в праздники теперь полупуста
 Часовенка святого Христофора.

Зато жужжит под сводами собора
 Болтливая людская суета,
 А статуя, несущая Христа,
 Застенчиво не поднимает взора.

Лишь у окна полуденной порой
 Жен праведных я застагаю рой
 Счастливее освобожденных пленниц:

Их жизнь опять жива, а смерть мертва,
И тянется улыбчивый Младенец
К затейливым игрушкам мастерства.

18.XI.1944

Шанхай

ШЕЛКОВИЧНЫЙ ЧЕРВЬ

Ю. Крузенштерн

Паутину нежную, клейкую,
матерьял отличный,
извиваясь невидной змейкою,
производит червь шелковичный
из себя самого
(Больше нет ничего).

Те же клейкие строки, поводы
для чужих раздумий,
создаю, на тризну, на проводы
с каждым годом идя угрюмей,
из себя самого
(Больше нет ничего).

19.XII.1967

ТВОРЧЕСТВО

Глебу Струве

Разве каждую ночь у нас
посещение тайфуна — духа?
Встретим гостя зоркостью глаз,
заостреньем тайного слуха.

Глухоту, слепоту и лень
превозможем в усильи бденья:

неизбежный замедлим день
предрассветной бурей раденья.

Пять, и десять, и двадцать раз
рифмы сменим и переставим:
где добавим чуть-чуть на глаз,
где — на слух — немного убавим.

Если ж мудрый огонь потух,
отстают и рука и ухо, —
опечаленный, выйдет дух,
не прощая хулы на духа.

27.XI.1969

ТРИ КАРТИНЫ МАРИИ МАРГАРИДЫ ДЕ ЛИМА СОУТЕЛЛО

I. РУКИ

Заломлены, или никнут,
или стиснуты в кулаки, —
а ведь тоже потом привыкнут
к железной хватке тоски.

Протянуты, словно ветки,
к дверям выходным... Но нет:
никто не уйдет из клетки
кому-то большому вслед.

4.VII.1968

II. BERCEUSE DE L'ENFANT MORT*

Мир и зыбкий, и шаткий
вязких песков и ила
на спинку узкой кровати,
склонившись, переложила.

* Колыбельная мертвому ребенку (фр.).

В тесном мірке дощатом
чем ты играешь, мальчик?
На одеяле несмятом
ждет игрушечный зайчик.

9.VII.1968

III. ДЕВОЧКИ-СОСЕДКИ

Возле моря утро прохладное,
собрались на одно крыльцо
белая, черная, шоколадная —
три расы, одно лицо.

Шоколадная, черная, белая,
и у всех свежа и чиста
расцветающая, несмелая
человеческая красота.

А к полудню жара тлетворная
их разделит. Уйдут с крыльца
шоколадная, белая, черная —
одинаковые сердца.

9.VII.1968

СПОР

Друг, оборвем дискуссию:
Россия — наша вотчина,
решать за Белоруссию
Москва уполномочена.

Народишки бесправного
боялись Понятовские,
а смерда православного
влекли дары московские.

Стал царь, казня и жалуя
и мир суля окраинам,
«Великия и Малыя
и Бѣлыя» хозяином.

Присвоена Эстония,
раздавлена Молдавия, —
и выросла Поклония,
Позория, Бесславия!

Ползком — и не оглянется,
а позади — история:
сиротка, бесприданница,
старушка Терпигория.

19.I.1972

ДЫМ

Все наши горести и странности
и мнимых крыльев облака —
всей жизни вычурные туманности
развеет ласковая рука.

И в утро розово-спокойное
на дым долинный посмотри:
ужели участь нас не достойная —
пылать и гаснуть в лучах зари?

7.IV.1944
Шанхай

УЛИТКА

Ласковые наименованья —
утро, солнце, счастье и весна —
утопила в пропасти сознания
ночь, уже четвертая без сна.

Длится нескончаемая пытка,
длится, тянется — исхода нет:
медленная серая улитка
вновь переползет через рассвет.

15.VI.1968

ЭПИГОНЫ

Была земля прекрасней и моложе,
невинней был и проще человек,
который засыпал на жестком ложе
невдалеке от перевозданных рек.

Ему не лгали девственные краски,
его не искушала крутизна:
чудесные рассказывала сказки
ему большая, близкая луна.

Смирялись молнии, смолкали громы,
когда поэт, похожий на царя,
за вдохновеньем шел тропой знакомой,
с природою, как равный, говоря.

Как он велик, тот первый, светлолицый,
который радугу назвал мостом,
закатом — смерть, большое счастье — птицей,
огнем — любовь, и женщину — цветком!

Теперь иначе. Солнце жизни гаснет.
И мы, поэты сумерек и зим,
не веря в сказки, сочиняем басни,
не видя звезд, о хлебе говорим.

Единый голос нам уже неслышим,
единый лик дробится в зеркалах.
Мы не творим, но равнодушно пишем
стихи о книгах, книги о стихах.

19.V.1953

СТРОЙКА

В Соловках и Потьме
и на льду Колымы
взаперти, в полутьме
гибли с голоду мы.

Сварщик слеп и мигал,
замерзал дровосек,
грузчик изнемогал
с верой в будущий век.

С верой в будущий рай
без никчемной любви:
если слаб — умирай,
если крепок — живи.

Кто не вытерпит мук —
пусть веревку на крюк,
чтобы чей-нибудь внук
не остался без брюк.

Всей послужим душой,
всею крепостью жил,
чтобы правнук чужой
не по-нашему жил.

Чтоб он грелся в Крыму
рядом с рыхлой кумой,
рай построим ему
Потьмой и Колымой.

1.IV.1970

РЕМЕСЛО

Герой труда не ищет вдохновенья:
Едва ли мы взлетаем в облака.
Нас некая железная рука
Направила на путь стихосложенья.
Акростихов — хитрейшего плетенья —
Для нас игра нисколько не мелка,
И мы кладем любовно на шелка
Искусные цветы воображенья.
Поэзия — не хаос и не бред,
А ремесло. Ни муз, ни крыльев нет,
Ни ангелов на поприще поэта.
И жаль, что мне для нового сонета
Не задана последняя строка!

7.VIII.1970

ЭКРАН

Я пляшу на переднем плане,
я мечусь (огромный вблизи).
Что же, мир? На моем экране
незаметным и ты скользи!

Это всё на игру похоже:
ведь, ничуть о том не скорбя,
мир не видит меня — и тоже
из-за тени: из-за себя.

4.IX.1970

КИТАЙСКОЕ ПОВЕРЬЕ

Если волком судьба или ежом письмо,
ляг скорее в постель, помня, что за тебя
верный вступится друг — зверь баснословный «мо»:
этот надежный друг нас бережет, любя!

Так скорее усну и унесу с собой
ненасытных гиен, боль и ежа-письмо.
Мне готовится день теплый и голубой:
все недобрые сны съест неотступный «мо».

2.I.1969

МУЗЫКА

Герцогине Надежде Николаевне Лейхтенбергской

Над клавишами вознесенные,
мелькнули руки — два весла,
и вспенились тяжелозвонные
подводные колокола.

И я плыву, подхвачен шквалами —
о море, дальше уноси! —
за островами небывальными,
обещанными Дебюсси.

Волна взлохмаченная вымысла
меня уносит — но куда?
Баюкает и снова вынесла
на берег сонного пруда.

Там лотосы толпой пленительной
растут сквозь музыкальный ток,
и дорог мне неосмотрительный
ближайший к берегу цветок.

Он чашу подает прохладную,
приподнимаясь на носки,
чтоб жертвенность я принял жадную
рывком стяжательной руки.

И хищная рука не падает:
миг, и всё то, что так люблю,
что сердце ветренное радует,
непоправимо погублю...

Но пьесы странной и мечтательной
уж истощился водопад,
и чем-то на вопрос внимательный
я отвечаю невпопад.

И снова — кресла полукруглые,
беседы медленный уют,
а там другие руки, смуглые,
мой верный лотос оборвут.

16. VI. 1944
Шанхай

ВАНЬКА-ВСТАНЬКА

Худой и хрупкий от природы,
но с сердцем будто из свинца,
нелегкие я прожил годы
всегда в преддверии конца.

Не раз бушующего века
меня сбивал девятый вал,
и часто, веря в человека,
я с толку сам себя сбивал.

На лапы двух драконов красных,
на безнадежность несмотря,
ловушек я избег опасных
и посуху прошел моря.

Надменной, суше и упрямей,
ни с кем я рая не делю,
но осень за семью морями
не знаю чем остановлю.

Не нынче ли, когда медвяный
луг покорился желтизне,
я — ванька-встанька деревянный —
лежать останусь на спине?

26.IV.1971

ДЕНЬ

Сквозь наклонившийся плетень
прокрался луч веселой змейкой,
подкрался и ужалил тень,
дремавшую перед скамейкой.

Стыдливо вспыхнула трава
навстречу ласкам разомлелым,
и полымем взялась листва,
задетая косым прицелом.

Во всем, от чашечки цветка
до крыльев бабочки недвижимой,
в слепящем золоте песка,
в дремотности страницы книжной —

грузна полуденная лень.
И в памяти укрыл давно я
обыкновенный этот день —
рябой, с подпалинами зноя.

24.X.1971

НЕЛЮДИМ

Вам — в узкой аллее
задеть бы плечом,
толкнуть побольнее,
а мне — нипочем.

Вам — вилы и грабли,
станки, молотки,
мортиры да сабли,
а мне — не с руки.

Вам в праздник плясать бы —
размеренный круг:
крестины да свадьбы,
а мне — недосуг.

Нечасто за чашей
я с вами — одно
в сумятице вашей,
но все-таки, *но* —

туда, где в безводной
пустыне родник,
вам — тропкой обходной,
а мне — напрямик!

15.1.1971

СССР

Ты — скифское раздолье ураганам,
Ты — с полюса сползающий ледник,
На хрупкие миры машин и книг
Ощеренный морозом и туманом.

Медвежьих лап ни племенам, ни странам
Не избежать: святоша, ростовщик,
Помазанник — и гнусный еретик,
Ты верх возьмешь где силой, где обманом.

Твоим врагам я по привычке лгу,
Себе же лгать я больше не могу,
Но, русскостью спозоренный с тобою,

Как с дедовской болезнью, как с горбом,
Троянец сам, разрушить эту Троию
Хотел бы я, измученный стыдом!

IV.1957

С ГОРЫ НЕВО

Восьмая книга стихотворений
(Франкфурт-на-Майне, 1975)

Моей матери
Евгении Александровне
Сентяниной

*И говорил Господь Моисею...
и сказал: Взойди на сию гору
Аварим, на гору Нево, которая
в земле Моавитской, против
Иерихона, и посмотри на землю
Ханаанскую, которую Я даю во
владение сынам Израилевым.
И умри на горе, на которую ты
взойдешь.*

Втор. XXXII, 49–50

*Перед собою ты увидишь землю,
а не войдешь туда.*

Втор. XXXII, 52

РОДИНА

Младенцем ты покинул свой Байкал,
но, странствуя, всё родины искал,
как будто там, где сердце ты забыл,
не только снег и ветер между скал.

1.IV.1971

РАВНИНА

Ты издали — пустая котловина
Безглазая, без цвета, без лица,
Ты олово без острого зубца,
Натертое до гладкости сатина.

Вмещала ты отравленные вина
Во здравие то плута, то слепца,
Покорная — без края, без конца,
Неровная — неравная — равнина.

Под рокоты великой ектеньи
Не струпья ли ты прятала свои,
Расселины, уступы и овраги,

Свои столпы, ворота и кремли?
Так, лепеча о баснословном благе,
Ты хныкала и ползала в пыли.

5.IV.1972

Ангара, снегопад, рекостав.
Люди, сухо плечами пожав,
говорили: — Безрадостный вид!
Даже солнце его не живит.

Правда: зябнут осины в саду,
да ворона чернеет на льду.
От окна отошел я давно
и плотнее завесил окно.

Если ж ветер кайму теребит
занавески — изгой знобит,
и мелькают, и пляшут с утра
рекостав, снегопад, Ангара.

20. VII.1972

УРОК

Чтоб жить в СССР, потребен дар особый:
Иди, но не взлети; ползи, но не пойди,
Сотри себя в ничто — и этим угоди
Молоху-палачу — химере меднолобой.

Тот гой, а тот изгой? Скорее брызгай злобой,
Чернилами, слюной, но сам их не суди:
Их прокляли давно мудрейшие вожди,
А вожяков судить ты даже и не пробуй!

Оставь себе одну безрадостную цель:
В подполье отсидись, забейся глубже в щель,
Где не гостят лучи голубооких высей.

Иначе ждет тебя недобрая судьба:
Ты помнишь, как тиран, мудрейший Дионисий,
Гуляя, обивал высокие хлеба?

7. II.1973

КАРУСЕЛЬ

Моя постель сегодня — не постель,
А удивительная карусель.

Лошадки и коляски предо мной,
И на лошадке еду я домой.

Скачи, о деревянный мой Пегас,
Чтобы закат вовеки не погас!

Лети назад, в безоблачные дни
И навсегда ушедших догони.

Что для тебя один десяток лет
И что — коротенькое слово «нет»?

Была страна... Но будет ли когда?
Скачи, Пегас, неси меня туда!

Как радостно прийти издалека
В дом, что потом был продан с молотка.

И в этот сад — запущенный пустырь, —
Что после был застроен вдоль и вширь.

Оставь меня в стране, где только «да»,
Где дом и сад останутся всегда.

Оставь меня... Но, сделав полукруг,
Меня промчал ты мимо нежных рук.

Жестокий конь, бессовестный Пегас,
Ты скрыл меня от ненаглядных глаз.

Крылатый враг, туда хочу назад,
Где прочен дом, где не застроен сад.

Я не пойду обратно в дом не свой,
В печальный город, в год сороковой,

Где на подушке я в жару... Ужель
Всё только сон и бред — и карусель?

7.IV.1944
Шанхай

СТЫД

Россия! Немало твоих поэтов
Ошиблось в пророчествах о тебе,
Сочувственно видя в твоей судьбе
Струенье каких-то нездешних светов.
И нынче, когда ты грозна, горда,
Я плачу от боли и от стыда.

21.I.1972

ПЕРВОЕ МАЯ

Уже давно святая Вальпургия
Присвоена для праздника весны:
На Броккене сходились колдуны
Суровые и женщины нагие.

Постыдная свершилась литургия
На их телах во славу сатаны.
Те выдумки нам кажутся смешны:
У нас теперь мистерии другие!

На серые просторы площадей
Идут войска и тысячи людей
Орать, вопить, знамена поднимая,

Да стискивать потуже кулаки.
 Но первый день языческого мая —
 Всё тот же пир безверья и тоски.

22.II.1973

Никакого отечества!
 (Вместе с картою скомкав
 мужество, молодечество,
 поколенья потомков.)

Это — как вам изволится:
 в жалостности смешка
 шило ржавое колется
 сквозь рогожу мешка.

4.XI.1969

ОБРАЗЕЦ

*«О, скольких ты, Россия, проглядела
 Из-за твоих нетающих снегов!» —*
 С болотистых, пологих берегов
 И холмиков разбухшего удела.

Ты на себя наглазники надела,
 Мир сузила до крупов и хвостов,
 Шей и вожжей, кнутов и хомутов,
 До стадности, до скуки передела.

Не видишь ты, что есть за рубежом
 Богатыри в краю, тебе чужом —
 Не жалкие подпаски Евтушенки,

И гордо ржешь — под гомон бубенцов, —
Что Колыма и красные застенки
Прекраснее заморских образцов!

28.VIII.1972

СЛЕПОЙ

Победами в борьбе идеологий
Испещрены листки календаря, —
Но лучше ли убитого царя
Бесцарствия истолкователь строгий?

Не ливень ли, не «шум ли ветра многих»
Тебя загнал на бровку пустыря?
Слепой, идешь — и без поводыря,
Без костыля — бродяга одноногий!

Вокруг тебя дождливо и темно,
А прошлое любить воспрещено,
Где были Бог и выгнанные братья.

Поверив лжи и мертвым словесам,
Изъятьями, разъятьями — объятья
Ты заменить хотел тогда и сам!

22.VIII.1973

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Когда из сумрачной Сибири
меня Россия позвала,
дорога будто стала шире
и ровной скатертью легла.

И всё же наяву вернуться
 опасным показалось мне,
 но захотелось оглянуться
 на детство дальнее во сне.

...Чита. Я на второй площадке
 дом незабвенный разыскал:
 в саду — картофельные грядки,
 а во дворе — обрезки шпал.

Охранник сторожит ворота
 винтовкой, саблей и штыком:
 тащить и не пущать кого-то
 он собирается в партком!

От дома уцелели стены,
 от лиственницы — черный пенёк.
 Зачем же лгали мне сирены
 про ту, нетленную сирень?

Так вот родное пепелище:
 дом обесчещен, сад изрыт...
 Бездомен возвращенец нищий,
 по-детски плачущий навзрыд.

12.XII.1971

В РАЗНЫЕ СТОРОНЫ

На улице ощерился мороз,
 А у тебя в натопленной столовой,
 Игрушкой обрадованный новой,
 Сынишка твой пускает паровоз.

«Пых-пых, ту-ту!» Под мóнотонь колес
 Всё дальше мир уходит седобровый,
 Мир гарнцевый, фунтовый и вершковый,
 Мир гордости, и зависти, и слез.

«Ту-ту, пых-пых!» А за пушистой далью
Лечу и я вдогонку дофевралью:
Довольно мне недели световой,

Чтоб наверстать верченье круговое
И обогнать и паровозик твой,
И тусклый сон о будущем покое.

14.III.1973

РАЙ

Не смеясь, не играя,
самодельного рая
мы достигли сегодня —
не подарка Господня.

Человека достойней
не бананы, не груши,
а забитые бойней
неуклюжие туши.

Никаких незабудок,
одуванчиков тоже:
мы за сытый желудок,
за двуспальное ложе.

— «Ну, а детские муки?» —
вторгся голос ворчливый
против нашей науки
человеколюбивой.

— «Сгнил, — сказал Достоевский, —
в Тампле сын королевский,
но тягчайшая ноша —
гемофилик Алеша».

17.XII.1971

ОКОМ КАССАНДРЫ

Всего больней недобрым быть пророком,
 Пугать войной — кровавой кутерьмой,
 Разлуками, утратами, тюрьмой,
 Отплаканным и вновь продленным сроком.

С Кассандрою я вижу общим оком
 Уютный морг, пропахший сулемой,
 Снесенный дом, — а ты пришел домой
 (Ни лечь, ни сесть, а признан лежебоком).

О матери ты спросишь, о жене —
 Я промолчу. О сыне, о родне —
 Я выдавлю пустые междометья.

Но не дрожи и пальцы расцепи,
 Мой маленький! Немножко потерпи:
 День или год. Не более столетья.

30. VII.1973

ПЕКИН

В колеснице моей лечу
 над землей на четыре «чи»,
 и закутан я не в парчу,
 а в одежду из чесучи.

Вновь Наньчицца передо мной:
 это улица или лес?
 Столько вязов над головой
 в непроглядный срослось навес!

Ночь, весна. От земли тепло.
 Эта улица — «чжи жу фа»:
 выпевается набело
 поэтическая строфа.

Чесучи своей не помни,
возвращенец издалека:
помни — крылья только одни
на бесчисленные века.

А теперь колесницу сна
задержи, ночной пилигрим:
это свет из того окна,
что когда-то было твоим.

3. VII.1972

ИЗГНАННИК

С одной стороны Гродеково,
с другой — зажимом — Отпор,
а между ними и некого
было любить с тех пор.

Страшилищу ли безвекому
ты мог предаться в ночи?
Ведь больше молиться некому:
ночь сильнее свечи.

Взор остановил бы — не на ком,
а разговориться не с кем.
Настигнут окриком резким,
тихо скули щенком.

19. VIII.1969

КОРИННЕ ПСАКЯН

Не наяву, но с верностью старинной
 В китайские вхожу я города,
 И много слез я приношу туда,
 В печальный край, медлительный и чинный.

И там — во сне — пред милою Коринной
 Склонясь во прах, сгораю от стыда:
 Ведь ей одной сонета никогда
 Я не сложил... Но прихожу с повинной —

Или с венком из поздних георгин
 В тот маленький, в тот серенький Харбин,
 Где молодость почилa золотая,

Бессмертная лишь в памяти моей.
 Но там же Вы, волшебница Китая,
 Жемчужина невозвратимых дней.

26. II. 1973

СОТЫЙ

Укрыт от бурь Великою Стеной,
 Любил я ночь и запах пыльных полок,
 А в памяти, младенчества осколок,
 Синел Байкал, плеща голубизной.

Там вырос я, всегда полубольной,
 Посредственный, поверхностный синолог,
 Но с юных лет чахотки едкий щелок
 Снедал меня, особенно весной.

Бразилия зелено-золотая,
 Меня сманив за море из Китая,
 Не вознесла, но это не в укор:

Здесь принял я державный сан Поэта,
И здесь, крутой судьбе напереспор,
Мы дожили до сотого сонета!

17.X.1972

ОГЛЯДКА

У российских поэтов звуки
все в один — мажорный — подбор:
не позволит заныть от муки
на Москву устремленный взор.

Места нет в идиллии сладкой
элегическому стиху.
Вот и пишут они с оглядкой:
что-то скажут там, наверху?

Но и мы не живем по воле:
ведь и нам, под обрыв скользя,
о безверьи, тоске и боли
в полный голос кричать нельзя.

Лучше жернов тащить огромный,
чем других научить греху.
Вот и пишем с оглядкой скромной:
что-то скажем там, наверху?

14.X.1970

ГОСТЬЯ

Над Атлантической равниной
звезда вечерняя зажглась,
и снова лапкою мышьиной
ты в дверь пугливо поскреблась.

Всё та же ты. Но разным музам
несходные даны черты:
к Шекспиру, помнишь, Вилли Хьюзом,
краснея, подходила ты.

Одним ты пела эпиграммой,
другим — струенъём томных строк.
Камозэнса Прекрасной Дамой
ты снаряжала на восток.

Ты шаловливой итальянкой
сводила Пушкина с ума.
С Ахматовой была смуглянкой,
а музою — она сама.

Ты с Грибоедовым шутила,
револьвер Фету поднесла,
гусар и юнкеров любила,
но Лермонтова предала...

Эпоха наша стала мелкой,
и ты давно не глубока.
Но вот старушкой-богаделкой
ты вырвалась из-под замка.

Зачем? В моей России странной
нет юношеского огня;
но заходи и будь желанной
вечерней гостьей у меня

17.IV.1971

ОТВЕТ

Р.Б.

Люблю стоять над пропастью морской,
Где, спрятавшись под выплесками пены,
Веселые тритоны и сирены
Увлечены беспечной чехардой.

Но голос ваш противоколдовской,
Перелетев через моря и стены,
Корит меня подобием измены,
Зовет забыть налаженный покой.

Ужель теперь, у сумрачной эпохи
Иной судьбы вымаливая крохи
Наперекор нарядному плащу,

Того, кто мне сквозь чары океана
Принес цветок засушенный емшана,
Без доброго ответа отпущу?

12. VIII.1969

ПОДКИДНАЯ СУДЬБА

В сотый раз: — «Неуклюжий подкидыш,
Не болтайся на месте чужом!»

На большую дорогу ты выйдешь
С одиночеством, а не с ножом,
И пройдешь до конца. И увидишь,
Что ты все-таки за рубежом.
И поникнешь: теперь отдохнуть бы!

Подкидными бывают и судьбы.

1. IX.1969

ПОЛУСТАНОК

Говорят: человек — не свинья, ко всему привыкает!
 От привычки меня и щетина не уберегла,
 И порою как будто линиялый платочек мелькает
 Боязливым намеком на цепи угла и тепла.

Я поужинаю, как обычно. Консервная банка
 Для загадочной снеди, она же и для кипятка.
 Посижу, подремлю. Без оглядки уйду с полустанка
 И по шпалам дойду до другого: была — не была?

1.VII.1973

СЫНОВЬЯ

Нужны отечеству солдаты и матросы,
 Ткачи, лесничие, строители дорог,
 Нужны «Известиям» писцы лукавых строк,
 Чтоб неуместные замалчивать вопросы.

В селе колхозники всё так же полубосы
 И так же пьянствуют, хоть пьянство не порок, —
 Теперь особенно: едва пропустишь срок,
 За ним обрушатся и штрафы, и разносы.

Счастливей, может быть, пожизненный изгой?
 Гляди: заброшенный судьбою в мир другой,
 Бреду застенчивой походкой нелюдима —

И твой когда-нибудь пойму энтузиазм:
 Назвав по дедушке, ты вырастишь Вадима,
 И до зачатия истлеет мой Эразм!

11.X.1972

ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ

Клич обиды и мщения брошен:
о Россия, вернись на Восток!
Бредил Белый, и верил Волошин.
Сгорал серафический Блок.

К богдыханам, каганам, калифам
под охрану меча и копья
прибеги потревоженным скифом,
Россия, Россия моя, —

Под защиту к распутицам, к топям
или, лучше, к пустыням нагим:
раздурачим тебя, разъевропим,
разниконим и распетрим!

3.I.1970

БЛУДНЫЙ СЫН

Не всем дано бродить по ковылю
Близ мельницы и на пологом спуске
Прохожего приветствовать по-русски:
Об этом я и Бога не молю.

Я за морем — и всё же не делю
С бразильцами невидимой нагрузки:
Пусть милы им «кашаса» и закуски, —
От русского я хмеля во хмелю.

За столько лет с одной короткой встречи
Я не забыл самодержавной речи
И — от родных отбившийся поэт,

От правнуков любимейших поэтов —
Хочу прожить еще полсотни лет
И каждый год писать по сто сонетов!

29.XII.1972

КОНЬ

Давно заезженный Пегас —
наш Россинант — волочит ногу:
возьмет ли он с собою нас
в беспутную свою дорогу?

И даже прыти Горбунка
не хватит — назло океанам —
перешагнуть через века
к родным церквушкам деревянным.

И всё же конь, мы знаем, есть
в конюшне старого Морфея:
покрепче надо только сесть,
бичом ударить, не жалея.

Подышим запахом грибным
в бессолнечном бору сосновом,
чтоб снова утром кружевным
ожить под небом бирюзовым —

И, спрыгнув с легкого коня,
стыдливо слизывая слезы,
в разгул тропического дня
запрятать шорохи березы.

4. VII.1970

ОБРАТНЫЙ СОНЕТ

Назначено, чтоб листья ждали стебля
И до цветка не завязался плод,
И все-таки, *традиции колебля*,

Пишу, как ты, сонет наоборот
И, пользуясь предпраздничным затишьем,
Начну его удвоенным трехстишьем.

Мне нравится гомункул милый твой,
Дорвавшийся до хмелевой свободы,
Чтобы ходить, как ходят антиподы,
Ногами вверх и книзу головой!

Люблю его: он все-таки живой
И под надир подцепится на годы,
Как старые подлизы и уроды
(Турсун-Задэ, Хелемский, Островой).

30.XII.1972

В НАЧАЛЕ ЗАПОЯ

То ссорюсь, то пьянствую —
замашки изгоя:
по глобусу странствую
в начале запоя.

Верни мне, Бразилия,
природное право
взбегать без усилия
наверх и направо!

А там — гололедица,
оскомина святок,
и в небе — Медведица
пасет медвежаток.

5.IX.1973

ДЕЛЕЖ

Из Шиллера

Всё на земле давно поделено:
 Поля разбил крестьянин на отрезки,
 Охотник взял леса и перелески —
 Тетеревов и зайцев там полно!

От лучших лоз купец продаст вино,
 Из рудников, звеня в граненом блеске,
 Поднимутся запястья и подвески,
 А пастбища произведут руно.

Сумятица всемирного раздела
 Беспечного поэта не задела,
 Но молвил Бог, стихи его любя:

— «Расхватаны, гляди, земные блага,
 И где найдешь ты дом и стол, бедняга?» —
 Смеясь, поэт ответил: — «У Тебя!»

7.1.1973

ПЕРВОЕ ИЛИ ТРИНАДЦАТОЕ?

Не слушая трусливых голосов,
 О гибели короны не скорбела
 Бразильская принцесса Изабелла
 И сделала свободными рабов.

А на Руси лукавый хитрослов
 Смущал умы посулом передела
 И созывал для мстительного дела
 Изменников, грабителей, воров.

Не милостью, не даром сердобольным —
 Страна трудом кичится подневольным,
 Своим кнутом и окриком горда.

А я, удел бразильца принимая,
Священный день свободного труда
Отпраздную тринадцатого мая!

24. VI.1973

ВОЗВРАЩЕНЦУ

Отмечен Каиновым знаком,
чужой для песен и людей,
ты рвешься к лютикам и макам
от лотосов и орхидей.

Здесь горы и моря другие,
явится лето в январе,
и гложет сердце ностальгия,
тоска о зимнем серебре.

А все-таки рябине хилой
здесь было суше и вольней,
и отданы земле немилрой
отростки робкие корней.

Ну, что же? Возвращайся с Богом
и, с русским воздухом в груди,
шагай по сбивчивым дорогам,
по гололедицам бредин.

И не заплачь, душой оттаяв,
пред верстовым столбом, один,
о дыме караван-сараев
и невозвратности чужбин.

10. V.1972

ИЗГОЙ

Изгнанником, бродягой, чужаком
 Я прошагал по рытвинам и шпалам,
 Но с верностью, хотя бы только в малом,
 И с Пушкиным, читаемым тайком.

Останься же, Россия, родником,
 Не слившимся с разливом небывалым,
 И шелести — в обиду карнавалам —
 Мне на ухо запретным шепотком!

Китай — любовь, Бразилия — свобода,
 А только я не видел ледохода,
 И соловей не пел в моем саду.

Я сыт, одет. И всё же нет желанья
 На жимолость, рябину, лебеду
 Наклеивать латинские названья!

25.VIII.1973

СОН

Мне снился среди туманов
 сибирский сосновый бор:
 большие клювы туканов
 и попугаев подбор.

Там обезьяны кричали,
 мельчили дятлы кору.
 И я бродил без печали
 в бразильско-русском бору.

Ласкал умиленным взглядом
 уютный и мирный мир,
 где с русским медведем рядом
 бразильский грелся тапир.

Колибри вились над ивой,
над россыпью душиных трав,
где думал поспать ленивый
великолепный удав.

Не правда ли, лучший метод:
не выбрать, не изменить,
но в тайный зверинец этот
два мира объединить?

23.I.1970

ВОРОНЫ

Влекомые поверженным гнездом,
«Как вороны над русским пепелищем»,
Соломинок да щепочек мы ищем,
Бьем крыльями, хрипим, грозим судом.

Кто захватил невыморочный дом,
Держи ответ пред собственником нищим:
Нацелившись моим огромным ртищем,
Я воровским не умилюсь трудом!

Мы вороны. Мы седы, но живучи.
На пустыре перерывая кучи,
На кладбище — разбитые гроба,

Мы, не боясь красножилетных пугал,
Глядишь, найдем от архитрава угол,
Мех ментика, подставку для герба.

2.I.1974

ЖРЕБИЙ

Стоял бы я в России над Невой
И выбрал бы одну из перекладин:
Ведь я и там, бездомен и бесчаден,
В игру живых играл бы, неживой.

А здесь бреду по серой мостовой,
Но жребий мой высок и тем отраден,
Что, вопреки повизгиванью ссадин,
Бразилия, я сын приемный твой!

Твоя ль вина, что пришлецам усталым
Нельзя помочь разгульным карнавалом,
Когда твои природные сыны

Идут стеной, отшлепывая самбы,
А я смотрю на них со стороны
И слышу снег и пушкинские ямбы?

21. I. 1974

РАЗЛАД

Давно не споришь ты с судьбою,
и бормотания твои —
на «ты» — разлад с самим собою
взамен несозданной семьи.

Ворчишь: — «Уже в последней фазе
жизнь обреченная твоя,
как орхидея, в узкой вазе
агонизирующая.

Так пей за девушек хороших,
за ласковые имена
(еще вчера, в смешных галошах,
под зонтиком, прошла одна).

Какие там великолепья,
а все-таки “кашасу” пей,
чтоб не пришлось отдать отрепья
за вереск и полынь степей».

29.XII.1971

МОИМ ПЕРЕВОДЧИКАМ I

Вот конь, и пес, и солнце, и луна,
И дерево, и близ него оратай:
За красоту и строй замысловатый
Китайские люблю я письмамена.

Звук утаен, а мысль обнажена
Где с остротой, где с мудростью крылатой:
Одно письмо, небесный дар богатый,
Восточные лелеют племена.

А нам даны лишь клетки алфавита:
Нет доступа к латыни от иврита,
И «альфабет» — не тот же «алфавит»:

Расправьтесь же с кириллицей моею,
Иначе дух она мне умертвит,
И я замру, оглохну, онемею!

26.V.1972

МОИМ ПЕРЕВОДЧИКАМ II

До самых плеч надвинута порфира,
Под бармами прекрасный скрытан лик,
И заглушен природный тот родник,
Что пел в ушах Гомера и Шекспира.

Им пенилась вневременная лира,
 Он расцветал созвездиями книг:
 Им оживлен и русский мой язык,
 Которым я отъединен от мира.

Из варварских безжизненных пустынь
 Завистливо взираю на латынь,
 На алфавит ее международный,

Зову к себе искусных толмачей:
 Пусть бриллиант откроют благородный
 Под рубищем кириллицы моей!

20. VI.1972

ПРОФСОЮЗ

Нам ненавистны скопидомки:
 за тощую вязанку дров,
 за сухари на дне котомки
 мы наняты пасти коров.

Знать, Полигимнии ворчливой
 попались мы не в добрый час:
 надменной и себялюбивой,
 ей, дармоедке, не до нас.

С меня, с Суркова, с Евтушенки,
 с Бетаки пот ручьями льет,
 а барынька снимает пенки,
 приплясывает и поет.

Полегче, милая, не топай —
 графинь довольно нам и муз:
 с тобой, с Эрато, с Каллиопой
 договорится профсоюз.

Не лижем пяток мы буржуйам
и толстосумам: с этих пор
мы классовым врагам диктуем
наш коллективный договор.

Теперь не только Смеляковы
и Лебедевы-Кумачи
получат к праздникам обновы:
ошейники да калачи.

Так, наша воля нерушима:
чтоб славу обретал поэт
не по заслугам подхалима,
а по трудам нелегких лет.

Мы загрохочем кулаками
и загогочем: — «Черт возьми,
довольно нам стесняться с вами,
работодательницами!»

8.1.1972

ДВЕ МУЗЫ

Поэт Советского Союза
без домостроя ни на шаг:
его оглядчивая муза
не любит попадать впросак.

Без перечня идеологий
писать он вовсе бы не мог:
соврет — разнос получит строгий
и не конфетку, а шлепок.

Иное дело — мир изгоев:
плетут кощунственную вязь,
вождей кивка не удостоив,
и тонут, брода не спросясь.

Им с музой весело любезной:
 всегда приветлива она
 и деятельностью полезной
 не переобременена.

31.V.1971

ИЗГОЙ

Уходил всё дальше, всё западней
 мимо зовов и западней.
 От больших и недолгих плаваний,
 от мельканья морей и гаваней
 смутный образ тише, бледней
 опускался на дно несытое.

Становился я сам бедней,
 но тоска росла, и под ней
 напоследок на склоне дней
 воскресает почти забытое.

11.X.1969

НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ

Мы отщепенцы, но желаем,
 чтоб родина была грозна,
 как будто с первым Николаем
 не стала пугалом она.

А дальше — царь-освободитель,
 чья слава в летопись вошла —
 поляков гордых усмиритель,
 поправший Белого Орла.

Скача за ним, единоборец
тяжеловесный, на скаку
сорвал, притворный миротворец,
со всех друзей по лоскутку.

Россия больше не Россия,
но по преемству для нее
отрада — жалобы чужие
и лицемерие свое.

27.XII.1971

ДЕВИЗ

Flectimur non frangimur undis.

— «Вы молитесь о бренном, о немногом:
О медяках, о кровле, о еде,
О милости, о помощи в беде,
О будущем приземисто-убогом.

Но верьте нам, царям и мистагогам,
Что Божий дом не где-то на звезде,
А в памяти, и в сердце, и везде,
И человек без Бога станет Богом».

Клеветники, наверное, мудрей,
Но мы стоим у ветхих алтарей,
Священствуем и знаем: Бог над нами.

И на плечах повытершихся риз
Читается упрямый наш девиз:
«Мы согнуты — не сломлены волнами».

2.III.1973

РОДИНКА

Авроры, сосны, радуги, —
но зритель я плохой.
Литавры, громы, лозунги, —
а я почти глухой.

Но говора, но профиля
не скрыть, не изменить:
по родинке — и родину
легко установить!

13.X.1970

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ты языка родного не догонишь, —
Уже давно он вроде бы не наш:
Проурубишь его, просабиашь*,
В Бразилии Россию проворонишь.

Не прозвонишь, а попусту прозвонишь,
Продешевишь — беспомощный торгаш,
Хотя бы ты, ломая карандаш,
Стонал: «Пусти, отдай меня, Воронеж!» —

Брось Колыме, Игарке, Соловкам,
Но заодно и будущим векам
И воронам швырни мои страницы:

Пусть запоют на тающей земле
Нарядные тропические птицы
Наследникам, невидимым во мгле!

8.XI.1973

* У р у б у — бразильская птица из семейства вороновых, с а б и á — певчая птица.

В ЗООЛОГИЧЕСКОМ САДУ

Ров, островок. За медведицей бурой жметя
в угол тенистый и выводок медвежат.
Верно, теперь по камням семья разбредется?
Нет, и без клетки мирно зверьки лежат.

Гром отдаленный рокочет, пока несмело,
зной тяжелеет, сгущается пар в туман.
...А на скале Россия и Сакартвело,
Polska, Lietuva, Eesti, Хайастан.

17.VII.1972

КРУГОЗОР

Перед окном всё уже пустыри:
Растущая бразильская столица
На жалкие оазисы косится
И срубит их. Готов держать пари.

А между тем, едва календари
Раз или два успеют обновиться,
Мой кругозор кремлем обогатится
И башнями во Пскове и Твери.

Сонетами откликнутся Самара
И степь вокруг Екатеринодара.
Пусть небоскреб мне солнце помрачил,

Наш уговор вы, дальние, храните
И помните, что вам я поручил
В бессмертие протянутые нити!

3.VIII.1973

За свечой — в тени — Засвечье,
 за шестком — в углу — Запечье,
 за спиной — ничком — Заплечье,
 за рекой — свистком — Заречье,
 Заболотье, Задубровье,
 Заозерье, Заостровье,
 Забайкалье, Заангарье,
 Забурунье, Заполярье,
 Заамурье, Заонежье,
 Заграничье, Зарубежье,
 Забездомье, Заизгнанье,
 Завеликоокеанье,
 Забразилье, Запланетье,
 За-двадцатое-столетье.

27. V.1972

ЗОВ

Я нездоров: опять нытье в предплечьи
 Навяно трамвайным сквозняком,
 Но стану ли подобным пустяком
 Будить тебя в твоём Замоскворечьи?

Ведь каждый раз — не на чужом наречьи,
 Не на арго, жаргоне воровском —
 Ты заглушал безгласным языком
 Мой русский зов (и крик по-человечьи).

Ты обрубил антенны и мосты,
 Прикрыл себя личиной глухоты,
 Чтоб не узнать ни вызова, ни стука.

Но кто-нибудь отворит же гонцу
 И сбережет для сына или внука
 Мою тоску, мой плач, мою пыльцу!

22. V.1973

ТРИ РОДИНЫ

Родился я у быстроводной
неукротимой Ангары
в июле, — месяц нехолодный,
но не запомнил я жары.

Со мной недолго дочь Байкала
резвилась, будто со щенком:
сначала грубо приласкала,
потом отбросила пинком.

И я, долгот не различая,
но зоркий к яркости обнов,
упал в страну шелков, и чая,
и лотосов, и вееров.

Плененный речью односложной
(не так ли ангелы в раю?..),
любовью полюбил неложной
вторую родину мою.

Казалось бы, судьба простая:
то упоенье, то беда,
но был я прогнан из Китая,
как из России — навсегда.

Изгой, но больше не забитый,
я отдаю остаток дней
Бразилии незначительной,
последней родине моей.

Здесь воздух густ, почти телесен,
и в нем, вращая в колдовство,
замрут обрывки давних песен,
не значащие ничего.

27.IX.1971

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СОНЕТОВ ИЗ РОССИИ

Сплетен венок великодушной сплетней,
 Мой ореол, мой нимб над головой
 За то, что я без тяги родовой
 Свободней всех, безженней и бездетней.

Речитатив становится заметней
 Без вычурной оправы хоровой:
 Один, веду рассказ немодный свой —
 Торжественный, шестидесятилетний.

Нет ближнего, так дальние близки,
 Взрастившие привитые ростки
 В Австралии, в Париже, в Сан-Франциско.

И в третий раз на русские слова,
 Пропетые в Бразилии, но близко,
 Сонетами откликнулась Москва!

19.IV.1973

ЕМШАН

Сохранены для пришлеца чужого
 Все почести и место впереди,
 А свой, родной — смиренно подожди
 На паперти собора брусяного.

«Бразилия, Россия» — и готово
 Словесное плетение в груди:
 Звени, латынь, и раньше проходи
 Кириллицей придавленного слова!

Войдет она в распахнутую дверь,
 Но, крадучись, и летопись потерь
 Протиснется, печаль и ностальгия,

И пахнувший младенчеством емшан,
И в памяти подымет: «Россия,
Бразилия» — и замолчит орган.

21. V.1972

ПИСЬМО В РОССИЮ

Различные широты нам даны,
Разогнанным по маленьким вселенным:
Здесь томный зной висит над морем пенным,
Там — мерзлота полярной стороны.

Здесь — карнавал и радужные сны,
Там — выкрики о вызове военном:
Не кажется и солнце неизменным,
И рознятся две чуждые луны.

Но, вопреки несовместимой были,
Мы издали друг друга полюбили:
Ты позовешь — я тотчас отзовусь.

Так ветхие преграды уничтожим:
Несходные Бразилию и Русь
В единый мир нерасторжимо сложим!

15. VIII.1972

РАЙ НА ЗЕМЛЕ

Когда-нибудь в огромный зал дворца,
Что возведет всеильная наука
Для твоего незнаемого внука,
Преемника и деда, и отца,

В его лице участником конца
 Войдешь и ты — твой сын тому порука —
 И позовешь не слышавшего стука
 Бездетного поэта-чернеца.

Взор обратив с неисцелимой грустью
 К Бразилии — глухому захоластью,
 Ты осмеешь пустое торжество:

— «Не тронуты судьбою бурелома,
 Мне дали мир без друга моего
 Товарищи из райского райкома».

23. VII.1972

СУДЬБЫ

Библейский бунтовал Денница,
 коснея в зависти и зле,
 но не сумел остепениться
 и я на ветреной земле.

Он за свободное скольжение
 в метафизические тьмы,
 а я — за боль и унижение,
 не поровну ль заплатим мы,
 низринуты в провал Эреба
 в последнем акте мятежа:
 один с восьмого круга неба,
 другой — с восьмого этажа?

4. XII.1973

ПО ГЛОБУСУ

По глобусу я странствовать люблю:
Вот выплыву на белой каравелле,
Вот обойду форты и цитадели,
Вот подойду к московскому кремлю.

Но эту страсть я и с тобой делю:
Хотел бы ты на дальней параллели
Свои мечты — пока еще не цели —
Препоручить колесам и рулю.

Зови меня, и я тебе отвечу:
Я вылечу, ты вылетишь навстречу
К экватору, к полудню и ко мне,

И встретимся среди морской стихии
В географу не ведомой стране —
На острове Розилии-Брассии.

1.IX.1972

В 2040-М ГОДУ

В две тысячи сороковом году
(Прости просчет на три-четыре года)
В моей стране затеплится свобода,
И я туда, раскопанный, приду.

До той поры в одном твоём роду
Я затаюсь. Меня не тронет мода
И пощадит журнальная погода:
Ведь мертвые живут не на виду.

Тогда твой внук уложит в предисловье
Читу, Харбин, ученье, нездоровье,
Моих друзей — и деда своего.

Отверженный, заранее утешен,
Грядущее продвигу торжество:
Московский том «Валерий Перелешин».

23. V.1973

С ГОРЫ НЕВО

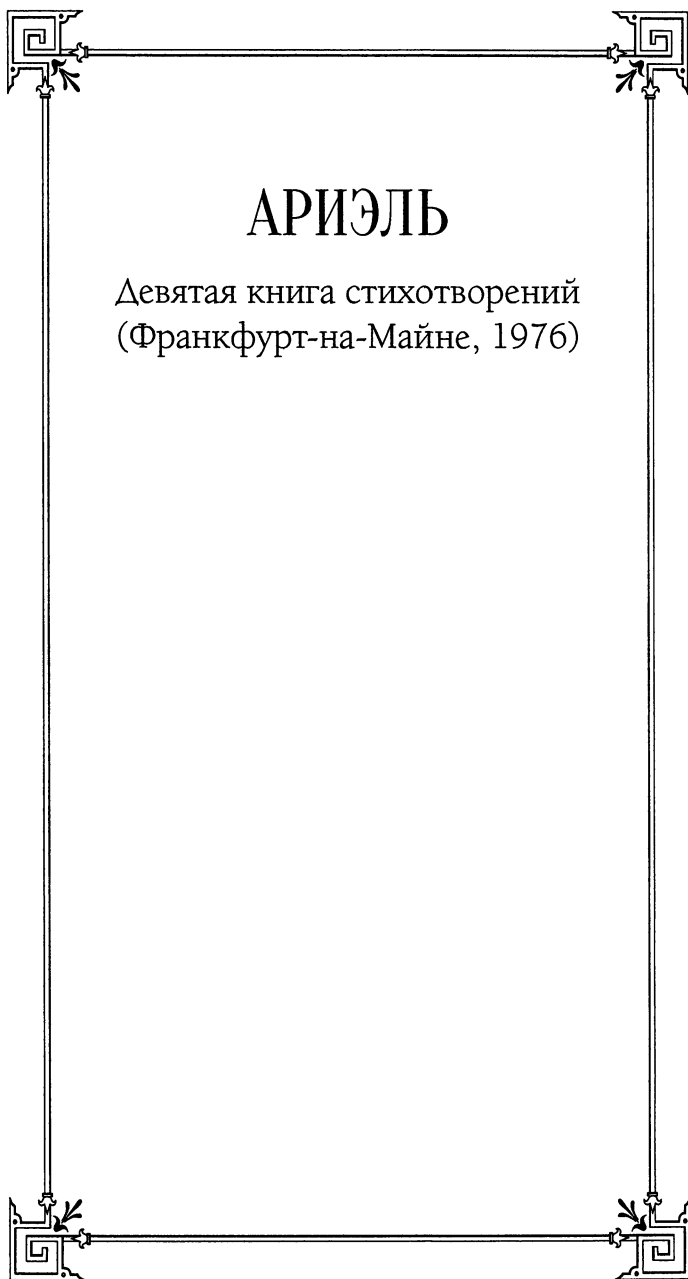
Оставь меня, мой спутник, одного,
Пока закат не скрыт грядой туманной:
На лепоту земли обетованной
В последний раз гляжу с горы Нево.

Избрали мы не плен, а сыновство,
И сорок лет пустыней бездыханной
Брели сюда, и насыщались манной,
Ниспосланной от Бога самого.

Влекут меня заветные границы:
И мельницы, и башни, и бойницы,
Но должен я, по Божьему суду,

Остаться здесь. Чужой земному раю,
Бродягою бездомным умираю,
Но в этот край бессмертным я войду!

29.V.1972

АРИЭЛЬ

Девятая книга стихотворений
(Франкфурт-на-Майне, 1976)

АКРОСТИХ

Жалеть о том, что я в ином кругу,
 Едва ли мне позволено, изгою,
 Но, вдохновлен задачей дорогою,
 Я твой расцвет любовно стерегу.

Верь, юноша: тебе я не солгу
 И праздною не развлекусь игрою:
 Ты мне как сын, дарованный судьбою
 Коварною на дальнем берегу.

О, я хочу преемника такого
 В тебе найти, чтоб ты сверканью слова
 Служил, как я — по высшей мере сил.

Кто упрекнет мой дух за вероломство?
 Избранника и прежде я просил —
 И с ним, и в нем произвожу потомство!

20.IV.1971

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ «ОКЕАНА»

В отчаянной игре самообмана
 Не защитят ни крепости, ни рвы,
 И снова я зову тебя на «вы»
 За семь морей, за гребни океана.

На корабле Фернана Магеллана
 Проплыли вы от пристани Москвы
 Атласами небесной синевы
 С белесыми разводами тумана.

Увенчанный поношенным венком,
 Я в диалог вступлю с учеником
 Доверчивым, любезным, долгожданным,

И разговор по свету прогремит:
Входите же, в одном лице желанном,
Мой Менексен, мой Лисий, мой Хармид!

11.IV.1972

МЫ

Бесстрастная святыня воплощенья —
Высокое помазанье Христа,
Но женщину целуем мы в уста
И от нее иного ждем свершенья.

А нужно ли для оплодотворенья,
Чтоб корчилась от похоти чета?
Ведь в мире есть и волны, и цвета,
И зеркала, и отголоски пенья.

Потомки двух горячих облаков
Перебегут за сумерки веков.
Двум ветровым, влюбленным Ариэлям

Дано творить в безгрешной высоте,
А ниже — мы: горим и с ними делим
Чудесный дар зачатья в красоте.

24.VI.1972

ДВОЕ

Наверное, в одном из воплощений
Ты был моим сиамским близнецом:
Не звал меня ни старцем, ни отцом,
А братом был Валерию Евгений.

Доверчивей мы были и смиренней
 И, связаны не цепью, не кольцом,
 А общими началом и концом,
 Делили боль и счастье сновидений.

А нынче я гляжу на твой расцвет
 Через моря и тридцать с лишком лет,
 И я не весь, а только половина.
 Но, чтоб вернуть хоть меньшее сродство,
 Хотел бы я ласкать тебя, как сына —
 Как сына ты ласкаешь своего.

20. VII.1972

ДЕНЬ И НОЧЬ I

Мы — день и ночь, не просто антиподы:
 Ты, пламенный, восторженный, дневной,
 Не брезгаешь ни боксом, ни пивной,
 Ни сменами литературной моды.

А я — ночной. Несчитанные годы
 Я зоркою заполнил тишиной,
 И столько раз я для нее одной
 Насильственно задерживал восходы!

Не в эти ли волшебные часы
 Колеблются вселенские веса,
 Феб нехотя покорствуется поэту

И рифмою готов ему помочь?
 Но все-таки я уступаю свету,
 И снова мы как были: день и ночь.

20. VIII.1972

ДЕНЬ И НОЧЬ II

День видится нарядным и красивым
С гармоникой и в кольцах напоказ,
Но каждый тот обточенный алмаз —
Одной души с хозяином хвастливым.

Зато потом, склонившись над заливом,
Прищурит ночь зеленоватый глаз
И свой начнет скандировать рассказ,
И, как она, я стану прозорливым.

Сквозь тонкую, сквозную темноту
Я выпущу проворную мечту
В мир парусов, папирусов и тлена.

Не утерпев, я сам летал бы с ней,
Но по стеклу стучит уже надменно
Безвкусная коллекция перстней.

20. VIII. 1972

ПАРАЛЛЕЛИ

Столетия — игрушки наших муз;
Бессмертные, друг другом мы воспеты.
Свинцовые, седые воды Леты
Разрушат ли незаблемый союз?

Напор тяжел, но не прорвется шлюз:
Заключением положены сонеты:
Вот я — Шекспир второй Елизаветы,
А ты — другой, прозревший Вилли Хьюз.

А может быть, ты юноша великий,
Божественный, прекрасный, светлоликий
Утопленник — умерший, но живой,

Чтоб я глядел за гребни океана
 На мраморный Антиноополь твой
 Усталыми глазами Адриана?

25.VIII.1972

ТОМЛЕНИЕ

Четвертая неделя без родного
 Крылатого, волшебного письма!
 Лишь в зеркале мелькает бахрома
 Посланницей от мира несплошного!

Беззвучный звук, немолвленное слово —
 Бред, выдумка упрямого ума?
 Полосками ложатся свет и тьма,
 Но светлое развеяться готово.

Приподними глухую пелену,
 Дай звездочку увидеть хоть одну —
 Последнюю не знавшую неволи,

Мой жалобный, мой обреченный свет,
 И слепятся из отголосков боли
 Сон радужный и радостный сонет!

4.IX.1972

ИЗДАЛЕКА

Прощения страшась, а не суда,
 Вернется ли бежавший раб Онисим?
 Вот так и мы от мелочи зависим,
 От робости, от ложного стыда.

«Вы — лучший друг», но горькая беда —
Условные пределы ставить высям:
Ведь я, когда писал Вам сотни писем,
О Вас на «Вы» не думал никогда!

Теперь зима без будущего лета,
Большая ночь без проблесков рассвета,
И пишется признание само —

Всей солью слез, кровавыми словами:
«Ты, твой, тебе», но жжет мое письмо, —
Издаю я им прощаюсь с Вами!

23.IX.1972

ДАЛЕКОМУ

Похож ли ты на стройного Хармида,
Прекрасен ли, как юный Антиной, —
Не ведаю, но ты всегда со мной
Без голоса, без образа, без вида.

Простой пиджак — не та же ли хламида,
Велосипед — не конь ли вороной?
И, если ты бесцветный и земной,
Не в тусклости, не в серости обида,

А в дальности. Но счастлив я и тих:
Ведь дух один задуман на двоих,
В телесности не ищущий подпорок.

Пусть был бы ты на эллина похож,
Похорошуй ты многим был бы дорог,
А мне — сейчас — ты помилу хорош!

27.IX.1972

ПРИЗНАНЬЕ

Художник эллинский, Нарцисса, Ганимеда
Изображение на вазу поместив
И сам протиснувшись в тысячелетний миф,
По следу ложному пускал искусствоведа.

К трехцветной росписи — о, тайная победа
Над мощью Хроноса! — свой добавлял он гриф
И слово странное приписывал: «красив!»
Уликой страстного, восторженного бреда.

Где нынче стамносы? Разбитые горшки!
Но, вместе хрупкие слагая черепки,
Мы слышим возгласы неспетых дифирамбов

Красноречивее невыплаканных слез.
...Мне прятать нравится среди печальных ямбов
Признание: ΕΥΓΕΝΗΣ — Ο ΕΦΗΒΟΣ ΚΑΛΟΣ*.

27.IX.1972

СЛОВО АРИСТОФАНА

Давным-давно, в иные времена
На трех полах держалась быль земная:
«Он» был двойной, «она» была двойная,
А третьим был блудливый «он-она».

Порода та была весьма сильна:
Округлая и несколько смешная,
Она жила, богов не вспоминая,
И надвое за то рассечена!

* Евгений — прекрасный юноша (греч.).

С тех пор Аякс рыдает об Аяксе,
Поет Сафо о девах Митилен,
А третий пол толпится в каждом ЗАГС'е,

Предведая заманчивость измен:
Сожителей захватывает с бою,
Детей растит и хвалится собою.

30.IX.1972

СТЕПЕНИ

Цвета бледней, неуловимей звуки,
И целый мир скупей и холодней.
Сравнительных не надо степеней,
Чтоб говорить о несравнимой муке.

Разлука ли прибавлена к разлуке —
Беда к беде? И что мне делать с ней?
Ведь черное не может быть черней,
И спору нет об азбуке науки.

Ты далеко, единственнейший мой,
Согбеннейший страшнейшею зимой,
Казненнейший на плахе всенародной,

А я, в твоей виновнейшей судьбе —
И в степени постыдно превосходной, —
В чернейший день рыдаю о тебе.

2.X.1972

ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР

Творятся ревностью — моим хрустальным шаром —
 Концы возможные: мелькает предо мной
 Когда-то банщиком служивший Антиной,
 Со связкой бубликов, за тульским самоваром.

Потом, подагриком и себялюбцем старым,
 Беззубо шамкает и ссорится с женой
 Тот Бози ветреный, что в юности шальной
 Неосмотрительно погнался за Икаром.

Вот поумневшие Рембо и Максимин
 Считают месяцы по датам именин,
 Четырехлетия — по новым полотенцам.

И мой мечтательный, лукавый Ганимед
 Следит за временем по хнычущим младенцам
 И скудной хронике копеечных побед!

4.X.1972

ДОЛГОЖДАННОЕ ПИСЬМО

Твое письмо поет передо мной,
 И то же в нем любовное признание:
 Обновлены завет и обещанье
 Двойной любви и верности двойной.

Опять волна рифмуется с волной,
 С дыханием сливается дыханье,
 А пламени разгар и затуханье —
 Два времени, но в повести одной.

Блаженный день гармонии прекрасной:
 Согласная бежит в обнимку с гласной,
 О твердости и грубости забыв.

Трубит спондей, еще вчера понурый,
И пауза — прощенный перерыв —
Становится ритмической цезурой!

11.X.1972

АВТОБИОГРАФИЯ

Кудрявым отроком — задумчивый Нарцисс,
Неразговорчивый, я полон был собою.
Как Дафнис девственный, потом ласкал я Хлою,
Потом замужнюю Елену, как Парис.

Немало взбалмошных танцовщиц и актрис
Со мною тешилось двусмысленной игрою,
Пока не сделались приправой к «Домострою»
«Пир», и «Сатирикон», и «Песни Билитис».

Арго без якоря, чужой мясистым целям,
Я стал мечтателем, поэтом, Ариэлем,
Святошей, постником... Теперь, полуседой,

Я от Петрония бегу и от Шекспира,
И «Крылья» легкие мне кажутся водой:
Уж не отместка ли злопамятного мира?

12.X.1972

ОБЕЩАНИЕ

Под прямотой таится кривизна,
Предательство — под возгласом привета:
В полутенях седеющего света
Быль древняя не раз обновлена.

Порвется ли последняя струна,
 Перстом певца в отчаяньи задета?
 Поэзия накажет ли поэта,
 Гармонией умиротворена?

Нет, никогда похожим я не буду
 На Каина, на Брута, на Иуду
 И совести не обагрю в крови.

Поверь, тобой я одержим и болен,
 И о твоей застенчивой любви
 Не прокричу с высоких колоколен!

21.X.1972

О ГРЕХЕ

Пусть, Господи, забудет он о сыне,
 О матери и плачущей жене,
 О родине — и явится ко мне:
 К Тебе, к судьбе и к мудрости пустыни.

Мы василькам и ворохам полыни
 Дадим сгореть в чистилищном огне
 И повелим бессмертной купине
 Терзать его и врачевать отныне!

Зову, кричу, но небосвод молчит, —
 Ведь человек того не разлучит,
 Что связано: где двое или трое,

Там Ты в отце, в супруге, в женихе.
 Быть по сему! Оставь его в покое,
 А мне прости молитву о грехе.

26.X.1972

ГИГАНТ

Своей любви невиданный размах
Я должен был всей показать вселенной
И возвестить о страсти сокровенной
В bestseller'e, в двенадцати томах,

В элегиях, в симфониях, в громах!
Я не сумел, и вот, несовершенный,
Наказан я презрительной изменой
(О, Господи, куда же я впотьмах?).

В посланьи ложь не сразу ложью станет,
Больней письмо непосланное ранит:
Порву его, и оботру слезу,
И поднимусь, и разогнусь прямее,
И, раненый, к тебе не поползу,
Хоть вместо ног даны гиганту змеи!

1.XI.1972

ЖЕНЯ

Евгением легенд и генварей?
Нет, женственным я околдован Женей:
Я болен им до головокружений,
И приступы всё чаще и острей.

Я думаю: не будет ли хитрей
От ревности бежать и унижений?
Но спрячут ли от судорог и жжений
Семьсот озер и семьдесят морей?

Ведь даже там, взволнован и встревожен,
Наперекор стервятникам таможен,
Со струнами предстанешь ты, любя,

И женомуж, и втайне мужедева:
 Пусть любят нас и слушают тебя
 Гент гениев и снежная Женева!

7.XI.1972

ЧЕРВОННЫЙ ТУЗ

Тринадцать карт я поднял со стола:
 Как, три туза? Не жалкие валеты!
 И семь червей. У счастья есть приметы:
 Великая удача нам пришла.

Я начал с двух. В ушах колокола:
 Условные вопросы и ответы.
 А где же ты, о туз четвертый, где ты?
 В чужих руках сулишь ты много зла.

Но «пять бубен» (туз есть) — партнер ответил.
 Я перевел: свободен путь и светел,
 Противники нам не страшны ничем.

С твоим тузом, с моей влюбленной мастью
 Пробьемся мы к неслыханному счастью
 И, наконец, большой сыграем шлем!

10.XI.1972

СУД

История закончится судом:
 Поднимется из тусклого шеола
 Безжалостный монах Савонарола
 Судить Париж, Помпеи и Содом.

Тогда и мы, принижены стыдом,
Свои долги заплатим до обола,
Загромоздив подножие престола
Своей тоской, любовью и трудом.

Тогда сгорят, чтоб дотлеть вовеки,
Базилики, дворцы, библиотеки —
Подачками ворчливому огню.

Какие мы дадим тогда ответы
За музыку, за страстные сонеты?
Твоих стихов и я не сохраню.

13.XI.1972

БЕЗ МАСКИ

Ты захотел — и стал моей судьбой:
О сумерках скудеющего мира,
О пламени Платона и Шекспира
И о себе я говорю с тобой.

Мои друзья (из них почти любой —
Язвительный насмешник и придира,
Чьи козыри — издевка и сатира)
Знать о тебе хотят наперебой.

Им предаю тебя в дыму кофейни
За болтовней о скачках, о Бернштейне,
Но и тогда мы все-таки вдвоем.

Лишь по ночам, без ширмы и без маски,
Сонетные замешиваю краски
И мучаюсь в отсутствии твоём.

14.XI.1972

БРЕД

Не в старости, не как Иоакиму,
 Наследника послал тебе Господь.
 Твой сын — твоя продолженная плоть:
 Завидую двухлетнему Вадиму.

Весны не зная, уже встречаю зиму,
 А ты меня к надежде прихоть,
 В кольцо любви зажми, обеззаботь,
 Сорви милоть, укрась цветами схиму!

Ведь и теперь, как в детстве, я один:
 Подкидывшем я дожил до седин,
 Не отсмеяв недолгого рассвета,

В одно смешав начала и концы.
 Ужели боль неизлечима эта?
 На склоне лет беру тебя в отцы!

14.XI.1972

ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА

Лишь опытность вполне оценена
 По выводам учителей Китая,
 И верил я, по книгам вырастая,
 Что радости достойна седина.

Унижена и пренебрежена
 Была весна развязно-золотая.
 Теперь зима: на шкурке горностая
 В лесу, в саду густеет белизна.

Ликуй, старик, что молодости бойкой
 Я отвечать могу головомойкой:
 Ведь нынче мы и лучше, и мудрей.

Но книжнику с изжогой и одышкой
Как совладать с распущенным мальчишкой,
Когда игра идет без козырей?

15.XI.1972

СОЛНЦЕ ГАВАОНА

Кивали мне то роща, то гора,
Приветливо поплескивало море,
Но попусту заигрывали зори,
Бросая мне цветы и веера.

Волнистый край небесного шатра
В рассеянном не отражался взоре,
И голос мой терялся в разговоре
О вечности, о бремени добра.

Но ты вошел и возвестил свободу,
И ожил я, прозрел тебе в угоду —
Твоим глазам и вороху кудрей.

Молчанию и ночи ты препона,
Так дольше будь светилом Гаваона,
Помедленней сгорай и вечерей!

16.XI.1972

КРАПИВНИЦА

Есть письма близкие, и есть — издалека.
Есть письма-хищники: внушают нам поступки.
А есть и бабочки: полупрозрачны, хрупки.
Мое — крапивница: оставь его пока.

Жена приблизится с бутылкой молока,
 Подставит милому приветливые губки,
 Разложит по́ столу нехитрые покупки:
 — «Ну, вот и дожили до первого снежка!»

Письмо завалится: мой хоботок бессилён.
 Не поколеблется, ничуть не побразилён,
 Твой мир устойчивый. За тусклый перевод,

Ворча, ты примешься — за нудную мороку.
 И будет до́ ночи производить завод,
 Рифмуя каторжно: поспеть-то надо к сроку!

19.XI.1972

«ВОПРЕКИ ВСЕМУ»

«Мне мил поэт искусством образцовым,
 Люблю его — но вопреки всему».
 Ах, юноша! Какую кутерьму
 Ты возбудил неосторожным словом!

Ведь я давно не радуюсь обновам,
 Пытливости, проворному уму,
 Но головы теперь не подниму
 В моем венке сонетном и терновом.

Снаружи блеск и пурпур, а внутри —
 То самое. Открой и посмотри:
 Созревший плод не вынесет отсрочки.

Не сердце ли в тюрьме своей тупой
 Бьет по стене, по серой оболочке?
 Сожги ядро. Утешься скорлупой.

22.XI.1972

ВРЕМЕНА

Была любовь, но прошлое мертво:
Теперь я рад безболью и бескрылью.
А ты крылат сегодняшнею былью:
Супружество, отцовство, сыновство.

Лишь изредка из гроба моего
Стихи — настой бессмертника — я вылью,
И встретится живое тело с пылью —
Два времени глагола одного.

«Люблю — любил»: как мало для беседы!
Но поздние литературоведы
Разворошат засохшую траву —

И, нам двоим, два века переплетшим,
Определив совместную главу,
Прошедшее сомкнут с давнопрошедшим!

24.XI.1972

ИСЦЕЛЕНИЕ

Я замирал от выдуманной страсти,
От нежности собою не владел,
И колокол в крови моей гудел —
Набат любви и благовест напасти.

И вновь ничьей не подчинен я власти:
Утих ли зной, туман ли поредел?
Или туза я не доразглядел
И сослепу в его ошибся масти?

Сойдем же в мир похвальнейших забот,
Бесмысленный забудем эпизод:
Нет времени для вздорных эпизодов!

Я исцелен, и, к счастью, ты здоров:
 Так стоит ли у платных переводов
 Открадывать крупинки вечеров?

4.XII.1972

АЛКИВИАД

Мы улеглись, широкий плащ раскинув
 Палаткою над общей наготой.
 Целуй меня, сближенья удостой,
 Презрительно застенчивость отринув.

Всего себя под ласки пододвинув,
 Я погашу светильник золотой,
 А ты, моей упившись красотой,
 Мне расскажи о страсти андрогинов.

— Что, юноша? Большого знанья честь
 За тленный прах ты вздумал приобрести?
 Расчетливость поистине забавна,

Но не смешон, не слеп Алкивиад,
 Курносого лысеющего фавна
 В любовники избравший невпопад!

8.XII.1972

ДОСТОЙНОМУ

Сегодня я — Борей седобородый,
 И не во сне, а будто наяву
 То кашляю на зябкую Москву
 По-старчески, брюзгливой непогодой,

То, поощрен губительной свободой,
Рву с тополей засохшую листву,
То, как медведь разбуженный, реву —
Встав на дыбы, гремлю полярной одой.

А может быть, не снежным стариком
Прийти к тебе, а южным ветерком
Из золотой Бразилии — отсюда,

Чтоб над тобой как не бывало зим?
Верь, юноша, и стань приёмник чуда:
Державиным ты тоже одержим!

10.XII.1972

СТАТУЯ

Доведена задача до конца:
Стремительным, надменным, крутолонным
Ты выступил дельфийским Аполлоном
Из мрамора на страстный зов резца.

Вокруг тебя плененные сердца
Затеплены соцветием влюбленным:
Осанкою и взором отдаленным
Любуюсь я — и мышцами борца.

Божественный, прекрасен ты, но ровен
И холоден, — заманчив, но бескровен:
Для вечности засушенный цветок.

Нет, будь и ты клеймен моим увечьем!
И я, схватив тяжелый молоток,
Бью статую по бедрам, по предплечьям.

18.XII.1972

БЕССМЕРТИЕ

Удел самца — плодливая жена,
И сыновья, и дочери, и внуки,
Чтоб в их лице зубрить азы и буки,
Сопеть, пыхтеть и путать времена.

Но станет ли пускаться в семена
Молитвенник, подвижник, муж науки
Или поэт, чья в паузы и звуки
Боль тайная стихом обращена?

Они судьбой и милостью Господней
Избавлены от девственниц и сводней —
И Лермонтов, и Марлоу, и Верлен.

Бездомные, ведут свои квадриги
Вдоль сомкнутых зимоупорных стен
Бунтовщики, скопцы, недорасстриги.

25.XII.1972

ПЕРЕЖИВИ

Хотел бы я заплесневелый дом —
Твое гнездо — разбить тупым тараном
И сумрачным владыкой и тираном
Стать над тобой, поверженным рабом,

Дождем камней пролиться на Содом,
Забушевать прорвавшимся вулканом!
Каким тогда, беспечный Геркуланум,
Ты, кружевной, прикрылся бы щитом?

А может быть, в коротком разговоре,
Как метеор, я, сам себе на горе,
Исчерпал бы накал моей любви?

Так пусть растет сонетная лавина,
Расти и ты, и в ней переживи
Меня, себя и собственного сына!

22.1.1973

СОБЛАЗН

Скопцы суровые и шальные кликуши
Мне заповедали бежать от естества: —
Гнушайся похотью, душа твоя жива,
Забудь же девушек, молись, не бей баклуши!

Зачем же двойками у нас глаза и уши,
И двойкой легкие, и двойкой рукава?
Без бреда левого и правда неправа,
А реки вделаны в двойные рамки суши.

Но мне прискучило перчатки примерять,
Одной расхвастаться, другую потерять:
Ведь нераздельности никто не обеспечит!

И, в подтверждение словам учителей,
Вершины горные играют в чет и нечет,
А море тешится небрачностью своей.

24.1.1973

ПРИ ПОСЫЛКЕ «ЗВЕНА»

Давно ли я лукавил и картавил,
С глаголами рифмуя имена?
А нынче грудь таким огнем полна,
Что мне совсем не до холодных правил!

В сыром углу металл без дела ржавел,
 Теперь он — цепь, докована она,
 И мы в цепи — два смежные звена:
 Я лучшие в них зерна переплавил.

Два ровные, два цепкие кружка,
 Мы выдержим и версты, и века:
 Мне равен ты, и я тебе подобен.

Так не зови меня опекуном:
 Ведь ты и сам силен, дееспособен.
 Запомни цепь. Забудь об остальном.

27.I.1973

НАРЦИСС

Дунай, и Ганг, и Волга, и Миссури
 Заносятся то пылью, то песком,
 Но знатные безвестным ручейком —
 Судьбой моей — пренебрегают бури.

Мой вечный день — в лучистом Кохинуре
 Свет и цвета, но, к зеркалу влеком,
 В него гляжусь изнеженным цветком,
 Избранником удвоенной лазури.

Я и ручей, ручей и снова я —
 Предтеча ли, преемник ли ручья?
 Лишь изредка серебряная рыбка

Плеснет в моей прозрачной глубине,
 И чья-то в ней зазублется улыбка,
 Не от меня даруемая мне.

4.II.1973

ЧИТАЯ КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА

Юрию Иваску

В моей судьбе — монашески-мирской —
Два сильные соперничают хора:
Девический под куполом собора
И к веществу прикованный мужской.

В одном — просвет в разубранный покой,
Где нектаром наполнена амфора,
Смолистая — в другом — дремучесть бора,
И оползни, и страстный гул морской.

То веянье бесплотное пролады,
То нагота и смуглота Эллады, —
На полпути двузначный антифон,

Мир столпников и бешенство желаний,
Платонов пир и подвиг слишком ранний —
Извечные Афины и Афон!

4.II.1973

УЛОВ

Мы, рыбаки в родном Генисарете,
Плывем на лов, и с левой стороны
Домашние огни отражены:
Забуть не смей о повседневном свете!

Там домик мой. Давно заснули дети
Близ матери — земной моей жены.
Вернемся мы домой, пристыжены,
Связав узлом обманутые сети.

Но между нас — виденье или плоть? —
Явился наш учитель и Господь
И повелел, войдя в мужское братство:

— Направо сеть закиньте, рыбаки! —
И в неводе серебристое богатство:
Огромных рыб сто пятьдесят и три.

6.II.1973

КОНЕЦ БОЯ

Не тряпкою, а пыльною соломой,
Каким-нибудь случайным бараклом
Я в панцире заделаю пролом
И выстою — с последнею истомой —

Хоть полчаса. И, на щите несомый,
Покину прах: загнил? И поделом!
И обернусь тропическим теплом,
И шелестом, и лаской невесомой.

А вдалеке, за письменным столом,
Взволнованный словесным ремеслом,
Ты ветерок почувешь незнакомый —

Соль от волны, разбуженной веслом,
Полуплотом близ гавани искомой,
И нехотя вздохнешь о небылом.

3.III.1973

GOOD-BYE!

От ранней юности я выбрал в образцы
Андрея Критского, святого Хрисостома,
Ефрема Сирина... Ужель не лучше дома
И бранных радостей подобные венцы?

Смиренномудрые простые чернецы
(Лохмотья ветхие, а для спанья — солома),
Скопцы, молчальники, а после перелома —
Верочители, вселенские отцы.

Но те же нищие: ни лепты, ни обола,
И патриаршего не нужно им престола.
А ты, заделавшись — для сына и родни —

Стихослагателем то русским, то английским,
Сумей возвыситься и стань к концу возни
Архиепископом — увы, кентерберийским!

7.III.1973

РОЖДЕНИЕ ДУХА

Шарахаться от нежности мужчин
Завещано заманчивым невестам
И охлаждать презрительным асбестом
Их похоти настойчивый зачин.

А юноша? Он хочет быть один
И не порхать по гульбищам и фьестам,
И не его назвал когда-то тестом
Погибели блаженный Августин.

Один — одна — из многих сотен тысяч
Иной огонь в себе сумеют высечь
И, выхолив заботливо в тиши

Ту искорку бесполого рожденья,
Тот эликсир, отстой своей души,
Переживут позор уничтоженья.

16.III.1973

БЛИЗНЕЦЫ

Один костяк с узором сухожилий —
 В мир замкнутый мы вместе рождены.
 Одна душа и память нам даны
 Вместилищем для небылей и былей.

Ты тянешься к венку саронских лилий —
 Я тоже пьян от яркой белизны.
 Ты пятишься от черной крутизны —
 Иду и я, не делая усилий.

Так некогда Пьеро и Арлекин?
 Но нет и нет: я-ты, ты-я один
 Живу-живешь, не видя и не зная
 Ни родичей, ни сверстниц, ни врагов.
 Не так же ли хранит звезда двойная
 В себе самой предел своих кругов?

23.III.1973

ПАН

Флейта нежного Вафилла.

М. Кузмин

Двадцатый век. Но славимый Москвою
 Гиперборей — не тот же ли Вафилл?
 Он улицы столицы разбудил
 Протяжною сафической строфою.

— «Эй, мальчуган! Я дар тебе удвою!» —
 Воскликнул Пан, известный педофил,
 И отрока посулом заманил
 В шатер сквозной, на бархатную хвою.

«До, ре, ми, фа...» Круглятся верхним «до»
Точеные газеллы и рондо:
Античное искусство не забыто,

Но бог лесов и к новому привык,
И топает обутое копыто
В такт музыке — и прорастает клык.

31.III.1973

В РАЮ

*И будет мужское как женское,
и не будет ни мужского, ни женского.*

Незаписанное слово Господне

Суд возвещен с высокого амвона,
И вот у нас на лучшей из планет
Ни мужества, ни женственности нет,
Ни похоти — тлетворного закона.

И в голосах ни густоты, ни звона:
Лишенные заведомых примет,
Кольшутся с вопросом и в ответ
Бесполье двусмысленные лона.

Одно из них, теперь гермафродит,
Напыжится и книжечку родит —
С факсимиле, но лучше без портрета.

Недавний я к любимому вдвойне
Приблизится — и будет книга эта
Надписана и «Жене», и «Жене».

4.IV.1973

БОЛЬНОМУ

На тетушке твоей я должен был жениться,
 Чтоб и тебе теперь не числиться чужим.
 Увы, от брачных уз мы смолоду бежим:
 Нам Геба дорога, нам Афродита снится!

Прости же мой просчет. Бастилия-больница
 Незыблемо блюдет болезненный режим.
 Ты бледен, изможден и головокружим,
 И близкая толпа вокруг тебя теснится.

Не дядя, не отец, по-дальнему любя,
 Я очень далеко — но около тебя:
 Твой жар, и бред, и пот — я их приму на веру,

Себе на рамена и на стихи взвалю.
 Потом, качаясь в такт печальному размеру,
 Всей верностью моей я тоже заболю.

5. V.1973

ЖЕЛАННАЯ ВСТРЕЧА

Надломленный — но цельный и бесцельный,
 Оправданный — но раб неправоты,
 Соцветие предельной простоты,
 Симфония запевки корабельной,

Рассудочно скрываю бред похмельный,
 Пишу на «Вы», а думаю на «ты»
 И, не пройдя до ночи ни версты,
 Ропщу на путь неровный и бесцельный.

Зачем шагать? Одно я знаю лишь:
 В Бразилии меня ты посетишь,
 Заговоришь о новой книжной моде,

Но и тогда, крылатый, не взлечу.
Отчаявшись, ты спросишь о погоде...
«Да ничего», — я тупо промычу.

29.V.1973

БРАЗИЛЬСКИЙ АРИЭЛЬ

Антонио Азеведо

Меж кабанов — лохматых Калибанов
И самок их — свиной-Калибанесс
Я двадцать лет не вспоминал чудес,
Бесцельных жертв, увертливых обманов.

Не восставал из дымных океанов
Дэдалов сын: над духом правил вес;
Я не просил прозрений у небес,
А с неба ждал лишь молний да туманов.

Мгла разошлась — и всё наоборот:
Взошел Икар, безус и безбород,
Чужд робости и взрослым колебаниям.

Деля со мной волшебную свирель,
Свинарникам приносит калибаньим
Слова небес бразильский Ариэль.

30.V.1973

В БРАЗИЛИИ

Сменился март задумчивым апрелем,
А под окном уж несколько недель
Полемику бразильский Ариэль
Ведет с другим — заморским Ариэлем.

Столкуйтесь же! Мы комнату разделим:
 Стол письменный, пустую колыбель
 (Племянницы), и каждому постель,
 Хоть на полу, но как-нибудь постелим.

Черноволок один и белолиц,
 И молнии летят из-под ресниц,
 И речь его — как зовы арапонги.

Зато другой обоих нас корит
 За смутные назальные трифтонги
 И попросту — по-русски — говорит.

30.V.1973

НЕЗРИМОМУ

Рост рыцаря (он — сто и девяносто,
 Значительный по уровню Москвы),
 Глаза — густой славянской синевы,
 Но что из глаз я вылеплю и роста?

Овеществовать незримого не просто:
 Взять для волос осенний цвет травы?
 Для плеч — изгиб тяжелой енды?
 Для голоса — истому Алконоста?

Всё собрано! И все-таки пятно
 Расплывчато и жизни лишено,
 И, мертвое, меняет очертанья:

Музейная личина безо рта
 Изъедена проказой расстоянья,
 И вместо глаз — прорезы, пустота.

1.VI.1973

СОВПАДЕНИЯ

Антонио Азеведо

Я падаю в прогибы сновидений
В ту Падую, где дальний родич твой,
Антонио — прославленный святой —
Размахивал громами обличений.

Сон или бред — питомник совпадений:
Мы пленены суровой простотой,
Но восхищен палитрой звуковой
И полугрек, полуараб Девгений.

Нас умилил монашеский устав,
Но к вечеру, от святости устав,
Уйдем и мы, чтоб, ноги разминая,

Внизу спросить козленка и вина:
С Евгением на склоне Евгения
Латынь ли нам крылатая нужна?

9.VI.1973

НЕПОБЕЖДЕННЫЙ

Ты Ариэль. Щита тебе не надо
И панциря. Незыблем твой покой.
В единый миг бесплотною рукой
Закрещена малейшая досада.

От беглого презрительного взгляда
Уйдет яга с напрасною клюкой,
Бежит кашей с лесной его тоской,
Не расшатав устойчивого лада.

Но все-таки — я доменная печь
И полымем хотел тебя увлечь:
Ведь некогда и уголь был прохладным —

И каменным. Таким я был досель.
 Не будь и ты асбестово-злорадным
 И не гордись: я тоже Ариэль!

17. VI.1973

СНЫ

Свое пальто давно уж износив,
 Ты вечною кичишься новизною
 И снишься мне... Но дело не за мною:
 Сны лучшие запишем ли в пассив?

Из Кузмина изысканный курсив,
 Поставлен ты над прозою сплошною:
 Во снах моих подобен Антиною,
 А по словам соседей — некрасив.

Нет, я не сплю, но в сонные ресницы
 Заплетены несмытые частицы,
 Враждебные рассудочному дню.

От суеты я исподволь ослепну
 И музыки в ушах не сохраню,
 Но будет ночь — и снова я окрепну.

18. VI.1973

ПИСЬМО ИЗДАЛЕКА

Вселенная покорна царской воле,
 Но на каком догонит он коне
 Красавицу, мелькнувшую во сне —
 Ее бровей взлетающие моли, —

И убежит от ревности и боли
Тот государь — со мною наравне?
Ведь юноши, приснившегося мне,
Я не нашел в моей недоброй доле.

И все-таки я вылечен тоской
И вознесен любовью такой —
Блаженнейшей — над пропастью тройною —

Верст, лет, судьбы. Какой на свете сон
Опустится влюбленную волною
К ногам того, кому приснился он?

29.VI.1973

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СОНЕТОВ КАМОЭНСА

Своих трудов плоды тебе отдав,
Добавил пять простосердечных строчек
Прославленных поэтов переводчик,
Соперник их и соучастник слав.

Предательством обиженному — штраф
Плати ценой повязок и примочек:
Ведь нежный том, без долгих проволочек,
Ты отдал мне, от сердца оторвав!

С Камозэнсом я выхожу в походы,
Обследую таинственные воды:
Весь маленький — тогда огромный — шар.

Растроганный, пребуду наготове
Тебе послать и мой ничтожный дар
Рифмованный, но с капельками крови!

2.VII.1973

МЕРЫ

От месяца трехлетний твой Вадим
 Неясного не отличает года:
 Была и нам дарована свобода
 От времени, и мы щедрили им.

Зато теперь и нам, и всем другим
 Жить велено по сдвигам небосвода:
 Не веря им, в дремотный час восхода
 Мы на часы сначала поглядим.

Но человек времен Мафусаила
 Для времени иные знал мерила:
 Твой год и мой — ему десяток лет.

По мере той и нам досталась мука:
 Двух лет еще с небывшей встречи нет,
 А двадцать лет уж тянется разлука!

3.VII.1973

ПРИЗЫВ

Встань, юноша, и поведи плечом,
 Разделайся с двухлетней осадой,
 С назойливой сонетной канонадой,
 И проучи их автора бичом.

По-старому пронзи его мечом
 И не спеши с опасною пощадой:
 Свою жену решимостью порадуй,
 Будь рыцарем — и собственным врачом!

А может быть, мудрей и современной
 Не начинать рискованных сражений?
 Так вызови обидчика на бокс.

Без этого — ты не кулак, а вата,
Сопляк, тюфяк — такой же парадокс,
Как женщина, которая жената!

5.VII.1973

ПОДДАВКИ

Я не хочу и вспоминать о плаче
И радостно твержу: — «Я твой, я твой».
Прими сигнал, усиль его, удвой,
Порадуйся моей самоотдаче.

Ты мог бы стать на целый мир богаче,
Но с молнийной волною круговой
Летит ответ: «Подтверждено Москвой:
Я твой, я твой». (Могло ли быть иначе?)

Чье сердце, чей золотиносный пласт
Себя полней вскопает и отдаст —
До рукавиц, до шапки, до рубашки,

До крестика, до гробовой доски?
Когда-нибудь мы встретимся и в шашки
Превесело сыграем в поддавки.

5.VII.1973

КРЕСТ

Ты по годам мой сын Вениамин:
Мне шестьдесят, а ты моложе вдвое,
Но золото смирилось вихревое
Перед золой серебряных седин.

Злораднее не рытвины морщин,
 Что зеркало заполнили кривое,
 А прочное различье бытовое:
 Бродяга я, ты — добрый семьянин.

И все-таки в разрозненности нашей
 Мы сближены невидимою чашей:
 Пусть мой к тебе несбыточен приезд

И милый сон осел немилой ложью,
 Мы и на нем любовно ставим крест,
 Чтоб выполнить хоть этим волю Божью!

18. VII.1973

ЗАБЛУДШЕМУ

Вступление к очередной неделе —
 Воскресные ватрушки с творогом,
 Чтоб не одним воздушным пирогом
 Заблудшие питались Ариэли.

Что ж, на земле и мы когда-то ели
 Баранину с поджаренным лучком,
 Любили хрен, и кофе с коньячком,
 И шоколад — и медленно тучнели.

Бесплотные, мы посланы теперь
 Твою взломать приземистую дверь,
 Дохнуть пургой, взреветь упреком лютым...

Но за столом жена и сын Вадим,
 И, гречневым растроганы уютом,
 Тебе опять отсрочку мы дадим!

20. VII.1973

ВРАЧ

Я в порошок целебный растирал
Твою любовь: он помогал от сплина,
Как добрая таблетка аспирина,
Как ласковый бразильский «мельорал».

Для волшебства не надобен коралл,
Моржовый ус или глазок павлина:
Вот разошлась последняя морщина, —
Но под конец я пуще захворал.

Омоложен чудеснейшим лекарством,
Забредил я заветным полуцарством,
Давным-давно забывшейся игрой,

Потребовал земных великолепий,
Снов радужных... Так нынче, мой Асклепий,
Лечи меня от юности второй!

21. VII.1973

ПЯТНО

Настоянный на почках и цвету,
Броди, мой сон, и в огненном настое
Соедини святое и простое:
Полеты в рай и встречи на мосту.

Я трезвенник, но жжение во рту —
Рожок, сигнал о срыве, о запое.
Я девственник, но в стройном Антиное
Боготворю не только красоту.

Об этом ли мечтать в такие лета?
И все-таки на скатерти сонета
Вдруг розою разбредится пятно,

И юноша, приподнимая брови,
 Посыплет соль на мнимое вино —
 На капельку неукрощенной крови!

27. VII.1973

ГОЛУБИНАЯ ПОЧТА

Ночь близится, но все-таки светло
 От радости — от почты голубиной:
 Посыльный мой, устав с дороги длинной,
 Вокруг зерна ступает тяжело.

И завтра я другому под крыло
 Запрячу груз, виновный и невинный,
 А ты сиди и поджидай в гостинной,
 Что клюв его царапнет о стекло.

Открой ему: он прилетел с ответом,
 С признаньями, с очередным сонетом,
 Со вздохами. Читай и торжествуй,

Что дальностью ты защищен от боли
 И в сотый раз незванный поцелуй
 Останется воздушным поневоле.

29. VII.1973

ЧЕРНОКНИЖНИКИ

Над крышами палаццо и церковей
 Лежала ночь великопостным платом,
 Когда пришел с расстригою-аббатом
 И мальчиком Челлини в Колизей.

Нагрязнули все полчища чертей,
Подвластные забористым цитатам,
Но будет ли иссопом и набатом
В ад возвращен распутный Асмодей?

Пятнадцать лет во мне дремали черти,
Но не дал ты до недалекой смерти
Им продремать в сожительстве со мной.

Ты не силен, увы, в своей науке:
То крестишься, то прячешь за спиной
Назойливо целуемые руки!

4. VIII.1973

СОНЕТ СОБАЧИЙ

Когда мой пес под кличку «Обжора»
(Безжалостный хозяйский произвол!)
Был нездоров, его я произвел
В гомункулы, и стал он просто «Жора».

Освобожден от цепи и дозора,
Он раздобрел, отъелся и расцвел,
И в нем себе я брата приобрел
Для каждого ночного разговора.

Мы верностью по-разному горим,
Но лишь о ней подолгу говорим —
Лизаньем рук, акростихом, терциной.

К его глазам и ласкам я привык,
Но должен ли я сам запахнуть псиной,
Чтоб, наконец, ты понял мой язык?

9. VIII.1973

В РАЗЛУКЕ

*И-е-сань-цю — одна ночь (в разлуке тянется как) три осени. Китайская поговорка.
В конце сонета перевертываю ее: «Три осени (пролетают как) одна ночь».*

И-е-сань-цю. Одна лишь ночь в разлуке —
Три осени. Их длительность равна.
Так для чего затейница весна
Подснежники мне всовывает в руки?

Не отпущу я сердца на поруки,
Пусть мается и стонет дотемна:
Сквозь лепестки мне изморозь видна,
И гам дроздов не разгоняет скуки.

Но разве ночь — одна? Скажи честней,
Что каждая — по девяносто дней.
Но встретимся — и боль переоценим:

Мы плакали — слагалось житие,
Но вечностям положено осенним,
Как та же ночь, мелькать. Сань-цю-и-е.

12. VIII.1973

САМАРЯНИН

Уже темно. Теперь не жди пощады:
За той скалой, где непроглядна мгла
И где твоя дорога пролегла,
Разбойники живут и конокрады.

Чужим добром полакомиться рады,
Там нападут они из-за угла:
Блеснет луна, и зоркая стрела
Тебя найдет и ранит из засады.

Тогда и я сумел бы сделать вид,
Как сделали священник и левит,
Что я чужой. Чужих мы не жалеем:

Попал в беду, так пропадай один!
А я с вином приближусь и елеем,
Уже не брат, еще самарянин.

21. VIII.1973

В ОДНОМ ЛИЦЕ

Не уходи! Сжигая и знобя,
Мутит меня сцепленье лихорадок,
И сам себе я даже тем не гадок,
Что исколю, искровеню, любя,

Что, волосы и пальцы теребя,
Сквозь боль твою увижу взлеты радуг.
Зато потом и я приду в упадок
И попрошу отплаты у тебя:

Доверившись твоей двоякой воле,
Не столько же — я больше выпью боли,
А ты свой крик возобновишь в моем

И свой позор — в исполненных приказах.
Не уходи! Гори двойным огнем —
В одном лице де-Сад и Захер-Мазох!

27. VIII.1973

ЩЕНОК

Вчера щенок — веселый «боксер» Рэй
 (По имени известного боксера) —
 Гостил у нас. Освоился — и скоро
 Спал на руках у матери моей.

Так пролетел один из добрых дней:
 До вечера чернила щелкопера
 Я забывал для тряпки полотера,
 И гостю вслед смотрел я из дверей.

В согласии с оптическим законом,
 Он сделался сначала эмбрионом,
 Кузнечиком, а после — запятой.

Расти и ты назад, опережая
 Минувшее: жена — еще чужая,
 Ты юноша (и снова холостой).

4.IX.1973

БЕЗУМИЕ

О, как я рад, что выжил из ума
 И выпал в мир превратных представлений,
 Где нет ни мер, ни сроков, ни давлений,
 Где в тот же день и лето, и зима!

Я захожу в московские дома
 (Встречаюсь там и с вымышленным Женей):
 Невидимых избегнут ли вторжений
 Эскориал, Кааба, Колыма?

Вслед за восьмым числом назначу третье,
 А за шестым — двадцатое столетье,
 Из Пестума в Канберру прилечу.

Вне времени и шире, чем широты,
Обратно в ум вживаться не хочу —
В бессилие, в бесславные заботы.

6.IX.1973

СОБИРАТЕЛЮ ПИСЕМ

Тебе писал я то о Сведенборге,
То о святом Хуане де ла Крус,
То иногда, как добрый Иисус,
Оправдывал гонимого Георге.

Едесский князь в таком же был восторге
И в руки брал дарованный убрус,
Глаголющий из-под камней и бус
О том, что жизнь и в муке есть, и в морге.

Ты исцелен. И потому пора
Автографам присвоить номера:
Как бабочек, их разложи по датам —

И приколи к дощечкам, наконец.
И все-таки: каким я стал богатым,
Отдав тебе полтысячи сердец!

7.IX.1973

НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ

Смирился я (пусть молча, но крича),
Стерпи и ты обиду поражений
И, не стыдясь просительных движений,
Хоть полчаса урви у палача.

Иначе он расправится сплеча
 С надеждою мечтаемых сближений,
 И жертвою для новых всесожжений
 Тебя снесут к подножью Ильича.

Льва мертвого и пес живой блаженной,
 Так лучше лги, не бойся унижений,
 Прикрой себя обрывком кумача.

Не просит Бог безумных одолжений
 И ведает, что, образá топча,
 Ты все-таки не сделаешься Лженей!

10.IX.1973

ОТРЕЧЕНИЕ

Я перережу их: довольно им кичиться,
 Распространителям неволи — неводам,
 И клетку распилю, чтоб не томилась там,
 Зерном завлечена, доверчивая птица.

Пусть рыба множится и по рекам резвится,
 А не разводится на гибель по прудам,
 И пусть не маются по гордым городам
 Ни яркий попугай, ни скромная синица.

Во имя вольности сонеты изорву,
 Чтоб ни заклятьями, ни снами наяву
 Тебя не зазывать в такой же погреб узкий.

Самоотверженно язык забуду русский:
 Едва ли до тебя я дотянусь тайком
 Бразильской музыкой и южным ветерком?

14.IX.1973

ЮНОША В ПОРТУ

Предательски порочной поволокой
Усталые глаза обведены,
Но все-таки довременные сны
Удержаны над пропастью глубокой.

Ты завистью одушевлен и склокой:
В изгибе губ лукавой кривизны —
Недобрый смех; улыбки не даны
Незрелости твоей розовощекой.

Ты говоришь «галёра» и «на ять»
И, верняком, не сможешь устоять
Ни пред одним посулом трехрублевым.

Заговорил потом я о стихах,
И ты расцвел: в нездешних облаках
Артур Рембо, написанный Рублевым!

14.X.1973
Иссанжо

БОЛЕМЕР

Что ж, улетай! Стихи мои — не сети:
Удержат ли могучего орла?
Живи как все. Не грезы, а дела
Укладывай в запасливые клетки.

Ты не один. С тобой жена и дети:
Для них пребудь источником тепла.
А у меня печаль почти прошла —
Как жизнь моя, истлела на две трети.

Ты в теплый мир уверенно вошел,
А я клонюсь в нетопленный шеол
Бескрасочный, бессрочный и безгласный.

Когда и ты увидишь те поля,
Мы встретимся, но, сонный и бесстрастный,
Мой болемер не стронется с нуля!

18.X.1973
Иссанжо

КОРОЛЬ

Норвежского я видел короля:
Он проходил под красно-синим флагом —
Подобный нам, но с тем бесспорным благом,
Что под ногой везде его земля.

Здесь чуждые пригорки и поля,
Но и по ним прошел он гордым шагом,
Хоть не дано звенеть полярным сагам,
Праправнука героев веселя.

В Манагуа, в Монровии, в Париже
Хранит монарх законы, но свои же:
Лед севера и в Лиме не забыт.

Вот так и ты в московский мир печальный
Вноси с собой потусторонний быт —
Вневременной, экстерриториальный!

7.XI.1973

ЮНОМУ ПОЭТУ

Избраннице своей сулишь ты замок,
Хрусталь, фарфор, безделье и уют:
Ведь соловьи кричат, а не поют,
И розы им не заменяют самок.

Не лжешь и ты. Во сне не видно лямок:
Там не пекут, не жарят и не шьют —
Детишки там смеются и спуют,
Дурачатся и дразнят старых мамок.

И для себя — не девушке на суд —
Ты кое-как рифмуешь первый зуд,
Дань юности, томленью, полнокровью.

Но так же я, оглядчивый старик,
Вдогонку снам, бурленью и здоровью
Ямбический оттачиваю крик!

26.XI.1973

НЕДОСМОТР

Прозаики на небе жизнь мою
Задумали: карьеру правоведа,
Сановника (и, может быть, полпреда,
Хоть я таких чинов не признаю).

Внесли жену в программу и семью,
Чтоб я пошел путем отца и деда,
Но с юных лет, чудака и непоседа,
Не к быту я тянусь, а к бытию.

Наверное, читая повесть эту,
Где happy end — награда непоэту,
Не стал бы я просить иных наград.

Но загулял печатник — и на горе
Испорчен спуск то рифмой невпопад,
То кляксою, то пропуском в наборе!

26.XI.1973

СКОПИДОМ

Не верь стихам, сомнительному свитку,
 Опасному для мудрой нелюбви:
 Оценщиков надежных позови,
 Чтоб за сонет не заплатить по слитку.

Возьми назад обещанную скидку,
 Будь начеку — и не продешеви:
 Аукцион скорей останови,
 Гони купцов и запирай калитку.

Не для того, примерный скопидом,
 Нос, рот, глаза ты наживал с трудом,
 Чтоб, разомлев, легко развесить уши!

Отстранена — и предупреждена,
 Что ты и с ней намерен быть посуше,
 Не первой ли была твоя жена?

1.XII.1973

ДЕРЕВО

Я слушаю то шорохи, то шумы
 И листьями, и порами коры:
 Кровавые расправы и пиры,
 Мурлыканье насытившейся пумы.

Сюда, под кров могучей сумаумы
 Почтительно влекут свои шатры
 Бегущие от гроз и от жары
 Индейские Чингисы и Кучумы.

Пришел и ты — не за моим добром:
 За мной самим — с тяжелым топором,
 Ударил раз, и два, и три — впустую.

Ударь еще, и я захохочу,
Чтоб истину сказать тебе простую,
Что дерево ты взял не по плечу!

5.XII.1973

НА ЭТОТ РАЗ

Вы от меня за тридевять земель,
За тридцать лет — в унылом полуміре,
Где дважды два безжалостно четыре,
Где сдавлены и дух, и бред, и хмель.

Ну, каково, заблудший Ариэль,
Искать жары тропической в Сибири,
О солнце петь в бессолнечном надире,
Петь и срывать простуженную трель?

Один из нас на дальний зов не вышел,
А может быть, и зова не расслышал
За данностью — за ливнем, за пургой.

Что ж? Близнецам достанет слез и суши,
Чтоб разошлись тождественные души:
На этот раз прощайте, дорогой!

23.XII.1973

ВУРДАЛАК

Ты исхудал. Костяк уже сквозит,
Обтянутый полупрозрачной кожей,
А вурдалак, с твоим любимым схожий,
Тебе грозит: целует и грозит.

Откуда он, предатель, паразит?
 Угодников проси у их подножий:
 Пусть прилетит на помощь ангел Божий
 И хищника прещеньем поразит!

Худел и я, терял остатки силы,
 Лежал пластом на дне моей могилы:
 Давным-давно кормил бы я червей,

В чистилище сошел бы робкой тенью,
 Но помешал ты юностью своей
 Мне задремать и уступить забвенью!

3.I.1974

БУКВАРЬ

— «Пе-а-пе-а» — конечно, это папа!
 «Де-о-эм» — дом, наш дом (при доме сад)! —
 Ребенок рад. И за него я рад:
 Пусть поживет без хамства, без нахрапа.

Кто избежит «пе-эр-и-а» — Приапа?
 И призрачных «эн-а-ге-эр» — наград?
 Дождется он и клички «казнокрад»,
 И «бе-эл-я», и карточного крапа.

Доверившись вторично букварю,
 На дом, и сад, и папу я смотрю,
 Мой дом, и сад, и папу воскрешая,

Бесцельный бег по новым городам,
 И, с будущим ушедшее мешая,
 Свою судьбу читаю по складам!

8.I.1974

СОВЕСТЬ

Снаружи я... Такими пруд пруди.
Нос? Далеко до носа Бержерака.
Крикливый нрав? Но лишь начнется драка,
Я ни за что не встану впереди.

Снаружи я... Зато в моей груди —
Смесь похоти, и ярости, и мрака,
И жупела — и жажда вурдалака
(Официант, ко мне не подходи).

Но право же: подменены мундиры,
Поэтами обряжены вампиры,
И я тому последний пример.

Ваятель, в ад не бегай за примером,
По совести моей лепи химер:
Я по живым слепил ее химерам!

8.I.1974

ДУХ — ДУХУ

Я красоту сберег и чистоту
Нездешнюю. Я дух, и неужели
Я не был им на вздыбленной постели,
В приливе сил, в отливе и в поту?

Рот припадал к настойчивому рту,
Бледнели лбы и груди розовели:
Последних тайн искало тело в теле,
И медлил миг, подбитый на лету.

Я чистый дух — наперекор клоакам,
А ты сильнее: отмечен тем же знаком,
Ты держишься на суше, высоко.

Что ты женат — невелика утрата:
 Для родины ты отрастишь солдата,
 А для себя — почтенное брюшко.

10. I. 1974

НАЗОРЕЙ I

Своих волос до срока не стриги,
 Не пей вина, не познавай Далилы
 И нагнетай обузданные силы,
 Пока кругом злорадствуют враги.

Зато потом восстань и возмоги:
 Когда твои огнем нальются жилы,
 Льва насади на пахарские вилы,
 Языческий отряд подстереги!

Так, двадцать лет незримо созревая,
 Умножилась и мощь моя живая —
 Не в волосах (что славы в парике?)

И не в посте (и он давно без власти),
 Чтоб вышел я сразиться налегке
 Бурленьем снов, и мужества, и страсти!

10. I. 1974

НАЗОРЕЙ II

На сорок дней, а то и на полгода
 Дает зарок мужчина холостой
 Не осквернять блудливостью пустой
 Для вечности надетого эфода.

И как потом оценится свобода,
Как забурлит удержанный настой:
Пусть молния заблещет красотой,
Где больше нет сетей громоотвода!

Поэт, и ты такой же назорей:
Будь постником, в молчаньи разогрей
Дар Господа, сдержи себя на время.

Соскучится любовница твоя
И, нежная, тугое примет семя,
И лучшие родятся сыновья.

11.1.1974

ЛЮБИМОСТЬ

Ты здоровяк: ни шрамов, ни увечий,
Ни волдырей, ни сыпи, ни корост:
Ты сознаешь и свой огромный рост,
И сильных рук размах широкоплечий.

Без промахов и без противоречий
Ты ясноглаз, общителен и прост:
В поэзии на правый аванпост
Поставлен ты — грядущего предтечей.

И я с тобой: ревниво сохраняю
И в дождь, и в снег, и ласково к огню
Твое пальто и кресло пододвину.

Нет, я далек — один с моей тоской,
Хотел бы я хотя бы половину
Почувствовать любви такой!

13.1.1974

МАЛЕНЬКОМУ ВАДИМУ

Сегодня ты маршировал по струнке,
Хотя рожден художником, Вадим
Евгеньевич, а мы тебе дадим
Похвальный лист за чудные рисунки.

Что это здесь? — Крестьяне ждут чугулки:
В дорогу им уютюг необходим.
— А здесь? — Бильярд, и прямо перед ним —
Помещики, играющие в лунки.

Вот пьяница: он оступился в грязь.
А вот медведь: за что-то разъярясь,
Он с дерева оленя лупит лапой. —

Расти, Вадим! Ты мне почти родня:
Когда потом и сам ты будешь папой,
Твой сын издаст рассказы про меня.

13.1.1974

ПОЭТ-ЛАУРЕАТ

В иных мирах ты мною был любим,
Но ты теперь семейный аватара,
И в круг любви заключены Тамара
Михайловна, и Алла, и Вадим.

Лишь маленький толчок необходим
Для моего застенчивого дара, —
И запоем послушная гитара
Хвалы тебе — и нашим дорогим.

За децимы, за оды к именинам,
Даримые неведомым кузинуам,
Не от тебя я жду себе наград.

Я действую по долгу и по праву:
Твоей семьи поэт-лауреат,
У вечности выслуживаю славу!

14.1.1974

КОМЕТА КОГУТЕКА

Твой след простыл, и шлейф уже погас,
Но твой визит мы приняли на веру:
Цветочками украсили пещеру,
Достойными неотразимых глаз.

Не ждали мы девических проказ,
И даже ты переступила меру:
К неизвестному бежала офицеру
В неведомый небесный Арзамас!

Дано пылать комете настоящей
И пролететь параболой звенящей
На царский бал, на пир и торжество.

Но девушка, сиявшая поэту,
Беременна — не знаю, от кого,
А Вилли Хьюз женился по секрету!

17.1.1974

ЗЕМЛЯ И МОРЕ

Моя земля! Въедаются в бока
Тебе дожди и снежные лавины,
Но высятся надменные вершины,
И ты одна любима и крепка.

Я на скале. Едва ли облака
Осмелятся вползти до половины,
Но даже им завидуют пучины,
И я гляжу на море свысока.

Суров и сух, рассудочен и верен,
Утесами и кедрами ощерен,
Я на скале — незыблемой ногой.

Внизу прилив, и я слежу с презреньем
За натиском и новым отступленьем.
...А ты похож на море, дорогой!

17.I.1974

РОЗНЬ

Ручной скворец, прослушав соловья,
Бранит его за арию дрянную,
За скучную истому головную,
Напраслину чужого бытия.

Есть у скворца скворечник и семья,
А соловей... Но нет, я не ревную:
Ведь, на волну настроенный иную,
Как ты меня, тебя не слышу я.

А попросту: все ставки перебиты,
И не в игре — в пылу самозащиты
Пишу, кричу, чтоб не сойти с ума

От вымысла, сошедшегося клином,
От нежности — и даже от письма
Последнего (на языке скворчином).

25.I.1974

ВОЗДАЯНИЕ

На небесах заносится в излишки,
В заслуги то, что здесь я отдаю,
И, падая на голову мою,
Становятся рахат-лукумом шишки.

Там за умы считаются умишки,
А умников подводят под статью:
Как видите, поэтом стать в раю
Надежда есть у Олина — у Мишки.

Тому, кто здесь не раз бывал разут,
Там сапоги со скрипом поднесут,
И в лучший мех оденется раздетый.

Не будем ли и мы награждены?
Ведь ради той мы были в жизни этой
Наказаны разлукой без вины!

29.1.1974

КРОВИНКА

— «Не подходи к побоищам кулачным:
Ты не драчун, а мамин мальчик-пай.
В одиннадцать послушно засыпай,
Чтоб новый день таким же был удачным!»

Теперь ты стал самцом единобрачным,
Так своего другим не уступай!
Ты не лентяй, не плут, не шалопай,
Не будешь ты и мужем подбашмачным!»

Но, мстительно и жертвенно любя,
Я высосал кровинку из тебя —
Всего одну, но самую живую.

Она во мне, и ты, полумонах,
 В ней — ветрогон. Теперь я торжествую,
 И вместе мы блудим в моих стихах.

13.II.1974

«КА»

Твой ветренный голубоглазый «ка»
 (Он юноша, его сестра — Психея)
 Вчера лежал со мной, блаженно грея,
 И щекотал меня исподтишка.

Но через час проворней ветерка
 Он упорхнул. Поймай теперь пигмея
 И расспроси о доме Водолея,
 О мертвизне поэта-чудака.

Он мой и твой, и должен был вернуться,
 Пока еще ты не успел проснуться.
 Пусть хорошо позавтракает он —

И, может быть, приемом очарован,
 Признается, что сквозь далекий сон
 Он целовал, но был и зацелован.

16.II.1974

ЧЕЛОВЕКУ

В рай взлетят красавцы Ганимеды,
 В ад низойдут князья и богачи:
 И там, и там похожие ключи
 Им обновят померкшие победы.

А мы — куда? Больны и полуседы,
Без золота, без замков, без парчи,
Без панцирей — совсем не силачи,
А данники цинги да костоеды.

Ты не Мидас. Я тоже не богач,
Не Антиной, не латник, не силач
(И хорошо, что за углом аптека).

Позволь же мне, обняв тебя нежней,
В тебе любить земного человека
В невидности и бренности твоей!

17. II. 1974

ОДИНОЧЕСТВО

Живу один и редко за ворота
На улицу высовываю нос, —
Там парочки целуются вчасос,
И у меня вот-вот начнется свота.

Вполголоса бормочется острота,
Слагается насмешливый вопрос:
Ведь нежности — не слаще папирос,
И ранний брак — сомнительная льгота?

Но, поглядев сквозь мутное стекло
На круглый стол, я чувствую тепло,
Уют гнезда без пошлости кисейной,

Без похвальбы больничной чистотой,
И, разомлев, собранности семейной
Завидую, как дьявол холостой!

19. II. 1974

ПОВОДЫРЮ

Подвижнику, епископу, царю
 Почтительно я руки поцелую,
 А преданность — еще и не такую —
 Я выкажу тебе, поводырю.

За быстроту тебя я не корю
 И за тобой, слепой, бегу вслепую,
 Но и за сон, за роздых, за пивную
 Не поклонюсь, не поблагодарю.

Идем-бредем, бездомные скитальцы,
 И тянутся отгадчивые пальцы
 Проверить рост, прочувствовать глаза.

С незрячестью, с беспомощной судьбою
 Я за руку весь мир пройду с тобою
 Хоть за сто лет. Ни за какие «за»!

21.II.1974

КОРЬ

Чуть заболев, тяжелый на подъем,
 Бывало, я шагал полуохотно
 За девушкой, болтавшей беззаботно
 О будущем замужестве своем:

— «Мы гнездышко уютное сошьем,
 Запремся в нем, окно завесим плотно...» —
 Она влекла и целовала потно,
 Толкала в сад с луной и соловьем.

На склоне лет большой смешным недугом,
 Молю врача: — Будь ангелом и другом,
 Течения болезни не ускорь!

Позволь побыть блаженно одержимым,
В бреду любить, в горячке быть любимым,
Продли мой сон и старческую корь!

23. II. 1974

ФЕВРАЛЬ

Всё суета сует (спроси Екклезиаста),
Злу нет невыгоды, а прибыли — добру:
Себе один ли путь, другой ли изберу,
Пойду на сброс, на слом, на перегной — и баста!

А если до того мне перевалит за сто
И я в каком-нибудь крушеньи не умру,
То, самбу оценив и полюбив жару,
О снеге не вздохну — хотя бы для контраста.

Когда, в две тысячи пятнадцатом году,
Мне подадут на стол шампанское во льду,
Гримасу сделаю, не чувствуя разлада.

И, верно, где-нибудь на Северной Двине
И ты, приверженец пурги и снегопада,
В метель февральскую не вспомнишь обо мне.

24. II. 1974

БУДУЩЕМУ ОТЦУ

Лишь Иоанн в апостолах, мы знаем,
Сберег себя в призваньи холостом,
А ты отец, и в жребии простом
Улыбчивым довольствуешься раем.

Родится сын — да будет Николаем,
Владимиром, что в Киеве с крестом
Незыблемо стоит перед мостом,
Но только бы не Роем, не Копаем!

К чертям пойдут Ревдит и Владилен,
Настурция, Донара и Кармен:
Быль новую соединив со старой,

Мою любовь с преемством родовым,
Дочь назови по матери — Тamarой,
А мальчика — Валерием Вторым!

26.II.1974

КОЛДОВСТВО

Из имени — прозрачного фарфора,
Из юности — чуть больше двадцати,
Из верности — вернее не найти,
Из синевы угаданного взора;

Из бедности и злого приговора
Быть у того без чести, но в чести,
Кто для тебя загородил пути
На вольный свет за сумерки забора;

Из чистоты мечтательных стихов,
Из карточки без шапки, без мехов —
Мальчишеской, и с воротом открытым.

И все-таки всесильно колдовство:
Из рук моих ты вышел знаменитым,
А сотворен почти из ничего!

27.II.1974

ЛЕЗВИЕ

Люблю тебя — за вычетом немалым,
Хочу тебя — но только не всего:
Супружество, отцовство, сыновство
Останутся плечам твоим усталым.

Я прилетел к певцам и привиралам,
Влюбившимся в сиротство и вдовство,
А не к тебе. Храни свое родство,
Сиди с женой над сыном годовалым.

Но лезвием тончайшего ножа
Я отсеку спокойно, не дрожа,
Высокое от низкого служенья.

Мой дух и твой назначены в полет —
О нет, не в рай! — на крест самоожоженья,
А тело пусть по-своему живет!

28.II.1974

ПОРТРЕТ

Холст размягчен, и краска разогрета,
Но и во сне целую лишь портрет,
А крепче спать не позволяет свет,
Струющийся от темного портрета.

— Ах, полноте: влюбиться, в ваши лета...
Давно ведь вам не восемнадцать лет. —
И снова боль, и снова те же «нет»,
И не досплюсь до лучшего ответа!

Мне никогда не снится грех земной,
Но, Господи, присматривай за мной,
Когда не сплю, портрета не целую,

А попросту, по-общему живу
И, в комнату зазвав его жилую,
Незримого ласкаю наяву!

3.III.1974

ПИСЬМО I

Не слиток золота я прячу на дому,
А боль ответную расслышанного зова,
И перестроиться судьба моя готова
По катехизису — по этому письму.

Теперь ты вверился томленью моему
И стал добычею — единственной — лова:
Из мрежи выпростав, я пленника такого
И в сердце жадное, и в жизнь мою возьму.

Пусть, наслоенная на строки дорогя,
В подвале шепотом поется литургия,
И пусть на улицах останется темно.

А ты засветишься — чтоб засияли славой
И стали жертвою, бескровной и кровавой,
Хлеб евхаристии и красное вино!

4.III.1974

ПИСЬМО II

В мой антиминс не косточку святого
Я заключил, не крохи вещества,
А целое письмо — и в нем слова
Простейшие, но чина непростого.

Вместилище для таинства готово,
Былая пыль шуршит, почти жива:
Горь сердца! — под ветром божества
Прах оживет, и плотью станет слово!

Развернут плат. Преображает свет
Хлеб и вино словесные — в сонет,
Где явится смиреньем полновластье.

К твоей любви придав любовь мою,
Светлейшее — святейшее — причастье
Я городу и миру раздаю!

6.III.1974

ДО ТРИДЦАТИ

До тридцати ты дожил худощавым,
Без жировых скоплений, без брюшка,
Без царственной боязни сквозняка,
Мальчишески здоровым — и нездравым.

Теперь же ты почти назначен «завом»:
При орденах и ближе к сорока
Простудливость придет наверняка
И с юношей рассорится курчавым.

Но вправду ли не видишь ты примет
Моей зимы — моих последних лет?
Не слеп ли ты, что любишь безрассудно?

Я жив еще, но стар. А ты поверь,
Что будет мне и мертвому нетрудно
Любить тебя таким, как я теперь.

7.III.1974

ПОД ВЕЧЕР

Весь долгий день я наскоро живу,
 Глазами злюсь и подгоняю стрелки,
 В свою прошусь из не своей тарелки —
 В сон, где с тобой увижусь наяву.

Ты на реке — я рядом поплыву,
 Ты зван плясать — приду на посиделки,
 Ты с девушкой — я поревную в щелки
 И отойду — удачи не сорву.

Впустую рвы прорыты между нами,
 И мы шутя их замостили снами
 И обнялись, разлуку доконав.

Что тридцать лет? Мгновенья, а не годы!
 Что пять морей? Не глубже тех канав!
 Что дом и долг для страсти, для свободы?

20.III.1974

ПТИЦЕЛОВЫ

Ленивые лазоревые сны
 Мечтателям раздав пустоголовым,
 Купив силки, я вышел птицеловом:
 Перо и пух на фабриках нужны.

В тот лес и ты — смотреть со стороны
 Смешно! — пришел добытчиком суровым,
 И, промыслом захваченные новым,
 Забыли мы, что крылья нам даны.

Два новичка в охотничьей науке,
 Мы увальни — и оба близоруки:
 Не видели тетеревиных гнезд!

И вот финал: бесславен он и мирен, —
В плен к Сирину попался Алконост,
И пленником у Алконоста — Сирин!

20.III.1974

ВАЛЕРИЮ ВТОРОМУ

В поэзии российским далай-ламой
Я сделался, изгнанник и чернец.
Родись теперь. Твой будущий отец
Уведомлен об этом телеграммой.

Войду в тебя над Шилкой или Камой
В тот час, когда наступит мой конец,
И за тобой отправится гонец,
И с папою простишься ты и мамой.

Введут тебя в суровое жилье,
Чтоб ты узнал привычное, свое —
Для торжества заветных суеверий.

Мои стихи рука твоя найдет
И в подписи — уже твоей — «Валерий» —
Еще мое «и с точкой» оживет!

25.III.1974

ПОСЛЕ ЭПИЛОГА

Мы между строк шептались обо многом
То попросту, то рифмами звеня,
Но щелкнула злорадно западня
Безвременным жестоким эпилогом.

Я бью челом упрямым недотрогам —
 Насельникам небес. Но для меня
 Им разве жаль полезного ремня
 И прописей (общепонятным слогом)?

И плоть, и дух лихие жгут бичи,
 А в присвисте: молчи, молчи, молчи!
 И снова крик, и снова истязанье.

За каждый зов то к Богу, то к судьбе —
 Еще удар! И, наконец, молчанье,
 Вопящее молчанье о тебе!

1. V.1974

ПРИГЛАШЕНИЕ В РАЙ

Возненавидь холодную Москву:
 Она сера, от серости сурова.
 Слух напряги для ласкового зова:
 Ведь я тебя в Бразилию зову!

Я зелень дам тебе и синеву
 С прожилками свеченья золотого,
 И с корабля завидишь ты морского
 Свой детский сон, расцветший наяву.

А брак — не грех, но крупный недостаток,
 И ты смотреть не должен на мулаток,
 Заговорить не смея ни с одной.

Коль невтерпеж — тихонечко присвистни,
 И отвернись, и крепче зубы стисни:
 Ведь ты в раю и, значит, неземной!

8. V.1974

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Ты трудишься во имя хлебной корки
В редакции, в трамвае, на дому,
Чтоб не бывать сынишке твоему
Без букваря, без кашки, без касторки.

Что ж? Нежностью преображай задворки,
Коль места нет в боярском терему.
Я терпелив и, может быть, приму
За доводы — пустые отговорки.

А лучше бы, заданья отложив,
Поладил ты со мной, пока я жив
И не вросла в песок твоя дорога.

Учти, что я уже полуседой
И, сделавшись наперсником у Бога,
Встряхну тебя подстроеной бедой!

14. V.1974

ПАМЯТЬ

Всё памятью от смерти спасено:
Как в юности, играют зорю трубы,
Вновь по местам и вырванные зубы,
И волосы, опавшие давно.

В морозный день, бросая: «Всё равно!» —
На лекции ты бегаешь без шубы,
И остудить мальчишеские губы
Ни холоду, ни ветру не дано.

Размельчены пороки в недостатки,
Грубейшие ошибки — в печатки,
И все цвета — задорней и живей.

Так, может быть, наперекор заплатам
И лысине, я в памяти твоей
Опять живу веселым и крылатым?

18. V.1974

БОЛЬШОМУ

Налим и сом не вырвутся из сети,
Но всюду путь открытый для малька.
Оса, звеня, не разозлит силка,
И в рай легко проскальзывают дети.

Полушкою не дорожат в бюджете,
За «кровь — любовь» не рвут черновика:
Ведь иногда шершавая строка —
Смирнейшая в отточенном сонете.

Тьма выходов у жалкой мелюзги,
А к сильному безжалостны враги, —
Но высится громоотвод, готовый,

За тленное, за хрупкое скорбя,
Навлечь удар последний на себя.
...А ты зачем не двадцативершковый?

31. V.1974

ЛЮДОЕД

Я людоед — индеец бороро.
Я мстителен, коварен, кровожаден.
Когда мой лук соседом был украден,
Его на смерть я выманил хитро.

За старую лопату, за ведро
Хватило бы попреков или ссадин,
Но я суров, жесток и беспощаден,
И на крови я возведу Добро.

За то, что я в бою храним богами,
Им табаком и пленными врагами —
То печенью, то сердцем — воздаю.

Так, может быть, я искуплю измену,
Кормя тобой любовницу свою —
Ревнивую дикарку Мельпомену?

31.V.1974

ВЕСНА

Опять весна. Хмельнее и блаженней
Пусть ветерок бродяжит по дворам:
Теперь и мне — от выставленных рам —
Легко дышать — без головокружений.

Дыши и ты — для новых постижений,
Расти, мужай, прибавь дары к дарам,
Пиры к пирам, вино, пары к парам, —
Ну, словом, будь Евгением, не Женей.

А я не в счет. Без доступа к мірам
Несбыточным, я чадом эпиграмм
Дым заменяю стихов-самосожжений,

Но поклонюсь — хоть издали — горам:
Ведь, может быть, и жертвам поражений
Позволено взирать на горний храм?

21.VI.1974

НОВОСЕЛЬЕ

Я не вмещал блаженной полноты
 Встреч и бесед, Шекспира и Толстого,
 И, в приступе восторга рокового,
 Вам написал невежливо — на «ты».

И сразу же — разведены мосты,
 Чтоб ни одно не пробежало слово,
 И на полях письма полушального
 Размашисто расставлены кресты.

Писать ответ, которого не будет,
 Вас даже Бог бразильский не принудит,
 Хотя бы Он добрался до Москвы.

И снова я один в отвыкшей келье,
 А Вас (я Вам опять пишу на «Вы»)
 Не пристыдит чужое новоселье!

22.VI.1974

DE PROFUNDIS

Нам велено, чтоб не грешили мы,
 Стенами верст и лет разгородиться,
 И пишется в Бразилии страница
 «Из глубины» — из Рэдингской тюрьмы.

Сплетается из пламени и тьмы
 Узор судьбы беспутного сновидца,
 А ты — в Москве. Успев остепениться,
 Зной остудил сугробами зимы.

И все-таки, Lord Alfred, милый Бози,
 Ты не почил на прописях, на прозе,
 В тебе поэт клейменный не замолк.

Пока я жив, ты бед избежнешь лишних,
Но мертвому заплатишь старый долг
Раскаяньем и болью книги «В вышних».

26. VI.1974

ВЫСТАВКА ЗЕРКАЛ

Идет Господь на выставку зеркал:
Из них одно тебя застало сыном
Почтительным, другое — семьянином
(В тот час, когда сынишку ты ласкал).

А я еще такое разыскал,
Что к потайным чувствительно глубинам:
В его глухих потемках Максимином
Уже не раз, покорный, ты мелькал.

По правде, в нем лишь мы прекрасны двое,
А для других — для всех — оно кривое:
Спиральями глаза, и лоб углом.

Пройдет Господь — и, оглядев изломы
Прямых зеркал, осудит их на слом,
И лишь мое возьмет к Себе в хоромы.

30. VI.1974

ПРОЩЕНИЕ

Брани меня, показывай клыки,
Зови шутком и дураком отпетым:
Поставив крест на воплощеньи этом,
Для нового меня перетолки!

Не станут ли простые пятаки
 Изысканным подобными монетам,
 Смех — музыкой, и клевета — сонетом,
 Наградой — боль, цветами — синяки,

Хваленьями — цепей тяжелый скрежет?
 И в жизни той, что некогда забрезжит,
 Ты будешь мной, и буду я тобой:

Гераклом ты, я Еврисфеем хилым,
 Но, если ты придешь проситься в бой,
 Я подвиги задам тебе по силам!

23. VII.1974

ПРИЗВАНИЕ

Ты дверь, Ты путь. Для нас Твоя работа,
 Для нас и крест. Поднимется Андрей,
 Управится Иаков побыстрей,
 Петр выбежит и распахнет ворота.

А женщина на дом женою Лота
 Оглянется, чуть выйдя из дверей,
 И сколько жен, сестер и матерей
 Останется без ласки, без оплота!

А что бы им вскричать наперебой:
 — «Ты их берешь? Так с ними и с Тобой
 Идем и мы. Нам подвиг не помеха».

Теперь и я по праву Твоему,
 А не мечом и не копьем Ламеха
 И юношу, и мужа отниму.

1. VIII.1974

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ГУМИЛЕВА

I

Детей иметь — похвально, и весьма, —
Сказала Смерть, свежатинки отведав,
И разъяснил, зевая, Грибоедов,
Что для того не надо и ума.

Охотников толкает Жизнь сама
Идти в ряды отцов, а после — дедов
(За вычетом случайных Ганимедов)
И расширять родильные дома.

Но смолоду от жадных губ Гекубы
Я отрывал нищущие губы,
Бежал от нег и творческих затей.

Прожить я мог и чище, и безбедней,
Но горд и тем, что, старый и последний,
Я не имел от женщины детей.

5.VIII.1974

II

*И никогда не звал мужчину братом,
Хотя любил не менее двухсот:
Ища у них полуденных красот,
Особенно я нежен был к мулатам.*

Я не ходил к поэтам и прелатам
Для пафоса, для умственных высот:
Мне был милей какой-нибудь сексот
Попавшийся, со взором виноватым.

От Лосского и Франка я зевал
И убегал на людный карнавал,
Дышал толпой, и музыкой, и зноем,

А за полночь в дешевом кабачке
С очередным случайным Антиномем
Беседовал о смерти и тоске.

19. VIII.1974

НЕ РЕВНОСТЬ

К тебе в Москву я скоро прилечу,
Но к выбору тебя не приревную:
Твоей жене я руку поцелую
И потреплю сынишку по плечу.

Заранее покрепче разучу,
Как выдавить улыбку — и не злую,
Когда, к тебе в ту комнату жилую
Войдя, тебя в удаче уличу.

Из-за судьбы, а больше из-за дали
Мы встретиться лет на пять опоздали,
Иначе бы избранницу твою

Просватал я за юношу такого,
Что перед ним ты жалок, но другого,
А мальчика вернул небытию!

8. VIII.1974

ЖЕНАТОМУ ДРУГУ

Мне выбор твой и ведом, и заведом, —
Не лунный свет, а плотный жар земной:
Ты не тонул, как томный Антиной,
И не летал невольным Ганимедом.

Но дыбится и пахнет пряным бредом
Запретный хлеб — не ближний, не ржаной:
Вкуси его — и, пьяный новизной,
Люсьену стань и Лисию соседом.

Ведь Менексен, и Бози, и Хармид —
Вне племени, и каждый знаменит.
Но ты — отец: осилена крамола!

Что ж, не сойди с утопанной стези
И торжеством оспоренного пола
На дерзкие соблазны возрази!

22.VIII.1974

АНГЛИЙСКИЙ СОНЕТ

Всё лучшее, что я любил не раз,
Сошлось в одном неутолимом теле,
И множества меня дразнивших глаз,
Перекалясь, твоими засинели.

Объединил, сомкнув, твой чистый лоб
Лоб мудреца со лбом брахицефала:
Так радуга, когда прошел потоп,
Одним лучом нераздробленным стала.

Ты — ответ мой, но ты и чародей,
Живой ответ на тысячи загадок.
Воистину, я не хочу дождей:
Ведь луч простой пленительнее радуг.

Во все цвета влюбляясь вразнойбой,
Я вылюбил тебя — и стал тобой!

8.IX.1974

ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТОЧКА

Твои глаза — изменчивый Протей —
 Лгут (или нет?) окраскою любовью:
 То яростью свинцово-голубою,
 То нежностью — теплей и золотей.

Твоя душа то чехарда страстей,
 То реквием — и над самим собою:
 Я доверял поэту, не плэйбою —
 И вот устал от масок и затей,

От хитростей пустой многовидимки!
 Таков ли ты, как здесь, на этом снимке?
 Не кожа ли мне кинута твоя?

Ведь, может быть, ужом полудомашним
 Казавшийся в мирке позавчерашнем,
 Сегодня ты — гремучая змея?

18.IX.1974

ПЛЕМЕННОЙ СОНЕТ

Чтоб юности, надеждам и здоровью
 Недолгий день порадовались мы,
 Рок-ростовщик дает их нам взаимы —
 И отберет назад, не двинув бровью,

Да и лихву сдерет не по условию,
 Но до конца веселой кутерьмы
 Разгадками туманятся умы,
 Сердца звенят несбыточной любовью.

Один сонет — «Последнюю струну» —
 И тоже с тем, что я его верну —
 У Времени я выпросил на время.

За ним пришли. Но это ли беда?
Заемное использовано семя,
Умножены сонетные стада!

19.IX.1974

СПРАВКА

Не верь, не верь поэту, дева!

Тютчев

Грядущему литературоведу
Помучиться придется надо мной:
Ведь я — хитрец, плутишка продувной,
По ложному его пускаю следу.

За справками он бросится к соседу,
С которым бой веду черезстенной,
За плесенью клубнички выписной —
К царившему (когда-то) Ганимеду.

По внешности я вовсе не старик,
А по стихам — купил себе парик,
Подделал чек, женился на приданом,

Извел жену и деньги промотал...
Поймет ли он, наперекор обманам,
Что сам себя поэт оклеветал?

6.X.1974

СОНЕТ ОБИДЫ

Соседскую девчурку Портинари
Дант поселил в торжественном раю,
Зато жену бесцветную свою
Забыл одну на жизненном базаре.

Той — фимиам, а этой — запах гари,
 Чад кухонный, присвоенный жилью;
 Той — вечный день, созвучный бытию,
 А этой — ночь и жребий низшей твари.

Вот так и я без дома, без жены
 В плоть претворил настойчивые сны,
 И ты возник надзвездным Беатричем,

И за море домчался дальний клич.
 Но не был ты разбужен этим кличем:
 Джем заспанный — совсем не Беатрич!

Фамилия Беатриче была Портинари.
 Джемма — жена Данте.

10.X.1974

ЕДВА ЗНАКОМОМУ

Только утро любви хорошо.

С. Надсон

Будь юношей веселым и прелестным,
 Но для ума признанья не проси,
 Хоть приглашен Людовик Потоси
 Быть при тебе наставником небесным.

Закончив труд ручной в подвале тесном,
 Заказчикам работы разноси,
 А для меня и на моей Руси,
 Как твой святой, останься неизвестным.

Ты темненький — не в цвет моих седин,
 Но я хочу тобою выбить клин:
 Чужим, живым — родного, неживого.

А вдруг и ты — не только взгляд и слух,
Не свет, не луч, не песенка, не слово,
А во плоти такой же дальний дух?

28.X.1974

ВСЛЕПУЮ

Вы верите нелживости наград:
Плеч белизне и взору голубому,
И, зрячие, заметите трахому,
И отступить успеете назад.

За чистоту сочтете ли разврат,
За гобелен — прогнившую солому?
А я слепой. Как суждено слепому,
Влюбился я на ощупь (невпопад).

Кто мог бы знать, что это не Венера,
Без запаха поддельного Пивера,
Без накладной свинцовой белизны?

Она не лжет ни вздохами, ни дрожью,
Немой метоп дорической стены,
А я, дрожа, припал к ее подножью!

30.X.1974

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Признание милое услышал я вчера:
Меня Вы любите за Божий дар словесный,
Хотя в поэзии не самый я известный
И больше славятся иные мастера.

Так отвернемся ли от малого добра?
 Люблю я Сержио за то, что в день воскресный
 Могу подкинуться к нему в седан трехместный,
 Люблю Антонио — как чудо-маляра.

Как парикмахера, люблю мулата Нило,
 Как мыло мылкое — кокосовое мыло,
 И только «Итою» я огурцы солю.

Дениса Уивера люблю я, как актера,
 Анселмо лысого люблю, как полотера.
 Как переводчика, я тоже Вас люблю.

6.XI.1974

АНГЛИЙСКИЙ СОНЕТ

Бессонницей томись, жена, ревнуй
 К любовнице — не к дряблой проститутке.
 Один. Два. Три. И каждый поцелуй —
 Дань плечу, животу и груди.

Ее постель уютней и теплей
 И выстоит в любую непогоду,
 А у тебя «за пару сот рублей»
 Я выкупил кольцо — мою свободу.

Так не сердись. Я честный человек,
 И я плачу долги христианина:
 Ведь у судьбы тебе вручил я чек
 Очередной на воспитанье сына.

Откуда же сквозь мой любовный бред —
 Звон тридцати серебряных монет?

7.XI.1974

МОЙ СОНЕТ

Я подарил тебе, а не Пандоре,
Отборный шелк для вьющихся кудрей,
Дал синеву тропических морей
Для тихости в незамутимом взоре.

Велел тебе: цветы в моем уборе,
Как Дориан — грехи и не старей.
А сам понес в некрополь галерей
Отметины твоей душевной кори,

Осколки клятв, и письма, и дела —
Позорные напластованья зла.
Что сделал ты с оплеванным портретом,

Предав жену и сына погубив!
Но грязь и боль взошли моим сонетом,
А ты как был — невинен и красив.

16.XI.1974

СОСУДЫ

Чувствительность моя была двойной:
В моем мозгу сиренами гудели
Опасности в моем же хилом теле,
Загнивший зуб, изжога, хрип грудной.

Но тут же в нем — не за глухой стеной
Особности — твои нарывы зрели,
И на виду, не под полом, не в щели —
Изнемогал и палец твой больной.

Как мог бы я не всхлипнуть, не поохать,
Когда тебя захлестывала похоть
И взвинчивал неблагонравный зуд?

Теперь, когда ты пуще исцарапан,
 Я боль твою отвел бы через клапан,
 Но отделил ты сам же свой сосуд!

1.XII.1974

НЕУДАЧА

Ты — выжимка из иксов и нулей,
 Хоть разодет в сияющие ризы
 И оживлен улыбкой Моны-Лизы,
 Наложеной на разогретый клей.

Ты делался то злей, то веселей,
 То пасмурней — и множились капризы,
 Но под конец сорвал я все эскизы:
 Тлеть нечему, а все-таки истлей!

И брошен ты, неславный и невидный,
 Безобразный, беззубый, безобидный,
 В небытие — куда-то под постель,

Подачкою «баратам» и термитам,*
 А мог бы стать живым и знаменитым —
 Концовкою для книги «Ариэль»!

1.XII.1974

ПЕРЕЕЗД

На сумрачных окраинах столиц
 Таких домов немало вы знавали:
 Вместительных, доходных, но едва ли
 Построенных для светлых небылиц.

* «Бараты» — летающие тараканы изрядного формата.

На много лет цемент без половиц
Достался мне в сыром полуподвале,
Где слизняки уныло кочевали,
Деля углы с ватагами мокриц.

Там, похотям оставленный запретным,
Я стал и сам холодным, бесхребетным,
Узнал себя в безвольном слизняке.

Но все-таки, туда с бутылкой рома
Придя, меня вы не застали дома, —
Ведь я теперь живу на чердаке!

7.XII.1974

ПРИЗРАКИ

Ты — хрупкое собранье ветровое
Возможностей: красив и некрасив,
Но, жизнь тебе на время подарив,
Украсил я творенье неживое.

С тобой, увы, меня не стало двое,
И, выдумку вдвойне перехитрив,
Я сдал тебя не в белый мой архив,
А в серое подполье мозговое.

Я вновь один (невольный полувздох),
Но и себя я застаю врасплох
Неслаженной игрой противоречий,

Из серости сплетенной кое-как:
Ведь, может быть, разочарован встречей,
Меня и ты вернул в такой же мрак?

17.XII.1974

СМЕРТЬ ВЫМЫСЛА

Сыграть финал житейской драмы этой
 Без помощи твоей и я не смог:
 Дверь хлопает, и в горле злой комок,
 Осколок сна и песенки допетой.

Над брошенной со злобы сигаретой
 Косился бы сиреневый дымок,
 А ты, уйдя, наверно бы промок
 Без зонтика и наскоро одетый.

Да, если бы не годы и не даль,
 Терзала бы малейшая деталь
 Свидетельством надеждам и невзгодам,

А я здоров и мне почти смешно:
 Действительный убить бы мог уходом,
 Но не актер на полотне кино!

22.XII.1974

ЧИЖИК

Щебечешь ты, не знавший воли чижик,
 За прутьями лавчонки обувной:
 За то, что ты веселый и смешной,
 Тебя, Луиш, я буду звать «Луижик».

Таким и будь. Ведь без латинских книжек
 Улыбкою ты совладал со мной
 И на груди — здоровой, но больной —
 Свое тавро, того не зная, выжег.

На много лет, живя в земном саду,
 Не мудрости доверься, не труду,
 А красоте. Такому Ганимеду

Поклонятся, звеня, колокола,
К нему слетят и фениксы по следу
Не девушки, а Зевсова орла.

24.XII.1974

ТВОРЕЦ

Крепчайшего, тебя я раскрепил
Для высших нужд, не просто для забавы,
И — на творца ищи теперь управы —
Дух выпростал, а тело оскопил.

Без топоров, без молотов и пил
(Они давно заброшены и ржавы)
Я раздробил исправные суставы,
Что сам тебе придумал и слепил.

Теперь глаза, и волосы, и руки
Превращены в рифмованные звуки:
Разъятая, разрозненная плоть

Топорщится и рвется в неземное,
Но разве я, твой любящий господь,
Бессмертие сулил тебе иное?

14.I.1975

АКРОСТИХ

Акrostихом, задуманным в досаде,
Разрушу ли твой неприступный дом?
Исторгну ли захватанный грехом
Эфод честной — Господней правды ради?

Льняную ткань и спереди, и сзади
 Изорвала в бесстыдстве молодом
 Любовница твоя... Хочу стихом
 Испепелить ее в моей тетради!

Бел мой наряд, по-прежнему святой,
 А ты земной прельстился красотой —
 Беснуешься, закабаленный мраком.

Не сплю и я, следя издалека,
 И разве гнев недоуменным знаком
 Кончается — бессильный, как строка?

6.III.1975

БЛУДНИКИ

Схвати ее в охапку посильней
 Наперекор наигранной боязни,
 И обнажи, и вытяни, и в ней
 Всей алчностью, всем бешенством увязни.

Сожми ее, любя и не любя,
 Обворожи искусным приворотом,
 Чтоб ей отдать и самого себя
 Дрожаньем ног, и семенем, и потом.

Ты думаешь, блудник и сердцеед,
 Мой оскорбить монашеский обычай
 Паденьем в грязь и мнимостью побед?
 А я и сам, обжорой и добычей,

Живу тобой — и кролик, и удав, —
 Всего тебя впитав и напитав!

17.IV.1975

ЖЕНЫ

У Пашеньки над ротиком пушок,
У Глашеньки глазища, будто кубки,
У Симочки — занозистый смешок,
У Галочки под блузкой две голубки.

Но Галочка ленива и толста,
А Симочка — болтливая сорока,
А Глашенька круглее решета,
А Пашенька — суха и кривобока.

Вот если бы у каждой уцепить
По одному кусочку совершенства,
Чтоб целое из ломтиков слепить —
Резервуар постельного блаженства!

Но я, томясь по женщине такой,
То на одной женюсь, то на другой!

24.IV.1975

НЕ ПЕРВЫЙ РАЗ

José Vieira dos Santos

Не первый раз девической толпой
Ты окружен: их более десятка,
И, кажется, развязная мулатка
Собой почти довольна — и тобой.

Все ластятся и льстят наперебой:
Одну томит и треплет лихорадка,
А у другой свербит сухая матка,
И ты для всех — желанный водопой.

Я пережду. И снова речь о «Пире»
 Пойдет у нас: о тройственности в мире,
 О радости прохладным стать ручьем

И утолить желанье побратима
 Первичное, понятнейшее — в чем
 Наставила Сократа Диотима!

23.VI.1975

ВЕРНОСТЬ В НЕВЕРНОСТИ

Не морг, а мозг. И ты в моем мозгу,
 Раскромсанный на составные части,
 В которых я признать едва могу
 Мой вымысел — дитя моей же страсти.

Палладио на пальцы-лепестки
 Надел твои серебряные кольца,
 Но как его касанья далеки
 От твоего пожатья комсомольца!

У Сержио, живого, узнаю
 Твои глаза по искоркам задорным,
 И голову курчавую твою
 У Туллио — на туловище черном.

Во всех телах знакомое любя,
 Из месива я воссоздам тебя!

26.VI.1975

В РАЗЛУКЕ

*Dull sublunary lovers love
(Whose soule in sense) cannot admit
Absence because it doth remove
Those things which elemented it!*

John Donne*

Глазам нужны глаза, живым рукам —
Ответные податливые руки,
И потому влюбленным пошлякам
Не устоять под натиском разлуки.

Рот, плечи, грудь — пылают вещества,
Чтоб и в тебе горячее пылало,
Но перестань подкидывать дрова —
И пламени как будто не бывало.

Как были бы свиданья хороши
Наперекор тайфунам и метелям,
Но должен я в скиту твоей души
Прикинуться холодным Ариэлем,

А пламени довольно у меня
Для жаркого телесного огня!

II. VII. 1975

* Любовь незамысловатых подлунных влюбленных (Суть которой в чувстве) не может допустить Разлуку, ибо она устраняет То, из чего состоит любовь!

Джон Донн (англ.)

КЛИН

Чем вытолкну в ребре засевший клин?
Ведь это бес из шайки Асмодея,
Что, не щадя ни чести, ни седин,
Бахвалится, от крови молодея.

Я гнул его молитвой и постом,
Умасливал сонливостью и сплином
И вспоминал о способе простом —
Что надо клин таким же выбить клином.

Бил так и сяк, но даже подтолкнуть
Не смог его и целой лесопильней:
Все клинышки, что вбил себе я в грудь,
Чем тот один, тупей и малосильней.

Клин-кипарис ни с места, а вокруг —
Разросшийся рассадник меньших мук!

3. VIII.1975

СЧЕТ

Я отмолил тебя от Колымы,
От «ворона», от обыска ночного:
Любил тебя — и для стола земного
Небесный хлеб давал тебе взаймы.

Питал тебя три долгие зимы,
Тебя, жену и третьего — грудного,
И долг не рос, а претворялся снова
В акафисты — хвалебные псалмы

Весне, тебе, спасенному здоровью.
Но от весны я истекаю кровью:
Бред, и озноб, и розами платки...

По совести, о жертвах я не плачу,
Но за рубли хотя бы пятаки
Мне возврати — присвоенную сдачу!

2.Х.1975

ЗВЕНО

Венок сонетов

I

Жизнь у конца — и снова у начала:
 Окончен путь поэта-чудака,
 Обречена последняя строка
 Забвению на празднике развала.

А та душа, что жалобно взывала
 О чистоте родного языка,
 Скитается, бездомная, пока
 Ей очередь родиться не настала.

И нас двоих решительной чертой
 Ночь разлучит — жестокой немотой.
 Есть, может быть, виденья и приметы,

Но разве ты, намеком или сном
 Встревоженный, не устроишься Леты,
 Едва замрет кладбищенский псалом?

II

Едва замрет кладбищенский псалом,
 Ты с похорон вернешься, мой Евгений,
 Ласкать себя теплом отдохновений
 И тешиться словесным ремеслом.

О, если бы и мне взойти тайком
 На твой чердак по клавишам ступеней,
 Любил бы я твой уголок весенний —
 Тебя, жену и сына за столом.

Непрошенный, невидимый, но нежный,
 И зависти, и ревности чужой,
 За слуховой стоял бы я межой

И, снова в путь пускаясь неизбежный,
Простился бы с негреющим теплом —
Настойчивый, со вскинутым челом.

III

Настойчивый, со вскинутым челом,
Я не застрял в бездумном счастье этом:
Пытался быть монахом и аскетом,
Подвижником в отрепьи власяном.

Для всех я был угрюмым чужаком,
Пособником пугающим приметам:
Житейское сплетенье тьмы со светом
Казалось мне соблазном и грехом.

Бессильные перебирая четки,
Для разума я воздвигал тюрьму,
Где скопчества унылые решетки

Гонимую подчеркивали тьму.
Теперь, когда борьба отбушевала,
Я поднимусь на гребень перевала.

IV

Я поднимусь на гребень перевала,
А дальше — вниз, но в давке городской
Найду ли я нечаянный покой,
Которого пустыня не давала?

Сумятица огромного вокзала,
А на полу — незрячею толпой
Раздавленный, затоптанный левкой:
Судьба цветка моей судьбою стала.

От родины за тридевять земель
Нужны ли мне воспоминанья сердца?
Но издали призыв единовеца

Мне возвратил разлюбленную цель,
И снова я на берегах Байкала:
Ведь там не раз душа моя бывала.

V

Ведь там не раз душа моя бывала:
Забыть ли ей холодную страну,
Неяркую небес голубизну,
Что надо мной когда-то колдовала?

Забыть, забыть! Обмякла, отзевала
Жизнь тусклая, но, отходя ко сну,
Я угадать могу еще одну —
Ближайшую — в долине Сенегала.

Грядущая не будет ни важней,
Ни призрачней теперешней моей.
Жизнь-золушка! Грустя в сиротской доле,

Ты по утрам, платок связав узлом,
Царапины, порезы и мозоли,
И сны несла, и замыслы на слом.

VI

И сны несла, и замыслы на слом
Душа моя, и с каждой кончиной
Ее тюрьма ложилась рыхлой глиной —
Оплаканным зачем-то костяком.

Я истлевал, снедаемый песком,
Лобзаемый подземною ундиной.
Так и теперь: благой Первопричиной
Размолото, лишь в облике ином

«Я» оживет — вернувшаяся птица —
И станет петь о страсти и тоске
За прутьями, в искусственном мире.

Но будет ли повторная темница
Мне, новому, казаться прежним злом?
Так хорошо не помнить о былом!

VII

Так хорошо не помнить о былом:
В ином краю, в каком-нибудь вигваме,
Доверчиво тянуться к новой маме
За нежностью, за теплым молоком,

К ней прибегать с улиткой и листком,
Упрямитесь и хныкать вечерами
И, овладев негибкими словами,
Заговорить нерусским языком.

В двенадцать лет карабкаться по скалам,
Прислуживать охотникам бывалым
И доедать объедки на пиру.

Потом узнать желаний плотских жала.
Дозволено резвиться на ветру
Кораблику — до нового причала.

VIII

Кораблику до нового причала
Дано любить крылатую мечту.
Любил и я святую чистоту,
Что помыслы о счастье исключала.

Мне музыка нездешняя звучала,
Надмирную сулила высоту, —
Когда бы я остался на посту,
Та чистота меня бы увенчала.

Я отступил. Я отдал грубый плуг
За выдумки, за книги, за досуг.
Я изменил пареньям литургии,

Но выплачу долги мои вдвойне,
 Когда в моей заплаканной России
 Отечество определится мне.

IX

Отечество определится мне
 Не жребием случайным, а по мере
 Раскаянья: тогда к чистойшей вере
 Я подойду, к любви и тишине —

И с Господом замкнусь наедине
 В подпольи ли, в холодной ли пещере,
 Но только бы не отворялись двери
 Назад, к людской возне и болтовне!

Я сам прервал сладчайшую беседу
 С подателем премудрости — Христом,
 Чтоб изнывать в бездействии пустом

И колесить по собственному следу.
 Позорный долг я возьму вполне
 В какой-нибудь заброшенной стране.

X

В какой-нибудь заброшенной стране
 На стыке гор и пламенной пустыни —
 Дай прошагать по зарослям полыни
 С колючкою, приставшею к ступне.

Внеси меня на вздыбленной волне
 К язычникам, которые поныне
 Не ведают о правде и святыне,
 О верности ни другу, ни жене.

Да буду я в грядущем воплощеньи
 Бестрепетным свидетелем Твоим:
 Твоим во всем — и в жизни, и в ученьи,

И за Тебя да буду я гоним
Толпой людей, воинственной и странной
С тамтамами и хрипотой гортанной.

XI

С тамтамами и хрипотой гортанной
Я подружусь, хотя и не знаком
Я ни с одним дикарским языком
И слышу в них раскаты речи бранной.

Пришлец и там, но, небесами званный,
Останусь ли случайным пришлецом?
Вздохну ли там, как здесь, перед концом,
Что на земле родной я нежеланный,

Но за морем, назло своей родне,
Избранник мой заплачет обо мне,
О том, что всё могло бы быть иначе,

И проклянет посылую Москву.
А может быть, о том не зная плаче,
Кликун, и там я к Богу воззову?

XII

Кликун, и там я к Богу воззову,
Быть научусь послушной и смиренной,
Чтоб эти семь последних воплощений,
Пройдя, как сон, остались наяву.

А дальше — взлет к большому торжеству,
В бессменный день от чехарды явлений,
Чтоб не было для духа отступлений
Во мнимый плен, к земному колдовству.

Но, связанный непоправимой клятвой,
Я в мир вернусь — теперь уж за тобой —
И нарекусь архатом, боддисатвой,

Твоим гуру, учителем, судьбой,
 Венцом даров безжалостных венчанный,
 Игралищам противник неустанный.

XIII

Игралищам противник неустанный,
 Супружеству — паденью с высоты,
 Родительству — нелепице мечты
 О вечности, условной и туманной.

Я отниму и якорь твой обманной
 И разгромлю причалы и мосты.
 Всё потеряв, наполнишь сердце ты
 Безличную осмысленной осанной.

Когда же вновь настанет юный день,
 Я возведу предызбранного брата
 На новую неровную ступень

По лестнице святого Зиккурата —
 Ничтожный шаг, но ближе к Божеству —
 И снова часть бессмертья изживу.

XIV

И снова часть бессмертья изживу,
 И, снова в мир отосланный, я стану
 Показывать недалнюю нирвану
 Бездетности, безженности, вдовству.

Моим телам не раз истлеть во рву,
 Наперекор гробнице и кургану,
 Не раз уйти пророку и шаману
 В забвение, в седую трын-траву.

Любимый мой, вольнее и крылатей
 Вставай и ты от месива зачатий,
 Акrostихом, сонетом ключевым,

Травинкою у глыбы пьедестала
Над тем тобой, что снова стал живым:
Жизнь у конца — и снова у начала!

МАГИСТРАЛ

Жизнь у конца — и снова у начала!
Едва замрет кладбищенский псалом,
Настойчивый, со вскинутым челом,
Я поднимаюсь на гребень перевала.

Ведь там не раз душа моя бывала
И сны несла и замыслы на слом:
Так хорошо не помнить о былом
Кораблику — до нового причала.

Отечество определится мне
В какой-нибудь заброшенной стране
С тамтамами и хрипотой гортанной.

Кликун, и там я к Богу воззову,
Игралищам противник неустанный,
И снова часть бессмертья изживу.

18–20.IX.1972

Переработано 28 и 29.X.1975

ТРИ РОДИНЫ

Десятая книга стихотворений
(Париж, 1987)

Умберто Маркес Пассосу
и всем моим бразильским
друзьям

ЗНОЙ

Бродя по пальмовым аллеям,
Где нет тенистых уголков,
Мы злимся, злимся и потеем,
И тщетно ищем облаков.

Апрель, но зной еще несносен,
И мы, изнывшие в плену,
Ждем осени, но медлит осень
Начать желанную войну.

Пусть ветры полюса напрасно
Богиню молят: — «Прикажи
В поход!» — Богиня не согласна
Их отпустить за рубежи.

Так полководец перед боем,
Врага могуществом смущен,
В раздумьи скачет перед строем,
Не смея вверить честь знамен
Немногочисленным героям.

Ночь на 16.III.1953
(сквозь сон)

ПЕСЕНКА

Люблю дремать на скалах Ипанемы,
Где океан в несчетно-первый раз
Скандирует эпической поэмы
Бесстрастный, нескончаемый рассказ.

А звонкий голос — голоса такие
Лишь в юности, весной и на заре —
Издаലെка поет слова простые:
“A rérola nas ondas da maré...”*

* «Жемчужина в волнах прилива...» (порт.).

Жемчужина моя в волнах прибоя:
Я за тобою прыгну в глубину,
Я назову тебя своей судьбою,
Я научусь любить тебя одну...

8.IV.1954

ДОМ МАРКИЗЫ ДЕ САНТОС

Нарядною толпой особняков
Придавлено жилище сквозняков,
Дом шорохов, полуслепых зеркал,
Еще живой в предместьи мертвецов.

1.X.1968

PEDRA DA GÁVEA

День был жарок, от жажды долог,
И вот-вот обрушится вечер.
Но торопится археолог
Под горой, у самых пещер.

Ведь ему дороже индейцы,
Предки нынешних гуарани.
Он копает, и он надеется
Узнать, как жили они,

Наконечники стрел и копыя
Открывая у этих мест,
Потерявшуюся летопись
Воскресить, как палимпсест.

23.I.1969

КАРНАВАЛ

В. С. Ильяшенко

Неистовствует карнавал,
 Но парк сильнее тишиной:
 Пусть, не пробившись через вал,
 Неистовствует карнавал.
 В озерной свежести зеркал
 Изникнув, тонет летний зной.
 Неистовствует карнавал,
 Но парк сильнее тишиной.

10.II.1969

ПЕТРОПОЛИС

Таких домов немало и карет
 Отыщется в имениях подмосковных,
 Но от забот и дел первоверховных
 Здесь отдыхал ученый и поэт.

Закончился восьмой десяток лет,
 Как нет его — годов пустых и ровных,
 Зазывной лжи, писаний многословных,
 И болтовни, и выкриков газет.

На белые широкие ступени
 Венчаные уже не выйдут тени
 Под яркий цвет большого фонаря.

И улица — почти у стен дворцовых —
 Как маскою, стыдясь хозяев новых,
 Пятнадцатым прикрылась ноября.

5.XI.1970

НОВЫЙ ГОД В БРАЗИЛИИ

В новогоднее утро я встал почти на рассвете,
В напряженнейший час улова рыбы, когда
Оставались непойманными в Господни сети
Только узенький серп и голубенькая звезда.

Море тут, за домами. Раздвину окна пошире
И впущу не те просторы, не те леса.
Ведь моих — родных — не найти
в обреченном мире,
На который, рыжая, ползмя-ползет полоса.

Я давно раздружился с Юпитером и Минервой,
И Венера поблекла. Но любит меня луна.
Чтобы с нею проститься, сегодня вскочил
я первый,
Отмахнувшись от недоскандированного сна.

Мы последние трое еще не попали в невод,
Слишком мало прожив, недостаточно нашалив.
Оранжеден рассвет. Он и справа ползет, и слева, —
Добежим ли до моря, уйдем ли в шальной прилив?

25.XII.1970

НОВЕНА

Огарок, подымив, погас,
Щербатые пропали стены.
Я помечтаю — в сотый раз —
О всемогуществе новены.

Ведь обещал же папа Пий,
Что сбудется одно желанье
За столько-то аве-марий,
За строгий пост и покаянье.

Поститься? Я себе не враг,
 Но иногда в міру раздольном,
 Как Сирано де Бержерак,
 Пошусь постом недобровольным.

Я каюсь в том или другом
 (В задоре, в недостатке вкуса),
 Так, верно, мой заветный дом —
 В сладчайшем сердце Иисуса.

Одно желанье... Жаль, не три,
 Не дюжина, не восемь дюжин:
 Так хорошенько присмотри,
 Какой тебе подарок нужен?

И правда: что я изберу?
 Виктролу? Парусные гонки?
 Поездку по горам Перу,
 А после — вниз по Амазонке?

Но каждый полдень паруса
 Маячат в бухте Ботафого.
 Для этого ли чудеса
 Выпрашиваются у Бога?

И так, я знаю, наяву
 Белен увижу, и Манаус,
 И пампы, где, топча траву,
 От барса убегает страус...

...Но за окном зловещий крик,
 И небо на кошму похоже.
 Gieb meine Jugend mir zurück!
 Верни мне молодость, о Боже!

11.II.1971

В БОТАНИЧЕСКОМ САДУ

Ползущую через тропинку
Улитку нежно я люблю,
И худосочную травинку,
И травяную тлю.

Я весело люблюсь парком,
Прижавшимся к большой горе,
В еще не злом, еще не жарком
Бразильском ноябре.

Любуюсь — и звенят в копилке
Накопленные медяки:
Хитрейшие у листьев жилки,
Мясистые жуки.

Всё тот же соглядатай ранний,
Который раз бродя в саду,
Предчувствие воспоминаний
Я исподволь краду.

8.XI.1971

СМЕРТЬ ОРХИДЕИ

*Капитану первого ранга
Алваро Паин Фильо*

В день переходный и двуличный,
застенчиво суливший зной, —
поджарый, аристократичный,
слепящий яркой белизной,
бразильский капитан нерезким
звонком звонился у дверей:
пришел он с маленьким, но веским
подарком к матери моей.

Три дня томилась орхидея
 в прозрачной кружке на столе:
 грустила, тая, холодея,
 об ускользящем тепле.
 А нынче пленницу лесную
 я, почитатель красоты,
 сложил в могилу травяную
 под низкорослые кусты:
 земля, так пылью будь земною,
 летай, носима ветерком,
 и стань такую же весною
 таким же царственным цветком!

21.XII.1971

Кто сказал — от большого ума, —
 что тюрьма непременно тесна,
 что село, что Москва — не тюрьма,
 что тюрьма — не уезд, не страна?

Кто сказал, что планета — не дом,
 что чужбина — иной материк,
 что не может родным языком
 зазвучать португальский язык?

8.IV.1972

НЕ ПАМЯТНИК

Не памятник себе — темницу я построил,
 в которой жизнь моя загублена в плену,
 и русской Музе я размаха не удвоил,
 хотя любил ее — любил ее одну.

Ей дела не было до жестов красная,
до рифм изысканных и взвешенных слогов,
до скучной тихости буддийского Китая,
до мутно-желтых рек и вязких берегов.

Напрасно, в сумерки годов пятидесятих,
ее в Бразилию обманом я завлек:
ведь даже в просеках, среди холмов покатых,
рябины чахлый куст обиженно поблек.

И спутница моя мне отомстить готова:
на север убежит и над Москва-рекой
не скажет обо мне сочувственного слова
ни в перечне имен, ни в сноске под строкой.

16.IV.1972

Трепет латинского паруса,
полюханье мальтийского знака —
нахожу у Тито де Барроса
и у Олаво Билака.

Влажные джунгли Бразилии,
орхидейную теплую прелесть
отыскиваю у Сесилии —
у несравненной Мейрелес.

Мне служит взамен рифмология
португальский словарик тщедушный,
но строки смыкаются строгие
креплением рифмы послушной.

«Ligio» — колокол лилии,
а «delirio» — бред ностальгии:
забрало и бронза — Бразилии,
последний выдох — России.

28.VII.1972

МИХАИЛУ СЕРГЕЕВИЧУ РОКОТОВУ

Я был обласкан в «Рубеже»,
редактору стихами нравясь,
как будто, видя только завязь,
он плод угадывал уже.

Да, сорок лет — не день один,
и тот Китай теперь не близко,
и чуждый город Сан-Франциско —
не то, что русский наш Харбин.

А я — в Бразилии моей,
но, глядя на бывшие вежи,
о каждом маленьком успехе
редактору пишу скорей.

Ведь если б не его тепло
в начале поприща поэта,
быть может, странствование это
совсем иначе бы пошло!

6.IX.1972

ГЛАЗА

Глаза косых, согласно поговорке,
На Арзамас глядят — и на Кавказ.
Мне всё равно: ведь пагубны для нас
Лишь те глаза, что холодны и зорки.

От них тотчас распустятся оборки,
Новешенький рассыплется атлас,
Завоет пес. Придаст недобрый глаз
Крыжовнику противный вкус касторки.

Чтоб отвести вернее глаз дурной,
Я — с крестиком на ниточке одной —
Повесил в ряд хрустальный кукиш — «фигу»:

На, выкуси! Вот мой тебе ответ
На умысел, на подлюю интригу!
...А против глаз чистейших средства нет.

17.X.1972

КАРНАВАЛ

В Исландии глядел бы я, печален,
На гейзеры, на мох, на мерзлоту,
Но, кажется, любя зеленоту,
В Австралии не стал бы обавстрален.

Не надушен и редко накрахмален,
Я не богат, но улиц не мету
И не хочу людскую прямоту
Для сумрачных беречь исповедален.

За теплоту, веселье, доброту
И белизну люблю, и черноту:
Им дороги не Рузвельт и не Сталин,

А карнавал, где вертится в поту
Красавица: наряд ее засален,
Но с губ летят пионы наверту!

8.III.1973

НЕОБЫЧАЙНЫЙ ДЕНЬ

Это день совсем необычайный:
вместо моря — снежные поля,
а над ними исповедной тайной
синева и клики журавля.

Не цемент, а хилые перильца —
ну совсем Иркутск или Ирбит,
и Россия голосом бразильца
«Добрый день!» по-русски говорит.

Пожелает ли дышать мятежник
воздухом Америк и Европ,
если увернувшийся подснежник
весело наступит на сугроб?

Сможет ли изгой неблагодарный
проклинать, тоски не утоля?
...Невозможный день некалендарный
я зову тридцатым февраля.

27.III.1973

В РИО ДЕ ЖАНЕЙРО

Белеет статуя Христа,
но дружно плещутся в бассейнах
и белизна, и чернота,
и косяки детей кофейных.

Уже давно пора постичь
урок разездов и гостиниц,
что кариока — не москвич,
а капишаба — не читинец.

И мы впитали соль морей
и солнцем ласковым прогрелись,
и отдаются нам щедрей
стихи Сесилии Мейрелес.

Еще мы любим дальних дев
и помним пушкинские ямбы,
а ноги, будто обалдев,
уже выплясывают самбы.

Еще в крови... Но изживу
неблаговидную затею
(Россию, Петроград, Москву) —
и до конца помулатею!

11. VI. 1974

ОСТРОВ ПАКЕТА

Прищурившись, на райские места
Мы с корабля глядим через перила:
В полуденном дыму хризоберила
Еще милей мой остров Пакета!

Здесь, обменяв дифтонги на цвета,
Бразилия со мной заговорила, —
Так, может быть, и для отца Кирилла
Улыбками заблещет красота?

Не торопясь, без грохота и тряски,
Здесь движутся по улицам коляски:
В любой из них удобно будет нам.

И, не успев за годы измениться,
Опять зовет коней по именам
Себастиан, приветливый возница!

23. VII. 1976

СЕАРИЙЦУ

Сумел бы я по звездам и по датам
 Установить, вернувшись к врожбе,
 Не стану ли в земной твоей судьбе
 Наставником, сообщником и братом.

Но данных нет. По пальцам грубоватым
 Узнаю ли всю правду о тебе,
 По желтизне и острой худобе —
 О бедности, о домике дощатом?

И все-таки я странствую с утра
 По атласу — по штату Сеара
 Вглубь и на юг от синего обреза,

По точечкам причудливых имен:
 Аракати, Барбалья, Форталеза...
 В одной из них Висенте был рожден.

31.III.1977

НЕ ЭЛЕГИЯ

Осыпаются листья в саду незаметней:
 С обнажившихся веток под ветром опало
 Столько сини седой, что допросишься мало
 От осенней акации с памятью летней.

Тоже был ты подсажен дрожками зачатий
 В облака и к зениту, к медвежьим берлогам,
 А потом проскользил по зарничным дорогам
 К самой зоркой пещере, к семерке печатей.

Помнишь, ты обходил Элогимов сторонкой,
 Но не смел забывать о державном надзоре
 И, восходы любя на земле и на море,
 Развлекался закатами, спешкой и гонкой?

Здесь, на юге, зима переряжена летом,
А в апреле куражится ветер осенний,
И находятся саваны для погребений,
И на листьях дурачатся тени со светом.

Но, совсем как на севере, листья желтеют,
Осыпаются, падают в серую слякоть,
А тебе нипочем, — и не хочется плакать,
Как, старея, изгнанники плакать умеют.

29.V.1977

РОСТОВЩИК

Уже давно в бразильском далеке
Я стал твоей крылатой колесницей,
Чтоб ты летал и мне воздал сторицей
В бессмертии, на райском острове.

Пока жива Россия в языке,
Лелеемом любовно за границей,
Витай и ты над каждой страницей,
Плоть обретай в любой моей строке,

Чтоб выросли проценты на проценты
На статуи, на лавры и на ленты,
На вымыслы. А ты живи пока —

Пей, веселись, подруг случайных тискай
И забывай чердак ростовщика,
Не спящего над роковой распиской!

13.IX.1977

К РАЗРЫВУ

Пауло Жозе Алвесу

Ты указал вблизи Холма Вдовы
 Через окно на ржавые ворота:
 — «Здесь учится шитью моя garota,
 Старается, заметывая швы!»

Я подтвердил наклоном головы,
 Что, дескать, ей не повредит работа
 До вечера и до седьмого пота,
 Да и тебе к лицу она, увы!

Привык бы я к ненужному придатку:
 Ошупывай, целуй свою мулатку,
 Ей расплетай аляповатый бант.

Ведь нет большой беды в измятой ленте,
 Но не прощу того, что сам ты crente,
 На библии помешанный сектант!

7.1.1978

РЕБЕНОК НАЗВАН В МОЮ ЧЕСТЬ

Жоржу дос Сантос Лире

На родине приправой к былям пресным
 Я сделался, читаемый тайком,
 В Маньчжурии остался чужаком,
 В Бразилии зачах бы неизвестным,

Но в домике, по-деревенски тесном,
 В толпу родных (с полудня под хмельком)

* Холм Вдовы (Morro da Viuva) — возвышенность между побережьями Фламенго и Ботафого в Рио де Жанейро. Garota — девочка. Crente («верующий») — псевдоним бразильских сектантов.

Мое метнул ты имя шепотком,
Чтоб не шуметь над мальчиком прелестным.

Люби его. Стихи ему читай
Про дальнюю Россию и Китай,
И обо мне скажи, любимый дядя,

Когда придет пора давать ответ
Валерию — в глаза ему не глядя, —
Что, дескать, «был у нас такой поэт».

17.I.1978

РЕСИФЕ НОЧЬЮ

Из Жоакина Кардозо

Мои шаги настороженно-гулки:
Тревожатся, сползая на мосты,
Пособники воров и темноты,
Горбатые, кривые переулки.

По сторонам — особняки-шкатулки!
Задвинуты чугунные болты,
Запрятаны за прочные щиты
Вино и хлеб (заманчивые булки).

Ночь никого не выдаст, но и я
Не духовник, не сыщик, не судья
И не свояк поборникам закона,

И за меня до утренней зари
(Я выхожу на пристань Аполлона)
Пусть молятся цепочкой фонари!

12.XI.1978

МИТЕ

I

Зевс — Ганимед? Но без нарядных басен
 Тебя моряк бывалый укротит
 И робкою уверткой: «Мне претит!» —
 Пренебрежет: пыл похоти прекрасен!

Застонешь ты: — «Пусти, я не согласен!»,
 Но поцелуй обиду подсластит,
 А поздний гнев («Бессовестный бандит!»)
 Насильнику нисколько не опасен.

Далекий друг, живи и проживи
 Не для такой пародии любви,
 Где волку рай, ягненку только муки.

А я приду к тебе издалека
 Во сне, в стихах: просительные руки
 Напомнят ли о граблях мужика?

II

Напомнят ли о граблях мужика
 Покатые разбеги побережий
 И шелесты вечерней пены свежей
 По россыпям нагретого песка?

Милее всех — улыбчива, мягка —
 Бразилия из русских зарубежий:
 Мы не знатны, но в угол наш медвежий
 Волшебные заходят облака!

Здесь так тепло. У ласковой природы
 Учусь и я — сквозь мелкие невзгоды —
 Сиять лучом в ответ ее лучам.

Далекие, теперь и вы примите
И к лепельцам любовь, и к москвичам
(Особенно к Евгению и Мите).

31.XII.1978

В БОЛЬНИЦЕ

До февраля дотянет он едва ли:
Есть пролежни на ляжках и спине
(Здесь не курить, — сестра шепнула мне,
А Лермонтов сказал бы: «в гошпитале»).

Приемный день. Мы славно поболтали
В предписанной властями тишине:
Он говорил о будущей жене,
Которую нашел на карнавале.

— «Да где ж она?» — «Ей не хватает слез
Оплакивать со мной туберкулез,
Запущенный, по слову диагноста,

Но я ее за это не сужу». —
И он запел — по-юношески просто —
«Почтенную я знаю госпожу» .

9.IV.1979

ПУСТОЙ ВЕЧЕР

День исподволь становится вчерашним,
Хотя набор надломленных лучей
Сквозь облако вонзается в ручей,
Примывшийся к уже померкшим башням.

* В последней строке упоминаю известную карнавальную песенку «Conheço uma dona Que se diz soçaita».

Считаю дни не по мышиным шашням
 И проискам беззубых палачей:
 Жизнь вяжется из четких мелочей,
 Но не до них прозаикам домашним.

Да здравствуют пустые вечера:
 Рассеянных улыбок веера,
 Мерцанье глаз красивого соседа,

Хотя и там любовь моя не в счет:
 Сонетами дополнится беседа,
 А он стихов по-русски не прочтет!

21. VI.1979

24-ОЕ ИЮЛЯ 1979 ГОДА

Прихода Раннита я ждать уже не смел:
 Закончился Конгресс писателей в отеле,
 Где на террасе мы недолго посидели, —
 И только раз ко мне заехать он успел.

Я свой безрадостный оплакивал удел:
 Давно участники взвились и улетели,
 А только что, живой и не в астральном теле,
 Поэт Эстонии обратно прилетел!

Течет его рассказ о старом Ouro Preto,
 О церкви, «пляшущей» на возвышеньи где-то,
 И вдруг его перо, забытое в руке,

Взвивается стрелой из вычурного лука
 И опускается — и пишет на клочке:
 «Барокко. Грация. Бразилия. Разлука».

24. VII.1979

В КОНГОНЬЯС ДО КАМПО

Тут, на холме, ликуют Вифлеем
И Назарет. Тут Ветхому Завету
Пришел конец: его проклятьям всем
И каждому подхлесту и запрету.

Мир из низин взобрался высоко,
Измученный, истерзанный жестоко:
Путь завершен у церкви рококо
Топорными пророками барокко.

Она поет и пляшет на горе,
И приседать не прочь на каждой фразе,
Вся в золоте, в лазури, в серебре,
А не в слезах, не в язвах, не в проказе.

А ведь ее построил на заказ
Тому назад без малого два века
Антонио Лисбоа — и для нас,
Для любящих, он — «Маленький Калека».

Обкусанной, обглоданной рукой
Он укротил негодованья пламень,
Он претворил отчаянье в покой,
Геенну в рай, и в бронзу — мыльный камень!

20.VIII.1979

МЕТКА АЛЕЙЖАДИНЬО

Была к нему внимательна судьба:
Дар, и другой — но с выдержкой, не сразу,
И, наконец, он принял и проказу:
Что нищета пред ней, что худоба?

Но расцвели ваянье и резьба,
 Когда пришли к нему не по приказу
 Способствовать рукам его и глазу
 Помощники: два беглые раба.

И в тех троих полуживой калека
 Простил судьбу за братство человека,
 Благословил, запомнил на века,

И все его позднейшие работы
 Отмечены рисунком с уголка —
 Три ангела под слоем позолоты!

1.I.1980

НА ФЕРМЕ У РИО ДОСЕ

Для ящериц — мясистые жуки,
 Одетые в пыльцу ночные моли,
 А махаон (полпяди или боле):
 Схватить его? Пожалуй, не с руки!

В час утренний, под ветерком с реки,
 Спешу в «куррал» отнюдь не поневоле:
 Там юноше, безвестному дотоле,
 Покорствуют коровы и быки.

В «градском шуму» молчавший по неделям,
 Превесело болтаю с Даниэлем,
 Дразню его, двусмысленно шучу —

И лишь о том, что стал бы я без боя
 Добычею прекрасного ковбоя,
 Сквозь присказки оглядчиво молчу.

9.III.1981

В БРАЗИЛИИ

Здесь каждый пришлец желанен:
Мне новый мир засверкал,
И я, бывлой иркутянин,
Свой разлюбил Байкал.

Я исподволь стал мулатом
(Морская соль и припек):
Становится смугловатым
Оттенок бледных щек.

Еще бы! Столько улыбок,
На каждом крыльце друзья.
Стихи пишу без ошибок
По-португальски я.

Но дело не только в этом:
Путь в солнечную страну
Открыл я русским поэтам —
Себе и Кузмину.

А где-то была Россия —
Двойные рамы, снега,
Зимой морозы такие,
Что ежится тайга.

Здесь ласка, а там проклятья,
Но близится жизнь к концу:
Пора возвратиться, братья,
К недоброму отцу.

И на предпоследнем спуске —
В операционный зал
Обидно, что я по-русски
Всего не досказал.

21. VII.1981

ГРАЖДАНИН МИРА?

Шекспир, Корнель — конечно же, велики:
 Кочевник, их я прячу в сундуки,
 Где финский нож, норвежские коньки
 И — заодно — полинезийский Тики.

Я не один. Мы все неоднолики
 И впопыхах мешаем языки,
 Когда ворчим, — и в приступе тоски
 Болят виски и хочется брусники.

Но плена нет, ни вавилонских рек:
 Я в Сузах перс, а в Фермопилах грек
 И не зубрю глаголиц и кириллиц.

Я в Лондоне — один из англичан,
 А в Гернинге — датчайший из датчан,
 В Стокгольме швед, но и в Москве — бразилец!

4.1.1983

В ПРЕДДВЕРЬИ

Сплю как полагается: днем устаю
 От праздности больше, но также от книг.
 Живу в богадельне, в поддельном раю,
 А тихости райской еще не достиг.

В преддверьи судилища падаю ниц
 Почти перед каждым красивым лицом.
 Такие же сны истязают блудниц,
 Отставших от промысла перед концом.

Привратник Анселмо — он, рослый силач,
 В жару прохлаждается полунагим,
 Садовник Жозе — молчаливый, хоть плачь,
 А в лавке — курчавый юнец Ибрагим.

Молюсь и твержу, что готов. Но не весь:
Уйти от земли, не уйдя, я не смог,
И ноги, которые всё ещё здесь,
Хромая, споткнутся о светлый порог.

19.VIII.1983

СНОВА ДЕМОКРАТИЯ!

Заученная стезя:
Посулы, проекты хартий,
Как будто и жить нельзя
Без политических партий!

18.X.1985

ИЗЪ ГЛУБИНЫ ВОЗЗВАХЪ...

Одиннадцатый сборник
стихотворений
(Холиок, 1987)

СВЯТАЯ ТЕРЕЗА

Любила фиалки и розы,
И так изменила всему
За частые тайные слезы
В глухом кармелитском дому.

Тереза, святая Тереза,
Теперь лучезарный венец
Ты носишь за эту аскезу
И ранний напрасный конец.

Но в детстве, у долгих вечере
Не знала ль ты сердцем простым,
Что будет так ясен и верен
Твой путь к небесам золотым?

Пусть знала уже и тогда ты,
Что вражий обманешь патруль,
В бургундских окопах солдата
От плена спасая и пуль;

Пусть даже заране дышала
Ты поздним своим торжеством,
Пусть многое, многое знала, —
Но знать не могла ты о том,

Что вот близорукий схизматик,
На старой открытке Лизьё
Найдя безымянный квадратик,
Узнает оконце твое.

В той келье, где крестиком робким
Отмечена рама окна,
Как елочный ангел в коробке,
Ты жертвенно гибла одна.

Но зримой очам простодушным
Наградой за прочный союз
Ребенком простым и послушным
К тебе приходил Иисус.

О, как ты, я знаю, молила
Остаться Ребенка того,
Что как своего ты любила
И более, чем своего!

Бывают же девичьи руки,
Как матери руки, нежны:
Так радуйся, — годы разлуки
Тебе были сокращены.

И ныне твой жребий не жалок:
Твой Отрок, тебя возлюбя,
Назвал королевой фиалок,
Небесной фиалкой тебя.

И вот, как на этой открытке,
Однажды, под колокола,
Могиле простой кармелитки
Толпа поклониться пришла.

И сколько на празднествах пышных
Фиалок в тот набожный рой —
Незримых, но явственно слышных,
Ты бросила щедрой рукой!

17.XI.1936

ВЕЧЕР

Где Николай, суровый обличитель,
 Где юноша Георгий ветровой?
 Где ты, Франциск, Господень брат меньшей,
 Где Дамиан, недугов исцелитель?

Ни праведник, ни пастырь, ни учитель,
 Ни Дамаскин, поэт любимый мой,
 Ни мученик, ни, строгий и сухой,
 Прославленный постом пустынножитель, —

На мой призыв не спустятся ко мне.
 Но, может быть, в мой вечер гефсиманский,
 Когда, упав, забудусь в полусне,

Сойдет сюда Антоний Падуанский:
 Ведь он один, как люди говорят,
 За боль потерь нам воздаст стократ.

16.XII.1953

ОТРОКИ ЭФЕССКИЕ

Как в лихорадке, мы дрожали
 И лезли в грязь, и лезли в слизь,
 И лезли... и опять бежали,
 А следом ликторы гнались.

Ведь если — знали мы — изловят
 Нас, убежавших всемером,
 Зверям арену приготовят,
 И мы, безвинные, умрем.

Но вдруг, раздавшись перед нами,
 Гора нас обнесла стеной,
 Обезопасила камнями
 И приласкала тишиной.

Для пламеней сухих и влажных
Игралищами стали мы,
Для дней мгновенных и протяжных
Нездешних лета и зимы.

Незрим, неслышим и неведом,
Прозрачный для очей любви,
Стал целый мир веселым бредом,
Струящимся у нас в крови...

Но вот откинули завесу,
И снова мы в базарный день
Спускаемся назад к Эфесу
По переулкам деревень.

Так почему, боясь обмана,
Торговец, дерзок и нелеп,
Глядит на асс Домициана,
Которым я плачу за хлеб?

19.X.1971

КОСТРЫ

*Audi alteram partem.**

«Не пощадит огонь дурного дела,
Но грешник сам спасется из огня», —
И, пламенем отступников казня,
Власть римская их уберечь хотела.

В шипеньи дров, в уничтоженьи тела
Бесовская трещала западня,
Зато душа, грехи свои кляня,
На свой костер с надеждою глядела:

* Выслушаем и другую сторону (*лат.*).

Ей любящий прокладывал пути
И понуждал омыться и войти
В дом жениха, где пенье и прохлада,

Где возлежит Господь-Архитриктин.
...Жалея, жег заблудших Торкемада,
Кострами мстил неверивший Кальвин.

9. III. 1972

АРХЕОЛОГ

Разбитый мир — обрывки да обрезки,
Расколотый фарфор, эмаль гербов, —
И целое вставало из гробов
В безвременном, непостижимом блеске.

Мозаику по стертой арабеске,
По бахrome я возрождаю покров,
Пророчество — по окончаньям слов,
Пресветлый рай — по выгоревшей фреске.

В себе самом я тоже обретал
К песчанику прижившийся кристалл,
В пласт угольный запавшие каменя.

Темна душа, а все-таки жива,
Безжизнен дух — но чаю воскресенья
В живительном дыханьи Божества.

10. VII. 1972

МОЛИТВА

Поставлено по древним празаконам
Светило дня пределом бытию,
И тянутся сгореть в его раю
Рои планет — в объятьи раскаленном.

Владыка мой, иззябшимся Плутоном
Стремлюсь и я укрыться в ночь Твою,
Где набожный акафист я солью
В последний миг с моим невольным стоном.

Не так же ли букашка в полумгле,
Бессильная припасть к Твоей земле,
Увлечена порывом центробежным?

Спали меня спасительным лучом:
Будь, наконец, не слушателем нежным,
А праведным судьей и палачом.

6.VIII.1972

ГОРДЫНЯ

Осенняя пшеница колосиста
И суетной прославлена толпой,
А я кормлюсь таинственной крупой:
Она сладка, тягуча и мучниста.

А в роднике струя чиста и льдиста,
И, отводя овец на водопой,
Иду к нему уверенной стопой
На пиршествах гремевшего арфиста.

Там, вдалеке, сады и города,
Но больше я не возвращусь туда,
Где торжища и говор чужестранный,

Огни дворца и сумраки тюрьмы:
Мне радостней питаться Божьей манной,
Топтать песок и распевать псалмы.

17.VIII.1972

ПАРУСИЯ

Слепец, отбившийся от рук поводырей,
Старик расслабленный на переносном ложе,
Остаток Лазаря в лохмотьях сгнившей кожи —
Бесстыдно грудились у кованных дверей.

А глубже, в ладанных потемках алтарей
От них Ты прятался, недостижимый Боже,
И от заступников, к Тебе взывавших тоже:
— Голодных накорми, холодных обогрей!

Умилосердился великий Недотрога:
Углами все кресты легли на плечи Бога,
Он исцелил больных, измученным помог.

Но руки тянутся к чужим колосьям хлеба,
И не щадят уже десятки тысяч ног
К земле припавшего заплеванного неба.

14.IX.1972

ИСКУШЕНИЕ ХЛЕБОМ

О вечности, о славе, о душе
Заботиться — нелепая затея:
Не лучше ли, натужась и потея,
Копить рубли и помнить о гроше?

Да здравствуют бессмертные клише:
Вот Блудный сын — и свиньи богатея,
А вот зима — острит она, лютея,
Над стрекозой и раем в шалаше.

А лилии саронские, а птицы?
Ведь нет нигде несеянной пшеницы,
И все-таки: я вспомню «Отче нашъ»,

Насущный хлеб, сулимый щедрым небом,
И, позабыв об искушеньи хлебом,
Не первый раз я выберу шалаш.

10.X.1972

ПРИТЧА

Не Кифа ли — большой, широкоплечий —
И тень его — безропотный Андрей,
Едва кивнув хранителю дверей,
Прошли вперед — тотчас же за Предтечей?

А далее — носители увечий
И тихие жильцы монастырей,
Слагатели канонов, тропарей,
Акафистов на тысяче наречий.

Не каждый ли динарий примет свой?
А над моей бесславной головой
Час отпылал шестой, потом девятый.

Но холод я, как зной, перенесу,
Чтоб виноград застать еще не снятый
На склоне дня — в двенадцатом часу.

12.IV.1973

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Низвергнутый с высокого зенита,
Я низведен в бессолнечный надир,
Где ни венков, ни высмеянных лир,
Ни лавров нет, ни миртов, ни самшита.

Здесь тень моя ничем не знаменита:
Мир теневой — незримый нижний мир,
Где мира нет: безжалобность — не мир,
Вода морей — от жажды не защита.

Скажи, Творец, за сон ли голубой —
Сон будущий — наказан я Тобой,
Разжалован, низринут и погублен?

Тебя любить я мог бы в лепестке,
И в ласточке, и в тихом ветерке,
А под землей — и Ты во мне разлюблен.

13.IV.1973

ЗЕМНОЕ В НЕБЕСНОМ

Юрию Иваску

Вынянчивая человека
в первобиблейской полумгле,
задолго до Мелхиседека
гостило небо на земле.

Тогда в палатках полосатых,
пришельцев опознав тайком,
голодных ангелов пернатых
кормили люди шашлыком,

И те жевали ломти хлеба,
обилье милостей суля,
а после бастионы неба,
шутя, разрушила земля —

И подмастерьям разъяснила,
что искуситель был рябым,
что плащ истертый Михаила
залатан чем-то голубым;

Что смелое смешенье стилей —
к добру подсыпанное зло,
что в чашечки белейших лилий
гниенье змейками вползло;

Что ржавеют мечи и латы,
истачивает моль парчу...
Земля, возьми свои заплаты:
я неба прежнего хочу!

3.V.1973

К ОБХОДУ

Давно грибком изъедены углы,
Но спрятаны за шкафом язвы пятен.
Под ковриком блюдут секреты вмятин
Понурые щербатые полы.

Пусть нищета торчит из-под полы,
Лишь был бы вид не слишком неприятен:
Я небогат, но все-таки опрятен
И хоть за то достоин похвалы!

А на душу, на совесть я надвину
Мешок стихов: прикрою паутину
Блудливости, самодовольства мох.

Когда в обход пойдешь Ты по трущобам,
Найдешь ли Ты его за гардеробом?
Но не стучи. Застань меня врасплох.

27.V.1973

К ОТВЕТУ

Когда-нибудь закончатся затяжки,
И, вызванный на суд или допрос,
Там буду я стоять без папирос,
Без пояса, в растерзанной рубашке.

Подследственный, добьюсь ли тем поблажки,
Что без отца (но с матерью) я рос,
Что сотни раз бывал и гол, и бос,
Но жертвовал то свечки, то медяшки?

Допытливый не сжалится судья:
Ведь перед ним простерта жизнь моя
В реляциях, доносах, протоколах,

В моих стихах и письмах от руки.
Нет золота ни в лептах, ни в оболах,
Двусмысленны и рифмы-мотыльки.

5.VI.1973

КАРАНТИН

Здесь полусвет, и в эту полутьму
Не втиснуться и солнцу даровому.
Признателен я Богу-часовому
За слитный дар: здоровье и тюрьму.

Я жить хочу: свободы не приму
И возвращусь на затхлую солому, —
Издаю завидуя пролому,
Не выскользну под ветер и в чуму.

От ужаса, от раннего сожженья
Уберегу ковры воображенья,
Зародыши неначатых стихов.

Пусть изредка гнетет меня рутина,
Но и тогда бежать я не готов
За частокол молитв и карантина!

2.IX.1973

GRATIA PLENA*

Радуйся, избранница Господня,
Серафимов лучшая сестра:
Совершительницей стань сегодня
Предначертанного не вчера,

Верной исполнительницей чина,
Трепетной участницей конца —
Матерью безматерного Сына,
Света от безженного Отца.

Встань, беременная Кальварией,
Переплесками органных струн!
...Первый склонится перед Марией
Не причастный тайне опекун.

17.X.1973

* Исполненная благодати (лат.).

РЫБАРЬ

— Вот невода. Ступай и налови
 Не хищников, а тех рыбешек малых,
 Что прячутся, пугливые, в кораллах,
 Их успокой, крести, благослови!

Утешь калек, сирот усынови,
 Изменников и воинов отсталых. —
 И вот сушу я невода на скалах,
 А дальше ночь — и холод нелюбви.

От мелюзги мне не было отбою,
 Но за самим я погонюсь Тобою:
 Залью огонь и выпаду во тьму.

Когда-нибудь, плененный и влачимый,
 Забьешься Ты, во мрежи не вместимый.
 Аминь, аминь, да будет по сему.

14. I. 1974

СВОБОДА

Без Твоего уюта и тепла
 Я брошен в мир и предан своеволью,
 Чтоб оплатить раскаяньем и болью
 Забытый счет за темные дела.

Ты знал, что я пройду дорогу зла
 Бездельником и перекатной голью,
 А не дельцом, хозяином и солью
 Твоей земли, усадьбы и села.

И я смеюсь. А Ты, незримый рядом,
 Меня слегка подталкиваешь взглядом
 К таким, как я, — в больницу и в тюрьму.

Но мне нужны не луч, не вдохновенье,
А брань, и кнут, и окрик!.. Почему
Предведенье — не предопределенье?

28.I.1974

В РОЩЕ

Я угадал — Ты прячешься везде:
В жужжаньи пчел над запахами луга,
И в выстреле, и в замираньи круга,
Бегущего от пули по воде.

Ты близ меня: в кипеньи и во льде,
В пыли труда и в мареве недуга,
В будильнике, под веером досуга,
В добре и зле, в любви и во вражде.

Ищу Тебя не на горе великой,
А в рощице, заросшей ежевикой,
Но мелкие мешают остря.

Ах, если бы, листву отодвигая,
Заметил я, что и рука другая
Изранена! И это кровь Твоя.

8.II.1974

СУДЬЕ

Суди меня не как земной судья
И не трудись нагромождать улики:
На все дела, что вздорны или дики,
В законах есть отдельная статья.

Всё пустяки! Но вот моя скуфья,
И вот перо, и дневники, и вскрики.
Ах, если бы не сломанные пики,
Не тщетные тупые острия!

Я не убил, но прожил наготове,
Как вурдалак, парной напиток крови
Попутчиков, что были мне верны,

И жертвенны, и жертвенностью милы.
По снам суди: чтоб явью стали сны,
Мне попросту недоставало силы!

20.II.1974

КРЕСТОНОСЕЦ

Не тронутый ни спесью, ни пороком,
Священник свят. Рука его чиста.
На солею и в царские врата
Не должен он протискиваться боком.

А у меня — к незначашим брелокам
Добавлен вес нательного креста:
Несу его в недобрые места,
Таинственным пренебрегая током.

На гульбище, в таверну, в лупанар
Кощунственно влеку заветный дар,
И боль, и кровь израненных ладоней.

Плясун, блудник, пропойца, — а верней,
Нечаянный носильщик посторонний,
Принявший крест, как Симон Кириной!

21.III.1974

Слава Тебе, провожающему в ночи,
Слава Тебе, рассылающему лучи.
Слава Тебе, отмыкающему тюрьму,
Слава Тебе, укрощающему чуму.

Слава Тебе, в молчаливых морях тоски
Зажигающему неустанные маяки!

17.VI.1974

УПОРСТВО

Младенцами от наших матерей
Старались мы закрыть хотя бы души,
Когда лилась и за ворот, и в уши
Вода из их заботливых горстей.

Подростками в болотах пустырей
Взбирались мы на бровку, где посуше,
Не тел, а душ откормленные туши
Под зонтики спасая от дождей.

Затем ли я, внесенный в баптистерий,
Был окроплен — «Крещается Валерий!» —
И посвящен чистейшему Христу,

Чтоб милости обменивать на казни,
Его любовь — на блуд, а чистоту —
На сумрачный позор водобоязни?

7.V.1975

БЛАГОДАРЕНИЕ

И как мне не любить себя...

Ходасевич

Не в алтаре — люблю Тебя в себе,
В презрении к питательным наукам,
В растерянном прищуре близоруком,
В невидности, в порочной худобе, —

В бездетности, в безженности, в горбе,
В пристрастии к разрывам и разлукам,
К несбыточным, пригрезившимся мукам:
Люблю Тебя во всей моей судьбе.

Смесь горькая, но в тесто этой смеси
Ты не вмешал ни жадности, ни спеси,
Ни помыслов о прибыльном добре —

Тех нескольких непрошенных молекул,
С которыми, проснувшись на заре,
Клевал бы я зерно да кукарекал!

21.V.1975

СМЕХ

Смех отзвонит. Затеплятся стихи
Без похоти, чесотки или пота,
А поутру всё мне же петухи
В раздутый счет опять поставят что-то.

А прядь волос, припавшая к виску,
Сверканье глаз, лукавый голос дальний, —
И должен я идти к духовнику
Пустой порез лечить исповедальней.

Сумею ли свой двуязычный дар,
То светлые, то черные страницы
В храм отнести — не в грязный лупанар,
К ногам Христа — не на постель блудницы?

Я здесь и там, но, Боже, помоги
Тебе, не ей платить мои долги!

17.IX.1975

НИКОДИМ

Слова Христа услышал Никодим
О небесах, о духе и о свете:
Что взрослые и старцы, а не дети
Рождаются рождением другим.

Беседа с Учителем благим,
Берег и я в душе заветы эти:
Правдивее не скажешь о поэте, —
Ведь и ему маяк необходим.

Всей волею и преданностью всею
Я подражать хотел бы фарисею,
Который так меня опередил,

Что нынче я и плачу, и ревную:
Ведь по ночам он к Солнцу приходил,
А я и днем жалею тьму ночную!

10.III.1977

ПУТЬ

Когда взойду к заоблачной вершине,
Светило дня опять увижу с гор:
Мне запретил Рабиндранат Тагор
Прервать подъем на первой половине.

В мірских делах звучит упрек пустыни,
В оседлости — кочевничий укор,
В усталости — грядущий приговор,
В телесности — попрание святыни.

Там, наверху, ни братьев, ни врагов,
Ни женских рук, ни хрупких очагов,
А сколько раз я жаловался Богу

На жизнь мою в бессолнечной стране,
На плен земной: за душу-недотрогу
Винил Его. А ночь была во мне.

14.X.1977

В БЕНЕДИКТИНСКОЙ ЦЕРКВИ

Где злыми зубьями грозит Гора-Пила*
Твердыням города, в церквах его старинных
У Богородицы глаза не из стекла,
А из подобранных яичек голубиных.

Пренепорочная Владычица зыбей,
Бурь оглушительных и гроз неукротимых,
Ты и защитница ягнят и голубей,
И богомолица за хрупких и гонимых.

* Гора-Пила — Монсеррат близ Барселоны. В монастырской церкви на взгорьи хранится прославленная чудесами «небольшая, черная, деревянная статуя». Монастырь основан в IX веке.

Путь Богоматери — к земле и к небесам —
Семиступенчатый, и с каждым новым шагом
Ты приближаешься к истлевшим мертвецам,
Ты, жизнетворица, идешь по саркофагам.

И нам, под радостью похоронившим боль,
Прийти на пиршество пасхальное позволь!

27.X.1979

НАЗАД К СВЯТЫНЕ

I

Свидетельство святого Иоанна:
Предвечный Бог, распятый на кресте,
Сойдя во мрак, остался в высоте,
Где ангелы поют Ему: «Осанна!»

Прошли века — и больше не желанна
Божественность: вопят о простоте,
О плотничьем труде, о нищете
Бескрылые последыши Ренана.

Из алтарей — без драгоценных риз —
Зовут его всё дальше вниз и вниз
К насилию во имя передела:

«Кто в золоте — заведомо нечист,
А человек не болтовни, а дела —
Смутьян, бунтарь и, главное, марксист!»

II

«Для таинства не нужно столько правил:
Сойдут коньяк и пеклеванный хлеб.
Базилика? Сгодится и вертеп,
Ведь сам Господь нам выбор предоставил.

А вечный Рим неважное добавил:
Он закоснел и в косности нелеп!»
Но Иоанн спустился в черный склеп
И вместе с ним — рачительнейший Павел.

Сопряжены в том имени двойном
Язык небес и рвенье о земном,
Хозяйский глаз и зренье богослова.

Пшеничный хлеб, но это Божья плоть,
Глоток вина, но это кровь Христова:
В том и другом — Спаситель и Господь!

19.III.1980

АНГЛИЙСКИЙ СОНЕТ

Да, я держусь прямых и четких линий
И верую в евангельский рассказ
Про перепись, которой первый раз
Для Кесаря руководил Квириний.

Всё правда в нем: убогий Вифлеем,
Пришельцами забитый до пещеры,
Стада овец... Но спорят между тем
С правдивейшим Лукою туговеры.

«К чему звезда, и ясли, и волхвы,
И ангелы? Признайся в пересоле:
Ведь вымыслы сусальные мертвы,
Смеются им и люди доброй воли!»

А я скажу: от умников судей
Короткий шаг до терний и гвоздей!

20.III.1980

ЛУЧ

Младенца мы приветствуем в кредит
Улыбками, надеждами и верой,
Что никогда ему не пахнуть серой,
Что в нем одном Адам не засмердит.

На свет в окне он радостно глядит,
Но вскоре луч окажется химерой
И спрячется — и со своей пещерой
Останется крещеный троглодит.

В мир выходя, не палицу, не сети
Он вынесет (ведь мы уже не дети),
А взрослый танк, напалм и огнемёт,

Чтоб от чужих не уцелело слизи,
А все-таки у матери возьмет
И образок Франциска из Ассизи.

30.V.1980

СОН

В апреле дороги скользки —
И даже для тяги конской.
Читаю “Tygodnik Polski”
Вдвоем с Алиной Яблонской.

Я помню дом неказистый,
Зашарканые ступени —
Квартал по улице «Чистой»,
Где грязь почти по колени.

* «Польский еженедельник» (польск.).

“O Litwo, ojczyzno moja!”
 Мицкевич — но и романы,
 И огорченья героя
 “Pan Murek zredukowany”^{***}.

Пред самым избраньем Пия
 Двенадцатого — Алине
 Приснились: Польша, Россия —
 Изгнанники на чужбине.

И кто же почтен тиарой?
 Я — двадцатишестилетний,
 Придавленный схизмой старой,
 Искусанный новой сплетней.

Тогда бы я Львом назвался
 Четырнадцатым по счету
 И сохранить бы старался
 Орган, латынь, позолоту.

Понтификом, не поэтом
 Творцу я был бы угоден:
 Молился бы пред рассветом
 О счастье обеих родин.

А нынче — молиться больше
 И пристальней есть причина
 О многострадальной Польше
 И с нею — о Вас, Алина!

10. VII. 1980

* «О Литва, родина моя!» (польск.).

** «Уволенный пан Мурек» (польск.).

ПАПА ИОАНН ПАВЕЛ II В РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО

По прихоти российского закона,
Гноившего мой Лепельский уезд,
Достался мне восьмиконечный крест —
От Киева, Царьграда и Афона.

Оторванный от западного лона,
Беспочвенный, сменил я много мест,
Но от огня сберег меня асбест:
Кровь польская и польская икона.

Утешенный, не рвусь уже домой,
И для чего? Чудесный город мой —
Блаженный дар последнего этапа.

И здесь меня, среди толпы большой,
Благословил с амвона польский папа,
Которому я не совсем чужой!

и. VII. 1980

АПОКРИФ

I
В проповедях архимандритов
Есть поводы для тошноты,
Но в назиданьях у спиритов
Тем больше их находишь ты.
Не так ли лучшее из виски —
Чистейшее, тройной очистки:
Спирт и ячмень, ячмень и хмель
Бьют непогрешно в ту же цель?
Ни краски, ни духи, ни травы,
Ни прелый корень луговой
Внести не смеют привкус свой:

Без добавленья, без приправы
Исправишь трезвость, как изъян,
И захрапишь, мертвецки пьян.

II

Ты вовсе изнемог от хворей,
От эскулапов и больниц?
Прочти полдюжины историй
(Не более пяти страниц),
Чтоб выяснить, что жар болезней
Всего верней, всего полезней
Собьют не врач, не суета,
А маленькая доброта:
Больной хрипел и жаждал чаю,
Но чайный кончился запас.
Тут почтальон (таков рассказ) —
Вдруг с умиленьем замечаю —
Подбросил в кружку кипятка
Китайской травки два листка.

III

Да, я живу «без горизонта»:
В лучистую не верю даль,
А в книжечке “A Vida Conta”
(Жизнь говорит) везде мораль.
За каждым словом — наставленье,
И даже в рифме — проявленье
Высоких благосклонных сил,
Да не об этом я просил,
Когда, по Рио-де-Жанейро
Блуждая в жаркие часы,
Влюблялся в губы и носы
Полураздетых «бразилейро»:
На ум не приходило мне
Справляться сразу о цене.

IV

Теперь пора сдержать Пегаса,
Иначе (истина проста)
Читателю не хватит часа,
Чтоб дочитаться до хребта,
А мне — десятка строф лукавых,
Чтоб толком рассказать о нравах
Любвеобильных старичков,
Дам, девушек и пареньков.
“A Vida Conta” — столько чуши
В ее уроках, что в тела,
Соскучившись о чарах зла,
Блаженные стучатся души:
И у меня среди жильцов
Немало бойких мертвецов.

V

Лишь на листочке сорок первом
Я встретил имя «Кириной»,
И сразу шок прошел по нервам,
И сердце екнуло сильней.
Читаю, духом пламенея,
Про Симона, про Киридея:
Его посмел я помянуть
В венке сонетов «Крестный Путь»:
Как римляне ему при встрече
Велели взять из рук Христа
Многопудовый груз креста
И возложить себе на плечи,
Причем добавили к сему,
Что отговорки ни к чему.

VI

И, только что пришедший с поля,
На камень положил он серп
И мысленно («моя бы воля...»)
Оплакал горький свой ущерб:
Домой бы надо поскорее,

А тут — из-за чужой затеи
 Того гляди наступит ночь,
 А дома сыновья и дочь,
 Наверное, с утра не ели.
 Подростки Александр и Руф,
 Огонь под очагом раздув,
 Убогий ужин разогрели,
 Но кто, как не отец родной,
 Защита девочке больной?

VII

Крест оказался угловатым,
 Тяжелым даже силачам,
 А он завидовал солдатам
 И легковесным их мечам,
 Но сетовал на остановки:
 Прислуги, пряжи и торговки
 Вывертывались там и тут.
 Сердился сотник. Щелкал кнут,
 Отпугивая ротозеев.
 А Симон размышлял о том,
 Что он шагает за Христом,
 Мечты об отдыхе развеяв,
 И размышляет о кресте,
 О вынужденной доброте.

VIII

Ну, вот и холмики Голгофы,
 И может Симон отойти.
 А что потом? Прочтите строфы
 Сонетов «Крестного Пути»,
 Где рассказал незримый зритель
 О том, как умер наш Спаситель.
 А Симон безучастный мой
 Доплелся к вечеру домой.
 И слепенькая дочь у входа,
 Его дождавшись наконец,
 Навстречу кинулась: — Отец!

Я вижу всё! Пришла свобода:
Ты крест невинного пронес,
И зренья мне вернул Христос!

14.1.1981

МОЛИТВА ЗА ПОЛЬШУ

Вопреки четырем разделам
и разгульным праздникам зла
ты своим искромсанным телом
раздробленье пережила.

Пятикратно из-под обломков
воскресал несломленный дух,
чтоб лечить руками потомков
гнойники и раны разрух.

Пятый раз тебя не кромсали
по частям: твоя и моя,
а бездумно в расход списали,
откупились тобой друзья.

А теперь — на твои останки,
уцелевшие от войны,
пулеметы, пушки и танки
вероломно наведены.

Боже наш! Разразиться грому
не позволь! Своему рабу,
Иоанну-Павлу Второму
вверь несчастной земли судьбу!

Дай ей в дедовских жить пределах,
да и нас избавь от стыда,
чтоб царей — ни красных, ни белых —
ей не знать уже никогда!

9.11.1982

ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР

Прошла пора, когда, сомлев от чада,
 Нетвердая кружилась голова:
 Очистили латинские слова
 Окрепший дух от обольщений ада.

Спасенные — худые овцы стада
 В рай приняты, где лучшая трава:
 Им чистоту сберег для торжества
 Я, кардинал Томас де Торкемада.

Сто тысяч душ прошло передо мной,
 Сто тысяч тел. По слабости земной,
 Лишь тысячу послал я на сожженье.

Но если бы, проспавший пять веков,
 Я призван был продлить мое служенье,
 То снова бы сжигал еретиков.

8.XII.1982

ПРОПОВЕДЬ

Епископы — хоть сами не расстриги —
 Мирян зовут основывать семью
 И, мнимому в подмогу бытию,
 Ссылаются на выцветшие книги.

— Безбрачие — ненужные вериги
 (Я высший вам закон преподаю),
 И для кого насажены в раю
 Подсолнухи — и созревают фиги?

Но умолчит вития-командир
 О множествах, что, званные на пир,
 Не признаны достойными избранья, —

Не каждый ведь оправдан по суду:
Ждут одного немолчные бряцанья,
А тысячи окажутся в аду.

15.III.1983

В РАЮ И В АДУ

I

В прохладный час наведалься Творец
В безлюдный сад и у фонтанов рая,
Где лебеди поют, не умирая,
Счастливлчика заметил, наконец.

— Как, ты один? Ведь создан не скопец? —
Еще верста: одна душа, вторая.
Копытцами слегка перебирая,
Лишь козочки пасутся у крылец.

А сколько тут нетронутых смоковниц!
Пришли сюда — без жен и без любовниц —
Подвижники — поддельные отцы.

Прогневался Господь: — Ответьте ныне,
Отшельники, монахи, чернецы,
За то, что рай безжизненной пустыни!

II

Потом Господь сошел и в свой ГУЛаг:
Там очередь длиннее Междуречья:
В ней смешаны обличья и наречья,
А на дверях начертано: «Аншлаг».

Толпа гудит: ей надо больше благ.
Годится всё: дровишки, шерсть овечья,
Патентика, чтоб залечить увечья,
Худой зипун, залатанный обшлаг.

Там новые издания Казановы
И девушки грудастые готовы
Стране помочь: «Народ, не вымирай!»

Вторичный гнев Господень был неистов:
— За то, что ад наполнен через край,
Сошлю сюда плодливых гуманистов!

17–18.III.1983

AVE ROMA

О, если бы приветом “Ave Roma”
Жизнь завершить — запутанный рассказ,
И обрести приснившийся алмаз,
Не найденный под гнилью бурелома!

В часовенке — мне так она знакома
От юных лет (бывал я там не раз
Не наяву) — ни мрамора, ни ваз:
Лишь пастухи, да ясли, да солома.

Владыка мой! Меня отпустишь Ты,
Дошедшего к Тебе из-за черты,
Из мертвенной раскольничьей пустыни:

Пусть Angelus вечерний прозвонит
Над вечными колоннами Бернини,
Простит меня — и присоединит!

8.XII.1983

КАК ХОРОШО

Легчайшего дыханья Божества
Без примеси месопотамской глины
Хватило бы для лучшей половины
Того, чья жизнь во мне полужива.

Бесплотный дух, трепещущий едва,
Издалека влюблялся бы в картины,
Но для того, чтоб описать смотрины,
Потребны плоть, рассудок и слова.

Как хорошо, что в довершенье льготы
Мне велено испытывать земноты,
Искать себя равно в добре и зле,

В полдневности — и в зябкости полночной,
В безвременно растроченном тепле,
В бессмыслице слиянности непрочной.

13. V. 1984

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Тошнит меня от жалобных «подай»,
От рабского дадаканья аминей:
«Да сбудется!» — как будто твердых линий
На тверди нет, как лоб ни расшибай.

Смерть суждена — бездумно умирай,
Чтоб странствовать по бездне черно-синей,
А может быть, протиснуться в павлиний
Не золотой и не нарядный рай.

Там — навсегда. Но вдвое бесполезней
Просить себе ослабы от болезней,
От старости, от серой нищеты.

Не верую, но страстно жажду чуда:
Вдруг ангелы внесут ко мне цветы
Так, ни за что, и просто ниоткуда?

15.XI.1985

НА СВОБОДЕ

Когда бы мир таскал меня силком,
Не позволял ступать в огонь и в воду,
Не клял бы я жестокую свободу,
А жил слепым балованным щенком.

Но я хриплю, прохвачен сквозняком,
И мой артрит в дождливую погоду
Чувствительней, и лекарю в угоду
По улицам я не хожу пешком.

Чем занялся, что думает Хозяин?
Но, может быть, земной бедлам случаен,
И Бог-Вольтер глядит издалека,

Безмолвствуя, не шевельнет мизинцем,
А пасмурный смотритель свысока
Командует запуганным зверинцем?

15.III.1986

ЗА ПРЕДЕЛОМ

Сумели мы взлететь за облака,
Приборами науки совершенной
Измерили галактики вселенной,
Где больше солнц, чем в Африке песка.

Вращенье их следя издалека,
Постигли мы и блеск их переменный,
И ровный ход, и страшный взрыв мгновенный,
И, наконец, дошли до тупика.

А что за ним? Когда в земной пещере
В отчаяньи я доверяюсь вере,
Запрятанной, рассудку вопреки,

Я жду с небес, не видимых отсюда,
Не логики — корней моей тоски,
А милости, и помощи, и чуда!

24.IV.1986

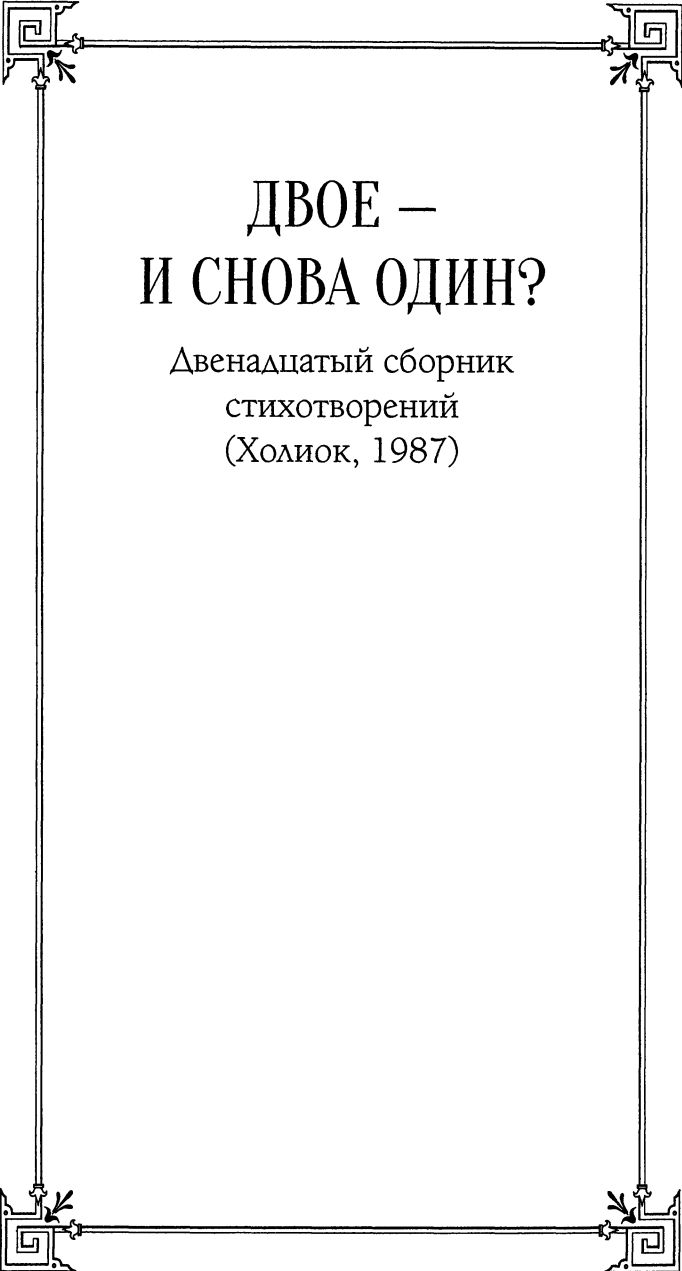
ИЗ ГЛУБИН

В полночь накануне полнолунья
Мир вольноотпущенник — ничей,
И луна, попавшаяся лгунья,
Не присвоит краденых лучей.

Робкие попрятались кометы
За кулисы мировой тоски,
А теперь и отсветы на свету —
Маяки, зарницы, светлячки.

Даже Бог. На неудобном ложе
Я молиться не перестаю,
Чтобы в сердце, помрачневший Боже,
Угадать хоть искорку Твою!

10.XII.1986

ДВОЕ —
И СНОВА ОДИН?

Двенадцатый сборник
стихотворений
(Холиок, 1987)

ПОСВЯЩЕНИЕ

Ты рассказал едва не с полуслова,
 Что ты студент, художник и спирит:
 Со сходбища сбежал, а нынче снова
 Дух ищущий в груди твоей горит.

Добавил ты: что любишь эсперанто
 (Словарь богат, а правила легки).
 Я возразил, что мне милей bel-canto
 И звонкие живые языки.

Уже тогда мы не были согласны,
 Но в жизнь мою влетел ты, как самум,
 И были так волнующе-прекрасны
 Пожатья рук — и зарожденья дум.

Мы разошлись, как на одежде складки,
 Но в памяти любовно ты храним,
 За что в моей очередной тетрадке
 Дарю тебе прозрачный псевдоним.

14.II.1987

МЕЧТЫ

Ты купишь дом? Построже выбирай
 Такой, чтоб нам удобней разместиться
 И мать моя, желанная жилица,
 Там обрела свой выстраданный рай.

Мне с книгами — их непочатый край, —
 Наверное, придется потесниться,
 Но будет бал, и молодые лица
 Одушевят наш караван-сарай.

Под рокоты истомные гитары
Обнимутся дождавшиеся пары,
И в первой — ты и викинг милый твой.

А в уголке, на бархате дивана,
В такт музыке качая головой,
Я расстегну ремень Себастиана.

30.IX.1979

ОТЧАЯНИЕ

Вблизи холма я без толку живу,
Но всё же грудь — не тех покатых линий,
И попусту гляжу на купол синий:
Мои глаза не впали в синеву.

Хочу запеть — и снегирей зову,
Но не живут напевы над пустыней,
Люблю во сне — и вновь чужой рабыней
Оттолкнутый, я плачу наяву.

Мой Господи! Я сотворен особым,
Гомункулом, левшой, инаколым,
Чей приговор от века предрешен.

Сумею ли, хотя бы на исходе,
Найдя Тебя в оправданной природе,
Забыть о том, насколько я смешон?

10.I.1980

ВАЯТЕЛЮ

Кто это будет: любовник ли полунагой,
 Будет ли это Христос, простирающий руки
 К едким шипам и гвоздям, — или кто-то другой,
 В духе вбирающий грех и вселенские муки?

Влажная глина сереет на узкой доске...
 В чуть приглушенном лученьи убывшего света
 Виден ваятель, и бабочкой на сквозняке
 Мечутся вздохи еще не наставшего лета.

Глядя из комнаты смежной, люблюсь тобой,
 Не подхожу, чтоб тебя не отвлечь от работы,
 Чтоб не опомнился ты, и не пробил отбой,
 И не вернулся в медвяные душные соты.

Утром увижу и я созреванье примет
 Перелетаний твоих в Иудею, в Элладу —
 Бог ли к тебе приходил, прибежал ли атлет?
 Знаю, что в Том и в другом ты находишь усладу.

4.X.1985

НЕ БЕЗ ГОРЕЧИ

I

— Сомнений нет: с Валерием давно
 Роберто наш нескромно делит ложе:
 Согласье их на дружбу не похоже,
 Сожительством рисуется оно.

Что ж, если так, то, значит, суждено
 Дать волю им, не осуждая строже,
 И не ворчать: покой для нас дороже
 Вмешательства. И, в общем, всё равно, —

Сказала мать, и ей поддакнул отчим,
Что, дескать, им не надобно, как прочим,
Законный брак поставить в образец.

Я разговор подслушал ненароком
И пожалел, что братство двух сердец
Оценено лишь Недреманным Оком.

II

Пусть нас казнит несправедливый свет,
Пусть кумушки растрачивают громы,
Пусть бесятся все карлики и гномы,
Мы промолчим — с улыбкой им в ответ.

Люблю тебя, и вовсе не секрет,
Что свойственны и мне твои изломы,
Что часто я шалею от истомы,
От похоти, но ей исхода нет.

Как на руке мгновенно тает иней,
Так от меня бегут узоры линий,
Которые пытаюсь угадать!

Искать любви идешь ты в дискотеку,
А я — один — прославлю благодать
Моей любви, но просто к человеку!

14.X.1985

ЗА СЕМЬДЕСЯТ

За семьдесят. Казалось бы, упадок,
Над чувствами господство головы,
Дни без цветов, без троичной травы,
Лицом к лицу с кинжалами загадок.

А все-таки предзимний вечер сладок,
И даже смерть (мы всё еще на «вы»)
Я подкуплю остатками халвы
И провожу за горный кряж, в распадок.

Ведь не один на целый грешный мир
Валерий (я), Роберто и Валдир
Исчерпали долготерпенье Бога,

И хочет Он, бесстрастно-величав,
Увидеть нас у страшного порога —
Как водится, со старшего начав?

13.X.1985

МЫ РАЗНЫЕ

I

Мы разные. Мы противоположны
Почти во всем и спорим докрасна,
И я твержу, что истина одна
И потому твои подделки ложны.

Блаватская и твой Кардек ничтожны,
Охотничьи безмозглы племена,
А поздние раденья вместо сна
Кошунственны и просто безытожны.

Четырнадцать принес ты лучших лет
Покойникам: с безжизненных планет
Звал вестников и верил в их щедроты.

Но исподволь от вьедчивых мегер
Ты отошел. И лишь в искусстве рвоты
Ты преуспел: не лучший ли пример?

II

А все-таки когда, испачкан мелом
И красками, спешишь ты по делам,
Бегу с тобой сквозь городской бедлам
По площадям крикливо-оголтелым.

Глаза скользят по лицам загорелым,
По молодым полунагим телам,
И то не взгляд бесстрастных далай-лам,
Блуждающий по неземным пределам.

Мы сходственны. Мы бредим красотой,
Не стиснутой наглядною чертой,
Замкнувшей нас во власти форм округлых.

Преемники неслитанных предтеч,
Любуемся гурьбой атлетов смуглых,
Движеньем ног и мускулами плеч.

12.X.1985

ДУША ИЛИ МАСКА?

В одном тебе двоих я нахожу:
По внешности — прелестного дофина,
Но у него гнилая сердцевина, —
Там скрытое начало мятежу.

От первого, любя, не отхожу,
Несу ему то лакомства, то вина,
А во втором — такая чертовщина,
Что тянется рука сама к ножу.

Закрывать глаза и помнить лик любимый,
Безоблачный, для зла не достижимый?
В дни редкие дается это мне.

Но во Христе ты видишь человека,
 Не Господа — и служишь сатане,
 Сто лет назад прельстившему Кардека.

27.XII.1985

В РАЗДРАЖЕНИИ

I

Признайся же, какие суки
 Тебя к спиритам завлекли
 И как ты не протух от скуки?
 Признайся же, какие суки
 Тебя так ловко взяли в руки,
 Что ты вписался в кобели?
 Признайся же, какие суки
 Тебя к спиритам завлекли?

II

Кто смог тебе привить охоту
 Отвергнуть целый Божий свет
 И нюхать не цветы, а рвоту?
 Кто смог тебе привить охоту
 Ученье бросить и работу
 (На них и времени-то нет),
 Кто смог тебе привить охоту
 Отвергнуть целый Божий свет?

III

Святых апостолов Христовых
 Толпа за пьяных приняла:
 На языках вещали новых!
 Святых апостолов Христовых,
 На муки и на казнь готовых,
 С небес в канаву совлекла.
 Святых апостолов Христовых
 Толпа за пьяных приняла.

29.XI.1985

РАЗРЫВ

От ревности я накликал чуму,
Холеру, тиф и всякие напасти
На земляков твоих: в порыве страсти
Достал для них в аптеке сулему.

Что ты нашел в ничтожных по уму
Приверженцах какой угодно власти,
В Родригесе, обрюзглом педерасте,
В Маркондесе — вполне под статью?

Я, доказав, что ты христоизменник,
Ты, выкрикнув, что я — несовременник,
Разъедемся по разным городам:

Вразрез уму один, другой — аскезе,
Я прилечу к Эразму в Роттердам,
Ты Авильской представишься Терезе!

21.1.1986

О РЕВНОСТИ

Не к мальчикам, не к тайным их «баклушам»,
Не к братьям их, сговорчивым юнцам,
Не к записным атлетам и пловцам,
Не к цирковых борцов медвежьим тушам;

Я ревновал тебя к шальным кликушам
И к их мужьям, от ветхости скопцам,
Но больше всех и чаще — к мертвецам
(По-твоему, развоплощенным душам).

Пятнадцать лет на сходбищах старух
Ты залушал в себе Господень дух,
Не преуспел, но вызубрил Кардека,

Брошюрками его до потолка
Свой дом забил. Всё ждешь «инога века»,
Не став ничем почти до сорока.

23. I. 1986

БЛИЗНЕЦЫ

Сиамские — по счастью — близнецы,
Мы связаны не ветхой пуповиной,
А душами — незримой сердцевиной,
И, разные, мы оба чернецы.

Пятнают нас безусые юнцы —
Притворщики — липучей паутиной,
Но сквозь нее наш переклик орлиный
Разносится: летит во все концы.

Как хорошо, что сумрачную келью
Мы предпочли бездумному веселью
И свой нашли колеблемый покой.

И, может быть, при новом наважденьи
Я застучу монашеской клюкой,
И вспомнишь ты о заданном нетленьи.

13. III. 1986

ЗАПОЛНОЧЬ

Сыновнего благословенья ради
Ты побежал проведать мать свою.
А я, один, перечитал статью
О Гроссмане и пушкинской плеяде.

Охотнее писал бы я в тетради,
Хотя клочки я тоже признаю:
Так братскую заботу изолью
В ямбическом строгоцезурном ладе.

Я, даром что семидесяти лет,
Тем огорчен, что нет тебя и нет:
Змей ревности вонзает в сердце жало.

Уж полночь. Ты не в кругу семьи
И не со мной. Но жалости немало
В сознательном сонетном забытьи.

13.III.1986

MEMENTO VISIONEM*

В гороскопе своем я дома,
Но хотел бы пробраться в твой
До костей, до серы Содома,
В ночь твою уйти с головой.

Тот же сон у меня: решетки,
Свальной ямы волчий оскал.
Тот же сон у тебя, — что щетки
С ног твоих обдирают кал.

Наяву — атлет чистоплотный —
Толстолапый мужик, не тронь,
А в виденьи — гнусный, тошнотный,
Источающий только вонь.

И при новом совокупленьи
В бане с кем-нибудь из мужчин
Не забудь о предупрежденьи
Слов менé — текéл — упарсин.

29.VII.1986

* Помни о видении (лат.).

ТРИ СТУПЕНИ

Я перезрел, а ты еще горяч,
 Хотя в крови скользят прослойки гнили —
 Лысеющий: тебя не сохранили
 Ни колдовство, ни видимость удач.

Ведь юноша, преследующий мяч
 И в пять минут съедающий полмили,
 Неуловим: упрянца не сломили
 Ни похвалы, ни твой беззвучный плач —

Запрятанный — наедине, в подушку:
 Как ты меня, он продал за полушку
 Всего тебя, за женскую любовь.

Ты оттолкнул меня — и вот расплата:
 Как я теперь, и ты себя готовь
 К зияющей бессмыслице заката.

6.IX.1986

ВЕЩЬ В СЕБЕ

К «вещам в себе» прямого нет пути,
 Нет и к любви проверенных тропинок,
 И потому напрасный поединок
 Не мог меня к победе привести.

За столько лет — не меньше десяти —
 Ожить не смог в тебе почивший инок:
 Моя броня не выдержит починок,
 Израненный, я должен отойти.

Но нет, не зря! ведь не за медяками,
 Слепой, к тебе тянулся я руками,
 Не с голоду, а в неземной алчбе.

От поисков, от горьких унижений
Останется находка — вещь в себе,
Моя любовь на сотни воплощений!

27.IX.1986

РОНДО БЕЗ ПОВОДА

О Фабио, не о шальном Роберте,
Желающем чудачить и по смерти
На сходбищах жиреющих кликуш
И — через них — развоплощенных душ,
С которыми якшаются и черти.

Там вымыслы, так лучше мне поверьте,
Что я люблю телесность, а не чушь,
И думаю, шагая между луж,
О Фабио.

Вчера пришло письмо в сыром конверте
Без подписи. Я вспомнил об эксперте
Графологе, но разве, в нашу глушь
Наведавшись, узнает хитрый муж
О Фабио?

27.IX.1986

ИНЫХ ДРУЗЕЙ

Не в женщинах, не в сумерках утробных,
Сам некрасив, ты ищешь красоты:
Ведь незачем приумножать черты
Бездомных душ и тел, тебе подобных.

От величин как мнимых, так и дробных,
Чужих тебе, шарахаешься ты,

Но ждешь гостей из дикой темноты,
Их голосов и выкладок загробных.

Я звал тебя в толченье площадей,
Не к чудакам — в толпу простых людей,
Но свальный грех ты выбрал и экзему.

Иных друзей, быть может, я найду,
Но и тебя оберегу, как тему,
Пришедшую не только на беду.

27.IX.1986

К ЗАБВЕНИЮ

Годился бы надеть на маскарад
Любой наряд: обида, невниманье.
«Ты превращен в мое воспоминанье»,
И в этом я, поверь, признаться рад.

Бояться ли, что давний мой собрат
Застывшее вернет себе дыханье?
Ведь мумию наверх, на опознанье,
Не вытащат ни блоки, ни домкрат.

Был пленником, теперь среди свободных
Морских ежей, задир глубоководных!
Спустишь туда, чтоб выпросить у рыб:

— Со скальпелем и, может быть, мольбертом
Не сросся ли с одной из черных глыб
Утопленник, что раньше был Робертом?

27.IX.1986

КАК АУКНЕТСЯ...

Курносый шут, рекламно знаменитый,
Возговорил в газетном интервью
За прочные устои, за семью
И нас обдал слюной преядовитой.

Согласен он с пробойнейшей Анитой
Брай... или Брэй..., обязанной вранью
За выборы: сидит она в раю,
В компании безмозгло-сановитой.

Ах, милочка! По прописям живет
И голосок пискливый отдает
Женатикам — и против вырожденцев:

«Всех истребить — вот будет торжество!»
А у себя, среди выросших младенцев,
Найти живых... Но это «ничего».

27.IX.1986

ЕЩЕ О ПОТЕРЕ

Я потерял единственного друга
«Робертика», но плакать не хочу:
Со временем, быть может, причучу
Себя к тоске безнужного досуга.

За книгами смягчится боль недуга,
Молитвами я сам ее смягчу,
Но и святым об этом промолчу
(Подумаешь, великая заслуга!).

В ту ночь пошел он в баню-лупанар,
Чтоб охладить неукротимый жар,
И моего не уловил подсказа:

— Что ж, поблуди, хоть это не к добру,
Нагой, худой, но только бы зараза
Не воздала расплатой за игру!

9.X.1986

ОТ ВЕЧНОСТИ

I

От вечности мы связаны в клубок
И, встретившись, друг друга опознали:
Изгнанники, из межпланетной дали
Пришедшие на неизвестный срок.

Шесть полных лет. Немало было склок,
Не раз, не два мы братство разрывали,
Но без тебя я выжил бы едва ли
Такой, как был — упрям и одинок.

Но и к тебе я прислан по указу,
Чтоб соскребать с души твоей заразу,
Обратно звать к воскресшему Христу,

К источникам Господней благодати:
Нечистый сам, прославить чистоту,
Сломив греха постыдные печати.

II

На несколько столетий, мой родной,
Сойдем в Аид, подобие шеола:
Один — мечтать о ласках Дискобола,
Другой — скорбеть о мудрости земной.

Их нет и там, под мертвенной луной,
На берегу ксанфическом, у мола:
Могила их давно перемолола,
И мускулы пошли на перегной.

Но ключари рождений не жестоки:
Лишь истекут положенные сроки
Тебе ожить и воплотиться мне,

Не мужем ты мне будешь, так соседом,
Сестрой, женой — в негаданной стране,
В ином клубке, который нам не ведом.

III

К Валерию ты пригвожден прочней,
Чем к викингу, и Флавио, и прочим:
Едва ли их себе мы исхлопочем
Всей похотью, всей нежностью своей.

Я был с тобой в качаньи зыбких дней,
Почти отец, не менее, чем отчим,
Когда ты был то скульптором, то зодчим,
То убегал от горнов и кистей.

Я был с тобой, когда ты, одержимый,
Терял себя в предызбранности мнимой,
В искусственной больничной тошноте.

Была моей и пьяная истома,
Когда, забыв зарок о чистоте,
Ты приползал под утро из Содома.

13.X.1986

В ЖАКАРЕПАГУА

Вчера я мог увидеться с тобой,
Позавтракать в недорогой столовой,
Но, занятой и будто бестолковый,
Подстроил я с часами разнбой.

Друг другу мы дарованы судьбой
 Не тотчас же, а в дальней жизни новой,
 И я ушел, монах средневековый,
 Отстал и ты, безбожник и плэйбой.

По вкусу мне дом жакарепагуанский:
 На полке здесь мой Николай Кузанский,
 Схоластика, седая старина.

За тишину, за примиренность эту
 Признателен я Новому Завету,
 Чайковскому — и «Крыльям» Кузмина.

15.XI.1986

СУМЕЛ БЫ

Под вывеской общественного дома
 Брать напрокат мужскую наготу, —
 Не в первый раз тебе невоготу
 Счет закрывать у пайщиков Содома.

Останется блаженная истома,
 Когда напор тыловишь на лету
 Своей рукой: дорога в высоту
 Через провал всем отрокам знакома.

Полунагой, закутавшись в халат,
 Доскажешь ты, что праведный Сократ
 Был образцом — подобного не встретим,

И буду я мечтать — лукавство прочь,
 Что, если б ты пришел ко мне за этим,
 Я лучше бы сумел тебе помочь.

27.I.1987

МЕЖДУ ДВОИМИ

Отец? Не самый моложавый,
Но всё же по годам — отец,
А по задаткам — вор лукавый,
Пособник и бесстыдный льстец.

Так пристально, так по-дурному
Никто не любит сыновей,
Толкая по пути ночному
Куда-то влево, всё левей.

Беги, слови себе партнера,
Вернись под утро, — я приму
Без жалобы и без укора
Кровосмесительную тьму.

О, эти взгляды de soslaio
(По-русски — искоса!). Ведь я
Не утаю, что взять желаю
Тебя не только в сыновья.

8.II.1987

ПЛЕННИКУ

*А вокруг
В истерических муках
Выносили старух.*

Гейне

Спиритические, собираются ведьмы к восьми,
Устанавливают разноцветные зонтики в угол.
Подбеги поскорее. Плащи под опеку возьми,
Рассади по углам худосочное сборище пугал.

Ждать недолго. Тринадцать морщинисто-серых
 старух
 Начинают с икоты и судорог: старые ноты!
 Вот одну прищемил — да ведь как! —
 неопознанный дух,
 И она затряслась над фарфоровой
 чашкой для рвоты.

Нестерпимая вонь. И не попусту ли с потолка
 Механический веер трещит
 предсказаньем бессвязным?
 Ты, четырнадцатый, распотевшийся —
 без пиджака —
 Провожаешь пророчиц на воздух
 по лестницам грязным.

От среды до среды ты как будто живешь не живя,
 Дожил до сорока, развлекаясь
 кошунственным бредом,
 Назначеньем раба... А попробуй, душой не кривя,
 Познакомиться ближе с красивым
 плечистым соседом.

Он тебя приглашал посетить городок Парати,
 Ты сослался на сходку, на долг
 добровольно-угрюмый:
 — «Пропустить не могу!» —
 Пожелай, захоти, пропусти!
 — «Обещанье нарушить нельзя». —
 Ничего, передумай!

2.IV.1987

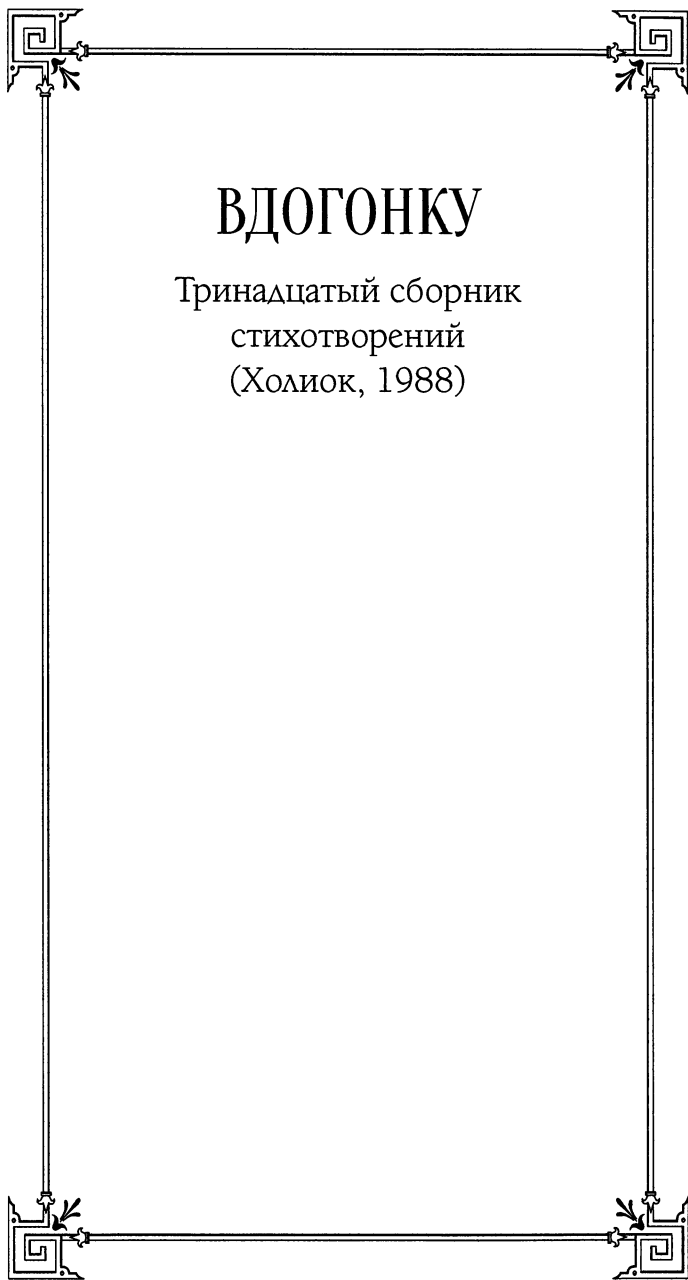
РАЗМОЛВКА

Почему всегда и везде
Ты висишь надо мной, как вывеска,
За едой, в бездельи, в труде
С милой Машей, по слову Иваска*?

От тебя моя благодать,
Но и зуд неотвязней чирея.
Мы в войне, но доколе ждать
Вожделенного перемирия?

7.V.1987

* «Маша» — пишущая машина. В ударении в имени Иваска — не знаю, был ли он уверен сам.

ВДОГОНКУ

Тринадцатый сборник
стихотворений
(Холиок, 1988)

СУДЬБА

Жене Гендлину

Оправдана двуспальная кровать,
 Которая сынами плодovита,
 И велено законами Левита
 Ослушников камнями побивать.

Один из них, я не хочу скрывать
 Ни от судьбы, ни от архимандрита,
 Что с детских лет судьба моя надбита,
 А с трещиной — куда себя девать?

Глава и стих... Сам Бог ветхозаветный
 Не миловал ни женщины бездетной,
 Ни бунтаря, ни труса, ни скопца.

Берется врач лечить меня гипнозом:
 Мои шипы сведутся до конца,
 Но не цвести без них стихам и розам!

7.V.1978

«НАУКА СТРАСТИ НЕЖНОЙ»

Сговорчивы бразильские подростки,
 И с ними я полагаю подобру,
 И несколько красавцев отберу
 В ученики: в любимцы, в подголоски.

Ты старше их: не клюнешь на обноски,
 На карточку («верхом на кенгуру»),
 И должен я, чтоб выиграть игру,
 Оглядчиво взобраться на подмости.

По разуму ты больше не дитя,
 Зачем же я, словесностью цветя,
 Дразню тебя враньем однообразным,

И вечером, чтоб укрепить мечту
На женщинах испытанным соблазном,
Овидия найду и перечту?

17. V.1978

О РАСПАДЕ

О, Господи, не повредив ума,
Не пощади лишь плоскости рассудка —
Упругого, тупого промежутка,
Где никнет свет и шевелится тьма.

Пусть отпадет бездонная сума,
Где правдою зовется прибаутка,
А истина, затрепанная шутка,
В словесные кладется закрома.

Очисти меня от скупости признаний,
Спали в огне Содом воспоминаний
И пепел их сведи к небытию,

Чтоб не в глазах, не в маломочьи слуха
Я превозмог оглядчивость мою
И стал ничем в предвечном царстве Духа.

11. III.1986

СОН НЕ ИДЕТ

Сон не идет. Так исповедью краткой
Любовникам твоим я отомщу
Хотя бы тем, что даже их прошу
Не по добру — с улыбкой кисло-сладкой.

Уже прошлись неоднократно хваткой
 Их челюсти по твоему плашу,
 Но не тебе ущерб я возмещу,
 А своре всей, назойливой и гадкой.

Они — и я, кто в жертвенной алчбе
 Изнемогал от верности тебе:
 Один поэт на целый полк атлетов.

Возлюбленный! Пусть женятся они,
 А ты прими дары моих сонетов
 И гнать меня чуть-чуть повремени.

п. III.1986

КРЕСТ И МЕЧ

Не первый раз ушел ты до утра
 (Такое же произошло и в марте),
 Чтоб жертвовать неженственной Астарте
 Ненужными крупичами добра.

А я — один. Бесцельная игра —
 Удачи ждать при жульнической карте.
 Не лучше ли сидеть на задней парте
 И вспоминать Париж, Ренэ Герра?

Простив во мне порочного расстригу,
 К печати он мою готовит книгу —
 Мой крест и меч, которым отсеку

И эту боль, и все другие вспышки
 Отчаянья, и зависть, и тоску
 Бесплодную — о ветреном мальчишке.

19. VI.1986

Мы по-английски бранились
И разрывали связь,
По-португальски злились,
Так и не помирясь.

Ранен твоим бессердечьем,
Плачу: вернись, позови —
Место ли противоречьям
На эсперанто любви?

1. VI.1987

ДОЛЖНИКУ

Ты за семь лет мне столько задолжал,
Что по мою не выплатишь кончину
Того, что брал под гордую личину
Художника (да, кисти ты держал...).

Убить меня? Но яд или кинжал
Не выручат, и будет не по чину
Купить взамен гнетущую кручину,
Которой ты и не воображал.

Сам для себя давно предмет презренья,
Я доведен почти до разоренья,
Но богачом, увы, не стал и ты.

От старости угасну я, безвольный,
Ты принесешь на кладбище цветы, —
К раскаянью ненужный путь окольный!

20. V.1987

ВЕНЕЦИЯ В ПЕКИНЕ

Венецию я знал от Кузмина
 (Бред ревности), от Бунина и Блока:
 Туман лагун — зеркальная морока,
 Но чуждою осталась мне она.

Зато дворцы и башни Пекина —
 Я верен им, и в мигновенье ока
 Переношусь — то к банщикам порока,
 То к пагодам, где дышит старина.

Там тоже есть и лодки, и каналы,
 На всякий вкус подростки-зазывалы,
 Рассказчики о ловкости интриг,

О подлостях — не хуже Синьории.
 Послушав их, я шел в обитель книг,
 Чуть утомлен от ранней литургии.

1.VI.1987

ЧЕРВИ

В колоде карточной сердца
 Червями прозваны не даром —
 Что пожирают мертвеца
 В гробу, совсем еще не старом.

От них не скрыться никуда,
 Они назойливы и жадны:
 И зной, и злые холода
 Им, омерзительным, прохладны.

Я руки целовал тебе
 За то, что был ты лучшим другом
 В моей тоске и худобе,
 Отдушиной и светским кругом.

И вдруг, надежду перебив,
Удар из трубки телефона:
Что ты, живой, уже червив,
Что бывшая гниет икона.

Червив? Но нет! Я с той поры
Поверить не могу злосчастью,
А черви карточной игры
Окажутся червонной мастью:

Червонная, она красна
(Красна весна, красна девица),
А тем, чья пища — смерть одна,
До срока нечем поживиться!

6.VI.1987

ТРОЕСЛОВИЕ

*Да не превозношуся, дадеся ми
пакостникъ плоти, аггелъ сатанинъ.*

II Кор. XII, 7

I

Великий апостол Павел,
Которого Бог поставил
Войти в преподобный круг,
Лечил наложением рук.

Расслабленные плясали,
Покойники воскресали,
Но большего ждал Господь
И дал ему жало в плоть.

Но не были столь суровы
Позднейшие богословы:
Не грешен, не виноват,
А был он подслеповат.

Склоняюсь к его подножью!
Он выявил силу Божью,
Раскаявшийся невер,
И нам показал пример.

II

Мне очень знаком священник,
Недавний наш современник:
Для верующих сердец
Он был как родной отец.

На будничной литургии
В часовне святой Марии
Под сень Распятья-столпа
Тянулась к нему толпа.

Войну, террор, катастрофы
И с ними муки Голгофы
В единый сливал порыв,
Страдания сердца открыв.

А люди передавали,
Что праведен он едва ли:
Умел отмолить грехи,
А втайне писал стихи.

III

Проходят десятилетия,
Приходит и встреча третья:
Не иог, не архимандрит,
А просто шальной «спирит».

Без очереди, без кассы
Позвал он меня на «пассы»:
Используя странный дар,
Он вылечил мне катар.

А сам заболел (без связи),
И вот покупает мази:
Признаться ли при друзьях,
Что руки его — в червях?

Где мог он поймать заразу?
Но сам спохватился сразу:
Что от Содома всегда
Случается с ним беда.

7.VI.1987

ПОКАЯННОЕ

Ты — птичник. Держишь на веранде
Зелено-желтый птичий мир
И часто едешь в Кампо-Гранде
В усердных поисках «саир».

Сегодня я мечтал, что в десять
Тебе доставлю перевод
О Мессинге. Успел развесить
Пиджак и подтянуть живот,

И тотчас по твоей команде
Новейший получил приказ:
«Сейчас я еду в Кампо-Гранде,
А книга — в следующий раз,

Хотя бы завтра». Обозленный,
Я проклял весь саирый мир
И пожелал чумы бубонной
Желтозелености саир.

Но, в ярости повесив трубку,
Я спохватился: старый бес,
Кто подучил меня поступку,
Несноснейшему для небес?

Я — лицемер, ханжа и Ганди,
 Лжец и притворщик, я нечист:
 Ведь промышляет в Кампо-Гранде
 Лекарственный монополист!

Прости же глупое бунтарство,
 Удел горячности смешной:
 Уехал ты купить лекарство
 Для матери своей больной!

8. VI.1987

ВСТРЕЧА

*Ах, смертному так много тысяч лет,
 И у души бездомной столько родин!*

София Парнок

Я кое-как слезал из колыбели
 И выходил на двор, а после в сад,
 И подрастал, и был гуляньям рад,
 Где зной мутил и мандолины пели.

Осечки пуль, что мимо пролетели,
 Подтеки слез, оскомины наград
 Я собирал в подземный Мертвоград,
 Где пыжятся достигнутые цели.

Десятки раз встречался я с тобой,
 Мой суженый, мой ангел голубой,
 Друг друга мы опознавали сразу.

Душа с душой, мы сблизились опять,
 И за меня ты слышишь ту же фразу:
 — «Надеть венок, ославить — и распять!»

8. VI.1987

НЕ ТАМ ИСКАЛ!

В церквах гудят высокие органы,
Ты, не молясь, толчешься у дверей,
Но в черный день ты подцепил червей
На золотом песке Копакабаны.

Ты сунулся в кардековы кораны,
Звал ведунов — их черных главарей,
Но множились всё больше и быстрее
Твои враги. И ахали шаманы.

Но женщины — латвийские врачи —
Поведали, что красные лучи
Испелят голодных паразитов

Верней Козла и томной Иеманжи
И посрамят целителей-спиритов,
Проводников христороотивной лжи.

14. VI.1987

ТАНЕЦ НА МЕСТЕ

Сколько неудач —
Твой дневник трагический:
Снова тот же врач
Кожно-венерический.

Колет тех и тех,
Досаждают мазями:
— «Жить отнюдь не грех
Двупольными связями.

Вы же каждый раз,
Как от язв излечитесь,
В поисках зараз
По притонам мечетесь.

Разве вы юнец?
 Явно сроки пробили
 Положить конец
 Perpetuum mobile!»

9.VII.1987

СТАЛАКТИТ

Моя любовь подобна сталактитам
 И падает подобием дождя,
 В известняке в ответ производя
 Другой росток терпением плодovitым.

Я не пришел судьей-архимандритом,
 Что каждый вздох осудит, не судя,
 Но, ран души твоей не бередя,
 Молил тебя не доверять «спиритам».

Сонетами тебя я засыпал,
 Но тотчас ты над ними засыпал —
 Над нежностью, над верой, над любовью.

А только что признался, что томит
 Тебя Христос... Что, если, суесловью
 Назло, растет мой встречный сталагмит?

17.VII.1987

ДВОЙНОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

Цвет юности своей Алкивиада,
 Балованный атлет широкоплечий,
 Не ведавший изъянов и увечий,
 Навязывал Сократу невпопад.

Ведь он искал возвышенных наград:
Как ученик, был зачарован встречей,
Ждал выхода из тьмы противоречий,
Надежного лекарства от досад.

Но следует из баснословной были,
Что под плащом они не долюбили:
Один отверг земную красоту,

Пожар любви и ласки мускулистой,
Другой узнал, что ловит пустоту,
Порабощен лишь похотью нечистой.

17. VII.1987

КРИПТОГАМИЯ

Принадлежат к отряду тайнобрачных
Березовик, опенок, мухомор,
А нам дано выращивать подбор
Слов двойственных, то ярких, то невзрачных.

В толпу дельцов, всепризнанно удачных
И каждому готовых дать отпор,
Лишь несколько почти не видных спор
Мы протолкнем — семян сырых и мрачных.

И юноша, всё жарче и нежней
Ласкающий грудастых Дульциней,
Бежит от них, ночным укрытый мраком,

Чтоб говорить с товарищем в тиши
О музыке стихов — и тайным браком
Сходиться с ним в бесполости души.

18. VII.1987

ВОЗРАСТЫ

I

Я — беспомощнейший калека,
 Неподвижный, вялый, худой,
 Протомился две трети века,
 «Желто-серый, полуседой».

Мой недуг, возможно, смертелен,
 Диабетик — «живу в кредит»,
 Но я целен — и буду целен,
 Если тело и засмердит.

И, пока не столкнут в пещеру
 Под плиту останки поста,
 Сберегаю живую веру
 В искупленье через Христа.

II

Ты — неотразимо красивый,
 Каждый взгляд — угроза сердцам,
 Но, добыча мудрости лживой,
 Сглупу тянешься к мертвецам.

Отвергаешь звуки и краски,
 Ищешь судорог и темнот,
 Доверяешься без опаски
 Огонькам духовных болот.

По средам, на хлыстовских сходках,
 С каждым сходишься, не любя...
 Я — старик: в Евангелии, в четках, —
 Всё же я моложе тебя.

17.VII.1987

ЗАБЫВЧИВОМУ

Восемь лет с постоянством примерным,
Даже если меня ты и клял,
Был я добрым товарищем верным:
С днем рожденья тебя поздравлял.

Тридцать два, тридцать восемь и сорок:
Беспощадный природный закон,
Но, без хитростей и отговорок,
В милом доме звонил телефон.

А теперь: о двадцатом июле
Как посмел ты, повеса, забыть?
Если числа тебя обманули,
То ведь с памяти знаков не смыть.

Сам болтал, что во сне прилетаешь
В мой домишко, хвостун, пустобрех...
Или просто ты счета не знаешь
До семидесяти четырех?

18. VII. 1987

«СПИРИТИЗМ»

I

Ночь. Барабан. Тебе под брюки
Вломилась бабалориша
По правилам своей науки.
Ночь. Барабан. Тебе под брюки
Ползет и вязнет не спеша
Ее прозревшая душа.
Ночь. Барабан. Тебе под брюки
Вломилась бабалориша.

II

Смердит костлявая старуха,
 Но цепко держится за член:
 За член тебя поймавши в плен,
 Смердит костлявая старуха
 И множество сулит взамен
 Благоприятных перемен.
 Смердит костлявая старуха,
 Но цепко держится за член.

20. VII.1987

ПОПЫТКА ПРИМИРЕНИЯ

У каждого разлюбленного право —
 Расшевелить озябший телефон.
 Обдумав раз и два со всех сторон,
 Я позвонил. Он трубку поднял, bravo!

Да нет, не он. — «Кто говорит?» — «Олаво»
 (Которому всегдашний снится сон
 Найти жену и задавать фасон,
 Ну, словом, жить по-писаному, здорово).

— «А где Роберт?» — И тут он подошел.
 От радости я внутренне расцвел,
 Но холоден был голос и враждебен:

— «Как там у вас? Маргит еще жива?
 Я не один». — Отбой. Но я в молебен
 Включу его на праздник Рождества.

20. VIII.1987

ЗАВИДУЮ

Тебя нагим застал я на хребте
Красивого наемника Мигела —
И отскочил. Но боль в мозгу засела
И расцвела в навязчивой мечте.

Мне видятся в растущей темноте
Вершок волос, четыре дюйма тела
И та мишень — слегка порозовела
Напористой навстречу смуглоте.

Тот юноша был детищем «Аляски»,
Где продавал разученные ласки —
Покладистый, прибавки не просил.

Мне кое-что не раз перепало...
Я стал бы им, когда б ты пригласил
На раз, на два (всё счастья было б мало).

26.VIII.1987

ПОМОЩЬ

Уж за полночь. Гарсон из ресторана
Приветливый явился Дэн Фу-кан.
Три дня тому закрылся ресторан:
Куда теперь, беглец из Гунчаньдана*?

Для зыбкого заморского романа
Был адрес твой ему когда-то дан,
Он в уголке пристроил чемодан
И обдал нас подробностями плана.

А дальше ты, опять горяч и жгуч,
С ним отошел и заперся на ключ,
Чтоб дать ему деньжонок на дорогу,

* Гунчаньдан — Коммунистическая партия Китая.

Хоть и ценой поджатого стыда:
— «Спасибо вам за дружбу и подмогу,
Хоть этого не знал я никогда».

26.VIII.1987

НОЧЬ ЛЮБВИ

И третья ночь — вся в шелестах виолы!
Как старший гость, кровать присвоил я,
А под окном, на ворохе тряпья,
Устроился Монтейро из Анголы.

На улице галдели рапазолы*,
Не знавшие ни ласки, ни жилья,
Но слушала бессонница моя
Иную боль — сердечные уколы.

Ты, к беженцу придя, ласкал его
И здесь, и там, но было всё мертво.
Ты знал, что я люблю тебя, не так ли?

Я выбежал. И ты пошел за мной.
А я кипел: — На даровом спектакле
Не зритель я. Чем свет, иду домой.

26.VIII.1987

КОНЦЫ

Теперь Мигел нашел себе канадца
Богатого и у него гостит,
А бедный Дэн себе надеждой льстит,
Что в Гуапоре** за беглым не угнаться.

* Рапазола (португ.) — мальчишка.

** Гуапоре (гуа — один слог) — федеральная территория Бразилии.

Но, может быть, пришлось ему сознаться,
И «родина» когда-нибудь простит
Изменника, но прежде отомстит
Концлагерем, где так легко «сломаться».

А третьим был Монтейро. Вскоре он
Сошел с ума и выслан в Лиссабон:
Едва ль пройдет *mania grandiosa*.

Мой бывший друг — известный некромант,
А я поэт (но пишется и проза):
Плачу вдвойне за память и талант.

27.VIII.1987

ДВОЙСТВЕННОМУ

Всегда двойной, изменчивей луны,
Ты мучишься утраченной основой:
То кажешься серебряной подковой,
То полнишься с недолжной стороны.

Для осени, а больше для весны,
Обманщицы, являя образ новый,
Ни то ни се, ты слизень бесхребтовый,
Которому не снятся даже сны.

Снаружи ты — силач, борец, мужчина,
А в глубине — вторая половина,
Незримая, вся в красках темноты.

Алкивиад, изнеженный повеса,
Не каешься, но признаешься ты:
— Я женщина и в теле Геркулеса.

19.IX.1987

СПОРТИВНОЕ

Влюбился ты в красивого гребца,
Вступившего под знамя Ботафого*,
Католика, воспитанного строго,
Женатого, досрочного отца.

Восторги толп, и лавры, и сердца,
Газетные хлопки — шумихи много,
Но с высоты, спадающей полого,
Не видится печальный час конца.

В Сицилии герой твоей команды
Вновь победил. Твои взбесились гланды,
И ты ему телеграфировал.

А твой кумир, скользя меж островами,
Поздравленный громчайшими словами,
Неведомым датчанам проиграл.

20.IX.1987

НЕКРОМАНТИЯ

Приверженцам даосского «у-вэй»
(Бездействия) земной не нужно славы:
Их прописи давнишние лукавы:
«Мы верим в жизнь — и в духов, и в червей!»

Среди старух-спириток всех живей
Прабабушка, с которой для забавы
Являются две внучки — злы, прыщавы —
И под шумок рождают сыновей.

Зуб заболит — покойнику Кардеку
Поклонятся. А я схожу в аптеку,
Где столько средств, испытанных уже,

* Ботафого — один из лучших спортивных клубов Бразилии.

Да и они, боясь грудного свиста,
Не побегут к вертлявой Иеманже,
А вызовут врача-специалиста.

20.IX.1987

В ОПАСНОСТИ

Условий — три: мне данная жена
Напыжилась в нелакомой постели,
Чтоб как-нибудь своей добиться цели, —
И, наконец, забеременена.

Да вправду ли? Но в промежуток сна
Мне вещие слова прошелестели:
— Родится сын. И будет в новом теле
Блаватская сама воплощена.

И, не смутясь доселе чуждым полом,
Потянется к мистическим глаголам,
Три короба наврет — всё тот же сорт!

Наученный попыткой вразумленья,
Я завопил: — «Не медля ни мгновенья,
Беги к врачу и закажи аборт!»

21.IX.1987

ИГРЫ

I

Ты женщина и под мужской личиной
И бреешься по дважды в день: пока
Вторая чуть подчищена щека,
Глядь, первая уж обросла щетиной.

Таким же был мужчиной — не мужчиной
И в детстве ты: предпочитал шелка
И кружева хвастливости стрелка:
«Ушел живым от целой стаи львиной».

К солдатикам («Какой я генерал?!»)
Был холоден, а с куклами играл:
— «Мими больна, объелась мармеладу

Позавчера на party у Лизетт:
А помните, плясала до упаду
Под стрекотню задорных кастаньет».

II

Я изобрел в семье небогомольной
Игру «в людей» (сначала — «в короли»):
С нежнейших лет меня к себе влекли
Династии — без черни подневольной.

Сложив вдвойне листок бумаги школьной,
Я вырезал «властителей земли»,
Их жен и слуг. Потом они плели
Сеть происков — обычный дух крамольный.

По карте я границы выгибал,
Рожал, женил, казнил и погребал,
Вел летопись — как поделились детки.

Лишь изредка случалась и война,
Зато театр и прихоти рулетки
Манили всех... Святые времена!

III

Мне Франция досталась от начала,
Но женщины всходили на престол,
И столько же успехов, сколько зол
Власть женская народу предвещала.

Одна расчет с распутством совмещала,
И слушался ее и сильный пол,
Зато другой был нужен произвол,
И никому та ведьма не прощала.

Там не топтал полей громоздкий танк,
Но все счета сводил Всемирный Банк
С директором — прожженным ренегатом.

Ах, Боже мой! От кукол далеко,
С такой игрой, с Алешкою и братом,
Как нам жилось привольно и легко!

IV

Теперь я стар. Но помню Жанну Третью
Великую. Ей было нипочем
Пожинать с мордастым палачом
И преподавать урок ему же — плетью.

Вот близится конец тысячелетью,
И некий плут, назвавшийся врачом,
Стал признанным пророком — богачом:
Как некромант, ловил наивных сетью.

Запомнился еще Люсьен Второй:
Одушевлен некукольной игрой,
На Церковь он давил тяжелой лапой:

Женившийся на собственной сестре,
 Любовницу назначил антипапой,
 А сына сжег за ересь на костре.

25.IX.1987

ПОИСКИ

Всю жизнь искал я спутника и брата,
 А попадал на записных «правшей»,
 На бабников и пошлых торгашей,
 Поставщиков нормального разврата.

И, наконец, нашел аристократа,
 Прелестного от пяток до ушей,
 Но даже он прогнал меня взашей,
 И до сих пор свербит моя утрата.

Не двадцать пять ему, а сорок лет,
 Но всё равно: такого больше нет
 Кудесника, врача и духовидца.

Вчера другой мне встретился гараз,
 Но сразу же велел остановиться:
 — «Эй, дедушка, видать, и ты туда ж?»

3.X.1987

АВТОМОБИЛЬ

Сны — побоку. Черед житейским былям
Теперь настал. И ты, вторично юн,
Отпразднуешь беспечный honey-moon*
С любовником — чужим автомобилем.

Счет потеряв подсунувшимся милям,
Помчишься в Ним, в Софию, в Камерун,
Где отроков напористый табун
Ласкается к туристам-простофилям.

Но те края безумно далеко:
Начни с того, что близко и легко:
С Андарай, Бенфики, Каскадуры,

Где при свечах познал ты столько нег
Под крылышком шальной спирито-дуры, —
И заплати, не споря, за пробег.

3.X.1987

* Медовый месяц (англ.).

ТЯГАТЬСЯ ЛИ?

Почти не твой, я пленник Сероглазки —
В кондитерской он лучший продавец,
Единственный на тысячу сердец:
Бывают же такие в жизни сказки!

Он ни на миг не сбрасывает маски:
Счет выписан, улыбка — и конец.
Пришел бы он в бумажный мой дворец,
Но поперек пути — боязнь огласки.

Чтоб от тебя тоску мою отвлечь,
Хочу его немужественных плеч,
Холодных губ с поджимом безвопросным.

Посмейся же и ты издалека:
Тягаться ли ребячьим этим веснам —
Шестнадцати — с твоими сорока?

5.X.1987

НАИЗУСТЬ

В отчаяньи... А дальше слог иной —
Канцелярит бескрасочно-дубовый:
Твой телефон и адрес твой почтовый
Я вычеркнул из книжки записной.

Что ж? Линии достаточно одной,
Чтоб лития сменилась жизнью новой —
Какой-нибудь любвишкой бестолковой
Не с буквы П, недавно столь родной.

Да и других любимых букв не надо,
Беспамятству пустое сердце радо:
Грусть ни о ком — живительная грусть.

А если лжет и мнимая свобода
И нет и в ней желанного исхода?..
(Что зачеркнул — я помню наизусть.)

17.X.1987

ВАЛЕРИЙ
ПЕРЕЛЕШИН
И ЕГО КИТАЙ

Валерий Перелешин (псевдоним Валерия Францевича Салатко-Петрище, 1913–1992) — русский поэт, переводчик и журналист, автор множества оригинальных и переводных стихотворений, нескольких поэм, воспоминаний. Он родился в Иркутске, вырос и получил русское образование в Китае, в «русском городе» Харбине, работал в Пекине, Шанхае, Тяньцзине, а последние сорок лет жизни провел в Рио-де-Жанейро, в Бразилии. Неудивительно, что один из своих стихотворных сборников он назвал «Три родины» (1987); родин у него, действительно, оказалось три, однако к каждой из них он относился по-разному. Россию Перелешин покинул семилетним мальчиком, а из Китая уехал навсегда в 39 лет. Но дело здесь не только во времени. Хотя дольше всего поэт прожил в Бразилии и даже считал себя бразильцем, он никогда не говорил, что любит ее больше других стран. В стихотворении «Изгой» (1973) поэт признается:

Китай — любовь, Бразилия — свобода.

Особый интерес представляет отношение Перелешина к его второй родине — Китаю, поскольку без этого трудно объяснить, почему Китай для него символизирует любовь, и, кроме того, невозможно понять многие его стихотворения, написанные в Китае или свя-

занные с этой страной. До сих пор читатели и исследователи мало соотносят поэзию Перелешина с его биографией. Эстонский поэт и критик Алексис Раннит утверждал, что не нужно знать биографию поэта, чтобы понять его творчество.¹ Даже если в словах Раннита есть доля истины, для такого поэта, как Перелешин, судьба которого исключительно сложна и трагична, они не вполне справедливы. В исследованиях жизни и творчества Перелешина остается невыясненным следующее: каково его истинное отношение к России, его первой родине, и к Китаю, родине второй? Почему в 1938 г. в Харбине он принял монашество, но спустя восемь лет, в Шанхае, отказался от него? Чем вызван переезд из Пекина в Шанхай в 1943 г.? До какой степени он понимал и принимал китайскую культуру, включая буддизм и даосизм? Насколько хорошо переводил с китайского языка? Приведем несколько примеров.

В стихотворении «Ностальгия», написанном в сентябре 1943 г., есть следующие строки:

Я сердца на дольки, на ломтики не разделю,
Россия, Россия, отчизна моя золотая!
Все страны вселенной я сердцем широким люблю,
Но только, Россия, одну тебя больше Китая.

Это четверостишие цитируют практически все исследователи, изучающие тему России и Китая в поэзии Перелешина, как доказательство ностальгии поэта по своей первой родине, как свидетельство того, что «Россия продолжала жить в сердце, памяти, языке — таков закон долгодействующей психологической инерции»², что «он всегда ощущал кровную связь со своей “первой родиной”»³.

Часто в качестве примера приводят и строки из стихотворения «Заблудившийся аргонавт» (1947):

Оттого что, при всей нагрузке
Вер, девизов, стягов и правд,
Я — до костного мозга русский
Заблудившийся аргонавт.

¹ Раннит А. О поэзии и поэтике Валерия Перелешина — шесть первых сборников поэта (1937–1971) // Russian Language Journal. 1976. Vol. 30. № 106. P. 81.

² Линник Ю. Валерий Перелешин // Новый журнал. 1992. № 189. С. 233.

³ Бузуев О.А. Творчество Валерия Перелешина. Комсомольск-на-Амуре, 2003. С. 60.

Таким признанием поэта обычно объясняют, почему среди восточных мотивов и экзотики у Перелешина прорывается «вдруг “голос дома” — неизживаемая тоска по родному краю»¹.

Из того же стихотворения иногда цитируют другую строфу:

Я широк, как морское лоно:
 Всё объемля и всё любя,
 Все заветы и все знамена,
 Целый мир вбираю в себя.

Эти строки, по мнению критиков, показывают открытость поэта любым культурам и чужим мирам. Есть даже утверждения, что «называя свое сердце “широким”, он охватывает им самые разные полюса: высь и бездну, восток и запад, Ян и Инь. Поэт стремится к широте мировосприятия, к всевмещению»².

Аналогичным образом трактуются и строки из стихотворения «Вид на Пекин из Би-Юнь-Сы» (июль 1943 г.):

Стою, как путник давний и бездомный,
 У мраморного белого столба,
 И город подо мной лежит огромный,
 Как целый мир, как море, как судьба.

Один из исследователей замечает, что «чем выше восходит поэт, тем более очищается его сознание. Предел восхождения — небо, надмирные сферы. Взгляд оттуда на дальнее, низинное, пусть даже только мысленный, помогает подняться над всем частным и суетным, над противоречиями нашего земного бытия»³.

О монашестве Перелешина пишут следующее: «У раннего Перелешина назначение поэта, фактически, не отличается от назначения служителя культа. Когда Валерию Перелешину показалось, что духоподъемная тяга поэзии недостаточна для того, чтобы разорвать земные узы, он бросил мир и принял постриг»⁴. А потом, в 1940-х гг. «в ожидании визы [в Америку — Л.М.], <Перелешин> получает предложение стать переводчиком с китайского в шанхай-

¹ Таскина Е. Поэты русского Харбина // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 3. С. 127.

² Линник Ю. Валерий Перелешин. С. 256.

³ Там же. С. 238.

⁴ Там же. С. 240.

ском отделении ТАСС. Приняв предложение, Перелешин отказывается от монашества»¹.

Переезд Перелешина из Пекина, где находилась Российская духовная миссия, но было очень мало русских, в Шанхай, где существовало сообщество русских эмигрантов, обычно объясняют тем, что «отсутствие русской культурной среды в Пекине вынудило его в ноябре 1943 г. переселиться в Шанхай; там жили почти все участники харбинских литературных объединений»².

Еще при жизни поэта возник миф, что Перелешин — «первый в русской литературе переводчик с китайского»³, что его переводы с китайского «считаются лучшими из всех существующих на русском языке»⁴. Творец этого мифа — сам Перелешин, который заявлял: «Я один передаю китайскую литературу русскому читателю»⁵. Этот миф подкрепляла и вера исследователей в то, что Перелешин был прекрасным знатоком китайского языка и китайской культуры, что он «испытал на себе влияние книги “И-Цзин”, где развита своеобразная игровая философия природы и человека»⁶, что «Китай преломился не только в стиле поэта, но и в его мировоззрении: можно говорить о даосском характере некоторых философских стихов Перелешина»⁷, кроме того, «“И-Цзин” глубоко повлиял на даосизм, знатоком и ценителем которого является Валерий Перелешин»⁸.

Однако эти оценки поэзии Перелешина, увы, не помогают понять его как поэта и как человека. Думается, что и Раннит согласился бы с тем, что «о жизни Валерия Перелешина можно многое узнать из его стихов»⁹. Для понимания поэзии Перелешина чрезвычайно важно знать его биографию. Современники Перелешина, знавшие его по Харбину, но мало посвященные в подробности его личной жизни, считали, что ему «всегда был свойствен холодный скептицизм»¹⁰, что «чувства у него стоят как-то на заднем плане,

¹ Бузуев О.А. Указ. соч. С. 19–20.

² Витковский Е. Перелешин // Литературная энциклопедия Русского зарубежья, 1918–1940. М.: РОССПЭН, 1997. С. 308.

³ Три письма Валерия Перелешина // Новый журнал. 1999. № 216. С. 149.

⁴ Иваск Ю. Похвала русской поэзии // Новый журнал. 1986. № 162. С. 138.

⁵ Письмо В. Перелешина к Ю. Иваску от 7 апр. 1971 г. (Amherst College Center for Russian Culture, Ivask Papers, box 5, f. 16. Все письма Перелешина Иваску, упоминаемые в статье, хранятся там).

⁶ Линник Ю. Указ. соч. С. 252.

⁷ Там же. С. 237.

⁸ Там же. С. 252. Качество переводов Перелешина — тема отдельной статьи.

⁹ Таскина Е. Указ. соч. С. 127.

¹⁰ Резникова Н. В русском Харбине // Новый журнал. 1988. № 172–173. С. 392.

проходят через горнило размышлений; не сердце, а ум говорит в его стихах, даже в лирике, тем более в стихотворениях философского характера»¹. Изучение поэзии Перелешина всё чаще заставляет исследователей обращаться к его биографии. Они замечают, что «Перелешин представлялся личностью крайне загадочной — он принял монашеский постриг»², что «уходя в монастырь, поэт сознает, что здесь невозможны никакие компромиссы, надо всецело вручить себя Богу. Но прошлое всё еще имеет над ним власть, порог монастыря не отсек воспоминаний о мире»³. Но чем обусловлена «бесконечная сложность» его психики⁴, каково его прошлое — на эти вопросы его стихи не дают прямого ответа.

В 1987 г. в Голландии были опубликованы воспоминания Перелешина «Два полустанка», в которых много рассказывается о русской литературной жизни Харбина и Шанхая 1930–1940-х гг., однако о своей личной жизни поэт не говорит почти ничего. В 1989 г. в США отдельным изданием вышло большое произведение Перелешина «Поэма без предмета» в восьми песнях, где он откровенно и подробно описывает свою личную жизнь и романы с мужчинами. Хотя до сего дня поэма не пользуется широкой известностью среди российских читателей, этот поэтический текст, и особенно авторский комментарий в конце каждой песни, служит одним из важнейших источников биографии поэта. Еще один важный источник — литературный архив поэта, включающий личную переписку с матерью и друзьями, который хранится в библиотеке Лейденского университета в Голландии, в отделе рукописей Института мировой литературы РАН и в ряде американских архивов. Важные факты и детали жизни Перелешина объясняют его сложную и внешне загадочную судьбу, помогают понять многие его стихотворения, посвященные теме Китая.

Свою нетрадиционную сексуальную ориентацию Перелешин перестал скрывать лишь после переезда в Бразилию. Известно, что единственная женщина, с которой у него была связь, — Елена Генкель, его харбинская знакомая.⁵ Их отношения продолжались

¹ Савский Г. Мудрая муза [рец. на сб. стихотворений Перелешина «Звезда над морем»] // Заря. Харбин, 1942. См.: Russian Literary and Ecclesiastical Life in Manchuria and China from 1920 to 1952 / ed. T. Hauth. Hague, 1996. P. 17.

² Таскина Е. Указ. соч. С. 127.

³ Линник Ю. Указ. соч. С. 241.

⁴ Таскина Е. Указ. соч. С. 127.

⁵ Leiden University Library, BPL 3257/5.

с перерывами два года (1935–1937).¹ В то время поэт верил, что его гомосексуальные склонности — это болезнь,² и пытался «лечить» их «нормальной» любовью. Стремление скрыть свое влечение к юношам проявилось и в любовной лирике. Перелешин старается не использовать прошедшее время глаголов, что позволяет завуалировать пол адресата стихотворения («С каждой встречей лучше вы и ближе...»)³, скрывается за маской лирической героини («Усталый, ты придешь на склоне дня...»), маскирует истинный объект любви образом девушки («Заботы о насущном хлебе...») или обращается к возлюбленному как к брату («Настороженной речи...»). Любовные стихи он публикует под псевдонимом «Мария Кареева» и просит младшую сестру матери Эмилию Наам, которая на год моложе его, читать их на чуроевских вечерах харбинской молодежи. Некоторые стихотворения «Марии Кареевой» опубликованы в харбинском художественном еженедельнике «Рубеж». В этом же издании опубликовано и стихотворение «К Люсьену Летинуа», явно указывающее на французского поэта Поля Верлена (1844–1896), который был гомосексуалистом. Сам Перелешин считал, что это стихотворение — «первое открытое заявление о моей скрываемой природе»⁴, хотя мало кто из его современников обратил на это внимание. Показательно, что женские образы в стихах Перелешина часто негативны. Типичным примером может служить стихотворение «Женщина»:

Нет, ни любовью, ни заботами,
Ни колдовскими приворотами,
Ни ароматами духов,

¹ Leiden University Library, BPL 3256/57.

² В одном из примечаний Перелешина к его письмам к матери он пишет: «А тогда равнодушие к женщинам и влечение к моему же полу представлялось мне болезнью. <...> в 1936 году я думал, что могу “направиться” и “стать как все”». Все письма Перелешина к матери с примечаниями, процитированные в данной статье, хранятся в библиотеке Лейденского университета (BPL 3261/1).

³ В примечании к этому стихотворению Перелешин пишет: «Стишок незначительнейший, но с него началось мое сотрудничество в “Рубеже”. Относился этот стишок к моему старшему коллеге по Юридическому факультету Борису Иосифовичу Абрамову, тогда только что окончившему факультет» (Leiden University Library, BPL 3261/24, 12). Далее он пишет, что некоторые другие любовные стихотворения того же периода относятся к его соученику по гимназии Х.С.М.Л. Юре Волкову: «Юра Волков, мой соученик по классу, и был первая любовь» (примечание к письму матери от 2 авг. 1936 г.).

⁴ Hinrichs J.P. Valerij Perelešin's Poetry from His Chinese Years (1920–1952). Hauge, 1989. P. XXII.

Ни сонным шорохом шелков,
 Ни туалетами любимыми,
 Ни вздохами неуловимыми,
 Ни кожей рук, что так светла,
 Его увлечь ты не смогла...¹

Очевидно, что Перелешин испытывает потребность выразить в лирике и свою страсть, и мучительные мысли о естественной для него, но неприемлемой для общества любви. Кроме того, как глубоко верующий в Бога человек он считает свою «ненормальную страсть» грехом. Поэт признает: «Одной из первых “взрослых” тем стало у меня неприятие мира»². Чтобы избавиться от этого неприятия, в 1933 г. Перелешин начал в своих стихотворениях обращаться к мотиву монашества, пытаясь таким образом убежать от мирских соблазнов («Я, как монах от одалиски...»):

И буду плакать горячей,
 Неутомимее молиться...
 Да сложит Бог своей рукой
 Мои крестообразно руки,
 Да осенит меня покой
 За аскетические муки!

Лирический герой ищет в молитве душевного покоя, но стихи проникнуты не покоем, а мукой аскезы. Перелешин осознанно не позволяет себе наслаждаться мирскими радостями и потому выбирает аскетизм, но сдерживать свою тоску он не в силах. Это противоречие между плотью и душой не только питает его поэтическое творчество, но и предвещает мучительную борьбу с самим собой, которую ему предстоит вести в его бытность монахом, с 1938 по 1946 г. Еще до знакомства с Еленой Генкель он лишь мечтает о чуде («Боль»):

Но я молюсь, и мой недуг телесный
 И душу, что тоскует и болит,
 Во сне святой Игнатий исцелит
 Прикосновением руки чудесной...

Но чудо не происходит. Знание этих фактов дает возможность понять истинный смысл стихотворения, написанного в конце 1934 г.

¹ Рубеж. 1934. № 12.

² *Иваск Ю.* Валерий Перелешин о поэзии // Новое русское слово. 1975, 27 июля.

и включенного в антологию поэзии русских эмигрантов «Якорь», вышедшую в 1936 г. в Берлине:

Под шляпы — от света,
В подушки — от шума,
От ветра и ночи
Под воротники

Уходим, как в Лету,
Уходим угрюмо,
Чудим и бормочем
И пишем стихи.

Очевидно, что поэт пытается бежать не от реального света, шума, ветра, а от общества, отторгающего однополую любовь. Он хочет забыть о реальности и найти уголок, где можно быть самим собой и писать свои стихи.

Обратимся к еще одному стихотворению Перелешина, которое Е. Таскина датирует 1938-м годом¹:

Не плакать о сердце своем,
Не плакать о горе чужом,
И над неприкрытыми ранами,
И даже над целыми странами,
Что гибнут во зле мировом —
Не плакать уже ни о чем...

На самом деле стихотворение написано в 1935 г., в момент, когда Перелешин мучительно размышлял о своей «болезни» и искал способы «лечения». Чувствуется, что поэт устал бороться с собой, но еще не готов сдаться. Именно в этом году его познакомили с Еленой Генкель.

Летом 1936 г., навещая семью Генкель в Дайрене, Перелешин посвятил ей стихотворение «Тайна»:

У каждого в душе сокрыт тайник
И каждый к миру что-нибудь ревнует.

Нет, самое под небом потайное —
Любовь, таящаяся в тишине

¹ Таскина Е. Указ. соч. С. 127. Автор полагает, что стихотворение написано в 1938 г. и поэтому, наверное, связано со Второй мировой войной.

Под маской чувств, позволенных молвою
 (Почтенья, дружбы, — тайная, как, вздох,
 Она украдкой в их вселилась терем),
 Любовь, которой не узнает Бог, —
 Любовь, которой сами мы не верим!

Неудавшаяся связь с Еленой Генкель толкнула Перелешина обратно в мир мужчин. Он понял, что «нормальная» любовь не для него. В письме к Генкель от 7 апреля 1937 г., отказываясь от ее второго приглашения приехать в Дайрен на лето, он пишет: «И если бы я действительно мог любить тебя “всем” существом, то мне и не пережился бы уход. Но я бессилен, мой дух раздвоен, в этом мире мне не помогает ни книжка мудрости, ни христианство, которое вовсе не враждебно плоти, я невыразимо страдал и всю жизнь обречен страданию от этой проклятой, но значит, *для чего-то* нужной раздвоенности. Пепел в груди — этим символом я пытался определить свою душу... Передать словами это невыразимо; я вижу в себе тление, смерть; я ничего не могу с этим сделать, я не могу этого даже объяснить... я почти уверен, что не увижусь с тобой этим летом»¹. Случилось именно так, как он предвидел.

Таким образом, теперь мы оказываемся перед фактом, что личная трагедия Перелешина заключалась не в разлуке с родиной, не в общей судьбе беженцев, а в мучительной борьбе между его страстью к мужчинам и верой в Бога, который «не узнает» его любви. И эта трагедия нашла выражение в его поэзии. Однако, живя в Китае, поэт хранил об этом молчание и ограничивался в стихах лишь намеками.

В «Поэме без предмета», написанной уже в Бразилии, Перелешин вспоминает, как летом 1937 г. его внимание привлек монастырь, расположенный рядом с больницей, где он провел целый месяц, как влюбился там в тяжело больного юношу Васю, умершего, несмотря на все его молитвы. Тогда он представлял себе монастырь как «добрый улей черных пчел»², в котором нет понятия пола и не существуют сексуальные отношения. Осенью

¹ Leiden University Library, BPL 3257/5.

² Примечание к письмам к матери. О своих отношениях с Генкель он пишет: «Это был мой первый и последний опыт сближения с женщиной. Итог был плачевный: я окончательно понял, что “нормальная” жизнь не для меня, и решил — уже позднее — уйти в мир, в котором вопросы пола не имеют никакого значения — в монашество».

того же года, после того как юридический факультет, где учился Перелешин, в том числе и китайскому языку, был закрыт японцами, он, ища душевного покоя, поступил на богословский факультет Института им. Св. Владимира.¹ Весной 1938 г. Перелешин постригся в монахи. В харбинском христианском журнале «Хлеб небесный» сообщалось: «7-го мая с.г. состоялось пострижение в монахи В.Ф. Салатко-Петрище в Казанско-Богородицком муж. монастыре... Новонаначальному иноку наречено имя св. Германа»². Много лет спустя Перелешин сам признавался, что после неудачи с Генкель, окончательно осознав свою сексуальную ориентацию, он «испугался социального неодобрения и принял монашество»³. Второй, хотя и не главной, причиной его решения стала бедность семьи. Отсутствие работы, невозможность помогать вдвоем матери, порождало у него чувство вины: «В таком раздумье приехал я в монастырь, и оно не покидало меня никогда»⁴. О том же он пишет и в другом документе на английском языке: «По личной причине и, быть может (а я не специалист по психоанализу), из-за бедности примерно в 1938 году я стал православным монахом»⁵. Очевидно, Перелешин принял монашество из практических соображений — чтобы лечить свою «болезнь» и экономить средства. Но, как признается поэт, «не знал я поначалу, что монашество само по себе чудес не творит, и что переложенный с мягкой постели на жесткую, я перенесу с собою и свою болезнь»⁶. Именно тогда он начал осознавать, что жизнь внутри монастыря не только не может излечить его, но и далека от идеала.

Знание причин, по которым Перелешин принял монашество, должно помочь нам понять, почему через восемь лет он решил вернуться к мирской жизни. Но об этом речь пойдет несколько позже, а пока последуем за Перелешиним в Пекин, главной причиной для переезда в который в 1939 г. стала бедность. Зная о трудном материальном положении семьи Перелешина, его друг по харбинской «Чураевке» поэтесса Лидия Хаиндрова, которая в то время работала в Дайрене и была лично знакома с архиепископом Рос-

¹ *Перелешин. В. Поэма без предмета*. Holyok: New England Publishing, 1989.

² *Хлеб небесный*. 1938. № 6. С. 16.

³ *Hinrichs J.P.* Op. cit. P. XXII.

⁴ Письмо к Л. Хаиндровой от 6 февр. 1938 г. (Leiden University Library, BPL 3257/3).

⁵ *Перелешин В. Statement* (ОР ИМЛИ РАН. Ф. 608. Оп. 1117). Перевод мой — Л.М.

⁶ Примечание к письмам к матери.

сийской духовной миссии в Пекине Виктором, помогла ему устроиться в библиотеку миссии на скромное жалованье. Перелешин жил и работал в Пекине с сентября 1939 г. по ноябрь 1943 г. За эти годы он дважды ездил в Харбин сдавать экзамены на богословском факультете, причем во второй приезд пробыл в Харбине больше девяти месяцев из-за отсутствия проездных документов. В Пекине Перелешин продолжал изучать китайский язык, постепенно знакомился с культурой древней китайской столицы, полюбил этот город и познакомился с местными жителями. Для нас важнее всего, что он познакомился с так называемыми «албазинцами» — потомками русских казаков, поселенцев пограничного с Китаем острога Албазин, основанного Е. П. Хабаровым в 1651 году на Амуре (ныне с. Албазино Амурской области), — жившими около Российской духовной миссии и посещавшими православный храм, где он служил. Перелешин особенно сдружился с двумя албазинцами, о которых писал стихи.

В воспоминаниях «Два полустанка» Перелешин много рассказывает о Пекине, о дружбе с семьей Марии Коростовец, но не о своей личной жизни. В первый год жизни в Пекине он знакомится с новой работой в миссии и с городом, поэтому стихов о Китае еще не пишет. Архиепископ, в отличие от харбинского монастырского начальства, не запрещает ему писать стихи и одобряет изучение китайского языка. Мария Коростовец его опекает. Даже погода в Пекине нравится ему больше, чем в Харбине. А самое главное, в Пекине у него очень мало русских знакомых, которые презирали бы его за гомосексуализм. Мария Коростовец, по словам Перелешина, «не всё одобряет, но понимает всё»¹. Отсутствие общественного неодобрения, помимо увлечения китайской культурой, сделало, в конце концов, Пекин родным для него городом. Осенью 1940 г., после трех месяцев в Харбине, где раньше у него было много проблем, он начал сильно скучать по Пекину и стремился как можно скорее туда вернуться. Единственный человек, с которым ему было трудно расстаться, была мать.

Прощальный день, обманчиво спокойный,
Задумчивое небо сентября
И сумерки, и сосен запах хвойный
В мой южный дом возьму с собою я.

¹ Письмо к матери от 13 июня 1941 г.

В стихотворении «Счастье», написанном в Шэньяне (Мукдене), на обратном пути в Пекин, впервые появляется образ «южного дома». Южный дом для поэта — Пекин, куда он увозит память о Харбине — его небо, сумерки и запах сосен. Этот образ в поэзии Перелешина позднее не раз изменяет значение: он переезжает всё южнее и южнее — из Пекина в Шанхай, а затем в Бразилию.

Для большинства русских эмигрантов Пекин олицетворял загадочный и таинственный Восток, и главным для них в этом городе была его экзотичность. Перелешин был одним из немногих, кто мог по-настоящему оценить древнюю столицу Китая. Это, правда, произошло не сразу. В 1934 г., до того как поэт начал изучать китайский язык, в стихотворении «Мы» он писал:

Разбросанные по чужбинам,
Встречаемые здесь и там,
По всем краям и украинам,
По широтам и долготам,
Все звезды повидав чужие
И этих звезд не возлюбя...

Тогда звезды в Харбине казались ему еще чужими. Вернувшись в Пекин, он попал в среду китайцев, пусть только «албазинцев», и нашел в этой среде любовь. Однако у такой любви существует предел, и требовалось время, чтобы сблизиться с китайцами по-настоящему:

Ах, пусть любовь горами двигать может,
Но одного не победит любовь:
Что у меня твоей белее кожа,
А у тебя медлительнее кровь.

(«Предел»)

В феврале 1941 г. его любовью стал Петя Ду, один из албазинцев. Их разделял не только цвет кожи, но и монашеское служение Перелешина. Однако через три месяца в его жизни произошла перемена. В конце мая Перелешин пишет матери: «В общем, чувствую себя превосходно, но занимаюсь мало... хочется пожить свободным человеком, почитать и подумать. Но главное — китайский язык. С каким нетерпением я жду того радостного дня, когда смогу, наконец, снова погрузиться в него»¹. Спустя несколько дней он объявляет

¹ Письмо к матери от 28 мая 1941 г.

о желании писать новые стихи «после того, как окончилась еще одна очень небольшая, но яркая глава в жизни»¹.

Героем этой «небольшой, но яркой главы» был другой юноша-албазинец Паша Бай, которого Перелешин называет «счастьем моей жизни»², ему он посвятил стихотворение «Ученику»:

А ты смеясь пойдешь за мною
Во мрак и в бурю напролом
И явишься перед толпою
Возлюбленным учеником.

И, может быть, союзом нашим
Быль древняя воскрешена,
И оба мы приступим к чашам,
Чтоб горечь их испить до дна.

Видимо, в пекинский период в Перелешине происходит внутренняя борьба между плотью и духом, но в отличие от харбинских лет, когда он стремился к духовному миру и во избежание житейского греха ушел в монастырь, в Пекине, несмотря на монашескую рясу, он то устремляется к небу, то опускается на землю. Наслаждение земным счастьем было омрачено пониманием, что «у монаха этого не должно быть»³. Перелешин сравнивает свою жизнь в Харбине и в Пекине: «Раньше было “или небо или земля”, а тогда стало “то небо, то земля”»⁴. Такую жизнь он сравнивает с «качелью», но земля для него все-таки дороже.

Перелешин так вспоминает о Паше: «Близость наша продолжалась до моего отъезда в Шанхай»⁵. Паша был первым, кто сблизил его с Китаем и шаг за шагом помогал ему почувствовать себя в Пекине как дома. Весной 1942 г., когда он во второй раз возвратился из Харбина в Пекин и вновь встретился с Пашей, он написал матери письмо, обращаясь к ней от третьего лица: «Это уже третье письмо пишет он “домой”. Где дом, где теперь его истинный дом?»⁶ Перелешин понимает, что хотя город, где живет его мать, ему близок, но его дом уже не там. Новым домом стал Пекин, где у него были не только владыка Виктор, Мария Коростовец, Паша и другие друзья,

¹ Письмо к матери от 2 июня 1941 г.

² Письмо к матери от 11 июня 1941 г.

³ Там же.

⁴ *Иваск Ю.* Указ. соч. С. 5.

⁵ Примечание к письму к матери от 2 июня 1941 г.

⁶ Письмо к матери от 11 мая 1942 г.

но и недруги среди коллег в Духовной миссии¹, которых он, «человек трудный»², «ворчлив, зубаст»³, нигде не избегал⁴.

Кроме того, зимой 1942–1943 г. он поссорился с матерью, после чего он взял «на себя распределение стихов по изданию»⁵. В середине июля 1943 г. он попросил мать: «Сожги мои дневники и старые письма Генкель, Волкова и др.»⁶, а через два дня после этого разорвал отношения с китайским приятелем Лан Шоу-шанем.⁷ В скверном настроении он приехал на запад Пекина в Храм Лазурных Облаков (Би-Юнь-Сы) и, глядя с высоты на лежащий внизу город, пытался отогнать от себя мучительные мысли.

Так высоко стою, так величаво
Вознесся храм Лазурных Облаков,
Так высоко, что умолкает слава
И только ветра слышен вечный зов.

В тот момент все его мысли о мирской жизни определены, поэт ищет укромный уголок вдали от города.

Так почему же спустя несколько месяцев Перелешин покинул Пекин? Несмотря на всяческие житейские неурядицы, летом 1943 г. он, по его собственному признанию, всё еще чувствовал: «Положение мое в церкви надо считать теперь более устойчивым, чем когда-либо...»⁸ Он забыл о верном друге Паше и «был застигнут с другим мальчиком»⁹. 2-го сентября он вдруг сообщил матери «о скором переезде в Шанхай». В том же письме он пишет: «Пекин мне дорог, как родина, но я сам был неосторожен»¹⁰. Этот инцидент и прежние конфликты с «коллегами» по миссии заставили архиепископа выслать Перелешина в Шанхай. Об этом и о своих недругах

¹ Примечание к письму к матери от 18 мая 1942 года.

² Письмо к Е. Витковскому и Н. Мальцевой от 4 окт. 1977 г. (Собрание Е. Витковского).

³ *Перелешин В.* Поэма без предмета. Песня V: 60.

⁴ В письме к Ю. Иваску от 28 авг. 1968 г. Перелешин пишет: «Враги у меня были всегда — именно за прямоту (раньше это была даже беспощадность...)».

⁵ Письмо к матери от 1 нояб. 1942 г.

⁶ Письмо к матери от 16 июля 1943 г.

⁷ Примечания к письмам к матери от 18–25 июля 1944 г.

⁸ Письмо к матери от 15 июня 1943 г. Еще в 1941 г. Владыка вручил ему массивный серебряный крест, из-за этого его в миссии считали архиерейским фаворитом. См. письмо к матери от 10 марта 1941 г.

⁹ *Перелешин В.* Поэма без предмета. Песня V: 48.

¹⁰ Leiden University Library, BPL 3261/1.

поэт много лет спустя напишет старому другу по харбинской «Чураевке»: «Отчасти я сам сыграл им в руку (приключения с мальчишками) — и был переведен в Шанхай...»¹ Даже после инцидента он втайне надеялся остаться при миссии: «...как бы ни складывались отношения у меня с Владыкой и с его окружением и с разными группировками и учреждениями, реально обойтись без меня Владыка и Миссия не могут. Значит, мне место здесь, и я имею всякое право отстаивать это место и оставлять его за собою»². Решение архиепископа породило у него чувство обиды, из-за чего он вдруг ощутил ностальгию по своей первой родине, которую уже давно не вспоминал:

Оттуда — из этой родной и забытой земли —
 Забытой, как сон, но во веки веков незабвенной —
 Ни звука, ни слова — лишь медленные журавли
 На крыльях усталых приносят привет драгоценный.

И вдруг опадают, как сложенные веера,
 Улыбки, и сосны, и арки... Россия. Россия!
 В прохладные эти, задумчивые вечера
 Печальной звездой восходит моя ностальгия.

(«Ностальгия»)

Из контекста ясно, что хотя Россия теоретически «во веки веков незабвенная», на самом деле поэт давно о ней забыл. Образы его поэзии, «улыбки, сосны и арки» — всё это указывает на Пекин, где он обрел радость и попал в беду. Когда он неожиданно утратил всё, что ему было дорого, вновь возникло воспоминание о России — земле, никогда ему не изменявшей. Но даже в такой момент поэт не забывает, что значит для него вторая родина, и потому во второй строфе признается:

У мачехи ласковой — в желтой я вырос стране,
 И желтые кроткие люди мне братьями стали:
 Здесь неповторимые сказки мерещились мне
 И летние звезды в ночи для меня расцветали.

Как указывает харбинская и шанхайская поэтесса Лидия Хаиндрова, мачеха редко бывает ласковой, но Китай для Пе-

¹ Письмо к П. Лапикену от 23 июля 1975 г. // Новый журнал. 2004. № 234. С. 183; Поэма без предмета. Песня V: 41, 47.

² Письмо к матери от 5 сент. 1943 г.

релешина был именно такой мачехой.¹ А самым главным для него была даже не ласка мачехи, а те «желтые кроткие люди», ставшие не братьями, а возлюбленными, и древняя цивилизация Желтой земли.

Хаиндрова, современница Перелешина, тоже выросшая в Китае, точно подметила: «Вот поэт... называет Китай “ласковой мачехой” и даже больше, признается в том, что после России любит Китай. Что это означает? Да, вывод из этого простой: если первое поколение эмигрантов любит свою страну с известной оговоркой, то почему не представить себе, что вослед идущее — уже будет любить сначала Китай, а потом Россию. Если же это не так, то такие поэты, как Перелешин... что-то замалчивают, о чем-то не хотят высказаться»². В стихотворении «Ностальгия», написанном осенью 1943 г., Перелешин, действительно, избегает открытого признания в своих истинных чувствах к России и Китаю. Несколько лет спустя, в Шанхае, он собирался издать свой пятый сборник стихотворений «Южный дом», в который должны были войти многие его стихи шанхайского периода. Об этом сборнике, вышедшем в свет только в 1968 г. в Германии, Перелешин пишет: «По основному замыслу, “Южный дом” — в противовесе “Ностальгии” (1943) — это принятие Китая как окончательного “дома”»³. Почему вдруг такой поворот? Почему Китай стал «окончательным домом»? Что в этом контексте значит «южный дом»? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно обратиться к шанхайскому периоду жизни Перелешина, когда в 1946 г. он отошел от церкви.

В своих воспоминаниях и письмах Перелешин не раз повторяет, что в его жизни Пекин был важнейшим этапом.⁴ Относительно Шанхая он пишет следующее: «Годы моего проживания в Шанхае (1943–1950) ознаменовались множеством встреч и новых знакомств. Это

¹ *Эристави (Л. Хаиндрова)*. Рецензия на сборник стихотворений Перелешина «Жертва» // Шанхайская заря. 1944, 1 окт. См.: *Hauth T. Op. cit.* P. 41.

² Там же. P. 39.

³ *Hinrichs J.P. Valerij Perelešin (1913–1992): Catalogue of His Papers and Books in Leiden University Library*. Leiden, 1997. P. 76. В поздние годы Перелешин также пишет: «А все-таки “в гостях у Китая”, где я был именно гостем, стал своим человеком» (письмо к Е. Витковскому от 27 марта 1989 г. (Собрание Е. Витковского)).

⁴ *Перелешин В.* Два полустанка. С. 89, 92; Письмо к П. Лапикену от 9 марта 1975 г. // *Новый журнал*. 2004. № 234. С. 174; Письмо к П. Лапикену от 16 марта 1975 г. (Архив П. В. Шкуркина. Калифорния, США).

были годы выработки мировоззрения, впитывания мистического христианства, а также и усиленного изучения китайского языка, вникновения в китайскую поэзию и философию»¹. В Шанхае Перелешин пережил многое, но мы остановимся лишь на его отношениях с китайцами и с церковью.

Несмотря на постигшую его неудачу в Пекине и на свой долг священника, в первые годы жизни в Шанхае Перелешин продолжал поиски земного счастья, правда, безрезультатно. Он жаловался матери: «Последнее время очень тяготит меня Шанхай; безумно хочется увидеться с тобой, да и в Пекин рвусь — незабываемый это город, и я в нем любил. К слову сказать, о П<аше> давно ничего не знаю»². Он осознал, как сильно скучает по Паше и как несправедлив был к нему. Летом 1944 г. он написал стихотворение «Дом», в котором выражены его думы о Пекине и о Паше:

Сердце жадно рвалось домой
Из темницы, давно несносной,
В удивительный город мой,
В тишину, под вещие сосны.
.....
— «Ты не хочешь остаться, нет?»
И глаза, и в глазах тревога.
Но решителен мой ответ:
— «Счастье — север, счастье — дорога...»

В то время он ходит на свидания с русским юношей Аликом, но стремится вернуться в Пекин. Изредка он получает письма от Паши, что его очень радует. Однако постепенно Паша уходит из его жизни, и после окончания Второй мировой войны он уже стремится остаться в Шанхае, где легче найти работу.

Если в Пекине Перелешин блуждал между небом и землей и боролся с собой, выбирая между душой и телом, то в Шанхае он постепенно спускается на землю и всё больше отдаляется от церкви. Одна из причин — натянутые отношения с епископом Иоанном, возглавлявшим шанхайскую церковь, а после драки с «коллегами» весной 1945 г. он даже покинул жилье при церкви. Но эта причина не была главной. Еще в феврале 1945 г. он писал матери: «Черные одежды связывают меня мало. Внутренне я от них совсем освободился. Это изжито. По ряду причин мне

¹ ОР ИМЛИ. Ф. 608. Документ «Ватурин».

² Письмо к матери от 20 дек. 1944 г.

даже удобнее пока носить эти одежды, как маску. В них есть известные преимущества, и я даже сохраню их, если они не станут мне на пути к тому, чтобы устроить личное счастье»¹. Через месяц в письмах к матери он начал подписываться своим мирским именем «Валерий», поясняя это так: «Подпись “Валерий” вместо “иеромонах Герман” характерна: это был мой “час великого прозрения”»². Видно, что личное счастье он ставил выше священного долга. «Ненормальная» страсть перестала быть грехом, позором. Он уже осмеливается признать: «Я человек страстный и слабый, и радость для меня всё»³. В таком настроении он проводит еще год, работая переводчиком в шанхайском отделении ТАСС (1945–1948), знакомится со многими китайцами и с их помощью переводит китайскую поэзию.

Весной 1946 г. Перелешин знакомится с молодым китайцем Лю Сином, который стал одним из героев шестой песни «Поэмы без предмета». Спусти некоторое время он пишет матери: «Человек, которого зову своим утешением, поправился. Длится прежняя ласковая близость — вместе читаем по-английски, иногда спорим. Здесь — значительная часть моего сердца. Можно ли после этого оторваться от Китая?»⁴ Видимо, их отношения очень близки и продолжают быстро развиваться. В июле того же года они вместе ездили в Ханчжоу, живописный город недалеко от Шанхая, после чего Перелешин написал стихотворение «Ночь на Сиху». Через два месяца он пишет другое стихотворение, посвященное своему новому другу:

О, нам бы плыть неведомо куда,
В какое бездорожье голубое,
Под дальний гул растущего прибоя, —
Но только так бы плыть, чтобы всегда
И в море нас, и в мире было двое!

(«Другу»)

Здесь юг — южный дом — уже не Пекин, где остался Паша, а Шанхай, город, который ему не нравился. Благодаря Лю Сину он не только нашел на юге любовь и свободу, но и решил не покидать Китай. Если в конце 1942 г., когда было создано стихотворение

¹ Письмо к матери от 22 февр. 1945 г.

² Примечание к письму к матери от 28 марта 1945 г.

³ Письмо к матери от 7 июня 1945 г.

⁴ Письмо к матери от 19 окт. 1946 г.

«Китай», эта страна была представлена главным образом Пекином, его природой, красивыми озерами и лотосами, то в 1946 г., когда Перелешин сблизился с Лю Сином, он уже знал гораздо больше о культуре китайского народа («Шестнадцатого — каждый месяц лунный — / Как говорят, “окно полно луной”...») и чувствовал себя в Китае почти как дома («Луна везде! И я, отныне юный, / Впадаю в мир уже почти родной...»). Неудивительно, что именно в марте 1946 г. он написал стихотворение «Два союза», в котором провозгласил:

В часы душевного разлада
 Не раз твердил я: «Выбирай
 Миг радости ценою ада
 Или ценою скорби — рай».

Но жадного равно манили
 И рай и радости земли,
 И отвергал я слово «или»
 Во имя радостного «и»!

Перелешин с головой бросился в море земного счастья, в мир двоих — его и Лю Сина. Но в ту пору он еще не готов полностью забыть о своей черной рясе. Он понимает, что примирение между раем и мирской жизнью невозможно, и делает выбор в пользу земного счастья. «Мой Бог только в духе, в чистоте, в бесплотности... Бог остается запредельным, неприступным»¹.

Однако случилось так, что в то время Лю Син мог встречаться с ним только субботними вечерами, а утром следующего дня Перелешин «шел совершать литургию. Чуть ли не в первый же раз я сказал самому себе: “Валерий, в недалеком будущем ты потеряешь право совершать литургию”»². Он хочет покинуть церковь и ищет предлог для этого. В октябре того же года вспыхнул конфликт между прomosковским архиепископом Виктором и ориентированным на зарубежную православную церковь епископом Иоанном. После того как архиепископ Виктор во время визита в Шанхай был, по просьбе гражданина Китая епископа Иоанна, арестован китайской полицией, поэт Перелешин, официально всё еще иеромонах Герман, оставил в церкви письмо.

¹ *Иваск Ю.* Указ. соч. С. 5.

² Письмо к П. Лапикену от 23 июля 1975 г. // *Новый журнал.* 2004. № 234. С. 183.

И вышел навсегда из чина
 Монашеского в мир назад,
 В чин романтических баллад
 И томной нежности Лю Сина,
 Вернулся в мутный свой уют,
 Где ангелы не запоют.

(«Поэма без предмета». Песня VI: 50)

Если в 1938 г. Перелешин выбрал монашество для того, чтобы святой силой веры излечить свою «болезнь», то восемь лет спустя он отказался от монашества для того, чтобы удовлетворить свою страсть, которая, по его убеждению, несовместима с монашеством. Очевидно, что поэт четко разделяет церковь и веру. Отказавшись от жизни инока, он оставил не Бога, а Его рабов. Надо признать, что он поступил так отнюдь не по «малодушию»¹ — ему понадобилась огромная духовная сила, чтобы решиться на этот шаг. Перелешин признает: «не было никакого колебания, и я просто ушел — по личным мотивам, а не каким-либо “духовным” — и стал “непрактикующим” священником, каковым остаюсь и поныне»².

Роман с Лю Сином длился около двух лет. Перелешин ясно сознавал, что рано или поздно в соответствии с традицией Лю Сину придется вступить в брак. Также он понимал, что как бы сильно он ни любил Китай и ни считал его своим домом, корни его не здесь, он навсегда останется иностранцем и поэтому неизбежно будет одинок:

Свобода, одиночество... ну что же:
 Сказать по правде, я вполне готов,
 Как никому не ведомый прохожий,
 Последним греться у чужих костров.

(«Неизбежное»)

Несмотря на неизбежное одиночество, он благодарен судьбе: если даже костер разожжен не для него, он всё же почувствовал теплоту, живя среди китайцев.

Следующее после Лю Сина увлечение Перелешина — юноша Тан Дун-тянь, которого Перелешин звал Танчиком. Танчик мо-

¹ Евдокимов В. «Чертовы качели» и седьмое небо (Жизнь и творчество Валерия Перелешина) // Вестник русского христианского движения. 1983. № 139. С. 176.

² Перелешин В. Statement (ОР ИМЛИ. Ф. 608. Оп. 1117). Перевод мой — Л.М.

ложе Перелешина на 20 лет. Несмотря на чрезвычайную преданность юноши, в их отношениях Перелешин предпочитает быть надменным. Он откровенен в письмах к матери: «Эмоций я жду теперь лишь в самой малой степени. Внутренне ощущаю себя писателем, собирателем явлений и типов. Самому участвовать уже не хочется»¹. Это было в начале романа. В конце апреля 1950 г. Перелешин уехал из Шанхая и через Тяньцзинь отправился в США. Танчик приехал в Тяньцзинь проводить его. После того как Перелешина в октябре репатриировали в Китай, Танчик сначала искал ему работу в Шанхае, а затем, поскольку Перелешину отказали в возвращении в Шанхай, приезжал в Тяньцзинь навещать его. В июле 1951 г. их вместе арестовали в бане по подозрению в шпионаже.² Осенью Танчика заставили вернуться в Шанхай. С тех пор они не виделись, но продолжали переписываться до осени 1955 г., когда Танчика опять арестовали, а Перелешин уже третий год жил в свободной Бразилии.

Еще в Тяньцзине Перелешин написал венок сонетов «Кедр и птица», в котором отразились их отношения с Танчиком: Танчик — слабая птичка (женский род), свившая свое гнездо на Перелешине — высоком кедре (мужской род). После отъезда Танчика в Шанхай Перелешин написал стихотворение «Два сердца», печальась о вынужденной разлуке:

Как долго длился их союз?
 Миг ли единый, год ли, век ли?
 Нет в мире нерушимых уз,
 И слишком скоро их рассекли.
 В тот день себе я повторял,
 Что жизни мне такой не надо,
 Что тем, кто счастье потерял,
 Смерть — утешенье и отрада.

Три месяца спустя, уже готовясь к иммиграции в Бразилию, Перелешин написал стихотворение «Последняя», где прощается со своей последней любовью:

Последняя — в твоих слегка раскосых —
 Любовь — глазах и верность, и печаль.
 Я их возьму с собой — любовь — как посох —

¹ Письмо к матери от 26 июня 1949 г.

² *Перелешин В.* Два полустанка. С. 12; Поэма без предмета. Песня VIII: 53–56.

Последняя — в светящую даль.
 Последняя со мной в могилу ляжет,
 Со мной воскреснет и придет на суд,
 И ангел нас еще теснее свяжет,
 И ясно улыбнется, и прикажет:
 «Как там любили, так любите тут».

Для Перелешина последняя любовь — не только его чувство к Танчику, но и последняя ниточка, связывающая его с Китаем. Будучи иностранцем, он переживает в Китае и глубокую печаль, и огромную любовь, о которой вспоминает с благодарностью и которую увозит с собой в Бразилию.

Вскоре после приезда в Бразилию Перелешин, вспоминая Танчика,¹ написал стихотворение «Издалека»:

Это сердце мое возвращается к милым пределам,
 Чтобы там умереть, где так жадно любило оно,
 Где умело оно быть свободным, и чистым, и смелым,
 Где пылало оно... и сгорело давным-давно.

Ты пойдешь переулками до кривобокого моста,
 Где мы часто прощались до завтра. Навеки прощай,
 Невозвратное счастье! Я знаю спокойно и просто:
 В день, когда я умру, непременно вернусь в Китай.

Это единственное стихотворение в сборнике «Южный дом», написанное за пределами Китая. Хотя поэт помнит, что Китай — не первая его родина, он мечтает вернуться в день своей смерти именно туда, надеясь, что «человек с раскосыми глазами» придет на его могилу.

В 1940-х гг. Перелешин написал стихотворения «Китай» (1942) и «Россия» (1944). Среди исследователей существует мнение, что «обращаясь к теме “Россия — Китай” (и шире “Запад — Восток”), Перелешин стремился, прежде всего, осмыслить эти понятия философски (отсюда “надмирность” и “отвлеченность”)². Отношение самого поэта к Китаю ясно выражено в стихотворении «Китай». Перелешин уверен, что он имеет право называть вторую родину «моим Китаем»:

¹ Письма к М. Рокотову от 28 марта 1973 года (ОР ИМЛИ. Ф. 608) и к Ю. Иваску от 13 июня 1968 г.

² Бузуев О.А. Указ. соч. С. 54.

Словно дом после долгих блужданий,
 В этом странном и шумном раю
 Через несколько существований,
 Мой Китай, я тебя узнаю!

Стихотворение «Россия» написано в 1944 г., тогда Перелешин был участником шанхайской поэтической группы «Пятница», в которой в последние два года Второй мировой войны собирались русские поэты. Тема выбрана не самим поэтом, она была задана. Работа над ней продвигалась с трудом: «Стихи давно не пишутся; кажется, скорее всего, доведу до конца набросанное стихотворение на кружковую тему — “Россия”»¹. В этом стихотворении он прямо говорит, что Россия для него — лишь имя из шести букв, придуманное бытие. Понятно, что такое стихотворение было раскритиковано членами «Пятницы». Вот его последняя строфа:

Ужели в красоте раскосой,
 В обетованьях смуглых тел
 Голубоглазой, светлокосой
 Одной России я хотел?

Анализируя это стихотворение, друг Перелешина, поэт Николай Щеголев, указывает на «эротический» образ в этой строфе. Россия «голубоглазая, светлокосая» — это мертвая, так и не ожившая кукла, «попытка внести в это “придуманное бытие” жизнь явно кончается крахом»². Щеголев прав, называя образ России у Перелешина нежившим, мертвым, ибо поэт и не пытался вдохнуть в него жизнь. Щеголев прав и в том, что образ эротический, но в этой строфе не один, а два образа, первый из них — «раскосая красота в смуглых обетованьях». Очевидно, что это образ Китая, вернее, китайских возлюбленных поэта, в которых он видит не только жизнь, но и красоту. В соперничестве со смуглой мужской красотой женская, голубоглазая и светлокосая, явно проигрывает.

В упомянутом выше стихотворении «Заблудившийся аргонавт» (1947) Перелешин фантазирует, что он был рожден в китайской семье и, став взрослым, женился по воле родителей. Впрочем, в конце стихотворения поэт заявляет, что от русских песен его «сердце горит» и что он «до костного мозга русский заблудившийся аргонавт».

¹ Письмо к матери от 6 окт. 1944 г.

² Щеголев Н. Разбор о стихотворении Валерия Перелешина «Россия» (Leiden University Library, BPL 3264/2).

Безусловно, он не может отрицать, что его первая родина — Россия, не может забыть родной язык и родные песни. Но он не может отрицать и того, что он не просто один из русских «аргонавтов», находящихся вдали от родины, но аргонавт «заблудившийся», не нашедший своего дома. А если дом не там, куда человек стремится, то дом утратил свое значение.

Оказавшись в Бразилии, Перелешин воспринял ее как свою третью родину. В стихотворении «Три родины» (1971) он так вспоминает о своей второй родине, Китае:

И я, долгот не различая,
Но зоркий к яркости обнов,
Упал в страну шелков, и чая,
И лотосов, и вееров.

Пленный речью односложной
(Не так ли ангелы в раю?),
Любовью полюбил несложной
Вторую родину мою.

Шестнадцать лет спустя, после того как вышел в свет сборник стихотворений «Три родины» (1987), он вычеркнул букву «с» из слова «несложной» в третьей строке второй строфы, и получилось «любовью полюбил неложной»¹. Поэт не только шлифует стих, но и меняет его смысл, подчеркивает, что его любовь к Китаю не фальшивая, а истинная, не только физическая, но и духовная.

Кроме темы любви к китайцам и Китаю, в стихотворениях китайского периода Перелешин разрабатывает и темы китайской культуры, например, «Картина» (1941) — о традиционной китайской картине, «Драгоценный лес» (1944) и «Красные листья под инеем» (1947) — о значении китайских имен, «Сигарета» (1949) — о различиях русской и китайской культур, «Хусиньтин» — воспоминания о поездке в Ханчжоу с Лю Сином, где они посещали буддистский храм и пили зеленый чай... Живя в Бразилии, с конца 1960-х гг. он опубликовал в американских и европейских периодических изданиях больше ста статей,² знакомя русских читателей на Западе с Китаем и китайской культурой. Кроме того, он трудился над переводом китайской классической поэзии и философских работ, опубликовал

¹ См. экз. сб. «Три родины», подаренный поэтом библиотеке Лейденского университета.

² Список статей — Leiden University Library, BPL3261/45.

антологию китайской поэзии «Стихи на веере» (1971), переводы поэм «Ли Сао» (1975) и «Дао Дэ Цзин» (1990). Когда любимые люди оказались далеко, китайский язык и культура продолжали, как магнит, притягивать его к Востоку. Главное то, что Перелешин серьезно интересуется Китаем, хотя далеко не всё в китайской культуре понимает правильно.

На своей третьей родине, в свободной Бразилии, где Перелешин «изгой, но больше не забытый»¹, то есть ему больше не нужно скрывать свой «позор»², он на протяжении многих лет, хотя и с перерывами, поддерживает переписку с московским поэтом, которого никогда не видел, но полюбил и посвятил ему множество сонетов, вошедших позже в сборник «Ариэль» (1976). По словам Перелешина, «само по себе это наше знакомство через стихи и по почте — чудо истории литературы»³. В отличие от его отношений с Лю Сином и Танчиком, его чувство к московскому поэту было платоническим, но необходимым духовным общением на родном языке, чего не могли ему дать его китайские возлюбленные. В стихотворениях на религиозную тему он сосредотачивается на собственном внутреннем мире, не стремится «к широте мировосприятия, к всемещению», к тому, чтобы напоминать людям о небе. По его убеждению, «поэзия творится из боли»⁴, чтобы писать стихи, нужно много пережить, иначе «трудно сохранить и способность к мысли»⁵. В одном из последних стихотворений «Каждому из многих» (1990) Перелешин, уже почти слепой, вспоминает Китай и своих китайских друзей, которые были ему близки:

Возвращается ветер? Бесследно потерян Китай:

Тан Дун-тянь, Бай Цзи-чжан⁶ и Лю Син —

в океане иголки.

¹ Перелешин В. Три родины. С. 115. Цитированные строки отличаются от варианта в сборнике «С горы Нево» (С. 61).

² Тем не менее, он всю жизнь жалеет, что был рожден не «нормальным». Говоря о «Поэме без предмета», он заявляет: «У меня все-таки трагедия, а не цинизм» (письмо к П. Лапикену от 13 апр. 1976 г. // Новый журнал. 2004. № 234. С. 195).

³ Письмо к Е. Витковскому от 27 марта 1989 года (Собрание Е. Витковского).

⁴ Письмо к П. Балакшину от 17 марта 1974 г. (Bancroft Library, University of California, Berkeley). В том же письме Перелешин признает, что, живя в Китае, он был убежден, что его поэзия творилась от боли. А потом он изменил мнение и теперь считает, что наравне с болью стоит и воображение.

⁵ Hawth T. Op. cit. P. 18.

⁶ Китайское имя Паши, друга Перелешина пекинского периода.

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

Твой поэт одиночек. Если хочется, перечитай
Или перелистай уцелевшие письма на полке.

Перелешин не знал о дальнейшей судьбе ни одного из упомянутых друзей. Но он надеялся, что они хранят его письма и помнят его имя. А он до конца жизни сохранил память о Китае и своей любви к китайским друзьям.

Ли Мэн

ПРИМЕЧАНИЯ

За исключением детских и юношеских стихотворений, оригинальное поэтическое наследие Валерия Перелешина за 60 лет творческой деятельности насчитывает свыше 2000 произведений: помимо отдельных стихотворений это три венка сонетов, четыре поэмы и одна драматическая поэма. В 13 авторских сборников вошло 627 произведений (14-й составлен из стихотворений китайского периода, вошедших в предыдущие сборники); отдельным изданием вышла «Поэма без предмета». Из произведений, не вошедших в сборники, более 400 появилось в различных периодических изданиях и альманахах при жизни автора и посмертно. Таким образом, почти половина произведений до сего дня оставалась неопубликованной.

Руководствуясь различными критериями, составитель принял решение исключить из окончательного состава 317 стихотворений, как опубликованных, так и оставшихся в архиве. К ним относятся:

1) ранние стихотворения (1931–1934 гг.). При посылке их в 1970-е гг. Е. Витковскому и Л. Хаиндровой, собиравшим все стихотворения Перелешина, автор снабжал копии пометами такого рода: «Золотая Лидо и Женя родной! Такие пакости, как “В грозу”, посылаю вам обоим только как *коллекционерам*. Будет вам забавно сравнить их с теперешними удачами <...>»; «Вот с какой пакости я начинал свою “рубежную” карьеру. Сты-дносты-дно-сты...»; «Писал и я в былые годы / В наивности моей...»;

2) эпиграммы и инвективы, направленные на известных и неизвестных лиц, в т.ч. ныне здравствующих;

3) стихотворения на случай, политические памфлеты и фельетоны, в т.ч. написанные по прямому заказу;

4) миниатюрные упражнения в поэтических формах и жанрах (газеллы, триолеты, дву- и пятистишия, частушки, хокку и т.д.).

Все без исключения стихотворения печатаются в последней авторской редакции, а именно:

1) Стихотворения, неоднократно включавшиеся в авторские сборники, печатаются по тексту последнего по времени сборника. Новые редакции стихотворений китайского периода, впервые опубликованные в *РПГК*, печатаются по этому изданию с уточнениями по авторским экземплярам *ВП*, *ДУ*, *ЗнМ* и *Ж* с правкой (ИМЛИ). Все сборники, кроме *ТР*, *ИГВ* и *РПГК*, воспроизводятся полностью в авторской композиции, поскольку по составу они не пересекаются друг с другом (за одним исключением). Из *ТР* и *ИГВ* печатаются только стихотворения, не входившие в остальные 11 сборников; их полный состав дан в приложении.

2) Стихотворения китайского периода, опубликованные в периодике, альманахах и коллективных сборниках, печатаются по вырезкам, вклеенным Перелешиным в специальные тетради и нередко содержащим творческую и корректорскую правку; вырезки сопровождаются указанием на источник, датой и местом написания (ИМЛИ. Оп. 1.1.3. Ед. хр. 1–2). Стихотворения, отсутствующие в тетрадях вырезок (утрачены страницы), печатаются по соответствующим публикациям, указанным в автобиблиографии (ИМЛИ. Оп. 1.1.4. Ед. хр. 1), с проверкой по доступным авторизованным копиям (ИМЛИ, собрание Е. Витковского).

3) Стихотворения бразильского периода, опубликованные в периодике, альманахах и коллективных сборниках, печатаются, как правило, по автографам в трех беловых тетрадях (ИМЛИ. Оп. 1.1.1. Ед. хр. 1–3), поскольку вырезки далеко не всегда содержат позднейшую авторскую правку. Первую из этих тетрадей Перелешин начал вести, видимо, уже в Бразилии, записывая в нее без определенного порядка неопубликованные стихотворения 1930–1940-х гг. и новые. Такой характер записи сохранялся до 1957 г., т.е. до наступления перерыва в творчестве. Начиная с 1967 г. в тетрадь вносились все стихотворения, будь то оригинальные или переводные, по мере их возникновения; хронологическая последовательность изредка нарушалась вновь обнаруженными стихотворениями прежних лет. Все тексты сопровождалась датой и местом написания, указаниями на публикацию в периодике и/или авторском сборнике, а также списками корреспондентов Перелешина, которым была послана копия стихотворения. Фрагменты некоторых текстов в тетрадях, полностью утраченные из-за дефекта страниц, восполняются по доступным авторизованным копиям.

4) Неопубликованные стихотворения печатаются по автографам в беловых тетрадях, также с восполнением утраченных фрагментов.

Абсолютное большинство стихотворений датируется по беловым тетрадям и тетрадям вырезок. Стихотворения, отсутствующие в этих источниках, датируются по автобиблиографии с уточнениями по другим источникам. Варианты ранних редакций стихотворений не приводятся в целях экономии места.

Орфография и пунктуация в основном приведены к современным нормам, за исключением некоторых характерных авторских особенностей (например, мы сохраняем написание слова «мир» и его производных в значении «вселенная» по старой орфографии, как того требовал Перелешин при издании поздних сборников по новой орфографии)¹.

Все подстрочные примечания, за исключением переводов иноязычных слов и выражений, принадлежат автору.

В примечаниях указываются все прижизненные публикации стихотворения в авторских сборниках и периодике (за исключением РПГК, если вошедшие в него тексты были опубликованы в окончательной редакции ранее); для стихотворений, опубликованных посмертно, указывается только первая (она же, как правило, единственная) публикация. Указание на публикацию отсутствует, если стихотворение впервые опубликовано в составе соответствующего сборника и в последующие сборники не входило, а также если стихотворение публикуется впервые по архивным источникам. Приводятся автокомментарии к тому или иному стихотворению, обнаруженные в письмах Перелешина разным лицам, его сопроводительных записках к материалам личного архива, авторизованных копиях из собрания Е. Витковского (далее «авториз. копия» без ссылки на место хранения). Письма к Е. Витковскому и Н. Мальцевой цитируются по оригиналам (собрание Е. Витковского), письма к П. Лапикену — по публикации: Валерий Перелешин. Письма П.П. Лапикену. Предисл., примеч. и публ. О. Бакич // НЖ. 2003. № 233 (письма 1–14, 14 февраля 1971 — 14 января 1975); 2004. № 234 (письма 15–58, 14 февраля 1975 — 25 сентября 1979).

¹ «Моя ссылка на численную неуклюжесть слова мир основана на том, что у меня в стихах это слово встречается постоянно, чуть ли не в каждом стихотворении, и я вынужден писать “мир” или “мир”, смотря по смыслу. Иначе слово мир станет запретным, как лишенное определенного содержания. <...> А как Вы предполагаете подать знаменитую фразу Марины Цветаевой: “Волошин... миротворец и миротворец”? Чеховское издательство в данном случае не посягнуло на старое правописание. Хвалю их (его?) за это» (письмо П. Лапикену от 14 апреля 1975).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- 45П — Перелешин В. Насыщено мгновенье до предела... Стихотворения 1980-х годов, не вошедшие в сборники. Публ. Е. Витковского // 45-я параллель: Поэт. альм. 2013. № 25 (265) (http://45parallel.net/valeriy_pereleshin/nasyscheno_mgnovene_do_predela/)
- А — Перелешин В. Ариэль: 9-я кн. стихотворений. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1976.
- Вд — Перелешин В. Вдогонку: 13-й сб. стихотворений. — Холиок: Нью Ингланд Пабблишинг К°, 1988.
- Вз — журнал «Возрождение» (Париж)
- ВП — Перелешин В. В пути: Стихи 1932–1937. — Харбин: Заря, 1937.
- Вс — альманах «Встречи» (Филадельфия)
- Гб — газета «Гун-бао» (Харбин)
- ДиЗ — журнал «Друзьям и знакомым» (Сан-Паулу)
- ДиСО — Перелешин В. Двое — и снова один? 12-й сб. стихотворений. — Холиок: Нью Ингланд Пабблишинг К°, 1987.
- ДоД — журнал «Друзьям от друзей» (Стрэтфилд, Австралия)
- ДП — Перелешин В. Два полустанка // Russian Poetry and Literary Life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. The Memoirs of Valerij Perelešin. Edited in Russian and with an Introduction by Jan Paul Hinrichs. Amsterdam, 1987.
- ДС — журнал «Духовная семинария» (Харбин)
- ДУ — Перелешин В. (Монах Герман) Добрый улей: 2-я кн. стихотворений. — Харбин: Изд-во В. В. Плотникова, 1939.
- Ж — Перелешин В. Жертва: 4-я кн. стихотворений. — Харбин: Заря, 1944.
- З — Перелешин В. Заповедник: 7-я кн. стихотворений. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1972.
- ЗнМ — Перелешин В. Звезда над морем: 3-я кн. стихотворений. — Харбин: Заря, 1941.
- ИГВ — Перелешин В. Изъ глубины воззвахъ... 11-й сб. стихотворений. — Холиок: Нью Ингланд Пабблишинг К°, 1987.
- Из — Излучины. Харбин, 1935.
- ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы РАН (Москва). Кабинет архивных фондов эмигрантской литературы им. И. В. Чиннова. Ф. 608 [В. Перелешин].
- К — Перелешин В. Качель: 6-я кн. стихотворений. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1971.
- Ко — журнал «Континент» (Париж)

- ЛА* — журнал «Луч Азии» (Харбин)
МиК — Мнемозина и Каисса: Антология русской поэзии / Сост. Э. Штейн. — Нью-Йорк: Ладья, 1973.
НЖ — «Новый журнал» (Нью-Йорк)
НРС — газета «Новое русское слово» (Нью-Йорк)
О — Остров: Сб. стихотворений. Шанхай, 1946.
От — Отклики: Сб. статей памяти Н. И. Ульянова (1904–1985) / Под ред. В. Сечкарева. — Нью-Хейвен, 1986.
П — журнал «Парус» (Шанхай)
Пер — альманах «Перекрестки» (Филадельфия)
Р — журнал «Рубеж» (Харбин)
РА — Русский Альманах. Париж, 1981.
РвА — журнал «Россияне в Азии» (Торонто)
РЖ — газета «Русская Жизнь» (Сан-Франциско)
РМ — газета «Русская мысль» (Париж)
РППК — Перелешин В. Русский поэт в гостях у Китая: 1920–1952. Сб. стихотворений / Edited and with an Introduction and Notes by Jan Paul Hinrichs. — The Hague: Leuxenhoff Publishing, 1989. (Russian Emigré Literature in the Twentieth Century: Studies and Texts. Vol. 4.)
РПК — Русская поэзия Китая / Сост. В. Крейда и О. Бакич. — М.: Время, 2001.
С — журнал «Современник» (Торонто)
СГН — Перелешин В. С горы Нево: 8-я кн. стихотворений. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1975.
Сез — журнал «Сегодня» (Шанхай)
ТР — Перелешин В. Три родины: 10-я кн. стихотворений. — Париж: Альбатрос, 1987.
УРР — У родных рубежей: Альм. Харбин, 1942, Вып. 2.
Ф — журнал «Феникс» (Шанхай)
ХКУ — журнал «Харбинские Коммерческие Училища КВЖД» (Сан-Франциско)
Ч — газета «Чураевка» (Харбин)
ЮД — Перелешин В. Южный дом: 5-я кн. стихотворений. — Мюнхен, 1968.
Cat — Valerij Perelesin: 1913–1992: Catalogue of His Papers and Books in Leiden University Library, by Jan Paul Hinrichs. Leiden, 1997.
ZaZa — Перелешин В. Стихотворения, не входившие в сборники. 1970-е годы. Публ. Е. Витковского и В. Резвого // Зарубежные Задворки (Дюссельдорф). 2013. № 4, авг. С. 35–50.

В ПУТИ

1932–1937

(Харбин, 1937)

Вечный Рим. Харбинское Время. 1933. № 203, 30 июля. — Ф. 1935. № 10, нояб. — ВП. — ИГВ.

Комедия любви. Р. 1934. № 22, 26 мая. — ВП. — РПГК.

«**На перекрестках у витрин...**». Р. 1934. № 3, 14 янв. — П. 1934. № 24, апр. — ВП.

«**Мы согреваемся огнем...**». Ч. 1934. № 5, февр. — ВП.

«**Заботы о насущном хлебе...**». Ч. 1934. № 6, май. — Из. — ВП.

«**Блаженны, кто стареют понемногу...**». Р. 1934. № 24, 9 июня. — ВП.

Сирень. Р. 1934. № 25, 16 июня. — ВП.

Прозрение. Р. 1934. № 30, 21 июля. — ВП.

«**Едва поднявшийся с постели...**». Р. 1934. № 32, 4 авг., под загл. «Поэт». — ВП.

Лето. Р. 1934. № 33, 11 авг. — Из. — ВП. — ТР, с ошибкой в дате: 20 мая.

В театре. Р. 1934. № 37, 8 сент. — Из. — ВП.

К Люсьену Летинуа. Р. 1934. № 40, 29 сент. — ВП. — ТР; опечатка — строфа IV, ст. 6: «знающим» вм. «знающих». *Люсьен Летинуа* (1860–1883) — возлюбленный Поля Верлена. Учился в духовном коллеже Ретеля, когда Верлен преподавал там французский язык. Умер от тифа. Его памяти посвящен цикл из 24 стихотворений «К Люсьену Летинуа», вошедший в сборник Верлена «Любовь» (1885). «Мою “левшизну”, конечно, многие в Китае понимали (Ачаир часа полтора читал мне лекцию о том, что, совокупляясь с женщиной, можно молиться, а если вместо женщины юноша, то... и т.д.: по поводу моего “К Люсьену Летинуа”, которое по недосмотру Кауфмана проскочило в “Рубеже”, после чего Евгений Самойлович обвинял в этом Рокотова, а Рокотов возражал, что весь материал для очередного номера представил Е.С. на утверждение и получил его, как утвержденный). Уже в Шанхае Н.В. Петерек говорил мне, что “К Люсьену” — едва ли не лучшее стихотворение, кем-либо написанное на Дальнем Востоке» (письмо Е. Витковскому от 21 июля 1978).

Мед. Р. 1935. № 4, 18 янв. — Из. — ВП.

Первый любовник. Р. 1935. № 6, 2 февр. — ВП.

«**Под шляпы — от света...**». Из. — ВП. — ТР. Вошло в антологию «Якорь» (Париж, 1936). «...Вы меня спрашивали о “Якоре”. <...> Дальневосточников туда “сватал” я (по просьбе М.Л. Кантора). Представлены там Ачаир (“Ладья Хроноса” и “Бессонница” — “Как голову от гильотины”), Несмелов (“Ловкий ты и хитрый ты”, “За” и “Партизаны”), азъ грѣшный (“Под шляпы — от света” и “Из-

бранник” — несусветная гадость в жанре Марии Шкапской, что ли: “Звереныши — древние дети”) и Н. Щеголев (“Дни, сотканые из тумана”») (письмо Е. Витковскому от 26 апреля 1973). Стихотворение «Избранник» см. в т. 2 (кн. 1, с. 29).

Сердца. Р. 1937. № 23, 5 июня. — ВП.

Галлиполийцы. Р. 1935. № 17, 20 апр. — День Юриста. 1935, 28 апр. — Гб. 1936. № 3213, 8 нояб. — Гумилевский Сборник. Харбин, 1937. — Наш Путь. 1937. № 275, 17 окт. — ВП. — ТР.

Сандрильона. Р. 1935. № 39, 21 сент. — Гб. 1937. № 3372, 25 апр. — ВП. — РПГК. «Году в 1934-ом или пятом Миля Наам (будущая Добрынина) представила меня Елене Александровне Генкель. Ее муж, Евгений Федорович Генкель, служил в экспортно-импортной фирме Тора Ипсена. <...> Елена Александровна была на 13–14 лет меня старше. Роман продолжался — с перерывами — года два, ибо Генкели вскоре уехали в Дайрен. Однажды я гостил у них почти месяц — это была моя первая встреча с морем» (Cat. Р. 23). Ср.: «меня пригласила гостить в Дайрене Елена Александровна Генкель, замужняя дама общества. Это был мой первый и последний опыт сближения с женщиной. Итог был плачевный: я окончательно понял, что “нормальная” жизнь не для меня, и решил — уже позднее — уйти в мир, в котором вопросы пола не имеют ни малейшего значения — в монашество. Не знал я поначалу, что монашество само по себе чудес не творит и что, переложенный с мягкой постели на жесткую, я перенесу с собою и свою болезнь. А тогда равнодушие к женщинам и влечение к моему же полу представлялось мне болезнью. Но до этого еще далеко: в 1936-м году я думал, что могу “направиться” и “стать как все”. Елена Александровна, дочери которой Ирине (от первого мужа — еврея Ривкин) преподавала английский язык моя кузина-тетя Эмилия Наам, пожелала, чтобы я написал ей письмо в Дайрен, за которым последовали и другие письма, и оба мы решили, что влюблены друг в друга. <...> Об этом своем “романе” я пишу в Поэме без предмета» (Письма к матери [ИМЛИ. Оп. 2.1. Ед. хр. 4]. После письма IV от 26 сентября 1925).

«Мудрею. Старею. И даже во сне не летаю...». Р. 1935. № 15, 6 апр. — ВП.

Arslonga. Р. 1935. № 50, 7 дек. — ВП. — ТР. В авт. экз. ст. 8 — «запрятанный». Первый сонет Перелешина.

«Живешь среди страны чернильной...». Р. 1935. № 25, 15 июня. — ВП. — Авт. экз.; в РПГК не указано, хотя правка в ст. 2 учтена.

Стрекозы. Р. 1936. № 3, 11 янв. — Гб. 1937. № 3319, 1 марта. — ВП. — ТР.

Рок. Р. 1936. № 10, 29 февр. — ВП. — ТР, с ошибкой в дате: 1932.

Ночное. Р. 1936. № 51, 13 дек. — ВП. — ТР.

Арахнея. Р. 1936. № 41, 3 окт. — ВП. — РПГК.

Соблазн. Р. 1936. № 45, 1 нояб. — ВП.

Рассвет. Р. 1936. № 18, 25 апр. — ВП. — ТР. «В Харбине было три семьи Чернышевых (может быть, и больше, но я знал три): многочисленные сестры (Елизавета — жена Е.С. Кауфмана, Анна — подруга А.И. Н-есмелова), Агния — жена М.С. Рокотова, Евстолия — жена Вирфеля); другая семья — старый учитель словесности Олег Кириллович Чернышев, составитель крестословиц на любую тему, муж милейшей польки Брониславы Рудольфовны и отец моего друга тридцатых годов (после Гранина и Слободчикова). К этому Олегу Чернышеву относятся мои “Двойник” и “Рассвет” в книге “В пути”. В Шанхае мы встретились снова (в 1943 году), дружили по инерции, но уже без опьянения друг другом, а в Сан Франциско он прятался, чтобы от него следователи по моему “делу” не требовали показаний. Теперь Виктор, когда бывает в Сан Франциско, заходит и в Pacific Gas and Electric Co., где сам когда-то работал и куда устроил Олега Чернышева — привозит от него пакетик марок и... сердечный привет. За марки я благодарю письмами, на которые Олег не отвечает» (письмо Е. Витковскому от 19 ноября 1978). Стихотворение «Двойник» см. в ДУ (с. 50 наст. изд.).

Разговор. Р. 1936. № 48, 22 нояб. — ВП. — ТР.

«**Защита Лужина.**» Р. 1936. № 37, 5 сент. — ВП. — МК. — ТР, с посвящ. «Моей матери»; в наст. изд. снято, поскольку Е. А. Сентяниной посвящен весь сборник. *Турати* — в романе противник Лужина; его прототипом послужил чехословацкий шахматист Рихард Рети (1889–1929).

Элегия. Р. 1936. № 15, 4 апр. — ВП. — ТР.

Избрание. Р. 1936. № 5, 25 янв. — ВП. — ТР, с ошибкой в дате: 89 января 1935. В авт. экз. ст. 10 — «незванный»; ст. 14 — «венок».

Наставление. Р. 1937. № 3, 16 янв. — ВП. — ТР.

У случайного берега. Р. 1936. № 40, 26 сент. — ВП. — Авт. экз.; в РПГК не указано, хотя правка учтена.

«**Ты совсем как на сцене, когда подступает развязка...**» Р. 1936. № 21, 16 мая. — ВП; опечатка — последний ст.: «нерасцветную»; исправлено по авт. экз. (в РПГК не указано).

«**Говоришь им, лишенным слуха...**» Р. 1936. № 24, 6 июня. — ВП.

Совершенство. Р. 1937. № 5, 30 янв. — ВП. — Авт. экз.; в РПГК не указано, хотя правка в ст. 1 учтена.

Вещи. Р. 1936. № 22, 23 мая. — ВП.

Перед любовью. Р. 1936. № 32, 1 авг. — ВП.

У порога. Р. 1936. № 49, 1 дек. — Хлеб Небесный. 1937. № 12, дек. — ВП.

Гекзаметры. Р. 1936. № 38, 12 сент. — ВП.

Незабудка. Р. 1937. № 7, 13 февр. — Гб. 1937. № 3473, 8 авг. — ВП.

Инок. Р. 1937. № 17, 24 апр., под загл. «Схимнику». — ВП.

Отповедь. Р. 1937. № 26, 26 июня. — ВП.

На склоне. Р. 1937. № 28, 10 июля. — ВП. — РПГК, с ошибкой в дате: 10 июля (дата номера Р).

ДОБРЫЙ УЛЕЙ

Вторая книга стихотворений

(Харбин, 1939)

Мы. Р. 1934. № 15 (пасх.), 8 апр. — Гб. 1937. № 3515, 19 сент. — ДС. 1939, 18 мая. — ДУ.

«Не плакать о сердце своем...». Р. 1938. № 12, 19 марта. — ДУ.

Двойник. ЛА. 1938. № 48, авг. — ДУ. — РПГК.

Прощание с музой. Р. 1937. № 32, 7 авг. — ДУ. — ТР.

Бессмертие. Р. 1937. № 40, 2 окт. — ДУ. — ТР. *Luken* — главный герой одноименного научно-фантастического романа (1872) Камиля Фламариона (1842–1925), бестелесное человекоподобное существо, наделенное способностью мгновенно перемещаться в любую точку пространства, наблюдать любое физическое явление и общаться с потусторонним миром. Весь роман написан в форме диалогов Люмена с его учеником, которому он, возвратившись на землю, рассказывает об увиденном.

Две руки. Р. 1937. № 42, 16 окт. — ДУ. — РПГК.

Добрый улей. Р. 1937. № 45, 6 нояб. — Хлеб Небесный. 1937. № 12, дек. — ДУ.

Над еврейской Библией. Р. 1937. № 50, 11 дек., под загл. «Над Книгой Бытия». — ДУ. — РПГК.

Зимняя песенка. Р. 1938. № 2, янв. — ДУ.

Беглец. Р. 1938. № 4, 22 янв. — ДУ. — ИГВ.

Над гробом. Р. 1938. № 26, 25 июня. — ДУ. — ТР. — ИГВ.

Призвание. Р. 1938. № 33, 13 авг. — ДУ. — ТР. — ИГВ.

Конец странствия. Р. 1938. № 23, 4 июня, без загл. — ДУ. — ИГВ.

Ловец. Р. 1938. № 20, 14 мая. — ДС. 1939, 18 мая. — ДУ. — ТР. — ИГВ.

Смерть поэта. Р. 1938. № 35, 27 авг. — ДУ. — ТР.

Мудрость. Р. 1938. № 40, 1 окт. — ДУ.

Утешение. Р. 1938. № 52, 24 дек. — ДУ. — ТР. — ИГВ.

Из китайской поэзии. Р. 1939. № 6, 4 февр., с подзагол. «Стих. поэта Ли Бай». — ДУ. — ЛА. 1944. № 6, июнь, с тем же подзагол. — Перелешин В. Стихи на веере: Антология китайской классической поэзии. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1970; под загл. «В разлуке». — РПГК. «Гай Цзя-юнь, поэт Танской эпохи. Авторство этого стихотворения, чрезвычайно популярного в Китае, сомнительно. Известная антология “Стихотворения тысячи поэтов” (“Цянь-цзя-

ши”) приписывает его Гай Цзя-юню. Флетчер в “Gems of Chinese Verse” приводит его как анонимное. В одном учебном пособии харбинского издания автором его был назван Ли Бай. В оригинале стихотворение носит заглавие “Ичжоуская песенка” (“Ичжоу-гэ”), причем, как сообщает комментатор “Цянь-цзя-ши”, Ичжоу — это древнее государство И-у, “находившееся за пределами Китая”. В оригинале жена говорит, что иволга мешает ей улететь в Ляоси, то есть теперешнюю Мукденскую провинцию в Маньчжурии» (Стихи на веере. С. 38–39).

Предчувствия. Р. 1939. № 9, 25 февр. — ДУ. — РПГК.

Вторая скорбь. Р. 1939. № 7, 11 февр., под загл. «Сонет». — ДУ. — ТР.
Эпиграф — из «Исповеди» (кн. 9, гл. 12); перевод М. Сергиенко.

Раздумье. Р. 1939. № 26, 24 июня. — ДУ. — РПГК.

Беседа в дороге. Р. 1939. № 21, 20 мая. — ДУ. *Посвящение* — Лидия Юлиановна Хаиндрова (1910–1986), поэтесса. В Харбине жила с 6 лет, там же начала печататься. С 1943 г. в Шанхае. В 1947 г. уехала в СССР; жила в Казани, затем — в Краснодаре. В 1969 г. наладила переписку с Перелешиним, продолжавшуюся до конца ее жизни. «Я встретил ее весной 1933 года в литературной студии Чураевки — красивую, большеглазую, очень белокожую. Подружились мы сразу и навсегда» (*Cat.* Р. 20).

Молитва. Р. 1939. № 23, 3 июня. — ДУ. — ТР. — ИГВ.

ЗВЕЗДА НАД МОРЕМ

Третья книга стихотворений
(Харбин, 1941)

Отчаяние. Р. 1938. № 37, 10 сент. — ЗнМ. — РПГК.

Осень. Р. 1938. № 41, 8 окт. Подпись: Вл. Нежданов. — ЗнМ. — РПГК.

Моя мечта. Р. 1939. № 3, 14 янв. Подпись: Вл. Нежданов. — ЗнМ. — ТР.

Надежда. Р. 1939. № 50, 9 дек. — ЗнМ. — ТР.

Скупое сердце. Р. 1939. № 52, 23 дек. — ЗнМ.

Слова. Р. 1940. № 3, 13 янв. — ЗнМ. *Вилькокс* (Уилкоккс) Элла Уилер (1850–1919) — американская поэтесса. «“Из” (Эллы Вилер — Ella Wheeler Wilcox) — значит, что не перевод, а пересказ или другие стихи на чужую тему. Все три книги этой поэтессы у меня с собою: подарила их мне Мария Павловна Коростовец в Пекине» (письмо Е. Витковскому от 20 июня 1978). Переложение стихотворения “Words” из сб. “Poems of Power” (1902).

Непобежденный. Р. 1940. № 14, 30 марта. — ЗнМ. Переложение стихотворения “Unconquered” из сб. “Custer and Other Poems” (1896).

Счастье. Р. 1940. № 42, 12 окт. — ЗнМ. — ТР.

К Польше. *ЗнМ.* — *ТР.*

Гомункул. *Р.* 1940. № 31, 27 июля. — *ЗнМ.* — *ТР.*

Предсказание. *Р.* 1940. № 49, 1 дек. — *ЗнМ.* — *ТР.*

Поездка в Дунлин. *Р.* 1940. № 51, 14 дек. — *ЛА.* 1943. — *ЗнМ.* — *ТР.*

Бессмертие. *Р.* 1940. № 46, 9 нояб. — *ЗнМ.* — *ТР.* *Посвящение* — иеромонах Мефодий (в миру Кирилл Савелов-Иогель; 1909/10–1939/40); иноческое пострижение и посвящение в сан принял в харбинском храме «Дома Милосердия», там же стал известен как выдающийся проповедник. В 1942 выпускавшиеся храмом «Листики» с проповедями и поучениями о. Мефодия были собраны в книгу «Пред очами Божией Правды».

Мукденский собор. *ЗнМ.* — *ИГВ*; в ст. 6 и 14, возможно, опечатки (в тексте *ЗнМ*: «Правь, корабль церковный!»; «Дверь овцам отсталым»). Все латинские строки — из католического гимна “Ave maris stella”; строфы V–VI — по сути распространенный перевод процитированных в них строк гимна. *Заглавие* — храм-памятник во имя Христа Спасителя; построен в 1911–1912 гг. на русском воинском кладбище в Шэньяне (Мукдене).

Расплата. *Р.* 1941. № 13, 22 марта. — *ЗнМ.* — *ТР.*

Птицы. *Р.* 1941. № 6, 1 февр. — *ЗнМ.* — *ТР.*

Картина. *Р.* 1941. № 10, 1 марта. — *ЗнМ.* — *ТР.* *Посвящение* — Мария Павловна Коростовец (1899–1975), поэтесса; см. о ней в «Поэме без предмета» и *ДП*.

Страшный Суд. *Р.* 1941. № 12, 15 марта. — *ЗнМ.* — *ТР.*

Томление. *Р.* 1941. № 15, 5 апр. — *ЗнМ.*

Дикая яблоня. *Р.* 1941. № 19, 3 мая. — *ЗнМ.* — *ТР.* О юноше, к которому относится стихотворение, см. в «Поэме без предмета» (Песня пятая, примеч. 47).

Учитель. *ЗнМ.* — *ТР*, с ошибкой в дате: 22 июня 1941.

Мой гороскоп. *Р.* 1941. № 29, 12 июля. — *ЗнМ.* — *ТР.*

ЖЕРТВА

Четвертая книга стихотворений

(Харбин, 1944)

Радонежская сказка. *Р.* 1938. № 32, 6 авг., под загл. «Сказка о крещении Руси». — *Ж.* — *РПГК*.

Отплата. *Р.* 1939. № 46, 11 нояб. — *ЛА.* 1943. № 4, апр. — *Ж.*

Всходы. *Р.* 1940. № 17, 20 апр. — *Ж.* Переложение стихотворения “You Never Can Tell” из сборника “Custer and Other Poems” (1896).

Вдохновение. *Р.* 1940. № 12, 16 марта. С. 1. — *Ж.* Переложение стихотворения “Inspiration” из сборника “Custer and Other Poems” (1896).

Ниобея. УРР. — Ж.

Предел. Р. 1942. № 42, 10 нояб. — Ж. — ТР. В авт. экз. ст. 11 — «изнеженный».

Искушение. ЛА. 1943. № 6, июнь. — Ж.

Возвращение. УРР. — ЛА. 1942. № 3 (91), пасх. — Ж. — ТР.

Майя. Р. 1942. № 36, 10 сент. — Ж. — РПГК.

Выбор. УРР. — Р. 1943. № 7, 1 марта. — Ж. — ТР, с ошибкой в дате: 1940.

Утро. Р. 1942. № 46, 20 дек. — Ж. — ТР.

Пропасть. Р. 1942. № 43, 20 нояб. — Ж. — ТР. *Закрыться стулом, как Паскаль* — по преданию, Паскалю постоянно мерещилась бездна по левую сторону, из-за чего он ставил слева от себя стул.

К той, что крылата. Р. 1942. № 44 (юбилейный), 30 нояб. — Ж.

Ученику. Р. 1943. № 3, 20 янв. — Ж. — ТР. Стихотворение обращено к албазинцу по имени Паша Бай, см. об этом в статье Ли Мэн (с. 539).

Китай. Р. 1943. № 2 (рожд.), 5 янв. — Ж. — ХКУ. 1968. № 8. — ТР.

25 ноября 1942 года. Р. 1943. № 4, 30 янв. — Ж.

Элегия. Р. 1943. № 4, 30 янв. — Ж. — ТР.

Слезы. Р. 1943. № 19, 30 июня. — Ж.

Жертва. Ж. — ТР.

Иной путь. Р. 1943. № 10, 30 марта. Подпись: Вл. Нежданов. — Ж. — ТР.

Небо. Р. 1943. № 9, 20 марта. — Ж. — ТР.

Алхимия. Р. 1943. № 20, 10 июля. — Ж. — ТР.

Лилит. Р. 1943. № 21, 20 июля. — Ж.

Бездна. Р. 1943. № 22, 1 авг. — Ж. — ТР. В экз. Ж из собр. Е. Витковского автором подчеркнуто слово «качель» в ст. 3; справа на полях помета: «Отсюда название шестого сборника!»

Не грусти. Р. 1943. № 23, 11 авг. — Ж. — ТР.

На середине моста. Р. 1943. № 26, 10 сент. — Ж. — ТР.

Le mal invincible. Р. 1943. № 24, 20 авг. — Ж. — ТР.

Чжунхай. Р. 1943. № 27, 20 сент. — Ж. — РПГК.

Сердце. Р. 1943. № 30, 20 окт. — Ж. — ТР.

Ностальгия. Р. 1943. № 31, 30 окт. — Ж. — ХКУ. 1968. № 8. — ТР.

Ветер. ЛА. 1944. № 2, февр. — Р. 1944. № 9, 20 марта. — Ж. — ХКУ. 1968. № 8. — ТР.

Хуцинь. Р. 1943. № 34, 30 нояб. — Ж. — ТР.

Вид на Пекин из Би-юнь-сы. ЛА. 1943. № 10 (110), окт. — Ж. — РПГК.

Весна. Р. 1944. № 8, 10 мартаб. — Ж. — ТР. В авт. экз. ст. 12 — «Слабые».

В Шаньхайгуане. Р. 1943. № 28, 30 сент. — Ж. — ТР. О Шаньхайгуане см. в третьей песне «Поэмы без предмета».

В полнолуние. Р. 1943. № 36, 20 дек. — Ж. — ТР.

При получении стихов Гумилева. Р. 1944. № 15, 20 мая. — ЛА. 1944. № 6, июнь. — Ж. *Посвящение* — Адриан Адрианович Ламбле (1884—

1955), русский поэт-переводчик швейцарского происхождения, автор полного перевода поэтической книги Ш. Бодлера «Цветы зла» (Париж, 1929); см. о нем в ДП.

Мрамор. Р. 1944. № 11, 10 апр. — Ж. — ТР.

ЮЖНЫЙ ДОМ

Пятая книга стихотворений

(Мюнхен, 1968)

Поэт. О. — ЮД.

Сочельник. ВЗ. 1968. № 193, янв. — ЮД.

Возмездие. ЛА. 1945. № 10 (136), 15 мая. — ЮД. См. далее примеч. к стихотворению «Красные листья под инеем».

Зевота. Ст. 2 исправлена по списку исправлений к РПГК в письме Е. Витковскому от 25 ноября 1989 (было: «Над собственным счастьем, над медленной славой,»).

Муравейник. ВЗ. 1968. № 196, апр. — ЮД.

Россия. О. — ЮД.

Озеро. НРС. 1967, 16 июля. — ЮД, под загл. «Сонет». — РПГК. Ст. 13 исправлена по списку исправлений к РПГК в письме Е. Витковскому от 25 ноября 1989 (было: «ты будешь жить»).

В разлуке. Сег. 1947. № 91 (2), май; без загл. — ЮД.

Южный ветер. Сег. 1948. № 95 (6), май. — ЮД.

Заблудившийся аргонавт. Сег. 1948. № 95 (6), май. — ЮД.

Ночь на Сиху. Сег. 1947. № 93–94 (4–5), июль–авг. — ЮД.

Красные листья под инеем. Сег. 1947. № 92 (3), июнь. — ЮД.

«К женщине относится только одно стихотворение “Южного дома” — “Возмездие”. Все остальные — камуфляж. И “Красные листья под инеем” вызвано встречей в городе Ханчжоу (где я был с Лю Сином и Лю Тянь-шэном, которому посвящено следующее стихотворение) с молоденьким студентом. Его имя было “Шуан-хун”: “красное под инеем”. Я попросил объяснить мне это имя и в ответ получил целую тему для стихотворения. Юноша учился в Шанхае, где я тогда жил. Дал я ему мой адрес, но он у меня не был» (Cat. Р. 70). В Лейденском архиве хранится автоперевод стихотворения на китайский с примечанием: «Свое стихотворение “Красные листья под инеем” я переболтал по-китайски для моего лучшего (тогда) друга Лю Сина. О поездке нашей в Ханчжоу я писал обстоятельно в “Поэме без предмета”. Когда нам пришлось там задержаться и вернуться в здание китайского Х.С.М.Л., нашим соседом по комнате оказался девятнадцатилетний студент, очень красивый. Его, а не девушку (как в русской версии) звали Чэнь Шуан-хун» (Ibid. Р. 68).

ПРИМЕЧАНИЯ

Другу. *Посвящение* — см. предыдущее примеч.

Хусиньтин. *Заглавие* — искусственный остров в центре Внешнего Западного озера, одной из пяти зон озера Сиху в городе Ханчжоу.

Сянтаньчэн. *Заглавие* — город в провинции Хунань.

Из слышанного. В ст. 6 очевидная опечатка: «что» (по близости с предыдущим ст.); исправлено по автографу. В Лейденском архиве хранится текст оригинала с примечанием: «Оригинал стихотворения Лу Синя “Из слышанного”, написанный для меня рукою культурнейшего Гэ Бао-цюаня, сотрудника ТАСС в Шанхае, впоследствии культурного атташе или секретаря китайского посольства в Москве» (*Cat. P.* 109).

Издалека. *НЖ.* 1968. № 91. — ЮД.

Два союза. *РМ.* — ЮД.

Кошка. *ЛА.* 1944. № 13, 15 нояб. — О. — ЮД.

Искатель. *ЛА.* 1945. № 11 (137), 1 июня. — ЮД.

КАЧЕЛЬ

Шестая книга стихотворений
(Франкфурт-на-Майне, 1971)

Пирамида. *РМ.* 1968. № 2676, 29 февр. — К. — *НРС.* 1971, 11 июля. — *ИГВ.* *Посвящение* — «<...> на днях умерла старая дама, Мария Александровна Сапелкина (которой подарена моя “Пирамида”). Погребена в Сан Пауло рядом с мужем, погибшим под колесами автомобиля лет двадцать тому назад» (письмо Е. Витковскому от 16 ноября 1978).

Карнавал. К. — *ИГВ.*

Ловцы. К. — *ИГВ.*

Пустыня. О. — К. — *ИГВ.*

Мозаика. К. — *ИГВ.* Дата — по *РПГК. Тех девяносто девяти...* — «Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся?» (Мф. 18:12).

Радуга. К. — *ИГВ.*

Дождь. *Мосты.* 1970. № 15. — К. — *ИГВ.*

Феникс. *ЛА.* 1945. № 16, 15 авг. — О. — К.

Триолет. *ДиЗ.* 1971. — К.

Quinta da boa vista. *Вз.* 1969. № 211, июль. — К. — *ТР.* *Заглавие* — Кинта-да-Боа-Виста (*порт.* Поместье красивого вида), дворцово-парковый комплекс в Рио-де-Жанейро, на территории которого расположен старейший в Бразилии зоопарк (открыт в 1945 г.).

Ангелы. О. — К. — *ИГВ.*

- Молитвы.** См. также стихотворение «Скука» (т. 2, кн. 1, с. 250).
- Утром.** ВЗ. 1969. № 211, июль. — К. — ИГВ.
- Беседа с Богом.** К. — ИГВ, без указания на К.
- Озеро любви.** НРС. 1972, 16 июня. — К. — ИГВ.
- Химера.** О. — К.
- Звезды.** ЛА. 1945. № 5 (131), 1 марта. — К. — РПГК.
- Боль.** Р. 1934. № 13, 24 марта; без загл. — К. — ИГВ. *Святой Игнатий — Игнатий де Лойола (1491–1556), основатель ордена иезуитов. Ведь некогда и он, еще земной, / Со мною болью мучился одной — 21 мая 1521 г., во время осады Памплоны французскими и наваррскими войсками, Игнатий (тогда еще Иньиго) де Лойола, отличившийся при обороне, был ранен снарядом, который, пролетев между его ногами, повредил одну и сломал другую.*
- Святой Георгий.** К. — ИГВ.
- Богородица Скорбей.** ЛА. 1945. № 8 (134), 15 апр.; под загл. «Богородица Семи Скорбей». — К. — ИГВ.
- Имя.** К. — ТР. В стихотворении описан случай, произошедший в мае 1963 г.; см. также в «Поэме без предмета» (Песня восьмая, строфа LXVI и примеч.).
- Оправдание.** К. — ИГВ.
- Слепорожденный.** К. — ИГВ. В ст. 3, возможно, опечатка (в К и авторе «бредет» вм. «идет»).
- «Я знаю все ее приметы...».** НРС. 1967, 2 окт. — К. *Посвящение — Изида (Изидора) Томашевна Орлова (урожд. Джушковская; псевдоним — Зороастра Кшижанна), поэтесса, участница объединения «Чураевка», автор сборников «Черные иммортели» (Харбин, 1929) и «Мистические розы» (Шанхай, 1946). «Вскоре по приезде в Шанхай был я представлен Марией Павловной Коростовец “Изиде”. <...> Была она пианисткой, “занималась мистикой”. Бывали у нее по средам всевозможные чудаки. О ней и атмосфере ее дома я рассказывал в Поэме без предмета. Проезжая через Буэнос-Айрес в начале января 1953 года, я разыскал Изиду и ее мужа (тоже музыканта) Александра Львовича Орлова; ездил к ним с мамой. <...> Изида подарила мне антологию “Южный крест”. И это заглавие я присвоил: назвал так свою антологию бразильской поэзии» (Cat. P. 31–32).*
- В начале.** К. — ИГВ.
- «Нам солнце заслоняют крыши...».** К. — ТР.
- Fons salutis.** ВЗ. 1967. № 192, дек. — К. — ИГВ.
- Подвиг.** К. — ИГВ.
- Новогоднее.** Имант Зиедонис (1933–2013) — латышский поэт. «Имант Зиедонис мне глубоко безразличен. Одна корреспондентка, латышской национальности, переписывала мне стихи этого своего соотечественника, но это уже кануло в вечность. И с латышкой переписка закончилась, ибо она взяла на себя право обсуждать стихи “Ариэ-

ПРИМЕЧАНИЯ

- ля” — и не обсуждать, а осуждать за “противоестественность”. Тут я послал ее к черту. <...> “Имант” типографией превращен в “Иматта”. Исправляю опечатку от руки. Но книги, продаваемые со склада в Германии, уходят без исправления» (письмо Н. Мальцевой от 17 августа 1977); «Я его *не* переводил, а имел перед собою подстрочник (и оригинал)» (письмо Н. Мальцевой от 26 августа 1977).
- Молитва верных.** Вз. 1969. № 211, июль. — К. — ИГВ. Опечатка — ст. 9: «признаки» вм. «призраки».
- Колокол.** ЛА. 1944. № 14 (125), 1 дек. — ЛА. 1945. № 6 (132), 15 марта. — О. — К. — ИГВ.
- После заката.** К. — ИГВ.
- Extasis.** К. — ИГВ.
- Тишина.** ДС. 1940. — К.
- Утро смерти.** К. — ИГВ.
- Корковадо.** РМ. 1969. № 2723, 30 янв. — К. — ТР. — ИГВ. *Корковадо* (порт. Corcovado — горбун) — гора в черте Рио-де-Жанейро с 38-метровой статуей Христа-Искупителя на вершине.
- Пеликан.** РМ. 1968. № 2706, 3 окт. — К. — ИГВ.
- Заупокойный канон.** К. — ИГВ; нумерация главок, вопреки примеч. автора: I, II, III, V и т. д.
- Валаам.** НРС. 1970, 18 окт. — К. «Совсем недавно в моей поэме “Валаам” в “НРС” появился “рифмоид”: “Моав — скал”. Иваск одобрил, пожалел, что нет других подобных рифмоидов. На сие я разъяснил, что это не рифмоид, а опечатка: вместо “Моав — трав”» (письмо П. Лапикену от 14 февраля 1971).
- Поэма о міроздании.** ЛА. 1944. № 9 (120), сент.; под загл. «Ангелы». — К. — ИГВ. Об истории создания поэмы см. в ДП. Отметим, что шесть из семи ангелов являются ангелами дней недели (т. е. семи дней Творения): Рафаил — среда, Самаил — вторник, Кассиил — суббота (или четверг), Гавриил — понедельник, Анаил — пятница, Михаил — воскресенье.
- Крестный Путь.** Вз. 1967. № 188, авг. — ДиЗ. — К. — ИГВ. В ст. 9 сонета IX, возможно, опечатка (в К и автографе «Ты в третий» вм. «Ты третий»).

ЗАПОВЕДНИК

Седьмая книга стихотворений
(Франкфурт-на-Майне, 1972)

Заповедник. ЛА. 1945. № 7 (133), 1 апр. — 3.

Бразильская весна. НРС. 1972, 7 мая. — 3. — ТР.

Перстень. НЖ. 1971. № 104. — 3.

- Ангельский язык.** *НЖ.* 1972. № 108. — 3. *Посвящение* — Алексис Раннит (наст. имя и фам. Алексей Константинович Долгошев; 1914–1985), эстонский поэт, искусствовед, критик; в 1944 г. эмигрировал в Германию, с 1953 г. жил в США. «О моей новой дружбе (не ревнуйте) с Алексисом Раннитом я едва ли мог успеть Вам рассказать. Нашел он меня. Оказывается, давно рассмотрел моих стихов необщее выражение. Нашел предлог: библиотека Йэльского университета хочет купить мои книги. А с тех пор (июнь) пишем в оба конца безостановочно» (письмо П. Лапикену от 15 сентября 1971). «По “заказу” Раннита написал я сонет об эстонском языке. Сначала попробовал писать без шипящих (их нет в эстонском языке) — написал “Города”. А на другой день и сонет “Небесный язык”. Посвятил его “заказчику”. Шипящих в нем нет» (письмо Е. Витковскому от 21 февраля 1972). «<...> опыт был полезнейший, доказавший мне самому, что по-русски можно писать и без шипящих (можно ли по-польски?). Окончательное название — не “Небесный язык” (что заставило бы взять эпитафию из Иваска: “Небесный чудской язык”, а это — вместе с посвящением А. Ранниту и с примечанием о цветке купальнице — было бы слишком тяжело-весно), а именно “Ангельский язык” — отголосок на известные слова “Говорят ангелы на Венере / Языком из одних только гласных» (письмо Е. Витковскому от 27 марта 1972; процитированные строки — из стихотворения Н. Гумилева «На далекой звезде Венере...», 1921). Стихотворение «Города» см. в этом же сборнике. См. также стихотворение «Глина» и примеч. к нему (т. 2, кн. 1, с. 311, 429).
- Верховья.** *НРС.* 1970, 28 июня. — 3.
- Певец.** *ДиЗ.* 1969. № 7. — 3, под загл. «Сонет»; исправлено в Беловой тетради и автобиографии.
- Воздух.** *НЖ.* 1971. № 104. — 3. — *ТР.*
- Прощание.** *ЛА.* 1945. № 15 (141), 1 авг. — 3.
- В день рождения** *НРС.* 1970, сент. — 3.
- Колокольный звон из России.** *НРС.* 1970, 28 июня. — *РМ.* 1970, 20 авг. — 3.
- Паруса.** *НРС.* 1969, 30 марта. — 3.
- Кольца.** *О.* — 3.
- Николин день.** Ст. 4 исправлена автором в экз. из собр. Е. Витковского (в тексте 3: «обрядился»).
- Наитье.** *НРС.* 1970, 16 авг. — 3.
- Зеркало.** *О.* — 3.
- Бразилия.** 3. — *ТР.* «“Дай Бог тебе здравия, страна моя Травия” — относится к Бразилии. “Травия” и “Цветия” никак не согласуются со “страной победившего социализма”» (письмо Е. Витковскому от 30 сентября 1978).
- Алейжаниньо.** *НРС.* 1970, 26 июня. — 3. — *ТР.*

Ученик. Мосты. 1970. № 15. — 3.

Второе зреньё. О, под загл. «Светильник». — 3.

На башне. НРС. 1970, сент. — 3.

Пожар. НРС. 1970, 13 сент. — 3. *...племя ибб / разве нами истреблено?* — имеется в виду Гражданская война в Нигерии (1967–1970), когда доминирующая этническая группа ибб (ибго) вышла из Нигерии для создания независимого государства Биафра.

Маскотты. *Посвящение* — «Урожденная баронесса фон Розен, дочь русского военного атташе в Японии. <...> С мужем и детьми жила в Шанхае, где один раз слышала мое чтение стихов (“Красные листья под инеем”) у Александры Петровны Паркау, но мы тогда не познакомились. <...> После ее смерти <...> переписываюсь с ее дочерью, Teddy (Феодорой Васильевной) Dimant, живущей в Англии» (Cat. P. 41). 58 писем Е. Г. фон Ульрих к Перелешину датируются 11 июня 1969 — 20 июля 1971.

Вячеслав Иванов. НЖ. 1972. № 108. — 3.

Города. См. выше примеч. к стихотворению «Ангельский язык».

Напоминание. «<...> слово “шеол”, если даже и не ходовое у “других поэтов”, то очень ходовое у меня. Имею преступное намерение засыпать Ваш многоэтажный дом своими стихами: увидите в свое время, что шеол (айд, мир призраков/теней) меня постоянно занимает и питает» (письмо П. Лапикену от 24 марта 1975).

Мы плетем кружева. О. — 3.

Орхидея. *Посвящение* — Юрий Павлович Иваск (1907–1986), «прекрасный русский поэт, друг Игоря Чиннова и мой, критик, составитель антологий. Очень манерный, временами явно кокетничает. Скрывает свой возраст (указания в разных источниках колеблются от 1896 до 1914 года!). <...> Тонкий поэт, для которого важно не столько “что”, сколько “как”» (Cat. P. 24). «Иваску я обязан “рекламой” на съездах славистов в США и, главное, участием в Международном Празднике Поэзии в апреле 1974 года, большим интервью, напечатанным в газете, предисловием к “Ариэлю”. Лет десять тому назад Иваск (с которым я не был знаком) встретился в Берклее с Юрой Волковым (моим соучеником по гимназии ХСМЛ в Харбине, моей первой любовью, а ко времени встречи с Иваском — деканом факультета физики в Ванкуверском университете). Узнав, что Иваск — поэт, Юра назвал меня. И тут Иваск прочел ему наизусть: “Под шляпы — от света, / В подушки — от шума, / От ветра и ночи — / Под воротники”. И так далее до конца. Юра тотчас же отписал мне об этом. С того времени и началась моя большая дружба с Иваском. Из пяти самых известных поэтов Зарубежья трое “левши”. Не “левши” только Моршен и Елагин. Моршен симпатичный, Елагин — нет. Иваск с ним постоянно враждует, но остальных троих любит» (письмо Н. Мальцевой от 18 августа 1977). «<...> та орхидея (первая

в моей жизни, поселившаяся в моем доме — принес ее маме бразильский капитан первого ранга с чудесным доколумбовским званием “капитан моря и войны” — *capitao de mar e guerra*) “жила” не в старинной вазе, а в кружке-мензурке, привезенной когда-то из Кашамбу или Ламбари, где есть “целебные” — для туристов — источники. Всё, кроме голой правды — орхидея в мензурке — выдуманно. Могло ведь быть и так: и Магдалина, и Саломея, и надбитая глина старого кувшина» (письмо П. Лапикену от 10 апреля 1973). См. также стихотворение «Смерть орхидеи» и примеч. к нему (с. 420, 584).

Идиллия. 3. — ТР.

«Равнина». «<...> сегодня я получил от Золотой Лидо пять сборников советских поэтов, среди которых оказался сборник Анатолия Передреева. Одно его стихотворение — “Окраина” я определенно читал, и совсем недавно, но где и как, не вспомнил. Лучшее в сборнике “Равнина” — “Ночью слышатся колеса” (на стр. 81-ой). Хотел бы я встретиться с этим молодым поэтом (кстати, сколько ему лет?) и хорошенько потолковать о поэзии. Если он Ваш знакомый, передайте ему привет и расскажите обо мне. Очень понравилось и его лицо: молодое, хорошее, чуть задорное или насмешливое. Понравилась и стихи: личные, свои, без всякой казенщины, негромкие (как и мои). Потолковать надо бы о форме: нельзя ему так и остаться помесью Пушкина с Рылеевым. Надо выбрать: или П., или Р.» (письмо Е. Витковскому от 5 апреля 1972). «Передреев мне нравился только внешностью. Ни одной его строки я не помню, да и его “Равнины” вчера не нашел. Может быть, она уже в Лейдене?» (письмо Е. Витковскому от 29 марта 1989). Сборник стихов Анатолий Константиновича Передреева (1932–1987) «Равнина» вышел в 1971 г. (М.: Сов. писатель).

Шахматы. Посвящение — Эммануил (Эдуард) Штейн (1934–1999), библиофил, шахматист. Составитель и издатель первой антологии русской поэзии о шахматах «Мнемозина и Каисса» (Нью-Йорк: Ладья, 1973), в которую вошли и стихотворения Перелешина. См. о нем: Штейн Ольга. «Иван Калита» Русского Зарубежья // *НЖ*. 2006. № 245. «Мое стихотворение “Шахматы” видел у него [А. Раннита — *Сост.*] Эммануил Штейн, ведущий в “НРС” шахматный отдел. Написал запрос: можно ли напечатать? Я благословил, но и сам написал статейку “Шахматы в русской поэзии”, которая была напечатана, а через недельку появился и “Шахматный калейдоскоп” Штейна — сплошной панегирик Вашему покорному слуге» (письмо П. Лапикену от 15 сентября 1971).

Дом. О. — 3.

Ветреная ночь. 3. — ТР.

Золушка. НРС. 1970, 28 июня. — 3.

Камея. ЛА. 1945. № 14 (140), 15 июля. — О. — 3.

Туман. Р. 1944. № 4, 20 янв. — 3.

Озеро. НРС. 1970, сент. — 3.

Подорожник. *Посвящение* — Михаил Сергеевич Рокотов (наст. фам. Бибинов, 1895–1985), журналист, в 1930–1941 гг. главный редактор журнала «Рубеж». После разгрома восточной ветви эмиграции жил в США; переписывался с Перелешиним до 1982 (см.: Кузнецова О.Ф. Из писем редактора харбинского журнала «Рубеж»: Михаил Рокотов — Валерию Перелешину // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 5: Проблемы источниковедения и текстологии. Благовещенск, 2012. С. 103–127). См. о нем в ДП.

Шелковичный червь. Вз. 1968. № 196, апр. — 3. *Посвящение* — Юстина Владимировна Крузенштерн-Петерец (1903–1983), поэтесса, журналистка; участница кружка «Пятница»; с начала 1960-х жила в США. «Мое “учение” о поэте — то, что показано в “Шелковичном черве” (и обижаться Мэри не будет: к ней оно никак не относится). Правда, и шелковичный червь на чем-то живет и что-то ест и пьет, — но это и есть те самые “впечатления извне”, которые поэту необходимы, чтобы из света, росы и тутовых листьев создавать свою шелковую пряжу. Главное — не сырье, а то, что из него делается» (письмо П. Лапикену от 10 апреля 1973). Участники «Пятницы» называли Ю. В. Крузенштерн-Петерец Мэри по ее газетному псевдониму: *Merry Devil* (англ. Веселый черт).

Витраж. О, под загл. «Сквозь цветное стекло». — 3.

Творчество. НРС. 1970, 16 авг. — 3. *Посвящение* — Глеб Петрович Струве (1898–1985), поэт, критик, литературовед первой волны эмиграции; с 1947 г. жил в США; один из постоянных корреспондентов Перелешина, который в шутку именовал его «Глебушка-Ворчун».

Три картины Марии Маргариды де Лима Соутелло. Вз. 1969. № 213, сент. — 3. — ТР; дата: 1–9 июля 1969. *Мария Маргариды де Лима Соутелло* (1900–1996) — художница. Родилась на Азорских островах. В 1907 г. с семьей переехала в Рио-де-Жанейро, где в 1933 г. училась у художника русского происхождения Дмитрия Измайловича (портрет Перелешина его работы воспроизведен в 3).

Дым. Р. 1944. № 16, 30 мая. — О. — 3.

Улитка. НРС. 1969, 22 апр. — 3.

Эпигоны. НЖ. 1968. № 91. — 3.

Стройка. НРС. 1970, 28 дек. — РМ. 1971. № 2816, 12 нояб. — 3. Последняя ст. исправлена автором в экз. из собр. Е. Витковского (в тексте 3: «Колымой и Потьмой»); там же помета автора против ст. 1: «Надо “Потьме”, чего я не знал».

Китайское поверье. НРС. 1969, 22 апр. — 3.

Музыка. ЛА. 1945. № 1 (127), 1 янв. — 3. *Герцогиня Надежда Николаевна Лейхтенбергская* (1898–1962) — пианистка. См. о ней в ДП.

Ванька-встанька. РМ. 1972. № 2919, 2 нояб. — 3.

СССР. 3, под загл. «Россия». — СГН. В экз. 3 из собр. Е. Витковского текст перечеркнут автором и дана отсылка на СГН.

С ГОРЫ НЕВО

Восьмая книга стихотворений
(Франкфурт-на-Майне, 1975)

Стихотворение «СССР», открывающее сборник, см. в 3.

Карусель. Р. 1944. № 17, 10 июня. — ЛА. 1944. № 8, авг. — О. — СГН.

Образец. Ст. 1–2 — неточная цитата из стихотворения А. В. Шароповой «Натали».

В разные стороны. НРС. 1973, 17 июня. — СГН.

Изгнанник. Гродеково (ныне Пограничный), Отпор (ныне Забайкальск) — советские пограничные пункты КВЖД на востоке и западе соответственно.

Пекин. НЖ. 1972. № 109. — СГН.

Коринне Псакаян. НРС. 1973, 17 июня. — СГН. *Заглавие* — «В конце тридцатых годов в Харбине блистала молоденькая певица Коринна Псакаян, дочь диакона армянской Церкви, драматическое сопрано. Ее портрет к выступлению в концерте Харбинского Симфонического Общества 14-го июня 1940 года в саду Харбинского Железнодорожного Собрания был помещен на обложке журнала «Рубеж» No. 24 от 8 июня 1940 года: «К. А. Псакаян-Плавкова». Почему она была тогда «К.А.», а теперь — «К.В.», я не знаю» (СГН. Р. 34). «О Коринне Псакаян почти ничего не знаю. Дружила с нею Юстина Владимировна Крузенштерн, но со времени ее ухода даже тень связи с Коринной изгладилась. Только изредка мелькают ее отзывы о книгах и заметки о церковной жизни в «Русской Жизни» (письмо Е. Витковскому от 25 февраля 1989).

Сотый. СГН. — ТР.

Оглядка. РЖ. 1972, 14 дек. — СГН.

Гостья. Вилли Хьюз — возможный адресат сонетов У. Шекспира, воспринятый Перелешиним через рассказ О. Уайльда «Портрет господина W.H.».

Ответ. *Посвящение* — Родион Михайлович Березов (наст. фам. Акульшин; 1896–1988), поэт, прозаик второй волны эмиграции. «От Родиона Березова вчера было письмо — довольно глупое. Я его еще не перечитывал, но помню, что советовал он мне не то не писать стихов, не то их не издавать. Очень, говорит, это дорого обходится! Что же, он прав... Но за дерзость я его «гяпну»» (письмо Е. Витковскому от 12 августа 1972).

Блудный сын. СГН. — ТР.

Обратный сонет. «...под свежим впечатлением Вашего сообщения я написал два “обратные сонета”. Один пристойный, другой совершенно непристойный, который посылал непосредственно Вам (Л.Ю. не должна видеть подобные страсти-мордасти)» (письмо Е. Витковскому от 21 апреля 1973). *традиции колебля* — цитата из «обратного» сонета Е. Витковского, сочиненного им во сне и послывшегося только Перелешину:

Итак, начнем, традиции колебля,
С терцетов. От глотка кастальских струй,
От лепестка, от листика, от стебля —

От женских губ, сулящих поцелуй.
(Для третьей рифмы пригодится «гребля»:
Читатель возмущенный, негодуей.)

Ну что сказать? *Ars longa, vita brevis.*
Хотя и *brevis*, а сплошной бардак.
В телегу жизни запряжен ишак:
Прикажете к Адаму-с? али к Еве-с?

Тут все камни, на меня прогневаясь,
Уходят... к бабушке... в стигийский мрак...
Лишь на столе передо мной коньяк,
Прозрачный, как слеза Анджели Дэвис.

См. другой сонет, обыгрывающий те же рифмы (т. 2, кн. 1, с. 366).

В начале запоя. *НЖ.* 1973. № 113. — *СГН.* — *ТР.*

Дележ. *РМ.* 1973. № 2938, 15 марта. — *СГН.* «Глеб Петрович ворчит на меня за то, что я превратил чужой вольный перевод стихотворения Шиллера в сонет (“Дележ”). А я думаю: какое от этого зло? Ведь я взял у Шиллера и Дряхлова только схему. Но я давно уже называю Глеба Петровича “Глебушкой Ворчуном”» (письмо Е. Витковскому от 24 марта 1973).

Первое или тринадцатое? *СГН.* — *ТР.*

Изгой. *НЖ.* 1973. № 113. — *СГН.*

Сон. *ХКУ.* 1970. № 10. — *СГН.* — *ТР.* с ошибкой в дате: 3 января.

Вороны. *НРС.* 1974, 31 янв. — *СГН.*

Жребий. *СГН.* — *ТР.*

Разлад. *СГН.* — *ТР.*

Изгой. *НРС.* 1972, 20 дек. — *СГН.*

«**За свечой — в тени — Засвечье...**». «Мои неологизмы консервативны, ибо они строятся в соответствии с духом русского языка, делаются из хороших русских корней. Не знаю, “народ” ли я, но догадываюсь, что именно так, как я пускаю в ход свои “забразилья”, поступает и то безликое множество, которому приписывается

языковое творчество со всеми признаками гениальности» (письмо П. Лапикену от 9 марта 1975).

Три родины. НРС. 1973, 30 дек. — РМ. 1974, 17 янв. — СГН. — ТР. В ст. 15 во всех источниках: «несложной» вм. «неложной»; исправлено автором в экз. ТР из собр. Е. Витковского. «Книгу “С горы Нево” я подготовил. По гениальному совету мамы решил не ограничиваться сонетами. Есть и другие “достижения” — например, “Три родины”, которое даже Глебушка-Ворчун очень похвалил: в печати оно стало даже еще лучше (его слова, но мне и самому так показалось). Было стихотворение напечатано в обеих газетах, но раньше — в “НРС”» (письмо Е. Витковскому от 17 февраля 1974).

Емшан. НЖ. 1972. № 108. — СГН. — ТР. «Бразилия, Россия» — цитата из сонета Е. Витковского (текст утрачен).

Письмо в Россию. СГН. — ТР, с ошибкой в дате: 19 августа.

По глобусу. НЖ. 1973. № 110. — СГН. — ТР.

С горы Нево. ДиЗ. 1975. № 112. — СГН.

АРИЭЛЬ

Девятая книга стихотворений

(Франкфурт-на-Майне, 1976)

Акростих. Начиная с этого стихотворения соблюдение в сонете, написанном пятистопным ямбом, цезуры после второй стопы стало для Перелешина обязательным, в свете чего он переделал почти все сонеты, написанные ранее. «Мое ухо так устроено, что оно требует цезуры в сонете. Не во всяком пятистопном ямбе, но в сонете — непременно. Недавно этот тезис оспаривал Иваск. Я ответил коротко: “Я соблюдаю цезуру, потому что I can afford it [англ. я могу себе это позволить. — Сост.]”. Пусть поперхнется» (письмо Е. Витковскому от 28 мая 1973); «Когда Иваск написал мне, что цезура “вышла из употребления в 11 часов утра 17 января 1910 года” (хорошо придумано!), я ответил ему, что 20-го апреля 1971 года цезура снова вошла в моду (и в учете этого обстоятельства первый сонет-акростих “Ариэля” цезурован)» (письмо П. Лапикену от 9 марта 1975); «Вы “не слышите цезуры”, а я слышу ее отсутствие, как удары обухом по голове, хотя в молодости тоже ничего не слышал: учиться было не у кого. Впервые заговорил со мною о цезуре в пятистопном ямбе малый шанхайский поэт Михаил Щербаков, но приблизительно до конца 1971 года я цезуры не соблюдал. Зато теперь стал в этом отношении почти фанатиком: в сонете наброски строк бесцезурных делаю в скобках, как прозаические самоподсказы, и только. Это сырье» (письмо Е. Витковскому от 21 июля 1978).

При получении «Океана». «Океан» — цикл из восьми стихотворений, написанный Е. Витковским в 1968 или 1969 г. и представляющий собой идеализированную медитацию на темы плавания Ф. Магеллана; текст утрачен. *Менексен, Лисий, Хармид* — среди маргиналий (собрание Е. Витковского): «эллинские юноши последней строки — собеседники и ученики Сократа. Которыми он восхищался. Как я Вами».

Слово Аристофана. «Хорошо ли Вы помните “Пир” Платона? Если нет, освежите его в памяти. Есть там потрясающий по глубине миф о первых людях, которые были тройками: М+М, Ж+Ж, и М+Ж. О таком состоянии “двойного М” я и написал вчера грустный сонет <...>» (письмо Е. Витковскому от 21 июля 1972).

Хрустальный шар. «Чудо и тайна в Вашей жизни сходятся в одном лице — скажу без излишней скромности, что во мне. Никто другой так Вас не принял. И такое в жизни не повторяется. Об этом — мой сонет “Хрустальный шар”. Когда я буду взят от Вас, Вам будет угрожать один из тех концов. Если, конечно, поэт в Вас не победит ремесленника. А если победит, то чудо будет двойное» (письмо Е. Витковскому от 25 февраля 1974). *Максимин* — Максимин Кронбергер (1888–1904), возлюбленный великого немецкого поэта Стефана Георге (1866–1933).

Червоный туз. Сонет построен на терминах любимой Перелешиним игры в бридж.

Бред. Вадим — Вадим Евгеньевич Витковский (р. 1970), старший сын Е. Витковского, специалист по апокрифической литературе и теологии лютеранства; ныне проживает в Берлине.

Алкивиад. *Russian Literature Triquarterly* (Ann Arbor). 1973. № 6. — А. «Перечитал и чуть подправил написанный вчера сонет № 124 — “Алкивиад” (переработка стихотворения 1939 года) <...> тема сейчас ожила, как *Ваша*» (письмо Е. Витковскому от 9 декабря 1972). Стихотворение «Алкивиад» 1939 г. см. в т. 2, кн. 1, с. 67. *Курносого лысеющего фавна* — т. е. Сократа, с которым Алкивиада связывали многолетние близкие отношения.

Читая Константина Леонтьева. Иваск Ю.П. Константин Леонтьев: жизнь и творчество. Берн — Франкфурт: Ланг, 1974. — А. «Делаю последнюю корректуру книги Иваска о Константине Леонтьеве. До чего же увлекательная книга! За этот огромный труд (четырееста страниц) Иваск мне хорошо платит, и половину (пятьдесят долларов) я уже получил. А сделал пока 135 страниц из двухсот полученных. Другие двести прилетят на днях. Вы думаете, что я куплю себе костюм на этот неожиданный заработок? Ничего подобного: положу деньги в банк и буду еще пламеннее мечтать о выпуске книги “С горы Нево”» (письмо Е. Витковскому от 2 февраля 1973).

Улов. «<...> тема Ариэля втиснута в 153 сонета. Почему 153? На один сонет меньше, чем у Шекспира (ну, скажем, из вежливости), это раз. Второе: что число 153 — число избранных (мистическое). В конце евангелия от Иоанна есть рассказ о том, как апостолы-рыбаки поехали ловить рыбу — и за целую ночь не поймали ничего. Вдруг среди них явился Воскресший. Велел Он им забросить невод по другую сторону лодки. И мрежа так наполнилась рыбой, что ее едва втащили. Сосчитали добычу: было 153 рыбы. За уступленный Шекспиру сонет я тут же “перекрыл” его венком сонетов “Звено”» (письмо Е. Витковскому от 26 мая 1978).

Пан. *Эпиграф* — из стихотворения «Флейта Вафилла» (1907) из сб. «Сети».

В раю. «Не помню, рассказывал ли я Вам, что застрял на сонете “В раю”, для которого мне необходимо установить место Страшного Суда согласно древней иудео-христианской легенде. Мне почему-то запомнилось, что Страшный Суд должен состояться “в долине Ездзелона” — но так ли это? Допустить ляпсус не хочу. А узнать истину очень трудно. В “Британской энциклопедии” вообще нет статей о долине Ездзелона и Страшном Суде. Ведь теперь в такой суд никто не верит. Тем не менее, оставив временно первую строку (“Свершился суд в долине Ездзелона”: видите, как важно: на рифме!), переработал троестишия сонета и теперь им доволен» (письмо Е. Витковскому от 14 апреля 1973).

Бразильский Ариэль. *Посвящение* — Антонио Эдуардо Аугусто Пинто Азеведо, «уругваец, который ждет натурализации в Бразилии» (письмо Е. Витковскому от 26 апреля 1973); с этим 16-летним юношей Перелешин не позднее 1970 г. «случайно познакомился на почте при покупке юбилейных марок» (Перелешин В. Южный крест: Антология бразильской поэзии. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1978. С. 16; переводы двух стихотворений Азеведо — там же. С. 21–22).

В Бразилии. А. — *ТР. Арапонга* (гологорлый звонарь) — птица из семейства котинговые со звонким голосом, напоминающим колокол или стук молота о наковальню.

Совпадения. *В ту Падую, где дальний родич твой...* — Святой Антоний Падуанский (1195–1231), португалец по происхождению, покровитель Лиссабона и Падуи. *Девгений* — главный герой древнерусской переводной повести «Девгениево деяние», сын аравийского царя Амира и девицы царского рода из Греческой земли.

При получении сонетов Камозэнса. Имеется в виду издание: Камозэнс Л. Сонеты / Перевод В. Левика. М., 1964 (60 сонетов с приложением 5 сонетов в переводе М. Талова). Свой экземпляр, надписанный ему Левиком, Витковский послал Перелешину в 1973 г., добавив собственный автограф.

- Собирателю писем.** *Едесский князь* — Абгар V (Авгари), по преданию, исцелившийся от тяжелой болезни с помощью Нерукотворного Образа Спасителя (святого убруса).
- Король.** *РМ.* 1975. № 3072, 9 окт. — А.
- Рознь.** *НПС.* 1974, 3 марта. — *РМ.* 1974, 9 мая. — А.
- «Ка».** «Сегодня возник сонет “Ка” (заглавие из египетских верований: “ка” — наш внутренний двойник)» (письмо Е. Витковскому от 16 февраля 1974).
- Февраль.** *НПС.* 1974, 14 апр., под загл. «Бразильское лето». — А.
- Приглашение в рай.** *РМ.* 1975. № 3065, 21 авг. — А. — *ТР.*
- Память.** «Стихи возникают редко. Всё по 14 мая тебе уже послано, а прибавился только сонеты “Предупреждение” и “Память”. Второй навеян стихами китайского поэта Сюй Суй “Куда уходит время?” — эту книгу мне прислала недавно из Гонконга Нора Крук» (письмо Е. Витковскому от 20 мая 1974).
- Перечитывая Гумилева.** *Я не имел от женщины детей / И никогда не звал мужчину братом* — заключительные строки сонета Н. Гумилева «Дон Жуан» (1910).
- Племенной сонет.** *НПС.* 1975, 29 марта. — А. «*Последняя струна*» — сонет Е. Витковского; текст утрачен. «Не помню, посылал ли Вам сонет “Последняя струна”, в котором Женя высказал очень лестное мнение обо мне, как о поэте» (письмо П. Лапикену от 10 апреля 1973).
- Справка.** *Эпиграф* — первая строка стихотворения без загл. (1839).
- Едва знакомому.** *Эпиграф* — первая строка стихотворения без загл. (1883). *Людювик Потоси* — Людювик IX Святой (1214–1270), король Франции, покровитель искусств, в честь которого назван мексиканский город Сан-Луис-Потоси (Потоси — богатая золотоносная шахта в Боливии; ее название было добавлено к «Сан-Луис» при обнаружении недалеко от города шахты, сравнимой с боливийской).
- Мой сонет.** *НПС.* 1975, 25 марта. — А.
- В разлуке.** *Эпиграф* — из стихотворения «Прощание, возбраняющее печаль».
- Звено.** «<...> вчера мы хохотали до слез. В моем венке сонетов “Звено” упомянута двуспальная кровать. Л<идия> Ю<лиановна> пришла в ужас: “как можно писать про такое?” и боится переслать Вам Ваш экземпляр. (“Что скажет его мама?” “И соседние девицы на выданы?”) Если не хотите, чтобы “Звено”, которое написано о ВАС, кто-то читал раньше Вас, примите нужные меры. Л.Ю., вероятно, думает, что ее точка зрения — часть “новой пролетарской культуры”. А мы подобрали вчера для нее иное название: “мещанство”. Сравнили бы Вы эту двуспальную кровать со стихами новогреческого поэта Кавафиса (которые перевел Иваск и мне прислал четыре)! Л.Ю. пишет: “не знаю, что и делать”. Если “Звена” не

получите, затребуйте его строгим тоном» (письмо Е. Витковскому от 11 ноября 1972); «Сообщите Золотой, что под двуспальной кроватью разумеется законный брак, а не случайная связь, и что, укрытый шапкой-невидимкой, автор “Звена” все-таки не пытался на эту двуспальную кровать залезть!» (письмо Е. Витковскому от 8 декабря 1972); «Забавно, как исполняются пророчества “Звена”. Я ведь и тогда уже *знал* правду о своей нерасторжимой связи с “предызыбранным братом”. Он хотел было отвертеться, выпасть из цепи, а только и достиг того, что придется ему посидеть в том же классе второй год. Сумасшедшие (“юридивые”) часто знают такое, что “недошедшим” не дается. Эпилог “романа с призраком” растягивается и, несомненно, переплеснет в дальнейшие воплощения мои — и его. Иллюзий будет оставаться у него с каждым разом меньше. Последней умрет иллюзия бессмертия в ее обеих формах: иллюзия личного бессмертия и иллюзия бессмертия коллективного (родового). Со дня этого озарения останется ему только семь воплощений для подведения итогов и разрешения еще не разрешенных вопросов. На эти же семь воплощений распределится и уплата старых долгов (“кармы”). Но эти семь жизней уже монашеские, хотя бы “левшинские”: ведь “левша” ближе к нирване, чем “правша”, ибо он не ищет родового бессмертия (то есть от доброй половины иллюзий уже свободен). В этом и есть мой message. И как его ухитрились раньше не расслышать! Только теперь “Аризлем” и Поэмой без предмета огорошены заядлые “правши”. Ни Платона, ни Шекспира, ни Верлена они не расслышали. Деторождение — закон бывания, но бытие начинается там, где бывание уже изжито, как проклятие. Будды, архаты, святые ислама и христианства не размножаются, ибо они уже взошли на высшую ступень лестницы (башни Зиккурат). Дальше перед ними — впадение в нирвану или (если они пожелают) — еще несколько добровольных воплощений ради того, чтобы *помочь другим*, развеять или грубо разбить чьи-то иллюзии. Словом, правда нашего “Звена” и сонетов» (письмо Н. Мальцевой от 26 августа 1977). См. также стихотворение «У моря» (т. 2, с. 272).

ТРИ РОДИНЫ

Десятая книга стихотворений
(Париж, 1987)

Воспроизводится второй раздел сборника под загл. «Третьей и последней», кроме заключительного сонета «За семьдесят», позднее вошедшего в *ДиСО*. Состав первого раздела см. в приложении.

Приводим текст послесловия. Заключительный хвалебный пассаж о Ренэ Герра и его издательстве «Альбатрос», который, согласно письму Перелешина к Герра от 20 сентября 1987 (копия с пометами Герра — ИМЛИ. Оп. 2.2.1. Ед. хр. 1; не цитируется за отсутствием разрешения от адресата), написан «под диктовку» Герра и был осмеян первыми получателями сборника, в настоящем издании не воспроизводится.

Первое поэтическое влияние в моей жизни — третий том Блока с его метелями, снегами, белой смертью. Исцелил меня от этого увлечения редактор Страницы Юного Читателя газеты «Рупор», крупнейший поэт русского Дальнего Востока Арсений Несмелов, изменивший заглавие очередного метельного стихотворения на «Последняя вьюга». Я понял намек и по сей день благодарен Несмелову за это хирургическое вмешательство: влияние Блока окончилось — и навсегда.

Не помню, подражал ли я кому-либо в последние годы ранней юности — кажется, нет. Вступление в кружок «Чураевка» в 1932 году (чуть позже, чем мои еще крайне незрелые стихи стали появляться на страницах *взрослого* «Рубежа») открыло мне поэзию Гумилева, у которого я нашел верный метод (пирамидальное построение каждого стихотворения), но ни на один час не подпал под чары провозглашенного Гумилевым *адамизма*, который, кстати сказать, и у Гумилева остался чисто декларативным, поскольку поэт-воин и сам не отрицал своей преемственной связи с символизмом, в частности, символизмом Брюсова. Мои увлечения Ахматовой, Марией Шкапской (1) и Ладинским были весьма кратковременными.

Принадлежностью к школе Гумилева я гордился вплоть до конца шестидесятых годов, когда Юрий Иваск «толкнул» меня к подножию Мандельштама. В противовес почти насквозь рассудочному Гумилеву, от Мандельштама я научился устремлению к миру сверх-рассудочному или (чаще) подсознательному. Сквозь устойчивые слова стали просвечивать «подвалы» — такие сны, признаваться в которых рассудок не хочет, которые он с завидным постоянством очищает от темной накипи и которым придает общепринятое добронравие, пусть даже мещанское.

«Голос темного дна» стал отчетливо слышимым сквозь стихи ностальгические, стихи изгойские, стихи о неприятии мира и бегство от него. Выявилась тема «левшинская»: осознание своей свободы от биологического «долга» — свободы благотворной поэтически, но в обычной жизни оборачивающейся болью и унижением. Я «с надеждою встречался с каждым», но эти «каждые» бежали от меня, как призраки. Такова глубинная первооснова большинства моих сонетов, написанных по-русски и по-португальски (сборник «В ветхих мехах» и еще не изданный «Охотник за теньями»).

Все три родины (унаследованная Россия, благоприобретенные Китай и Бразилия) — внутреннего голода не удовлетворили. Осталась

неприкосновенной вера в Бога и Церковь, но и тут неизбежны были глубокие сомнения, бунтарство, отчаяние, горькое чувство богооставленности.

Таковы пружины и рычаги моего двигателя внутреннего сгорания, не исключающие поисков словесного мастерства. Не случайно моей любимой формой стал сонет: чем труднее, тем лучше! Сонет, веночек сонетов («Крестный Путь», «Звено»), французская баллада — формы труднейшие и обеспечивающие успех, когда поэту *есть что сказать*.

Удовлетворение дает и переводческая работа: перевожу с английского, китайского, португальского, французского, латинского и испанского языков. Охотно работаю и над составлением поэтических антологий и всякого рода библиографических списков («Отраженная жизнь, мемуарное время», — как заметил Несмелов). С нетерпением жду обещанного к октябрю текущего 1986 года выхода моих воспоминаний с антологией русских поэтов Дальнего Востока в Лейдене, подготовленной к изданию книги «Три родины» и мечтаю об издании «Поэмы без предмета» в США.

Посвящение — «В конце семидесятых годов случайная встреча в мастерской ксерокопий скоро превратилась во всеобъемлющую страсть, мучившую, но и питавшую меня творчески до прошлого года. Говорю об Умберто Маркес Пассосе, которым полны мои сборники “Двое — и снова один?” и “Вдогонку”. Хотел он от меня только денег — и выжал их далеко за две тысячи долларов. Кроме названных книг, история этой одержимости рассказана в очерке “В чем не принято признаваться”, где я не утаил и не смягчил ничего. Одна копия послана Иоанну Павлу, другая — проф. С. А. Карлинскому в Калифорнию. Такой бессовестности и жадности я не ожидал. Любил этого негодяя всеми силами <...>. Никогда с ним не было скучно. Я брал его в ближние и дальние поездки и оплачивал все расходы. <...> С Умберто я давно не встречаюсь и понемногу перестаю о нем думать. Ему сорок один год. Жадный, до мозга костей самолюбивый, бессовестный, но — что еще опаснее — очаровательный. Живет он отдельно на подачки от богатой матери, которую не любит (“Больше десяти минут в ее обществе не выдерживаю”). По слепоте я сделал когда-то завещание в его пользу, но на днях сделал другое, и в нем его имя даже не упомянуто» (письмо Е. Витковскому от 11 сентября 1988).

Зной. Вз. 1969. № 211, июль. — ТР.

Дом маркизы де Сантос. *Маркиза де Сантос* — Домитилия ди Кастру ду Канту-и-Мело (1797–1867), любовница императора Педру I. Особняк, приобретенный ею в 1834 г. в родном Сан-Паулу, был центром балов-маскарадов и литературных вечеров.

Pedra da Gávea. *Pedra da Gávea* (*порт.* букв. камень мάρселя) — гнейсово-гранитная скала в Рио-де-Жанейро, величайший в мире монолит на береговой линии (842 м над уровнем моря); ее вертикальный срез из-за эрозий приобрел черты, напоминающие человеческое лицо.

Карнавал. *Посвящение* — Владимир Степанович Ильяшенко (1887–1970), русский американский поэт первой волны эмиграции; в 1945 г. некоторое время находился в Рио-де-Жанейро, где написал «Венок обратных полусонетов».

Петрополис. *Петрополис* — город в 65 км от Рио-де-Жанейро. *Здесь отдыхал ученый и поэт...* — Педру II (1825–1891), последний император Бразилии. В его Летнем дворце, расположенном в историческом центре города, ныне устроен Императорский музей.

Новена. *Gieb meine Jugend mir zurück!* (перевод в следующем ст.) — из пролога к «Фаусту» И.-В. Гёте.

Смерть орхидеи. «По окончании моей службы в The British Council [*англ.* Британском консульстве — *Сост.*] в 1967 году был я приглашен преподавать русский язык в Escola Naval [*порт.* Морскую школу]. <...> была сделана попытка преподавать русский язык не кадетам, а офицерам, успехом тоже не увенчавшаяся. Однако я приобрел два приятные знакомства: с капитаном первого ранга Алваро Паин Фильо (Álvaro Paim Filho) и лейтенантом Mário Alfonso Maurício. Первый — высокий, видный, с манерами дипломата, по-русски не научился даже поздороваться. Зато Марио (учившийся русскому языку и до Морской школы) достиг замечательных успехов» (*Cat.* P. 29). «Капитан Алваро Паин Фильо <...> в пору моего с ним знакомства (1968) очаровал меня своим романтическим доколумбовским званием: *capitão de mar e guetta* [*порт.* капитан моря и войны]» (*Cat.* P. 32). См. также стихотворение «Орхидея» и примеч. к нему (с. 244, 572).

Не памятник. С. 1977. № 33–34, в статье Перелешина «Памятник Горация» о русских переводах этого стихотворения. — *ТР*.

«**Трепет латинского паруса...**». Тито де Баррос (1878–1946), Олаво Билак (1865–1918), Сесилия Мейрелес (1901–1964) — бразильские поэты. Переводы из последних двух Перелешин включил в антологию «Южный крест».

Глаза. *РМ.* 1973. № 2935, 22 февр. — *ТР*.

Необычайный день. *НРС.* 1975, 10 мая. — *ДиЗ.* 1976. — *ТР*.

В Рио де Жанейро. *Кариока* — выходец из штата Рио-де-Жанейро, *капишаба* — выходец из штата Эспириту-Санту.

Остров Пакетá. С. 1977. № 33–34. — *ТР.* *Остров Пакетá* расположен в заливе Гуанабара. *Отец Кирилл* — Кирилл Васильевич Фотиев (1928–1990), церковный и общественный деятель, протоиерей Православной Церкви в Америке. «В июле здесь был по церковным

делаем безбрачный протоиерей о. Кирилл Фотиев (когда-то очень успешно рецензировавший мою “Качель”). Бывал он у нас очень часто. В субботу 25-го июля я возил его на остров Пакетá (и накануне возник у меня сонет об этом еще только предполагавшемся событии)» (письмо П. Лапикену от 13 октября 1976). *Здесь движутся по улицам коляски...* — на острове запрещен автомобильный транспорт, дороги не асфальтированы.

К разрыву. «Живу я в квартире № 802. Чуть дальше вглубь по коридору в квартире № 805 живут четыре студента, будущие инженеры. В лифте я перезнакомился со всеми, но крепко увлекся только одним — Пауло (тут и красота, и приветливость, и много других привлекательных качеств). Словом, стал я писать для этого юноши сонеты по-португальски — иногда параллельные моим русским сонетам, иногда вовсе независимые. Всё написанное давал Умберто на прочтение и получал от него полезнейшие указания. Не все сонеты написаны о Пауло или к Пауло, ибо “бегеттеры” [от *англ.* *begetter* — вдохновитель] были и другие, но, когда Умберто прочел сонет “К Пауло”, он сказал: “Вовсе не к Пауло этот сонет, а к вашему московскому другу» (письмо Е. Витковскому от 6 июля 1979). О каком сонете идет речь, неясно. См. также примеч. к стихотворению «Вслед» (т. 2, кн. 2, с. 409).

Ресифе ночью. Жоакин Кардозо (1897–1978) — «Единственный крупный бразильский поэт, который удостоил меня своей дружбы. Одно время учился у меня китайскому языку (и в “*Colegio da Manhã*” был напечатан его перевод стихотворения “Трое” Ли Бо — мой перевод на русский язык вошел в “Стихи на веере”)» (*Cat.* P. 110). Свои переводы из Кардозо Перелешин включил в антологию «Южный крест».

Мите. *Митя* — Дмитрий Эйсер (1962–2017), сын поэта и писателя Алексея Владимировича Эйсера (1905–1984). Перелешин знал о нем со слов Е. Витковского, однако с Эйсерами не был знаком даже по переписке.

24-ое июля 1979 года. *НЖ.* 1979. № 136. — *ТР.*

В Конгоньяс до Кампо. *Вс.* 1983, с подзагол. «На мотивы Алексиса Раннита» и примеч.: «Город в Бразилии, который эстонский поэт посетил в 1979 году, описав его в своих письмах г. Валерию Перелешину». — *ТР.* Главная достопримечательность исторического города Конгоньяс-до-Кампо (штат Минас-Жерайс), включенная в список Всемирного наследия, — базилика Сантуарио-ду-Бон-Жезус-ду-Матосиньос, которую окружают двенадцать скульптурных изображений ветхозаветных пророков из мыльного камня работы Антонио Лисбоа (Алейжадиньо).

ИЗЪ ГЛУБИНЫ ВОЗВЗАХЪ...

*Одиннадцатый сборник стихотворений
(Холиок, 1987)*

Полный состав сборника см. в приложении.
Предисловие «От автора»:

«Изъ глубины воззвахъ к Тебѣ, Господи! Господи, услыши гласъ мой» — этими словами открывается латинский псалом покаяния 129-ый. Но и много раньше теми же словами взывал к Богу пророк Иона (1:4), но и много позже звучали они вздохом сокрушенного и смиренного сердца у пылкого, легкомысленного Бенвенуто Челлини, у мастера парадокса изысканного гедониста Оскара Уайльда и у бесчисленного множества мыслителей, поэтов, живописцев и ничем не выдающихся обывателей, которых острые углы окружающей действительности ранили и понуждали устремлять взор к міру метафизическому.

Не случайно линия поисков соприкосновения с міром запредельным впервые зазвучала в моем первом значительном стихотворении «Вечный Рим», возникшем у меня, когда мне было девятнадцать лет. Остались эти поиски и на все последующие годы. Принимали они разные формы от почти совершенной догматической чистоты до богоборчества, от веры до неверия со всеми промежуточными этапами сомнений, скептицизма, уклона то в гностицизм, то в буддизм, от «Крестного Пути» до почти шутового «Апокрифа». Важно, что философская и христианская проблематика всегда меня волновала и, если не избегать затасканного словоупотребления, вдохновляла.

Несколько слов о составе книги. В нее я включаю все религиозные стихи, вошедшие в давно исчезнувшие сборники, изданные еще в Харбине ничтожным тиражом: «В пути», «Добрый улей», «Звезда над морем» и «Жертва», а из более «молодых» входившие в «Качель», а также напечатанные в журналах и газетах или вовсе не бывшие в печати. Стихи, сложившиеся в том же ключе и вошедшие в «Южный Дом», «Заповедник» и «С горы Нево», еще имеющиеся в продаже, в книге «Изъ глубины воззвахъ...» не повторяются.

*13 июля 1987 года
Рио-де-Жанейро*

Валерий Перелешин

Дарственная надпись Е. Витковскому: «Дорогому Евгению В.В. в знак признательности за превосходную статью в "М<осковском> Л<итераторе>". Книга эта Вам не созвучна, но я надеюсь, что в ней найдутся и чисто поэтические достоинства. ВП. 17 октября 1988 года.

Р. де Ж.» (Собрание Л.М. Турчинского); имеется в виду публикация в номере газеты «Московский литератор» от 17 июня 1988 г. (подробнее см. в очерке Е. Витковского — т. 2, кн. 2, с. 396).

Святая Тереза. Р. 1937. № 9, 27 февр. — *ИГВ. Святая Тереза* — Тереза из Лизьё (1873–1897), кармелитская монахиня, канонизирована в 1925 г.; ее автобиографический труд «История одной души», изданный через год после ее смерти, имел огромный успех.

Вечер. В *ИГВ* ошибочно указано, что стихотворение входило в К. В ст. 9 очевидная опечатка: «спуститесь»; исправлено по автографу.

Археолог. В ст. 5 очевидная опечатка: «на» вм. «по»; исправлено по автографу.

Парусия. *Парусия* — обещанное пришествие Христа по окончании судьбы мира.

Земное в небесном. «Не так давно, когда писем от Вас долго не было, я написал Иваску, что “Женя, как тема, умирает, хотя умирание темы — это тоже тема”. От этих слов он пришел в несказуемое восхищение <...>. Теперь он снова заболел “Пекином”. И носит с собою посвященное ему довольно протяжное стихотворение “Земное в небесном”, которое я написал тоже по поводу его поэмы “Играющий человек”. Кстати, поэму он печатает в “Возрождении” с подстрочными сносками, в которых частенько узнаю собственные суждения! Но это очень мило» (письмо Е. Витковскому от 28 мая 1973).

В роще. *НЖ*. 1988. № 170. — *ИГВ*.

Судье. В *ИГВ* опечатка в заглавии: «Судьбе».

Крестonosец. *НРС*. 1974, 1 июля. — *ИГВ*.

Благодарение. *Эпиграф* — из стихотворения «К Психее» (1920).

Никодим. *РМ*. 1977, 8 сент. — *ИГВ*.

Путь. *От.* — *ИГВ*.

Сон. В *ИГВ* с ошибкой в дате: 10 июня. Обстоятельства, описанные в стихотворении, не прояснены. “*O Litwo, ojczyzno moja!*” — фрагмент первой ст. эпической поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш» (1834). “*Pan Murek zredukowany*” (точнее: *Doktor Murek zredukowany*) — повесть (1936) польского писателя Тадеуша Долленга-Мостовича (1898–1939). *Пред самым избраньем Пия / Двенадцатого* — кардинал Эудженио Пачелли был избран римским папой с именем Пий XII 2 марта 1939 г.

Папа Иоанн Павел II в Рио де Жанейро. *НЖ*. 1980. № 140. — *ИГВ*, с ошибкой в дате: 11 июня. Первый пастырский визит папы Иоанна Павла II (1920–2005) в Бразилию, в т.ч. и в Рио-де-Жанейро, длился с 30 июня по 12 июля 1980.

Апокриф. “*A Vida Conta*” (1980) — книга, написанная в технике психологии известным бразильским медиумом Шикку Шавьером (1910–2002) от имени некоей Марии Долорес.

Молитва за Польшу. НЖ. 1982. № 146. — ИГВ. 13 декабря 1981 на территории Польши, в условиях экономического кризиса и нарастания антикоммунистических настроений, было введено военное положение, длившееся до июля 1983. *Вопреки четырем разделам...* — первые три раздела Речи Посполитой (польско-литовского государства) имели место в XVIII в. (1772, 1793, 1795 гг.) между Прусским королевством, Российской империей и Австрийской монархией; воссозданное в 1918 г. независимое польское государство было вновь разделено в 1939 г. между Германией и СССР.

В раю и в аду. НЖ. 1984. № 155. — ИГВ.

Ave Roma. НЖ. 1985. № 159. — ИГВ.

Как хорошо. НЖ. 1985. № 159. — ИГВ.

Из глубин. НЖ. 1990. № 180. — ИГВ.

ДВОЕ — И СНОВА ОДИН?

*Двенадцатый сборник стихотворений
(Холиок, 1987)*

Дарственная надпись на экз. из собрания Е. Витковского: «Дорогой Евгений Владимирович, примите в дар и эту весьма неблагодарную книжицу — “из песни слова не выкинешь”, а это — не просто эпизод, а целая глава моего жизнеописания. Валерий Перелешин. Рио де Жанейро, 17.X.1988 г.» Дарственная надпись на экз. из собрания Л. Турчинского: «Л.М.Т. — щедедушная книжка — по линии Кузмина — быть может, достойная занять место в его коллекции. В.П. 8-го сентября 1989 г. Р. де Ж.».

Посвящение. Вс. 1983; две последние строфы. — *ДиСО. Дарю тебе прозрачный псевдоним...* — Роберто.

Отчаяние. Пер. 1980. — *ДиСО*.

За семьдесят. ТР. — *ДиСО. Роберто* — в тексте ТР имя Умберто сохраняется.

О ревности. В *ДиСО* с ошибкой в дате: 23 ноября.

Близнецы. ИГВ, с посвящ. Н.М.Р. — *ДиСО*; опечатка — дата: 1984.

К забвению. «Ты превращен в мое воспоминанье» — последний ст. стихотворения А. Ахматовой «Как белый камень в глубине колодца...» (1916) из сб. «Белая стая».

Как аукнется... *Согласен он с пробойнейшей Анитой / Брай... или Брэй...* — имеется в виду американская певица Анита Брайант (р. 1940), в конце 1970-х гг. резко выступавшая против движения за права человека в отношении гомосексуалов.

В Жакарепагуа. *Жакарепагуа* — четвертое по величине предместье Рио-де-Жанейро. *Дом жакарепагуанский* — Дом-Убежище Артистов, куда Перелешин переехал от своего брата Виктора 4 февраля 1981 г. и где оставался до конца жизни.

Пленнику. *Эпиграф* — из стихотворения “Doch die Kastraten klagten...” в переводе А. Н. Майкова (точнее: «Чувства в дивных их звуках / Было столько, что вокруг / В истерических муках / Выносили старух»).

ВДОГОНКУ

Тринадцатый сборник стихотворений
(Холиоок, 1988)

Текст предисловия «От автора»:

В августе истекшего 1987 года почти одновременно вышли мои книги стихотворений: десятая «Три родины» в Париже и одиннадцатая «Изъ глубины воззвахъ» и двенадцатая «Двое — и снова один?» в Холиоке штата Массачусетс в США. Пока эти книги печатались, не переставали возникать и новые стихи — преимущественно на темы двенадцатой книги.

На редкость плодотворным был октябрь: боль не загонялась внутрь, не оседала в копилке жизненного опыта, а превращалась в поэтические зарисовки тотчас же. В одни сутки возникло семь сонетов, в другой вечер — четыре. Теперь боль только от вынужденной разлуки, и можно спокойно подвести итоги. К накопившимся стихотворениям я добавил несколько более старых, с Роберто не связанных, — это как бы вступление.

Принято бояться числа тринадцать. А я скорее им горжусь: тринадцать книг издал, — значит, не впустую жизнь прожил. Итак, пусть книга будет тринадцатой, сестрой-близнецом двенадцатой, — с тем, что, если буду жив, следующей — четырнадцатой — будет не тетрадошка, а полноценная книга «Изгнание в плоть».

2-го марта 1988 года
Рио де Жанейро

Валерий Перелешин

Дарственная надпись на экз. из собрания Е. Витковского: «Дорогой Евгений Владимирович (твердый знак вылезает без приглашения, простите): эта книжица — сестра близница двенадцатой, завершение истории моей большой любви, заполнившей семилетний перерыв в более целомудренном “романе с призраком” (хотя здесь и не было

романа, но он мог быть)». Ему же: «Дорогому Ариэлю — еще одна стрела, пускаемая вдогонку прошедшему. Ситуация не новая: тут не “Роберто” (“прозрачный псевдоним”), а испокон веков старое, оставляемой <так!> ради нового. Валерий Перелешин. Рио де Жанейро. 11 сентября 1988 года» (Собрание Л.М. Турчинского).

Эпиграф — из ст-ния «Гиацинтом, левкоем...» (сб. «Композиция», 1972).

Судьба. Посвящение — неустановленное лицо. *И велено законами Левита / Ослушников камнями побивать.* — «Если кто ляжет с женщиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость: да будут преданы смерти, кровь их на них» (Лев. 20:13).

«**Наука страсти нежной**». *Заглавие* — из романа в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина (гл. 1, строфа VIII).

О распаде. ИГВ. — Вд.

Крест и меч. *И вспоминать Париж, Ренэ Герра?* — в Париже у Ренэ Герра Перелешин побывал в первой половине июня 1986.

Покаянное. *Кампо-Гранде* — самый большой жилой район (баирро) в Рио-де-Жанейро; расположен в западной зоне. *Саира* — в Бразилии разговорное название различных видов птиц из рода настоящие танагры. ...перевод / *О Мессинге* — вероятно, речь идет о псевдомемуарной книге Вольфа Мессинга «О самом себе» (М., 1965), присланной Перелешину кем-то из СССР.

Встреча. *Эпиграф* — из ст-ния «О, чудный час, когда душа вольна...» (1917).

Не там искал! Иеманжа (Йемайя) — в кандомбле великая богиня плодородия, покровительница рожениц.

Криптогамия. *Заглавие* — от названия группы растений, не имеющих цветков: криптогамы (тайнобрачные растения).

Возрасты. «*Желто-серый, полуседой*» — парафраз ст-ния В. Ходасевича «Перед зеркалом» (1924): «Разве мама любила такого, / *Желто-серого, полуседого / и всезнающего, как змея?*»

«**Спиритизм**». *Бабалориша (йоруба: отец святого)* — в кандомбле верховный жрец мужского пола. Какой смысл вкладывал в это слово Перелешин — неясно.

Двойственному. В Вд с ошибкой в дате: 19 октября.

В опасности. В Вд опечатка — ст. 6: «Мы» вм. «Мне».

Игры. Ст. 1 сонета II печ. с учетом авт. правки в экз. из собрания Е. Витковского (в тексте Вд: «Я избрал еще до парты школьной»).

Автомобиль. В Вд опечатка — ст. 14: «побег» вм. «пробег». *Андарай* — город и муниципалитет в штате Баия, к северу от Рио-де-Жанейро. *Бенфика, Каскадура* — пригороды Рио-де-Жанейро.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Состав авторских сборников, представленных в настоящем издании не полностью¹

ТРИ РОДИНЫ

Рок	26	Расплата	83
Лето	15	Птицы	84
К Люсьену Летинуа	17	Страшный суд	86
«Под шляпы – от света...»	20	Картина	85
Галлиполийцы	21	Предел	99
Стрекозы	25	Дикая яблоня	87
Arg longa	24	Учитель	88
Избрание	34	Мой гороскоп	89
Элегия	34	Возвращение	100
Рассвет	31	Жертва	109
Разговор	32	Выбор	102
«Защита Лужина»	33	Пропасть	104
Наставление	35	Утро	103
Ночное	28	Ученику	105
Прощание с музой	51	Элегия	107
Ловец	60	Китай	106
Бессмертие	52	Иной путь	110
Над гробом	58	Небо	110
Призвание	59	Алхимия	111
Смерть поэта	61	Бездна	113
Моя мечта	73	Le mal invincible	115
Утешение	63	Мрамор	124
Вторая скорбь	65	На середине моста	114
Молитва	67	Не грусти	114
Надежда	74	Сердце	117
К Польше	77	Хуцинь	119
Гомункул	78	Ветер	118
Бессмертие	81	В Шаньхайгуане	121
Счастье	76	Ностальгия	118
Поездка в Дун-Лин	80	Весна	120
Предсказание	79	В полнолуние	122

¹ Подробнее см. в примеч. к соответствующим разделам (с. 581, 586).

ИЗЪ ГЛУБИНЫ ВОЗВРАХЪ...

Вечный Рим	9	Парусия	447
Боль	171	Искушение хлебом	447
Беглец	56	Притча	448
Ловец	60	Предопределение	449
Конец странствия	59	Земное в небесном	449
Над гробом	58	К обходу	450
Призвание	59	К ответу	451
Святая Тереза	441	Карантин	451
Утешение	63	Gratia plena	452
Молитва	67	Рыбарь	453
Мукденский собор	82	Свобода	453
Оправдание	176	В роще	454
Мозаика	160	Судье	454
Пустыня	159	Крестоносец	455
Колокол	183	«Слава Тебе, провожающему в ночи...»	456
Ангелы	164	Упорство	456
Fons salutis	180	Благодарение	457
Богородица Скорбей	174	Смех	457
Extasis	184	Никодим	458
Озеро любви	168	Путь	459
Молитва верных	182	В бенедиктинской церкви	459
Пеликан	188	Назад к святые	460
Беседа с Богом	167	Английский сонет	461
Корковадо	187	Луч	462
Вечер	443	Сон	462
Утро смерти	185	Папа Иоанн Павел II в Рио де Жанейро	464
Пирамида	157	Апокриф	464
Утром	166	Молитва за Польшу	468
Дождь	162	Великий инквизитор	469
После заката	184	Проповедь	469
Радуга	161	В раю и в аду	470
Подвиг	181	Ave Roma	471
Ловцы	162	Близнецы	337
Святой Георгий	172	Как хорошо	472
Карнавал	159	Размышление	472
В начале	178	О распаде	500
Слепорожденный	176	На свободе	473
Заупокойный канон	189	За пределом	473
Отроки эфесские	443	Из глубин	474
Костры	444	Поэма о мироздании	195
Археолог	445	Крестный Путь	211
Молитва	446		
Гордыня	446		

СОДЕРЖАНИЕ

В ПУТИ

1932–1937. (Харбин, 1937)

Вечный Рим	9
Комедия любви	10
«На перекрестках у витрин...»	11
«Мы согреваемся огнем...»	12
«Заботы о насущном хлебе...»	12
«Блаженны, кто стареют понемногу...»	13
Сирень	14
Прозрение	14
Лето	15
В театре	16
К Люсьену Летинуа	17
Мед	18
Первый любовник	19
«Под шляпы — от света...»	20
Сердца	20
Галлиполийцы	21
Сандрильона	22
«Мудрею. Старею. И даже во сне не летаю...»	23
Ars longa	24
«Живешь среди страны чернильной...»	24
Стрекозы	25
Рок	26
Ночное	28
Арахнея	29
Соблазн	30
Рассвет	31
Разговор	32
«Защита Лужина»	33
Элегия	34
Избрание	34
Наставление	35
У случайного берега	36
«Ты совсем как на сцене, когда подступает развязка...»	37
«Говоришь им, лишенным слуха...»	38
Совершенство	38
Вещи	40
Перед любовью	40
У порога	41

СОДЕРЖАНИЕ

Гекзаметры	42
Незабудка	43
Иноку	44
Отповедь	45
На склоне	46

ДОБРЫЙ УЛЕЙ.

Вторая книга стихотворений. (Харбин, 1939)

Мы	49
«Не плакать о сердце своем...»	50
Двойник	50
Прощание с музой	51
Бессмертие	52
Две руки	53
Добрый улей	54
Над еврейской библией	54
Зимняя песенка	55
Беглец	56
Над гробом	58
Призвание	59
Конец странствия	59
Ловец	60
Смерть поэта	61
Мудрость	62
Утешение	63
Из китайской поэзии	64
Предчувствия	64
Вторая скорбь	65
Раздумье	66
Беседа в дороге	66
Молитва	67

ЗВЕЗДА НАД МОРЕМ.

Третья книга стихотворений. (Харбин, 1941)

Отчаяние	71
Осенью	72
Моя мечта	73
Надежда	74
Скупое сердце	75
Слова. Из Эллы В. Вилькокс	75
Непобежденный. Из Эллы В. Вилькокс	76
Счастье	76

К Польше	77
Гомункул	78
Предсказание	79
Поездка в Дунлин	80
Бессмертие	81
Мукденский собор	82
Расплата	83
Птицы	84
Картина	85
Страшный суд	86
Томление	87
Дикая яблоня	87
Учитель	88
Мой гороскоп	89

ЖЕРТВА.

Четвертая книга стихотворений. (Харбин, 1944)

Радонежская сказка	93
Отплата	95
Всходы. Из Эллы В. Вилькокс	96
Вдохновение. Из Эллы В. Вилькокс	97
Ниобея	98
Предел	99
Искушение	99
Возвращение	100
Майя	101
Выбор	102
Утро	103
Пропасть	104
К той, что крылата	104
Ученику	105
Китай	106
25 ноября 1942 года	107
Элегия	107
Слезы	108
Жертва	109
Иной путь	110
Небо	110
Алхимия	111
Лилит	112
Бездна	113
Не грусти	114
На середине моста	114
Le mal invincible	115

СОДЕРЖАНИЕ

Чжунхай	116
Сердце	117
Ностальгия	118
Ветер	118
Хуцинь	119
Вид на Пекин из Би-Юнь-Сы	120
Весна	120
В Шаньхайгуане	121
В полнолуние	122
При получении стихов Гумилева	123
Мрамор	124

ЮЖНЫЙ ДОМ.

Пятая книга стихотворений. (Мюнхен, 1968)

Поэт	127
Весна	127
Сочельник	128
Уговор	129
Возмездие	130
Об одном сердце	131
Зевота	132
Муравейник	132
Последний лотос	133
Россия	134
Озеро	135
В разлуке	136
Издали	136
Южный ветер	137
Заблудившийся аргонавт	138
Ночь на Сиху	140
Неизбежное	141
Музыка	142
Красные листья под инеем	143
Другу	144
Усталым	144
Хусиньтин	146
Север	147
Сигарета	148
Сянтаньчэн	149
Из слышанного	150
Издалика	150
Два союза	151
Кошка	152
Утешение	152
Искатель	154

КАЧЕЛЬ.*Шестая книга стихотворений. (Франкфурт-на-Майне, 1971)*

Раскаяние	157
Пирамида	157
Карнавал	159
Пустыня	159
Мозаика	160
Радуга	161
Ловцы	162
Дождь	162
Феникс	163
Триолет	164
Quinta da boa vista	164
Ангелы	164
Молитвы	166
Утром	166
Беседа с Богом	167
Озеро любви	168
Борьба	168
Молитва	169
Химера	169
Звезды	170
Боль	171
Святой Георгий	172
Совесть	172
Учителю	173
Богородица Скорбей	174
Имя	175
Оправдание	176
Слепорожденный	176
«Я знаю все ее приметы...» <i>И.Т. Орловой</i>	177
В начале	178
«Нам солнце заслоняют крыши...»	178
Раненый король	179
Fons salutis	180
Подвиг	181
Новогоднее. <i>Из Иманта Зиедониса</i>	181
Молитва верных	182
Колокол	183
После заката	184
Extasis	184
Утро смерти	185
Тишина	186
Корковадо	187
Пеликан	188

СОДЕРЖАНИЕ

Заупокойный канон	189
Валаам	191
Поэма о міроздании	195
Крестный Путь. Венок сонетов	211

ЗАПОВЕДНИК.

Седьмая книга стихотворений. (Франкфурт-на-Майне, 1972)

Заповедник	221
Бразильская весна	222
Перстень	223
Моль	223
Ангельский язык	224
Верховья	224
Певец	225
Воздух	226
Точильщик	226
Прощание	227
Раскаяние	228
В день рождения	228
Колокольный звон из России	229
Паруса	229
Кольца	230
Устрица	231
Наитье	231
Николин день	232
Энтомолог	232
Поздний вечер	233
Зеркало	233
Бразилия	234
Боль	235
Алейжадиньо	235
Ученик	236
Второе зреньё	237
Муха	237
На башне	238
Пожар	239
Маскотты	240
Вячеслав Иванов	240
Города	241
Напоминание	242
Мы плетем кружева	242
Холодная ночь	243
Орхидея	244
Идиллия	244
«Равнина»	246

Шахматы	246
Ветреная ночь	247
Дом	248
Халат	249
Золушка	249
Цесаревич Алексей Петрович	250
На далекой параллели	251
Камя	251
Туман	252
Эволюция	253
Озеро	254
Подорожник	254
S. O. S.	255
Витраж	255
Шелковичный червь	256
Творчество	256
Три картины Марии Маргариды де Лима Соутелло	257
I. Руки	257
II. <i>Berceuse de l'enfant mort</i>	257
III. <i>Девочки-соседки</i>	257
Спор	258
Дым	259
Улитка	260
Эпигоны	260
Стройка	261
Ремесло	262
Экран	262
Китайское поверье	263
Музыка	263
Ванька-встанька	265
День	266
Нелюдим	267
СССР	268

С ГОРЫ НЕВО.

Восьмая книга стихотворений. (Франкфурт-на-Майне, 1975)

Родина	271
Равнина	271
«Ангара, снегопад, рекостав...»	272
Урок	272
Карусель	273
Стыд	274
Первое мая	274
«Никакого отечества!..»	275
Образец	275

СОДЕРЖАНИЕ

Слепой	276
Возвращение	276
В разные стороны	277
Рай	278
Оком Кассандры	279
Пекин	279
Изгнанник	280
Коринне Псамян	281
Сотый	281
Оглядка	282
Гостя	283
Ответ	284
Подкидная судьба	284
Полустанок	285
Сыновья	285
Вариация на тему	286
Блудный сын	286
Конь	287
Обратный сонет	287
В начале запоя	288
<i>Дележ. Из Шиллера</i>	289
Первое или тринадцатое?	289
Возвращенцу	290
Изгой	291
Сон	291
Вороны	292
Жребий	293
Разлад	293
Моим переводчикам I	294
Моим переводчикам II	294
Профсоюз	295
Две музы	296
Изгой	297
Непоследовательность	297
Девиз	298
Родинка	299
Возвращение	299
В зоологическом саду	300
Кругозор	300
«За свечой — в тени — Засвечье...»	301
Зов	301
Три Родины	302
При получении сонетов из России	303
Емшан	303
Письмо в Россию	304
Рай на земле	304

Судьбы	305
По глобусу	306
В 2040-м году	307
С горы Нево	308

АРИЭЛЬ.

Девятая книга стихотворений. (Франкфурт-на-Майне, 1976)

Акrostих	311
При получении «Океана»	311
Мы	312
Двое	312
День и ночь I	313
День и ночь II	314
Параллели	314
Томление	315
Издадека	315
Далекому	316
Признание	317
Слово Аристофана	317
Степени	318
Хрустальный шар	319
Долгожданное письмо	319
Автобиография	320
Обещание	320
О грехе	321
Гигант	322
Женя	322
Червонный туз	323
Суд	323
Без маски	324
Бред	325
Последняя игра	325
Солнце Гаваона	326
Крапивница	326
«Вопреки всему»	327
Времена	328
Исцеление	328
Алкивиад	329
Достойному	329
Статуя	330
Бессмертие	331
Переживи	331
Соблазн	332
При посылке «звена»	332
Нарцисс	333

СОДЕРЖАНИЕ

Читая Константина Леонтьева	334
Улов	334
Конец боя.	335
Good-bye!	335
Рождение духа.	336
Близнецы	337
Пан.	337
В раю	338
Больному	339
Желанная встреча.	339
Бразильский Ариэль	340
В Бразилии	340
Незримому	341
Совпадения.	342
Непобежденный.	342
Сны	343
Письмо издалека	343
При получении сонетов Камюэнса	344
Меры	345
Призыв	345
Поддавки	346
Крест	346
Заблудшему	347
Врач	348
Пятно	348
Голубиная почта	349
Чернокнижники	349
Сонет собачий	350
В разлуке	351
Самарянин	351
В одном лице.	352
Щенок	353
Безумие	353
Собирателю писем	354
Не для печати	354
Отречение	355
Юноша в порту	356
Болемер	356
Король	357
Юному поэту.	357
Недосмотр	358
Скопидом	359
Дерево.	359
На этот раз	360
Вурдалак	360
Букварь	361

Совесьть	362
Дух — духу	362
Назорей I	363
Назорей II	363
Любимость	364
Маленькому Вадиму	365
Поэт-лауреат	365
Комета Когутека	366
Земля и море	366
Рознь	367
Воздаяние	368
Кровинка	368
«Ка»	369
Человеку	369
Одиночество	370
Поводырю	371
Корь	371
Февраль	372
Будущему отцу	372
Колдовство	373
Лезвие	374
Портрет	374
Письмо I	375
Письмо II	375
До тридцати	376
Под вечер	377
Птицеловы	377
Валерию второму	378
После эпилога	378
Приглашение в рай	379
Предупреждение	380
Память	380
Большому	381
Людоед	381
Весна	382
Новоселье	383
De profundis	383
Выставка зеркал	384
Прощение	384
Призвание	385
Перечитывая Гумилева	386
Не ревность	387
Женатому другу	387
Английский сонет	388
Фотографическая карточка	389
Племенной сонет	389

СОДЕРЖАНИЕ

Справка	390
Сонет обиды	390
Едва знакомому	391
Вслепую	392
Признание в любви	392
Английский сонет	393
Мой сонет	394
Сосуды	394
Неудача	395
Переезд	395
Призраки	396
Смерть вымысла	397
Чижик	397
Творец	398
Акrostих	398
Блудники	399
Жены	400
Не первый раз	400
Верность в неверности	401
В разлуке	402
Клин	403
Счет	404
Звено. <i>Венок сонетов</i>	405

ТРИ РОДИНЫ.

Десятая книга стихотворений. (Париж, 1987)

Зной	415
Песенка	415
Дом маркизы де Сантос	416
Pedra da Gávea	416
Карнавал	417
Петрополис	417
Новый год в Бразилии	418
Новена	418
В ботаническом саду	420
Смерть орхидеи	420
«Кто сказал — от большого ума...»	421
Не памятник	421
«Трепет латинского паруса...»	422
Михаилу Сергеевичу Рокотову	423
Глаза	423
Карнавал	424
Необычайный день	425
В Рио де Жанейро	425
Остров Пакетá	426

Сеарийцу	427
Не элегия	427
Ростовщик	428
К разрыву	429
Ребенок назван в мою честь	429
Ресифе ночью. <i>Из Жоакина Кардозо.</i>	430
Мите	431
В больнице	432
Пустой вечер	432
24-ое июля 1979 года	433
В Конгоньяс до Кампо	434
Метка Алейжадиньо	434
На ферме у Рио Досе	435
В Бразилии	436
Гражданин Мира?	437
В преддверьи	437
Снова демократия!	438

ИЗЪ ГЛУБИНЫ ВОЗВРАХЪ...

Одиннадцатый сборник стихотворений. (Холиок, 1987)

Святая Тереза	441
Вечер	443
Отроки эфесские	443
Костры	444
Археолог	445
Молитва	446
Гордыня	446
Парусия	447
Искушение хлебом	447
Притча	448
Предопределение	449
Земное в небесном	449
К обходу	450
К ответу	451
Карантин	451
Gratia plena	452
Рыбарь	453
Свобода	453
В роще	454
Судье	454
Крестоносец	455
«Слава Тебе, провожающему в ночи...»	456
Упорство	456
Благодарение	457
Смех	457

СОДЕРЖАНИЕ

Никодим	458
Путь	459
В бенедиктинской церкви	459
Назад к святыне	460
Английский сонет	461
Луч	462
Сон	462
Папа Иоанн Павел II в Рио-де-Жанейро	464
Апокриф	464
Молитва за Польшу	468
Великий инквизитор	469
Проповедь	469
В раю и в аду	470
Ave Roma	471
Как хорошо	472
Размышление	472
На свободе	473
За пределом	473
Из глубин	474

ДВОЕ – И СНОВА ОДИН?

Двенадцатый сборник стихотворений. (Холиок, 1987)

Посвящение	477
Мечты	477
Отчаяние	478
Ваятелю	479
Не без горечи	479
За семьдесят	480
Мы разные	481
Душа или маска?	482
В раздражении	483
Разрыв	484
О ревности	484
Близнецы	485
За полночь	485
Memento visionem	486
Три ступени	487
Вещь в себе	487
Рондо без повода	488
Иных друзей	488
К забвению	489
Как аукнется...	490
Еще о потере	490
От вечности	491
В Жакарепауга	492

Сумел бы	493
Между двоими	494
Пленнику	494
Размолвка	496

ВДОГОНКУ.

Тринадцатый сборник стихотворений. (Холиок, 1988)

Судьба	499
«Наука страсти нежной»	499
О распаде	500
Сон не идет	500
Крест и меч	501
«Мы по-английски бранились...»	502
Должнику	502
Венеция в Пекине	503
Черви	503
Троесловие	504
Покаянное	506
Встреча	507
Не там искал!	508
Танец на месте	508
Сталактит	509
Двойное разочарование	509
Криптогамия	510
Возрасты	511
Забывчивому	512
«Спиритизм»	512
Попытка примирения	513
Завидую	514
Помощь	514
Ночь любви	515
Концы	515
Двойственному	516
Спортивное	517
Некромантия	517
В опасности	518
Игры	519
Поиски	521
Автомобиль	522
Тягаться ли?	523
Наизусть	524

<i>Ли Мэн. Валерий Перелешин и его Китай</i>	525
Примечания	553

Золотой СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

ВАЛЕРИЙ
ПЕРЕЛЕШИН

Три Родины

Генеральный директор А. С. Артеян
Ответственный редактор Е. В. Витковский
Корректор Р. В. Викторова
Художественное оформление Ф. Барбышев
Верстка А. П. Вардересян

Подписано в печать 24.08.2017 г.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Октавия».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2
Заказ № 4074

ООО «Престиж Бук»
111141, Москва, 1-й проезд Перова поля, д. 11 А
E-mail: artyr57@mail.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

12+

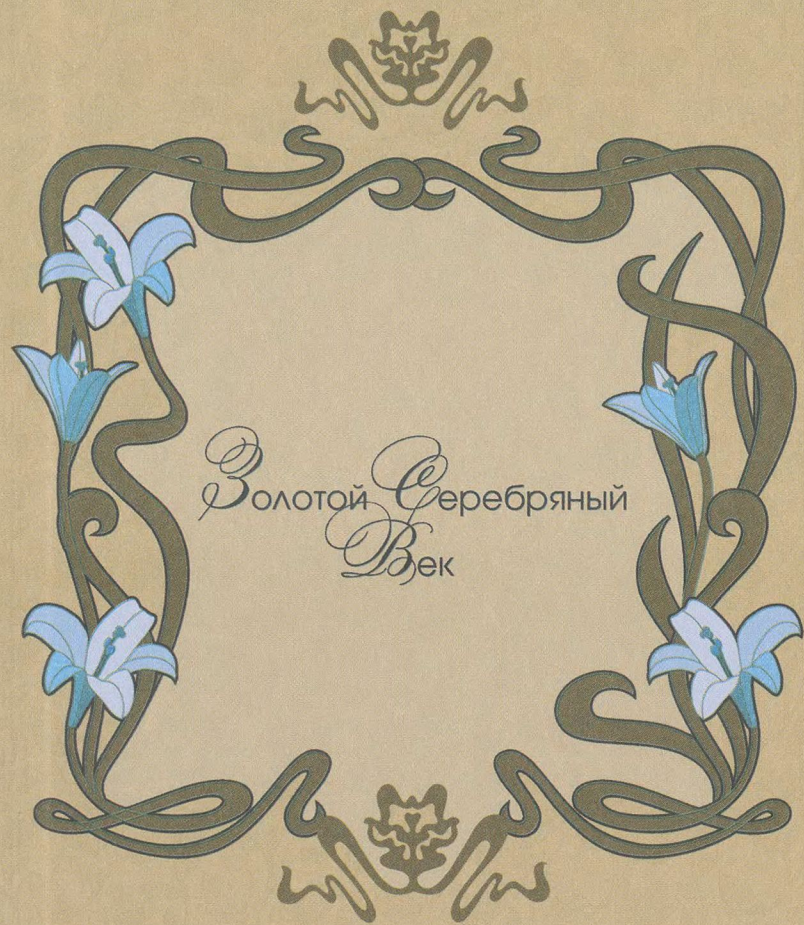
ISBN 978-5-371-00634-9

9 785371 006349 >

Золотой Серебряный
Век

Золотой Серебряный
Век

